

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 1, 2013
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р ист. наук *И. Ф. Попова*,
д-р фил. наук *М. И. Магомедов*

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,
канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*,
д-р с.-х. наук *Э. Б. Габунцина*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*,
канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова*,
д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных
исследований Российской академии наук, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Максимов К. Н.</i> Калмыки в геостратегических планах России XVII века	5
	<i>Бурчинова Л. С., Гиляшаева М. Н.</i> Обязательные отношения в калмыцких кочевьях накануне реформы 1892 г.	11
	<i>Лиджеева К. Ф.</i> Государственная политика в сфере образования в период советской модернизации 1920-х – 1930-х гг. (на материалах национальных районов юга России)	17
	<i>Кольцов П. М., Кольцова К. П.</i> Караван-сарай Таскешу как источник по изучению средневековых караванных путей на степных пространствах Евразии	22
	<i>Убушаев Е. Н.</i> Социальная деятельность Советского государства в 20-е гг. XX в. (на примере Калмыкии)	25
	<i>Джагаева О. А.</i> О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова	30
ЭТНОЛОГИЯ	<i>Айыжы Е. В., Конгу А. А.</i> Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований)	34
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Куканова В. В.</i> Лексикографическая интерпретация сложных слов (композигов) в калмыцком языке и их отражение в нормативных словарях	39
	<i>Харчевникова Р. П.</i> Сопоставительная характеристика типов побуждения в повелительном наклонении калмыцкого и русского языков	45
	<i>Мушаев В. Н., Мутаева З. Д.</i> Функционально-семантическое поле модальности в калмыцком языке (директивная модальность)	53
	<i>Балтырева И. А., Есенова Т. С.</i> К исследованию буддийских прецедентных имен-теонимов в калмыцкой лингвокультуре (на примере теонимов Дэрк и Окн-Теңгр)	57
	<i>Салынова О. В., Есенова Т. С.</i> О калмыцкой национально-прецедентной символике в русскоязычном рекламном дискурсе (на материале афиш)	61
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Ханинова Р. М.</i> Модификация темы Земли Обетованной в социокультурном ракурсе русской прозы 1920-х гг.	64
	<i>Вяткина Е. А.</i> Этнопозтика повести Елены Ган «Утбалла»	71
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Басангова Т. Г., Бурыкина А. А.</i> Новые ресурсы в фольклористике: опыт разработки и использования электронной библиотеки сказочных текстов	74
	<i>Убушиева Д. В.</i> О калмыцких народных песнях, записанных В. Л. Котвичем	78
ПЕДАГОГИКА	<i>Панькин А. Б.</i> Этнокультурные коннотации содержания образования: проект и принципы его реализации	81
	<i>Панькин А. Б., Шургучиев Х. Э.</i> Толерантность: проблемы определения критериев и признаков	87
	<i>Даржинова С. В.</i> К вопросу о поддержке субъектности в музейно-образовательной деятельности	95

	<i>Джалсанова С. С.</i> Формирование творческого мышления школьников на основе задачного подхода (на материале задач по генетике)	97
	<i>Эльдерова М. З.</i> Педагогическая поддержка учащихся в ходе занятий ковроткачеством	102
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Лиджеева К. В.</i> Правовая охрана географических указаний в Российской Федерации	105
	<i>Рубеко Г. Л.</i> К вопросу об изменении системы хозяйственных обществ в свете реформирования гражданского законодательства о юридических лицах	108
	<i>Ольдеева Д. А.</i> Уголовно-правовые меры противодействия террористическому акту: теоретический аспект	113
ЭКОНОМИКА	<i>Дорджиева О. Б.</i> Устойчивое развитие сельских территорий как системная проблема	117
	<i>Казакова Г. Я.</i> Приоритетные направления развития системы ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса	121
	<i>Муев Б. Б., Эвиева Б. Э., Муев Б. Д.</i> Резервы роста производства в отрасли животноводства (на примере ОАО «Сарпа» Республики Калмыкия)	126
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Намруева Л. В.</i> Социокультурное измерение модернизации в России	131
	<i>Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В.</i> Демографический и трудовой потенциалы населения Республики Калмыкия	136
ФИЛОСОФИЯ	<i>Усалко О. В.</i> О дихотомических свойствах разума (из истории европейской философской мысли)	143
	<i>Уланов М. С.</i> Буддийский фактор в транскультурном пространстве Юга России	146
	<i>Тюмидова М. Е.</i> Ментальность калмыцкого этноса как объект социально-философского исследования	150
	<i>Бадмаев В. Н., Сангаджиева Н. Н.</i> Межконфессиональный диалог: культурное измерение	154
ЭКОЛОГИЯ	<i>Кадаева А. Г.</i> К вопросу о качестве оросительных вод в Калмыкии	158
	<i>Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А.</i> Основные этапы комплексных экспедиций Калмыцкой степи	161
	<i>Габунщина Э. Б.</i> «Биосоциальная плата» населения Калмыкии за адаптацию к экстремальным условиям опустынивания	167
РЕЦЕНЗИИ	<i>Зорин А. В.</i> Рец. на: Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.	171
	<i>Дорджиев М. Э.</i> Рец. на: Босчаева З. Н., Босчаев С. Н. Формула малого предпринимательства как основы развития регионов. М.: Экономика, 2012. – 254 с.	173
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		175
АННОТАЦИИ		177
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		185

CONTENT

HISTORY	<i>Maksimov K.</i> Kalmyks in Geostrategic Plans of Russia of the 17 th Century.	5
	<i>Burchinova L., Giljashaeva M.</i> Obligatory Relations in Kalmyk Nomad Territories on the eve of Reform of 1892	11
	<i>Lidzheeva K.</i> State Policy in the Field of Education during the Period of Soviet Modernization of the 1920s — 1930s (on materials of national regions of Southern Russia)	17
	<i>Koltsov P., Koltsova K.</i> Taskeshu Caravan-serai as a Source for the Study of Medieval Caravan Routes to the Steppes of Eurasia	22
	<i>Ubushaev E.</i> Social activity of the Soviet state in the 20-ies of the XX century (on the example of Kalmykia)	25
	<i>Dzhagaeva O. A.</i> About Scientific and Pedagogical Activity of Professor N. N. Palmov	30
ETHNOLOGY	<i>Ayyzhy E., Kongu A.</i> Tuvan Tribal Groups of the Khovd Aimak of Mongolia at the Present Stage (on materials of field researches)	34
LINGUISTICS	<i>Kukanova V.</i> Lexicographical Interpretation of Compound Words (Composites) in the Kalmyk and their Reflection in the Normative Dictionaries	39
	<i>Kharchevnikova R.</i> Contrastive Characteristics of the Types of Commands in the Imperative Mood in the Kalmyk and Russian Languages.	45
	<i>Mushaev V., Mutaeva Z.</i> Functional-Semantic Field of a Modality in the Kalmyk Language (a directive modality).	53
	<i>Baltyreva I., Esenova T.</i> Towards the Research of Buddhist Precedent Names-teonims in Kalmyk Linguoculture (on the example of teonims Dyark and Okn-Tengr).	57
	<i>Salynova O., Esenova T.</i> About the Kalmyk National and Precedent Symbolics in a Russian-language Advertising Discourse (on the material of posters)	61
LITERATURE STUDIES	<i>Khaninova R.</i> Modification of the Theme of the Promised Land in the Sociocultural Perspective of Russian prose of 1920s.	64
	<i>Vyatkina E.</i> Ethnopoetics of Elena Gan's Novel «Utballa»	71
FOLKLORISTICS	<i>Basangova T., Burykin A.</i> New Resources in Folklore Studies: Experience of Creation and Using of Electronic Library of Fairy Tales Texts	74
	<i>Ubushieva D.</i> About the Kalmyk National Songs in V. L. Kotvich's record	78
PEDAGOGICAL STUDIES	<i>Pankin A.</i> Ethnocultural Connotation of the Content of Education: Project and Principles of its Realization	81
	<i>Pankin A., Shurguchiev Kh.</i> Tolerance: the Problems of Determining the Criteria and Characteristics	87
	<i>Darzhinova S.</i> Support of Subjectivity in the Museum and Educational Activities	95

	<i>Dzhalsanova S.</i> Formation of Creative Thinking of Pupils on the Base of Task Approach (on the material of the tasks in genetics)	97
	<i>Elderova M.</i> Pedagogical Support of Pupils during Lessons in Carpet Weaving	102
JURISPRUDENCE	<i>Lidzheeva K.</i> Legal Protection of Geographical Indications in the Russian Federation	105
	<i>Rubeko G.</i> On the question of Changing of the System of Business Entities in the Light of the Reforming of the Civil Law on Juridical Persons	108
	<i>Oldeeva D.</i> Criminal and Legal Measures of Counteraction to an Act of Terrorism: Theoretical Aspect	113
ECONOMICS	<i>Dordzhieva O.</i> Sustainable Development of Rural Areas as a Systemic Problem	117
	<i>Kazakova G.</i> Priority Directions of the Development of the System of Repairing, Trading and Technical Agroservice	121
	<i>Muev B., Evieva B., Muev B.</i> Reserves of Growth of Production in the Livestock Industry (on the example of OJSC «Sarpa» of the Republic of Kalmykia)	126
SOCIOLOGY	<i>Namrueva L.</i> Socio-Cultural Dimension of Modernization in Russia	131
	<i>Badmaeva N., Idzhaeva B.</i> Demographic and Employment Potentials of the Population of the Republic of Kalmykia	136
PHILOSOPHY	<i>Usalko O.</i> About Dichotomic Properties of Reason (from the history of European philosophical thinking)	143
	<i>Ulanov M.</i> The Buddhist Factor in Transcultural Space of the South Russia	146
	<i>Tyumidova M.</i> The Mentality of Kalmyk Ethnos as the Object of Social and Philosophical Research	150
	<i>Badmaev V., Sanganzhieva N.</i> Interconfessional Dialogue: a Cultural Dimension	154
ECOLOGY	<i>Kadayeva A.</i> Towards the Question of a Quality of Irrigation Water in Kalmykia	158
	<i>Tashninova L., Buvaev D.</i> Main Stages of Complex Expeditions of the Researches of Kalmyk Steppe	161
	<i>Gabunschina E.</i> «Biosocial Fee» of the Kalmyk Population for Adaptation to the Extreme Conditions of Desertification	167
REVIEWS	<i>Zorin A.</i> The review on: Muzraeva D. N. Buddhist Written Sources in Tibetan and Oirat Languages in the Collections of Kalmykia. Elista: «Dzhangar», 2012. 224 p.	171
	<i>Dordziev M.</i> The review on: Boschaeva Z.N., Boschaev S.N. Formula of Small Business as the Basis of the Development of the Regions. M: Economics, 2012. 254 p.	173
SCIENTIFIC LIFE		175
SUMMARIES		177
INFORMATION ABOUT AUTHORS		185

УДК 94(470.47)
ББК 63.3(2Рос Калм)

КАЛМЫКИ В ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИИ XVII ВЕКА

К. Н. Максимов

К значительным датам в истории России, отмеченным в «Год российской истории», относится и 1612 г., когда Москва освободилась от польской оккупации и в стране завершилась первая гражданская война, расколовшая российское общество по вертикали. В. О. Ключевский писал: «Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице. На вершине этой лестницы стояло боярство; оно и начало Смуту», признаки которой появились со смертью в начале 1598 г. царя Федора Ивановича, последнего представителя династии Рюриковичей [Ключевский 1988: 27].

На рубеже XVI–XVII веков Россия оказалась в сложной политической и экономической ситуации: перестала существовать династия прежних правителей России; страну постиг жестокий трехлетний (1601–1603) голод. В феврале 1598 г. Земский собор избрал царем Бориса Федоровича Годунова, брата царицы Ирины. Хотя он считался законно избранным царем, в его легитимности отсутствовал главный признак — династическая связь, ставшая политической и социальной причиной Смутного времени. Все это стало усугубляться голодом, в обстановке которого вспыхнули вооруженные выступления низов (Хлопка в Подмоскovie и вольных казаков на Нижней Волге). Несколько лет распространявшиеся «шепотом» слухи том, что царевич Димитрий жив, в 1604 г. разнеслись громкой вестью, с добавлением что «он идет из Литвы добывать прародительский престол. Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута» [Ключевский 1988: 26].

После смерти в апреле 1605 г. царя Бориса Годунова в мае началось восстание в Москве, в ходе которого в июне были убиты Годуновы вместе с юным царем Федором Борисовичем, и самозванцу удалось вступить в Москву и занять царский трон. В такой сложной обстановке отношения между Россией и Крымом оказались неустойчивыми. Угроза татарского вторжения в пределы России резко усилилась еще в начале 1604 г., когда крымский хан в одностороннем порядке разорвал мирные отношения [Платонов 1937: 188–216; История СССР 1947: 366–375; Скрынников 1988; Соловьев 1989: 388–450; Пашков 1997: 245–264; Лисейцев 2012: 43–52].

После разоблачения и убийства Лжедмитрия I и вступления в мае 1606 г. на царский трон Василия Ивановича Шуйского в России начался второй период гражданской войны, которая обострилась с появлением в 1607 г. Лжедмитрия II. Вся южная Россия, от Десны до устья Волги, за исключением немногих городов, признала царем мнимого Димитрия. Восстания дошли до Сибири. Трудным положением Москвы намеревались воспользоваться некоторые народы Западной Сибири (остяки, сибирские татары, стремившиеся, «чтобы быть им себе царством, как было при Кучуме царе»). В это же время началась открытая польско-литовская и шведская интервенция [Платонов 1937: 158–170, 217–340; История СССР 1947: 394; Соловьев 1989: 563–661; Пашков 1997: 270–292; Тюменцев 2008: 135–142].

В это чрезвычайно трудное время для Российского государства калмыки, которые уже в 80-х годах XVI столетия достигли верховья Иртыша, начали искать пути сближения с ним, вызвав взаимный интерес. Несмотря на сложную обстановку в

стране, царская администрация не забывала восточные дела и не ослабляла внимания к Сибири, принимала все меры к прочному закреплению ее земель за Россией. В этих целях велось активное строительство дорог, городов-острогов, вырабатывалась государственная интеграционная политика по отношению к ее коренному населению и прибывающему кочевому народу.

Начавшиеся в сентябре 1606 г. и интенсивно продолжившиеся до начала 1608 г. официальные русско-калмыцкие отношения, оказавшись в центре внимания территориального органа государственного управления — Приказа Казанского дворца и внешнеполитического ведомства — Посольского приказа, приобрели общегосударственное значение, положили начало поиску путей юридического введения калмыков в состав Российского государства. Исторической вехой в опционировании политики России по отношению к калмыкам стало решение царя Василия Шуйского, принятое 14 февраля 1608 г. во время аудиенции калмыцкой делегации. Концепция этой политики была отражена в ответе Шуйского: «Кочевати [калмыкам] в Сибирской земли по Иртышу и на Оми реке и по Камышлову и в-ыных местах, где похотят... И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно» [Материалы по истории... 1959: 37–38]. Следует заметить, что Шуйский, рассматривая и решая калмыцкие дела, исходил из стратегической цели — укрепления и развития полиэтничного Российского государства. Несмотря на нахождение Лжедмитрия II с наемным войском и казаками, приставшими к нему боярами в Орле, а затем на выдвижение к Тушине [Платонов 1937: 274–276], на просьбы польских посланников об аудиенции, царь принял калмыцкую делегацию.

По результатам конструктивных встреч представителей царской администрации с калмыцкими тайшами (князьями) и в соответствии с указанной выше идеей, в августе 1609 г. царь Василий Шуйский подписал две Грамоты, положившие начало официальному добровольному вхождению калмыцкого народа в состав России.

Некоторая активизация царской администрации в 1607–1609 гг. по приведению калмыцких тайшей к шерти (договору) объяснялась не только адекватной активностью калмыков, но и стремлением скорее завер-

шить их введение в состав государства в связи со сложной обстановкой в стране, на ее южных рубежах, с непрекращающимися претензиями Польши. В этих условиях развивающиеся взаимовыгодные отношения России с калмыками способствовали упрочению ее позиций в Сибири.

Однако с низложением и арестом царя Шуйского с братьями — Дмитрием и Иваном, переходом к «Семибоярщине» временного управления государством (с 17 июля 1610 г. по 7 февраля 1613 г.) в России наступили более трудные времена. В условиях продолжавшейся войны России против польско-литовской (с претензиями на престол) и шведской интервенции, борьбы различных группировок бояр за власть (с последствиями самозванства), а также фактически разрушенного государственного управления калмыцкие дела отошли на задний план до лучших времен. Возобновление взаимоотношений России с калмыками стало возможным с окончанием Смуты.

Однако с освобождением России от поляков спокойствия в стране не наступило. Лишь с избранием Земским собором в феврале 1613 г. на престол царем первого представителя династии Романовых Михаила Федоровича Романова, по словам В. О. Ключевского, «Смута прекращается» и заканчивается первая гражданская война в России [Ключевский 1988].

С этого времени восстанавливается российская государственность, складывается устойчивая самостоятельная политика, которые окончательно утверждаются с ликвидацией последствий самозванства (середина 1614 г.). Затишье в стране после Смутного времени наступило с заключением с Польшей в декабре 1618 г. Деулинского перемирия. Его итоги для России оказались неутешительными: европейская территория страны заметно сократилась. За Польшей остались русские города Смоленск, Чернигов и новгород-северские земли с 29 городами, а также Запорожье. Шведы оставили за собой устье Невы и все побережье Финского залива, плотно закрыв доступ России к Балтийскому морю. Но самое печальное, не было достигнуто согласия с поляками в главном политическом вопросе — в прекращении притязаний польского королевича Владислава на российский царский трон. Лишь в июне 1634 г. по Поляновскому «вечному миру» король Владислав, признав

Михаила Федоровича царем, навсегда отказался от претензий на Московский престол [Платонов 1937: 181; Соловьев 1990: 107–112; Гумилев 1997: 246, 252].

Если дела России на западе складывались не очень удачно, то на востоке она продвинулась к океану, к китайским границам и увеличила свою территорию на 70 тыс. кв. миль, «приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, собирая с них ясак, часто выводя их из терпения грабительствами ...» [Соловьев 1990: 296, 297]. Эти «грабительства» являлись следствием не только тяжелого экономического положения страны, но и ослабления контроля со стороны центральной власти за местными сибирскими властями, которые, собирая ясак, «переусердствовали» в свою пользу.

Результаты возобновления и развития взаимоотношений с калмыками после воцарения Михаила Федоровича, практические шаги исполнительных органов, воевод сибирских городов в этом направлении были обстоятельно рассмотрены 31 декабря 1616 г. на заседании Боярской думы с участием царя. В соответствии с вердиктом Боярской думы — «вперед ссылатца с колмацкими людьми и приводить их под государеву руку» — царем был принят указ аналогичного содержания, который в сибирских городах стал руководством к действию. Вскоре тобольскому воеводе С. И. Куракину удалось направить в Москву делегатов дербетского тайши Далай-Батыра и чоросского тайши Хара-Хулы, которые были приняты царем Михаилом Федоровичем соответственно в марте 1618 г. и мае 1620 г. Обе делегации впервые получили официальные нормативные акты от Российского государства — Жалованные грамоты на имя указанных калмыцких тайшей, закрепляющие факт их пребывания со своими улусами в российском подданстве.

1620 г. завершился устной договоренностью представителей хошутского тайши Байбагаса, торгутского тайши Хо-Орлюка с воеводами Тобольска (М. М. Годуновым) и Уфы (О. Я. Прончищевым) о закреплении факта нахождения их в составе России и свободной торговли в сибирских городах. Результаты этих договоров, доложенные в письменном виде воеводами в Приказ Казанского дворца, в январе 1621 г. были рассмотрены и одобрены царем и Боярской думой. Заслушав отчет каждого воеводы

в отдельности, Боярская дума записала: «Государь указал и бояре приговорили, что воеводы добро учинили, что колмаков привели под государеву руку». Главным условием нахождения калмыков в составе Российского государства являлась верная военная служба — «на непослушников наших, куда вам наше царское повеление будет, со своими ратными людьми ходить», что отвечало интересам России, особенно на данном этапе упрочения государства.

Весьма оживленные взаимоотношения установились в середине 1630-х гг. между калмыками и сибирскими городами, где чаще стали проводиться крупные торги, способствовавшие развитию торговых связей, экономики региона. В это время крупная группа калмыков тайши Хо-Орлюка уже находилась на правом берегу Яика, окончательно вытеснив Больших ногаев. Здесь калмыки вступили в контакт с яйцкими казаками и кочевали по «астраханской стороне» до самой Камыш-Самары. Уже в начале 1640-х гг. донские казаки обратились к калмыкам за помощью в борьбе с азовцами и крымцами. С этого времени калмыки совместно с донскими казаками активно включились в борьбу за упрочение позиций Российского государства на юго-западе. Россия, учитывая неуклонное соблюдение калмыками договорных обязательств по защите ее интересов, в середине 1650-х гг. окончательно юридически закрепляет их в своем государственном составе, и привлекает калмыцкую конницу, как внушительную военную силу, к боевым действиям против Польши, Крымского ханства.

В первой половине мая 1665 г. в сопровождении думного дворянина Я. Т. Хитрова 17-тысячный отряд Калмыцкого ханства прибыл в Левобережную Украину на помощь русским войскам и запорожским казакам. Одна часть калмыцких всадников, в количестве 10 тыс., была направлена против польских войск к Белой Церкви, появление которой для поляков оказалось полной неожиданностью. Гетман Левобережной Украины И. М. Брюховецкий в своей отписке от 25 мая 1665 г. царю Алексею Михайловичу отмечал, что калмыки поляков «так знатно поразили, что едва с табором к Белой Церкви, таборище загеши, утекли», а калмыки, взяв богатые трофеи, «щастливо назад возвратились». А другая группа, в составе 7 тыс. всадников, вместе «с запорожцы были под Перекопом, и

крымских людей побили, и полон (русских и украинских пленников) многой отбили и добычу себе многую учинили». Активные боевые действия калмыцкой конницы стали одним из весомых аргументов русской делегации при переговорах с полками о союзе, после заключения Андрусовского перемирия, в связи с угрозой нападения на Россию Турции и Крыма. В октябре 1667 г. А. Л. Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа, говорил полякам, что «от бусурманского прихода царского величества войска готовы, ... калмыки также наготове». Здесь же он добавлял, что «для отвлечения сил неприятельских калмыки и донские казаки будут воевать Крым» [Беликов 1965: 27; Соловьев 1991: 177].

Действительно, уже в следующем году объединенные силы запорожских, донских казаков и калмыков нанесли Крыму ряд серьезных поражений, только в одном походе было побито около 3 тыс. и взято в плен 500 татар, «а после третьего похода ходили четвертым на город Бахчисарай». А в июле 1670 г. командир объединенного отряда донских, запорожских казаков и калмыков И. Серко сообщал белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому, что «калмыки на Перекоуп у Крым увойшедши, неприятелям нашим много беды учинили» [Беликов 1965: 31].

По мере укрепления военного союза между калмыками и казаками совместные их действия становились более эффективными. В августе 1672 г. по просьбе донского атамана К. Яковлева двухтысячный отряд калмыков выступил вместе с казаками под Азов и, по словам атамана, они [калмыки] «истребили много турок» и «около 400 взяли в плен да угнали 9 тысяч голов скота». Царь Алексей Михайлович в грамоте от 5 ноября 1672 г. донцам сообщал, что «1 октября тайша Аюка с калмыцкими улусными людьми ходил под Азов, и промыслом своим многих людей побили и животинные стада отогнали и в полон взяли азовского Паши брата, да азовцев 50 человек ... И как к вам ся Наша Великого государя грамота придет, и вы бы, атаманы и казаки и все войско, и впредь служа нам, Великому государю, над Азовом и над Калачинскими башнями, с калмыцкими улусными людьми всякий воинской промысел чинили ...». В том же месяце по велению Алексея Михайловича 3 тыс. калмыков с донскими казаками повторно выступили под Азов.

В 1673 г., когда Турция принудила короля Польши Михаила Вишневецкого «к постыдному для него замирению», «царь Алексей Михайлович повелел своему войску казакам и великому числу калмыкам в границах турецких, как-то: около Азова и в прочих местах набеги делать, которые разоряли все, около лежащие места». В соответствии с указанием царя 5-тысячный отряд калмыцких воинов под начальством Мазан-Батыра участвовал в совместном походе с казаками и войском воеводы И.С. Хитрова «над турецкими войсками и над Крымом».

Калмыки не только участвовали в совместных походах с казаками, но и предпринимали по поручению царской администрации самостоятельные выступления. Весной 1675 г. хан Аюка направил 7-тысячный отряд калмыков во главе с зайсангами Кашкой, Мазан-Батыром и Алдаром «в Крым войною, и те ... его калмыки Мелебашев Крым и улусы воевали». В том же году донские казаки под начальством походного атамана Фрола Минаева и 1 тыс. калмыков под предводительством Мазан-Батыра разбили крымскую заставу и пленили до 500 человек. В отписке царю Алексею Михайловичу донских атаманов и казаков от 6 сентября 1675 г. указывалось, что казаки и калмыки «многих азовских людей побили и языков поимали, и скот отогнали и многих людей христианской веры из неволю выручили». За этот удачный поход государь пожаловал калмыков сукном и шапками [Броневский 1834: 181, 188–189; Ригельман 1846: 72; Акты... 1891: 79, 91; Савельев 2007: 361–362].

В ходе русско-турецкой войны (1677–1681 гг.), в июне 1677 г., 100-тысячная турецкая армия под командованием Ибрагима-паши вторглась на территорию Правобережной Украины и вновь в начале августа осадила город Чигирин. В крупном сражении под Чигирином вместе с казаками под командованием князя Ф. Ю. Ромодановского участвовал 3-тысячный отряд калмыков, а в следующем году на Чигиринских высотах калмыцкие отряды в количестве 5 тыс. человек воевали в составе армии под командованием князя К. М. Черкасского. Украинский гетман И. Самойлович, описывая ход военных действий под крепостью, отмечал: «Князь Каспулат Муцалович Черкасский ... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и

за то достойны суть похвалы». В 1679 г. царь Федор Алексеевич поручил донским казакам и калмыкам охранять границы от турок по Муравской дороге. Активно действовали значительные силы калмыцких конников в военных баталиях 1678–1680 гг. [Бронеvский 1834: 194; Беликов 1965: 4145; Чонов 2006: 17].

В 1680-е годы Россия в целях обеспечения безопасности своих южных границ предприняла несколько попыток выйти к Черному морю. В первом походе на Крым В. В. Голицына 1687 г. приняли участие донские казаки и калмыки под командованием атамана Фрола Минаева. После этого неудачного похода боярин князь В. В. Голицын в сентябре 1688 г. стал готовиться к новому выступлению на крымских татар. В связи с этим царской грамотой царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей от 25 декабря 1688 г. предписывалось атаману Запорожского войска Ивану Степановичу Мазепе с малороссийской ратью, калмыцкому тайше Чагану с войском до 2 тыс. человек, атаману Фролу Минаеву с казаками до 500 человек сосредоточиться к 1 марта 1689 г. в Ново-Богородицком городке [Акты... 1891: 148–150].

Однако первый поход Петра I на Азов состоялся лишь в 1695 г., в нем приняли участие донские казаки вместе с калмыками. Еще накануне похода в марте им пришлось отбивать нападение азовцев на Черкасск и преследовать их, «чтоб дальнейшие намерения азовские узнать и по возможности над ними, азовцами, поиски учинить. А еще из Азова послали к калмыкам, к Аюкетайше, подарки, панцири и ружья, и вспоможения просили». 16 мая 1696 г. в осаде Азова вместе с московской ратью приняли участие 4 тыс. донских казаков и калмыков. Петр I отвел «калмыкам место при Каланче внутри циркумвальной линии». 10 июня турки и татары под руководством султана нурадина и паши Муртазы напали на лагерь русских войск. Но, потерпев поражение, они отступили верст на 10 до реки Кагальник. Муртаза и нурадин, как писал известный историк А. Г. Попов, едва избежали плена, но последний «от Дичилея калмыка между плечами в хребет был ранен» [Попов 1914: 155–157; Венков 2009: 240].

Перед подготовкой к повторному штурму Азова в июле к основным силам русских подошли новые отряды казаков и 400 донских калмыков. Петр I, не достигнув цели

— взятия Азова, отвел войска и сразу же стал готовиться к новому выступлению. В ноябре последовал его указ о формировании сухопутной армии, в состав которой включались 5 тыс. казаков и калмыков донского войска атамана Ф. Минаева и 3 тыс. калмыков хана Аюки.

Значимой победой русского оружия над турками стало взятие в июле 1696 г. крепостей Азов и Лютик. В азовском сражении приняли участие 5120 донских казаков и калмыков под предводительством походного атамана Лукьяна Савина совместно с московским полком в авангарде генерала Патрика Гордона. Второй 3-тысячный отряд волжских калмыков вошел в состав большого полка воеводы боярина А. С. Шеина, удостоенного Петром I самых высоких наград за эту кампанию. Отмечая заслуги калмыцких воинов во взятии Азова, царь приказал выдать «Аюке и иным тайшам и улусным людям из Приказа Казенного дворца ...десять портищ объярей разных цветов, мерою по 5 аршин», а рядовым калмыкам, как и всему рядовому составу, выдали по золотой копейке [Беликов 1965: 48; Пашков 1997: 356–357; Венков 2009: 253, 273, 290].

Придавая Азову важное стратегическое значение для дальнейшего продвижения к Черному морю, хотя он был значительно разрушен («понеже фортеция Азова разорена внутри и выжжена до основания»), 20 октября 1696 г. Боярская дума на «Преображенском сиденье о делах» приняла решение: в Азов направить из низовых городов 3 тыс. семей, а также «коннице быть 400 с калмыками». В том же году по поручению Петра I хан Аюка направил под Азов 3 тыс. кибиток (до 10 тыс. человек) для охраны пограничной линии и борьбы с азовцами. Петр I, убедившись в необходимости сильного флота в борьбе с Турцией, приступил к его созданию [Ригельман 1846: 77–78; Соловьев Кн. VII. Т. 13/14. 1991: 521].

Последними в XVII веке совместными военными действиями казаков и калмыков стали походы в июле и в конце 1697 г. В июле донским казакам и калмыкам, находившимся в составе войск А. С. Шеина, под Азовом пришлось выдержать 11-часовой бой с турками и их вассалами. Одержав победу над ними, «донские казаки и калмыки пустились следом и на берегах Кагальника устроили бегущим кровавую баню. Рубили их и топили и только из великой милости в плен брали». После ухода войск А. С. Шеина

состоялся ответный поход объединенного отряда донских казаков и калмыков под командой походного атамана М. Фролова против татар Казыевского улуса. В грамоте Петра Алексеевича от 26 января 1698 г., одоббившей совместные действия казаков и калмыков, отмечалось, что в результате похода «побили много бусурман, отогнали конские табуны, взяли языков, вернулись целыми и невредимыми». Помимо этого, в следующем году трехсотенный конный отряд казаков и калмыков пришел под Азов на помощь воеводе князю Я. Ф. Долгорукому, за что Посольский приказ грамотой от имени царя от 27 мая 1698 г. выразил им похвалу. Буквально через год, в 1700 г., отряд казаков и калмыков численностью до 700 человек настиг и полностью разгромил на реке Соляной крупный отряд татар, возвращавшийся с богатой добычей после их очередного набега на русские поселения, расположенные близ Камышина [Акты... 1891: 186–187; Венков 2009: 308].

Таким образом, Россия в XVII в., преодолев Смуту и ее последствия, перелом-

ный момент в своем историческом развитии, подготовив основу для становления могущественной державы, упрочилась как полиэтническое государство с позитивным вектором дальнейшего подъема. В территориальное и государственное укрепление России активно включились калмыки, открыв новые страницы в своей многовековой истории, насыщенной событиями общемирового значения. С прибытием к берегам Волги и полной инкорпорацией Калмыцкого ханства в состав Российского государства, калмыки с XVII в. присоединились к «вращению колеса» общероссийской истории, сопряженной с мировой. Во второй половине XVII в. добрые взаимоотношения установились между калмыками (часть переходила на Дон) и донским казачеством, способствуя укреплению обстановки в стране, развитию экономических связей, упрочению позиций государства на южных рубежах. Эффективным оказался их боевой союз, особенно совместные военные действия по отстаиванию геоинтересов и по защите безопасности России.

Источники и литература

- Акты*, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишним. Новочеркасск. Тип. Карасева, 1891. Т. 1. 440 с.
- Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII–начало XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 179 с.
- Бронеvский В. Б.* История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных вод. СПб. Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834. Ч. 1. 117 с.
- Венков А. В.* Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М.: Вече, 2009. 320 с.
- Гумилев Л. Н.* Сочинения: От Руси до России. М.: АСТ, 1997. Т. 4. 551 с.
- История СССР* / Под ред. Б. Д. Грекова и др. 2-е изд. М.: ОГИЗ Гос. изд-во политич. лит-ры, 1947. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. 450 с.
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В.Л. Янина. М.: «Мысль», 1988. 414 с.
- Лисейцев Д. В.* Временные границы Смуты / Российская история. 2012. № 5. С. 43–54.
- Материалы* по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг.: Сборник документов. М.: Изд-во Вост. лит., 1959. 352 с.
- Пашков Б. Г.* Русь – Россия – Российская империя: Хроника правлений и событий, 862–1917 гг. М.: ЦентрКом, 1997. 2-е изд. 640 с.

Sources and References

- [Acts Relating to the History of the Don Cossack Army, collected by Major-General A. A. Likhin]. Vol. 1. Novocherkassk: Karasev Print. shop, 1891. 440 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. [Kalmyks in the Struggle for the Independence of our Motherland (XVII – early XIX cent.)]. Elista: Kalm. Book Publ., 1965. 179 p. (In Russ.)
- Bronevsky V. B. [History of the Don Cossack Army, Description of Don Land, Caucasian Mineral Waters]. Part 1. St. Petersburg: Print. shop of expedition for preparation of state papers, 1834. 117 p. (In Russ.)
- Chonov E. Ch. [Kalmyks in the Russian Army, 17th century, 18th century and 1812. Essay, Articles, Biography]. Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 142 p. (In Russ.)
- Gumilev L. N. [Works: From Rus to Russia]. Vol. 4. Moscow: AST, 1997. 551 p. (In Russ.)
- [History of the USSR]. B. D. Grekov et al. (ed.). 2nd ed. Vol. 1: [From Ancient Times to late XVIII cent.]. Moscow: OGIZ, 1947. 450 p. (In Russ.)
- Klyuchevskiy V. O. [Works]. In 9 vol. Vol. 3. Part 3: [The Course of Russian History]. V. L. Yanin (ed.). Moscow: Mysl, 1988. 414 p. (In Russ.)
- Liseytshev D. V. [Time Borders of the Time of Troubles]. *Russian History*. 2012. No. 5. Pp. 43–54. (In Russ.)
- [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1607–1636]. Moscow: Vost. lit., 1959. 352 p. (In Russ.)
- Pashkov B. G. [Rus — Russia — Russian Empire: Chronicle of Governing and Events, 862–1917]. 2nd ed. Moscow: CenterKom, 1997. 640 p. (In Russ.)

- Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и словесных отношений в «Смутное время»). Переиздание. М.: Гос.соц.-эконом. изд-во, 1937. 499 с.
- Попов А. Г.* История о Донском войске. 1812 год. Харьков: Унив. тип., 1814. Ч. 1. 171 с.
- Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. Университетское изд-во, М., 1846. 165 с.
- Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М.: «Вече», 2007. 464 с.
- Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в.: «Смута». М.: Мысль, 1988. 283 с.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М.: Мысль, 1989. Кн. IV: История России с древнейших времен. Т. 7/8. 752 с.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М.: Мысль, 1990. Кн. V: История России с древнейших времен. Т. 9/10. 718 с.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М.: Мысль, 1991. Кн. VI: История России с древнейших времен. Т. 11/12. 671 с.
- Соловьев С. М.* Сочинения. М.: Мысль, 1991. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13/14. 701 с.
- Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
- Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии, XVII в., XVIII в. и 1812 г. Очерк, статьи, биография. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.

- Platonov S. F. [Essays on the History of Time of Troubles in the Moscow State of XVI–XVII cent.: (Experience of the Study of Social Order and Class Relations in the “Time of Troubles”)]. Reissue. Moscow: State social economy, 1937. 499 p. (In Russ.)
- Popov A. G. [History of the Don Cossack Army. 1812]. Kharkov: University Print. shop, 1814. Part 1. 171 p. (In Russ.)
- Rigelman A. I. [History or Story of the Don Cossacks]. Moscow: University Publ., 1846. 165 p. (In Russ.)
- Saveliev E. P. [Ancient History of the Cossacks]. Moscow: Veche, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Skrynnikov R. G. [Russia in early XVII cent.: Time of Troubles]. Moscow: Mysl, 1988. 283 p. (In Russ.)
- Soloviev S. M. [Works]. Book IV: [History of Russia from the Ancient Times]. Vol. 7/8. Moscow: Mysl, 1989. 752 p. (In Russ.)
- Soloviev S. M. [Works]. Book V. [History of Russia from the Ancient Times]. Vol. 9/10. Moscow: Mysl, 1990. 718 p. (In Russ.)
- Soloviev S. M. [Works]. Book VI: [History of Russia from the Ancient Times]. Vol. 11/12. Moscow: Mysl, 1991. 671 p. (In Russ.)
- Soloviev S. M. [Works]. Book VII: [History of Russia from the Ancient Times]. Vol. 13/14. Moscow: Mysl, 1991. 701 p. (In Russ.)
- Tyumentsev I. O. [Time of Troubles in Russia in early XVII century: False Dmitry II Movement]. Moscow: Nauka, 2008. 686 p. (In Russ.)
- Venkov A. V. [Azov Resistance. Heroic Defence of Azov in 1637–1642]. Moscow: Veche, 2009. 320 p. (In Russ.)

УДК 94(470.47)
ББК 63.3(2)51+63.3(2Рос КалМ)

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЛМЫЦКИХ КОЧЕВЬЯХ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1892 г.

Л. С. Бурчинова, М. Н. Гиляшова

Обязательные (крепостнические, зависимые от светских и духовных феодалов) отношения у калмыков являлись «наследием» монгольско-ойратских предков. Они были, по мнению А. Н. Команджаева, узаконены «Великим Уложением» 1640 г. [Команджаев 1999: 151], впоследствии в России признаны и подтверждены Положениями 1834 и 1847 гг. с некоторыми изменениями, направленными на их приспособление к российской системе феодального права. С этого времени этническая знать делила право властвовать и управлять ими с царскими чиновниками. Калмыцкое крестьянство, именуемое бюрократией простолюдинами, оказалось не только под двойным управлением, но и, соответственно, под гнетом — традиционным и институциональным.

Длительное сохранение феодальной зависимости у калмыков-кочевников, управление которыми со временем было передано государственным институтам, предопределило в основном негативные последствия в социальных процессах их кочевий. В первую очередь это нашло проявление в состоянии сословий и отдельных социальных слоев кочевников.

Во второй половине XIX в. калмыцкие феодалы утрачивали полноценную способность адаптироваться к тем новым, капиталистическим, переменам, которые происходили в России под влиянием проводившихся буржуазных реформ. Если в 1862 г. в Астраханской губернии существовало 3 улусовладельческих и 6 мелкопоместных семей нойонов, приравненных к потомственному дворянству, то к началу 1892 г. их число уменьшилось на 1 единицу [Костенков 1879: 145]. Наблюдалось также численное сокращение состава их семей: от 41 до 35 душ [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 11, 74; Д. 174. Л. 41–44; Д. 364. Л. 61–64]. В Большедербетовском улусе Ставропольской губернии была одна семья нойона-улусовладельца. Речь идет о семье Гахаева.

В материальном отношении отличались не только наибольшей состоятельностью, но и устойчивостью положения нойоны-улусовладельцы — малодербетовский Тундутов, хошеутовский Тюмень, харахусо-эрдниевский Дугаров. Они владели сотнями, а Тундутов несколькими тысячами кибиток, в то время как у всех мелкопоместных нойонов было в 1861 г. 256 кибиток, из которых осталось менее 50 к 1892 г. [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 58 об., 60–61; Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 67 об., 76]. Последние, сохраняя формальный статус нойонов, фактически, по свидетельству К. И. Костенкова, подверглись люмпенизации [Костенков 1870: 145]. В отличие от них нойоны-улусовладельцы, используя свой дворянский статус, под влиянием укреплявшихся российских рыночных отношений начали перестраиваться. Хозяйственные успехи были связаны как с освоением ими, до известной степени, оседлого хозяйствования, при сохранении приоритетности кочевого скотоводства, так и попытками внедрить элементы товарной экономики, что неизбежно вело к усилению эксплуатации подвластных. Более всех преуспевал в этом отношении С. Д. Тюмень, хозяйство которого приобрело вполне зримые черты модернизированного поместья русского дворянина: нойон располагал землями, на которых разводил сады, огороды, начал стационарно содержать скот, включая первое опытное стадо мериносовых овец, занимался племенным коннозаводством, сенозаготовками, выращивал рис и другие сельскохозяйственные культуры.

В целом калмыцкая знать продолжала видеть в качестве основного фактора упрочения своего материального положения подневольный труд зависимых калмыков-простолюдинов. В совокупности калмыцкие нойоны ежегодно получали от подвластных доход в виде различного рода податей и повинностей в размере примерно равном десятой части от всего их скота [Батыров 2009:

576], что в разы превышало официально узаконенный сбор подати.

Формально они имели право на взимание кибиточного сбора — албана, но существовали еще негласные права — также как возможность или уменьшить, или увеличить размер подати, или освободить от нее. Нойоны также вели фальсифицированный покибиточный и душевой учет, что открывало дополнительные каналы экономического и социального укрепления их позиций. Например, в начале 80-х годов XIX в. был установлен факт незаконных поборов 55 тыс. руб. Тундутовым. В эти годы в виде албана Тундутовы ежегодно собирали 19 844 руб. 50 коп. [Батыров 2009: 581].

Нойоны и зайсанги, имея права распорядителей пастбищ, находившихся в общественном пользовании всего калмыцкого народа, закрепляли за собой лучшие выпасы, луга и водопои, что гарантировало им экономическую состоятельность. При этом они нередко самовольно сдавали улусные, аймачные и хотонные земли в аренду, а выручку присваивали. В 1879 г. местной администрации стало известно, что вдова нойона Тюменя, Эльзен-Цок, с неустановленного времени до 1877 г. ежегодно отдавала часть земельных угодий улуса в аренду татарам и лицам других национальностей [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 378. Л. 942 об.].

Как видим, калмыцкая знать, заимствуя у русского дворянства рациональность поведения, пыталась перестраивать свое натуральное хозяйство в товарно-денежное. Одним из его главных проявлений было престижное потребление. В России, начиная с дворцовых переворотов, от него зависело общественное положение, важно было слыть престижным. Это порождало новые материальные потребности, вводило моду на расточительство, не свойственное традиционному обществу. Показная роскошь становилась жизненной необходимостью и для инородческой элиты, включая кочевников. Она требовала значительных расходов, которые не могли быть покрыты немалыми доходами нойонов. Смерть нойона нередко открывала картину его финансового банкротства. Целая армия кредиторов спешила с исками к его семье. Например, семье умершего в 1866 г. владельца Малодербетовского улуса Церен-Убуши Тундутова кредиторы предъявили иск на общую сумму в 17 тыс. руб. при оценке всего его наследства в 26,6 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9.

Оп. 4. Д. 180. Л. 61; Оп. 1. Д. 19. Л. 5]. Долги знати нередко перекладывались на рядовых кочевников. Расточительный образ жизни мог привести и к временной утрате нойоном права управлять улусом, что случилось, например, с Церен-Надмитом Тюменем. Над его владением была учреждена опека [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 11 об.—12; Д. 36. Л. 671–671 об.; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 258. Л. 47].

Калмыцкие зайсанги делились на аймачных, приравненных к потомственным гражданам, и безаймачных на правах личных граждан и располагали правом наследования только по мужской линии. В 7 улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии в начале 1890-х годов числилось в семьях аймачных зайсангов 450 душ обоего пола и в семьях безаймачных зайсангов более 1,8 тыс. душ обоего пола [НА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 384. Л. 23, 25 об.; Д. 500. Л. 14 об.—30].

Типичное положение калмыцкого зайсангства можно описать на примере состояния 27 семей зайсангов Багацохуровского улуса, где наглядно видно, каких размеров достигла социальная деградация этого слоя этнической знати. В аймаках данного улуса в 1864 г. было учтено 1 296 окладных (облагаемых албаном) кибиток, из них 4 семьи имели под своим началом 2–5 кибиток, 5 семей — от 10 до 20, 12 семей — до 50, 4 семьи — до 100 и только 2 семьи — свыше 100 кибиток. Самым состоятельным среди них был Цебек-Джал Онкоров, под его началом находилось 354 кибитки. Занимаемую должность правителя улуса он, похоже, рассматривал не как обязанность пещься о благополучии людей, а как право на самоуправство. По мнению чиновников, местные улусные люди в большинстве своем представляли «сплошную голь и нищету» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 77, 140 об.]. В качестве возможностей обогащения Онкоров использовал не только вышеуказанные способы, но и возможности, традиционные для закрытых обществ. Вымогательство, шантаж, откровенное насилие были характерны, отметим справедливости ради, для всей знати [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 105. Л. 15–19; Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 152. Л. 2], которая во второй половине XIX в. не брезговала и фальсификацией приговоров общественных сходов [Дуброва 1898: 120].

Зайсанги вслед за нойонами-улусовладельцами также осваивали некоторые эле-

менты оседлого хозяйствования — строительство временных и постоянных укрытий для скота, заготовку кормов, применение труда вольнонаемных работников, культивирование улучшенных пород скота и т. д. Они стали уступчивее и в отпуске своих аймачных людей в отхожие промыслы. Речь идет о немногих предприимчивых зайсангах. Основная масса этой категории знати, которая более всего полагалась на традиционные методы хозяйствования, стремительно разорялась, особенно безаймачные зайсанги. По данным переписи 1876 г., в 7 улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии практически каждый пятый из них не имел вообще никакого хозяйства, а почти каждый второй отнесен к владельцам, в хозяйстве которых было от 1 до 100 гол., исходя из расчета 1 гол. крупного = 4 гол. мелкого скота. При этом 25 семей зайсангов были официально зарегистрированы как живущие за счет найма на работу пастухами [РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6773. Л. 57–58 об.].

Все податное население в степи было разделено на окладное и временно неокладное. На протяжении всего XIX в. число последних неуклонно росло, сборы с податных калмыков неуклонно снижались. Соответственно росли недоимки (задолженности). К моменту отмены обязательных отношений калмыцкого крестьянства от нойонов и зайсангов задолженность по окладным сборам достигла более 860 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 71–72].

Правительство пыталось жестко контролировать решения общественных сходов, требуя принятия своевременных мер по окладным сборам. Не возлагая надежд на демчеев (сборщиков албана), хотя их число было увеличено, каждый раз в аймаки и хотоны обязательно командировались служащие управления, которых сопровождали полицейские-стражники. Бывали случаи, когда насильно отбирали скот в счет выплаты оклада и здесь же в хотоне или на ближайшей ярмарке продавали его. Фактически ни одна ярмарка в степи не проходила без демчеев. Демчеи с той же целью отправлялись и на места отхожих промыслов. Часто случалось, что приговоры общественных сходов обязывали зажиточных и среднего достатка хотонцев оплачивать подати имущественно несостоятельной семьи. Это вело к негативным последствиям социально-экономического характера.

Самым злободневным для властей был и оставался вопрос накопления недоимок на содержание управления, в общественный капитал. Недоимки взыскивались путем уравнительной раскладки, исходя из числа окладных кибиток и степени их состоятельности. Иначе говоря, неравная раскладка и выплата окладных сборов практиковалась как между отдельными кибитками-семьями, так и между аймаками. В общественных приговорах неоднократно высказывались опасения, что при таком способе взыскания податей хозяйства среднего и выше достатка со временем окажутся в равном положении с бедными, что в целом впоследствии приведет к оскудению народа.

Введенный дифференцированный подход улусных и аймачных сходов в распределение суммы оклада на каждую платежеспособную кибитку-семью в большинстве случаев не мог обеспечить полноту поступавших сборов. К тому же власти особенно следили за тем, чтобы поступление сбора шло со всех положенных в оклад кибиток, независимо от изменений в их составе, то есть полагалось платить и за убогие или «мертвые» кибитки. Последние исключались из оклада только по проведении местной, так называемой домашней переписи-ревизии населения (1862 и 1876 гг.). Поэтому размер фактического оклада, приходившийся на каждую кибитку, был неодинаков. Чтобы как-то предотвратить формирование и рост задолженностей, некоторые общественные сходы были вынуждены принимать приговоры о взыскании оклада и с тех лиц, которые не были семейными (т. е. были неокладными по закону, но трудились и имели заработок). Например, в Хошеутовском улусе в 1868 г. было решено таким способом погасить накопившиеся недоимки: все работавшие несемейные лица были обязаны внести по 1 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 180. Л. 250–254].

Натуральные повинности выполнялись не лучшим образом, хотя в их содержании и способах исполнения произошли, на первый взгляд, послабления вследствие развития рыночно-капиталистических отношений в стране. В Калмыцкой степи начали практиковать денежную форму их реализации.

В результате политического освоения Кавказа с ликвидацией в 1866 г. Кумо-Манычской кордонной линии отпала необходимость в ежегодном наряде 200 конников из Калмыцкой степи и 10 — из Боль-

шедербетовского улуса. Однако в 1868 г. была введена полицейско-пикетная служба [Burchinova 1994: 193], осуществлявшаяся первоначально 10, а затем 7–8 командами по 10 и 8 конников в каждой. Наряду с такими натуральными повинностями, как поставка по требованию властей подвод, лодок, кибиток, топлива, фуража для лошадей, наряда рабочих, рассыльных, сторожей и т. д., она также была обременительной для кочевников. Позже правительство было вынуждено ввести вольнонаемную полицейскую стражу, часть содержания которой осуществлялась за счет так называемого уравнительного денежного сбора с калмыков всех улусов, независимо от их социальной принадлежности, то есть он был всесословным. Это объяснялось стремлением правительства обеспечить полноту денежного сбора, предназначенного для исполнения натуральных повинностей.

Сверх регламентированных статей натуральных повинностей над калмыцким крестьянством тяготел ряд не менее тяжелых временных работ — несение карантинной службы во время эпизоотий, истребление сельскохозяйственных вредителей — саранчи, кузнечика, пруса, обеспечение работ, например, по межеванию, лесоразведению и т. д. Практиковалось большое число всевозможных негласных поборов, в том числе и в пользу чиновников местного управления вплоть до аймачных старост и старшин. Они, по заключению одной из правительственных комиссий, работавшей в начале 80-х годов XIX в. над проектом управления калмыцким народом, составляли в год не менее 2 руб. с окладной кибитки. Иначе говоря, все подати в общей сумме могли составлять от 15 до 18 руб. [РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1882. Л. 6], не считая незаконных поборов светских и духовных феодалов. Между тем, на потребу так называемых религиозных нужд затраты семьи колебались в пределах от 1 до 20 руб. в год [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 46 об.].

Тяжесть совокупно взятых повинностей не была соразмерна с материальным положением подавляющей части калмыцкого крестьянства. Основная масса простолюдинов была бедна. В распределении скота на душу населения она занимала последнее место, и наблюдалась тенденция к уменьшению этого показателя. По данным переписи-ревизии 1868 г. только третья часть калмыцких крестьян занималась скотовод-

ством, половина из них жила за счет постоянного найма на разные работы [Костенков 1870: 168]. Если условно принять, что в крестьянском хозяйстве среднего достатка было от 50 до 100 гол. мелкого скота, как считал правитель самого бедного, Яндыковского улуса, Бадмаев [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 551. Л. 27 об.], то применительно к данным переписи-ревизии 1876 г. в степи было 80 % бедных, 1,05 % средних и 18,95 % зажиточных хозяйств [РГВИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6773. Л. 59 об.].

В отличие от остальных, в Большедербетовском улусе в 1881 г. 54 % крестьянских хозяйств не занимались скотоводством [Бурдуков 1898: 72–73]. Здесь с приобщением кочевников к земледелию основным мерилom состоятельности становилась земля, точнее, земельный пай каждого хозяйства. В связи с этим в 1850 г. калмыки Большедербетовского улуса продали скота всего на сумму 15 520 руб., что равнялось сумме албана со всего улуса. Недоимки калмыков этого же улуса в 1892 г. составили 18 800 руб. [Батыров 2009: 581].

В зажиточных хозяйствах применялся наемный труд — нередко в завуалированной форме оказания помощи бедного родственника богатому покровителю. Последний, следуя нормам традиционного господства, брался выплачивать за бедняка подати, оказывал ему материальную помощь. Например, он мог дать овцу, корову на подой, шерсть, кошму, тулуп и т. п. «Вспоможение» превращалось в долговую кабалу, личную зависимость.

С постепенным сокращением земельной площади, находившейся в пользовании калмыцкого народа, в крестьянских семьях среднего достатка хозяева сами ухаживали за скотом, заготавливали сено, строили загоны, катухи. Они практиковали временный (сезонный) найм 1–2 работников. Так же как и зажиточные хозяева, середняки выделяли производимую продукцию на продажу, однако, в отличие от них, не утруждали себя выплатой подати за бедных. Вместе с тем, следуя обычаям, середняк мог пожертвовать в их пользу 1–5 гол. овец в год.

Наиболее зримо кризис обязательных (крепостнических) отношений в калмыцких улусах проявлялся в отходничестве. Данные статистики билетов, выдаваемых для найма в работы, свидетельствовали о том, что этот процесс неуклонно прогрессировал. Иначе говоря, калмыцкие феодалы не

прочь были получить албан со своих подданных, а российская власть — свою часть сборов, поэтому теперь обе стороны предпочитали не чинить непреодолимые препятствия отходничеству калмыков из кочевий. Если в 1849–1861 гг. общее число выданных Управлением калмыцким народом билетов колебалось в пределах 10–12 тыс. в год, то в 1870-е годы — 12,5–16,5 тыс. в год, во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов — 15–26,5 тыс. Бедняки временно, а в ряде случаев навсегда, были вынуждены уходить в соседние с Калмыцкой степью селения, причем не только в уезды Астраханской, Ставропольской, Саратовской губерний, но и в станицы Донского казачьего войска и Черноморского, влившегося в Кубанское казачье войско.

Преимущественная часть обедневших скотоводов уходила на рыбные и соляные промыслы, предприниматели которых, постоянно нуждаясь в рабочих, не скупились на выдачу прибывавшим калмыкам задатков, превышавших на 50 и более процентов оговоренной суммы контракта. Последние рассматривали его как форму долговой кабалы, так как на промыслах царила обстановка жестокой эксплуатации, изощренная система обчетов. Например, суточная плата каждого нанятого калмыка в самую страдную пору рыболовного сезона составляла в среднем 30–31 коп. Это, по свидетельству И. А. Житецкого, было не только в несколько раз ниже средней рыночной стоимости рабочих рук в целом по Астраханской губернии, но даже ниже суточной платы труда рабочего-мужчины в зимнее время, когда спрос на рабочую силу резко снижался [Житецкий 1892: 46]. Годовой заработок взрослого мужчины на промыслах колебался от 40 до 100 руб. В качестве рабочей силы на промыслы также привлекались женщины и подростки. Труд этой категории инородцев оплачивался гораздо ниже. В особенно бедственном положении находились ватажные рабочие-калмыки, жившие постоянно на промыслах. Являясь самыми несостоятельными из соплеменников, они рано умирали, страдая от разных тяжелых болезней, бесправия и произвола. Однако степь неумолимо и с завидным упорством вытесняла новых калмыков на промыслы. В 1874 г. скотоводство обеспечивало существование только 10 % калмыцкого населения Астраханской губернии, а 90 % вынуждено было полагаться на

занятия рыболовством и ломкой соли [Батыров 2009: 581].

Социальное состояние калмыцких кочевий, являвшихся в прямом и переносном смысле периферией России, накануне отмены обязательных отношений в них свидетельствовало о следующем:

1. Будучи подведенными под общий великодержавный имперский ранжир, кочевья калмыков-инородцев сохраняли отжившие в социальном плане феодальные основы существования. Это вполне устраивало местную знать, которая не проявляла намерений изменить свой привилегированный статус. Ее удовлетворяло закрепление российским законодательством господствующего положения в собственно калмыцком, а теперь и в российском обществах как феодальных собственников.

2. Объективно сохранение указанных основ в социальном развитии калмыцких кочевий не соответствовало тем коренным переменам, которые происходили в самом российском обществе. Модернизация последнего в русле проводившихся буржуазных реформ, как в зеркале, отражалась в названном национальном регионе.

3. Перемены коснулись всех калмыцких сословий, которые в выстраиваемых новых, капиталистических, условиях развития были вынуждены перестраиваться, а именно: немногочисленная калмыцкая знать в лице улусовладельцев и отдельных представителей зайсангов выступала инициаторами новых явлений в ведении собственного хозяйства, видоизменяла требования к податному населению. Однако все новшества не нарушали саму суть господствовавших в калмыцких кочевьях феодальных отношений. В результате трудовое закрепощенное население кочевий, оказавшись «между молотом и наковальней», стремительно пополняло широкие ряды маргиналов и люмпенов. Распространение денежной формы повинностей, сборов, и не только их, обусловило превращение отходничества в массовое явление. Все это вело к распространению различных форм миграции, — постоянной, временной и сезонной.

4. Развитие российского капитализма вширь в рассматриваемом национальном регионе проявлялось как в его социальном, так и экономическом состоянии. Рост ценности недвижимости (в данном случае, земли) привел к новому сокращению тер-

ритории кочевий, что, в свою очередь, поставило вопрос о существовании основной хозяйственной отрасли — скотоводства, со всеми вытекающими отсюда многообразными последствиями.

Источники

- Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

- Батыров В. В. Социальная структура калмыцкого общества, налоги и повинности // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*: в 3 т. Элиста: «Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. С 572–582.
- Бурдуков Н. Ф. Доклад... Министру земледелия и государственного имущества чиновника особых поручений Н.Бурдукова по командировке в Большедербетовский улус Ставропольской губернии, осенью 1898 г. [СПб.: В.Мещерский, [1898]. 126 с. [Библиогр.]: С. 2–33 [назв.].
- Burchinova L. S. Rossijskie reformy v kalmytskich kochev'yakh // *OPUSCULA ALTAICA. Essays Presented in Honor of Henri Schwarz*.

Sources

- [The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)
- [The Russian State Historical and Military Archives]. (In Russ.)
- [The Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.)

References

- Batyrov V. V. [Social Structure of Kalmyk Society, Taxes and Duties]. In: [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 572–582. (In Russ.)
- Burchinova L. S. [Russian Reforms in Kalmyk Roaming]. In: [OPUSCULA ALTAICA. Essays Presented in Honor of Henri Schwarz]. Edward H. Kaplan and Donald W. (ed.). Whisenhunt. Western Washington, 1994. P. 187–199. (In Russ.)
- Burdukov N. F. [Report ... to the Minister of Agriculture and State Property of the Official of Special Assignments N. Burdukov about the

Все названные нами эволюционного свойства изменения, так или иначе, объективно выдвигали на первый план необходимость всестороннего реформирования калмыцких кочевий Российской империи.

Edited by Edward H. Kaplan and Donald W. Whisenhunt. Western Washington, 1994. P. 187–199.

- Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: Известия отдела археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, 1898. Т. XV. Вып. 1–2. 239 с.
- Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) в двух очерках // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского Листка», 1892. 214 с.: 33 рис.
- Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.

Business Trip to Bolshederbet ulus, Stavropol Province, in Autumn 1898]. St. Petersburg: V. Meshcherskiy, 1898. 126 p. (In Russ.)

- Dubrova Ya. P. [Kalmyk Everyday Life in Stavropol Province, before the Law was issued on 15 March 1892]. Vol. XV. Vol. XV. 1–2. Kazan: Bulletin of the Department of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University, 1898. 239 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. [Economy and Social Relations in Kalmykia in late XIX – early XX cent.: Historical Experience and Modernity]. Elista: Dzhanger, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. [Historical and Statistical Information on Kalmyks Travelling in the Astrakhan Province]. St. Petersburg: S. Nusvalt Print. shop, 1870. 170 p. (In Russ.)
- Zhitetzky I. A. [Astrakhan Kalmyks (Observations and Notes) in two Essays]. In: [Proceedings of the Members of Petrovskiy Society of Astrakhan Region Researchers]. Astrakhan: Print. shop of “Astrakhan Newspaper”, 1892. 214 p. 33 fig. (In Russ.)

УДК37.014.5(470.6) + 37.014.5(470.47)
ББКЧ404.1(235.7) + Ч404.1(2Рос. Калм)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД
СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-х – 1930-х гг.
(на материалах национальных районов Юга России)**

К. Ф. Лиджеева

Становление и развитие советской системы образования народов юга России — проблема для отечественной историографии не новая, и отдельные аспекты рассматриваемой темы находили отражение в различных изданиях по истории советского государства — в коллективных трудах, монографиях, статьях. В первое десятилетие XXI века, в связи с продолжающимся поиском современной образовательной модели, исследователи вновь обращаются к истории образования (работы А. Б. Панькина [Панькин 2001], Л. Х-У. Гудиевой [Гудиева 2005], Х. Б. Мамсирова [Мамсиров 2006], Е. В. Сартиковой [Сартикова 2008], К. Ф. Лиджеевой [Лиджеева 2012]).

Ретроспективный анализ образовательной сферы в период советской индустриальной модернизации определен необходимостью выявления положительного опыта для решения ее проблем на современном этапе. Во второй половине 1920-х гг. попытки реализации образовательного проекта, несмотря на усилия руководителей Народного Комиссариата Просвещения (далее — НКП), не принесли ожидаемых результатов. В 1928 году на пленуме ЦК ВКП (б) отмечалось «несоответствие между потребностями в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности... и состоянием дела подготовки кадров специалистов» [КПСС в резолюциях 1970: 356–357]. Экономические потребности государства требовали подчинить сферу образования задачам массовой подготовки кадров. В национальных автономиях юга России содержание образования также изменялось, переход на прежние методы обучения способствовал возвращению региональной школе ее прямой функции обеспечения учеников знаниями.

В этот период административные элементы все более проникали в сферу образования. Единообразие, ставшее ее характер-

ной особенностью, негативно отразилось и на национальной школе. Недостаток национальных кадров, отсутствие полноценных учебных программ привели в регионе к их сокращению. Комиссариат по делам национальностей РСФСР, заслушав доклад Северокавказского НКП, констатировал «неудовлетворенность темпов работы по коренизации начальной школы в национальных областях» [КПСС в резолюциях 1970: 354, 356].

Но сформировавшиеся по инициативе государства принципы образовательной политики позволяли решать задачи обеспечения общеобразовательной подготовки школьников и их воспитания в южно-российских автономиях, что отвечало требованиям экономического и социального развития страны. На Северном Кавказе и в Калмыкии городские, районные и сельские советы ввели регистрацию всех детей школьного возраста, в их обязанность входило также определение для каждой школы радиуса обслуживания и обеспечение учебного процесса школьными зданиями.

В соответствии с особенностями социально-экономического развития изменялись задачи, стоящие перед сферой школьного образования, что, в свою очередь, привело к необходимости корректировки ее структуры. Но принципиальных изменений за годы советской власти не произошло, а практика продемонстрировала целесообразность прежних видов школьного обучения. По постановлению «О структуре начальной и средней школы в СССР», принятому 15 мая 1934 г., устанавливались три типа общеобразовательной школы: начальная (4 класса), неполная средняя (7 классов) и средняя (10 классов), что соответствовало реалиям социально-экономического и политического развития страны. Школьное обучение унифицировалось, что в конечном итоге привело к созданию единого типа школы.

В рассматриваемый период целями развития сферы образования в южнороссийских национальных районах стали не только ликвидация неграмотности населения и осуществление всеобщего, но и введение всеобщего обязательного политехнического обучения в объеме семилетней школы. В это время в школах южнороссийских национальных районов применялись разнообразные методы, активизирующие деятельность учащихся и способствующие их профессиональной ориентации. Их практическое внедрение в регионе проходило с затруднениями. Тем не менее, в школах национальных районов юга страны продолжала осуществляться определенная система трудового воспитания и политехнического обучения. Ее важнейшими компонентами были осуществление политехнического принципа в преподавании основ наук, производственные экскурсии, внеклассная работа по технике и агробиологии, общественно-полезный производительный труд школьников, и они оставались в практике советской школы до конца 1930 годов. Естественно, что все они подчинялись учебным и воспитательным целям школы — продолжения учебы ее выпускников в вузах и техникумах и подготовке кадров-специалистов для работы в народном хозяйстве, так как это требовалось для решения масштабных государственных задач.

На состоявшемся в 1931 году XV Всероссийском съезде Советов выступил народный комиссар просвещения страны А. С. Бубнов. В соответствии с его докладом было принято постановление, в котором констатировалось, что «...политехническая школа должна явиться в руках советской власти одним из средств... ликвидации противоречий между городом и деревней, и устранения разрыва между физическим и умственным трудом» [Бубнов 1931].

В южнороссийских национальных районах органы образования проводили проверку результатов прикрепления школ к предприятиям и выполнения заключенных с ними договоров, местные исполнительные комитеты устанавливали их обязанности перед школой, руководители несли ответственность за политехнизацию школы. Специалисты обязаны были оказывать учителям помощь в области технических знаний в соответствии с их технической и агрономической подготовкой, а также проводить техническую пропаганду среди учащихся.

Кроме того, в этот период все новостройки обеспечивались школами.

Несмотря на трудности, здесь был накоплен некоторый положительный опыт по политехническому обучению. Так, преподаватели физики, химии, биологии знакомили учащихся с жизнью и деятельностью выдающихся русских и советских ученых, особое внимание уделялось показу достижений науки и техники своего времени, и эта работа в значительной мере способствовала расширению политехнического кругозора школьников.

В соответствии с учебными программами по предметам естественно-математического цикла в школах республик юга страны имелось немало возможностей для осуществления отдельных элементов трудового обучения, особенно в области сельскохозяйственного труда. В школах Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Адыгеи, Калмыкии и других автономий на основании учебных программ устраивались экскурсии на местные промышленные предприятия, в колхозы и совхозы, что давало детям понимание общественных целей государства, приобщало их к «социалистическому строительству в стране». С целью развития общественно-трудовой активности учащихся в регионе создавались летние школы, в которых весь учебно-воспитательный процесс основывался на труде учащихся, в них особое внимание уделялось сельскохозяйственным опытам и экспериментам, результаты которых использовались как образовательный материал. Эти школы сыграли определенную роль в социализации учащихся. В партийных документах подчеркивалась «...важность трудового обучения и изучения техники в теории и на практике для коммунистического воспитания детей и юношества, школа была и остается политехнической. Это имеет большое воспитательное значение и весьма важно для обороны и хозяйственной жизни страны» [Политехническое обучение 1953: 22].

Работа по ликвидации неграмотности, введение всеобщего и политехнизма в южнороссийском регионе осуществлялись в сложных социально-экономических и демографических условиях. Здесь, в целях повышения качества обучения, шел поиск стабильной и доступной системы образования, психологически адекватно воспринимаемой многонациональным населением. Резуль-

таты ежегодных испытаний учащихся начальных классов подтверждали эффективность проведенной работы. В большинстве русских школ обучающиеся показывали прочные знания по основным предметам. В национальных школах грамотность улучшалась медленнее, что объяснялось отсутствием для них единой программы, качественных учебников на родном языке, недостаточной квалификацией педагогических кадров, малым количеством учреждений образования в горных районах края, слабой материальной и учебной базой этих школ.

Составной частью образовательного процесса в это время стала воспитательная работа. Ее целью являлось воспитание коллективиста, свободного от национальной ограниченности и религиозных предрассудков. В эти же годы получила обоснование и система внешкольной работы.

Таким образом, специфика сферы образования в национальных республиках Юга страны исследуемого периода состояла в интенсивном повышении культурного уровня населения. Эта специфика определяется подлинной всеобщностью начального обучения детей, ликвидацией неграмотности и малограмотности взрослых, контролем со стороны органов образования за посещением детьми школы, созданием необходимых условий для детей из малоимущих семей и т. п. Повышение качества обучения происходило благодаря возврату к традиционной системе, научной организации педагогического процесса, совершенствованию форм и методов учебной работы, усвоению языка межнационального общения, разработке методики начального обучения, повышению квалификации преподавателей, централизации системы управления сферой образования. Национальная школа для народов южнороссийского региона обеспечивала знание родного языка и овладение национальной культурой. Но все мероприятия в образовательной сфере были направлены на ее унификацию, заключавшуюся в формировании единой социально-политической общности и решения прагматических задач хозяйственного развития.

Результативность модернизационных изменений в этой сфере проявилась только в 1930-х гг., когда уровень грамотности населения в среднем на юге России достиг 70 %, так, показатели по Чечено-Ингушетии уже выглядели достаточно высокими, и к концу 1930-х гг. в этой автономной ре-

спублике среди чеченцев грамотных было уже 85 %, а среди ингушей — 92% [Юсупов 1969: 119–120.] Одним из масштабных и позитивных проектов государства являлась ликвидация неграмотности, но официальная позиция не всегда совпадала с той, которой придерживались многие представители местных народов, что отчетливо прослеживалось по динамике сокращения религиозных школ, лишенных государственной поддержки.

В 1920-е гг. на Северном Кавказе религиозные и частные школы были достаточно распространенным явлением. Они функционировали наряду со школами НКП и составляли, таким образом, альтернативу официальному образованию. Например, в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Дагестане в 1924–1926 гг. таких школ насчитывалось 2 295, в них обучалось 56 068 детей [Мамсилов 2006: 10]. В Чечне духовные школы не только сосуществовали со светскими, но и успешно конкурировали с ними. Но к концу 1920-х гг. они были закрыты. Основными причинами их уничтожения являлись официальная идеология воинствующего атеизма, сокращение финансирования и достаточно жесткий контроль со стороны административных структур. Таким образом, советское государство приступило к формированию собственной безальтернативной системы образования, особенностями которой были массовость и идеологическая направленность.

Несмотря на демографический спад прироста населения — в школе к этому времени учились дети, рожденные в годы гражданской войны и революции, — количество учащихся постоянно увеличивалось. Их общее число по Северному Кавказу к началу 1930-х гг. возросло более чем на 10 000 человек, и эти показатели превысили общее число обучавшихся в религиозных школах. В этот период в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Адыгее в государственных школах обучалось свыше 40 тысяч детей [Гобети 2006: 15].

Реализация постановления о всеобщем привела к значительной перестройке системы высшего образования. Уже в начале 1920-х гг. появились высшие учебные заведения, ориентированные на подготовку специалистов для южнороссийских автономий, началось формирование новой интеллигенции, что изменило социальную струк-

туру традиционных обществ. Руководство государства проводило целенаправленную политику по привлечению в число студентов представителей народов национальных районов Юга России. Это подразумевало их обучение не только в своем регионе, но и за его пределами. В 1920-х гг. им предоставлялись места в различных вузах страны, а к началу 1930-х гг. число вузов в самом Северо-Кавказском крае составило 13, в них обучалось свыше 4,5 тыс. студентов, работали 44 техникума с 10,5 тыс. учащихся и 14 рабфаков с количеством 3,6 тыс. человек [Боров 2007: 135; История Дона и Северного Кавказа 2004: 170]. В Калмыкии был открыт учительский, а затем педагогический институт.

Кроме того, было принято решение об открытии в южнороссийских национальных автономиях отделений Коммунистического университета трудящихся Востока (далее — КУТВ), реорганизованных затем в Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы. Они открылись в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и были призваны готовить руководителей колхозов, машинно-тракторных станций, совхозов и районов.

Несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей в подготовке специалистов из числа представителей северокавказских народов, здесь удалось достичь заметных результатов. Например, в 1930-х гг. в школах национальных автономий работало более 6 тысяч учителей из числа коренных национальностей, что составило практически половину от их общего количества. Школы имели твердое расписание и единый режим работы, сокращалась нехватка учебников, был осуществлен начальный всеобщий и созданы предпосылки для перехода ко всеобщему семилетнему образованию.

Таким образом, к концу 1930 гг. удалось совершить качественные преобразования в просвещении народов национальных районов Юга страны, что являлось частью государственной программы их развития в масштабах всего государства. Развитие сферы образования в регионе прежде всего диктовалось необходимостью индустриализации страны, которая определяла характер реформирования сферы школьного образования. Государство было заинтересовано в

сильной экономике, основой которой была развитая система образования. Но мотивы, определяющие ее востребованность, были иными, чем прежде, и, как следствие этого, новыми стали пути и методы решения образовательных задач.

Советская власть стремилась обеспечить всеобщую грамотность, поскольку от образовательного уровня зависели экономический рост и политическая активность населения. Несмотря на своеобразие партийной политической программы, она заложила фундамент культурного возрождения народов страны. В вопросах просвещения народов южнороссийских национальных районов была поставлена задача осуществления принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, свободной от религиозного влияния. Советское государство стремилось вовлечь в решение основных проблем модернизации все общество. Помимо обязательных общесоюзных, были и «местные» кампании, направленные на борьбу со старыми традициями и обычаями. Развитие образования в национальных автономиях имело особое значение, так как в этой сфере проводимые мероприятия были направлены на адекватность восприятия местным населением советской власти.

Но и само население также начинало понимать необходимость получения современного на тот период образования. Оно, иногда и под давлением, приучалось к тому, что дети, в том числе и девочки, должны учиться, что можно считать проявлением просветительского прорыва. Естественно, различные формы агитации и пропаганды, применяемые местными руководителями, часто оставались безрезультатными, но сам подход все же предоставлял населению возможность получения образования. В независимости от того, какими методами и средствами осуществлялась образовательная модернизация, советское государство создавало необходимую основу построения нового общества. На протяжении рассматриваемого периода в южнороссийских национальных автономиях произошли коренные изменения в сфере образования, в результате которых местное население могло получить гарантированное начальное и возможность приобретения профессионального образования.

Литература

- Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Эльбрус, 2007. 298 с.
- Бубнов А. С. О всеобщем обучении и политехнизации массовой школы [электронный ресурс] // URL: <http://oldgazette.ru/izvestie06031931/text2.html>. (дата обращения 18.08.2011).
- Гобети З. Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе в 30-е годы XX в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. № 4. С. 14–18.
- Гудиева Л. Х.-У. Начальный этап развития образовательного пространства Ингушетии. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 159 с.
- История Дона и Северного Кавказа (1917–2000): учебное пособие для студентов вузов / авт. колл. В. И. Афанасенко, А. В. Венков, А. Г. Кажарова и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та; Нальчик: Изд.-полиграф. центр, 2004. 390 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1970. 543 с.
- Лиджеева К. Ф. Развитие системы образования в национальных районах Юга России в конце XIX в. – 1941 г.: историко-сравнительный анализ. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 206 с.
- Мамсиров Х. Б. Проблемы создания системы образования на Северном Кавказе в период советской модернизации 20-х – начало 30-х гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии) // Вестник Кабардино-Балкар. гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. 2006. С. 8–13.
- Панькин А. Б. Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.
- Политехническое обучение в общеобразовательной школе / под ред. М. А. Мельникова и М. Н. Скаткина. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. 307 с.
- Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.
- Юсупов П. И. Первые шаги культурного строительства в Чечено-Ингушетии (1920–1925 гг.) // Известия ЧИНИИ. Вып. 1. Т. VIII. История, 1969. С. 110–130.
- Borov A. Kh. [North Caucasus in the Russian Civilization Process]. Nalchik: Elbrus, 2007. 298 p. (In Russ.)
- Bubnov A. S. [On General Education and Polytechnization of Mass School]. An Internet resource: <http://oldgazette.ru/izvestie06031931/text2.html>. (accessed: August 18, 2011). (In Russ.)
- [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Vol. 2. Moscow: Politizdat, 1970. 543 p. (In Russ.)
- Gobeti Z. B. [Establishment and Development of Public Education in the North Caucasus in the 30s of the XX cent.]. *Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center*. 2006. No. 4. Pp. 14–18. (In Russ.)
- Gudieva L. Kh.-U. [Initial Stage of Development of Educational Space in Ingushetia]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education Publ., 2005. 159 p. (In Russ.)
- [History of the Don and North Caucasus (1917–2000)]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ.; Nalchik: Polygraph Centre, 2004. 390 p. (In Russ.)
- Lidzheeva K. F. [Development of the Education System in the National Regions of the South of Russia in late XIX century – 1941: Historical and Comparative Analysis]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2012. 206 p. (In Russ.)
- Mamsirov Kh. B. [Problems of Creating an Education System in the North Caucasus during the Soviet Modernization of the 20s – early 30s of the XX century (on Materials of Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. *Bulletin of Kabardino-Balkar State University*. Ser. Humanities. 2006. Pp. 8–13. (In Russ.)
- Pankin A. B. [Ethnocultural Paradox of Modern Education]. Volgograd: Peremena, 2001. 446 p. (In Russ.)
- [Polytechnic Training in Comprehensive School]. M. A. Melnikov, M. N. Skatkin (ed.). Moscow: Acad. of Pedagog. Sciences of the RSFSR, 1953. 307 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. [Development of School Education in Kalmykia in the 20th Century]. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)
- Yusupov P. I. [First Steps of Cultural Construction in Chechnya-Ingushetia (1920–1925)]. *Bulletin of Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature*. 1969. Iss. 1. Vol. VIII. History. Pp. 110–130. (In Russ.)

References

УДК 904(4/5)

ББК Т444(051)-421.1

КАРАВАН-САРАЙ ТАСКЕШУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРАВАННЫХ ПУТЕЙ НА СТЕПНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ЕВРАЗИИ

П. М. Кольцов, К. П. Кольцова

На огромных пространствах Северной Евразии издревле пролегали важнейшие трансконтинентальные сухопутные и водные торговые маршруты, связывающие Европу со Средней Азией, Индией, Китаем, Закавказьем. С образованием в середине XIII века Золотоордынского государства в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане начинается бурный рост поселков, караван-сараев и городов: Сарай на Ахтубе, Сарай ал-Джедид, или Новый Сарай, Бельджамен, Укек, Сарайчик на Урале и др. [Манылов, Юсупов 1982: 170–182].

Караван-сарай обслуживали торговые караваны, которые нуждались в кратковременном отдыхе после мучительных и тяжелых переходов по песчаным и безводным пространствам. В местах ночевки стали строить жилища, склады, небольшие мечети и бани. Так постепенно караван-сарай превращались в комплексы, обеспечивающие относительно комфортное путешествие. В строительстве новых караван-сараев была заинтересована ханская власть и степная аристократия, поскольку процветающая торговля обеспечивала им твердый доход.

Расцвет градостроительства приходится на периоды правления ханов Узбека и Джанибека и связан с распространением на территории Золотой Орды ислама, политической стабильностью и экономическим подъемом. Золотоордынские города активно торговали и платили за покровительство властей процент в ханскую казну.

Большинство средневековых городищ золотоордынского времени были сосредоточены в бассейне крупных рек и их притоков. Купцы из Крыма и Азака-Таны шли вверх по течению Дона до места наибольшего сближения его с Волгой, где была перелока. Далее суда попадали в Волгу или Ахтубу, где был расположен Сарай — крупнейший торговый город. От него торговые пути шли на Сарайчик — золотоордынский город в низовьях реки Урал, и далее в благо-

устроенный караван-сараями известный путь на Ургенч, север Индии и торговые пункты Северного Китая. Из источников известно, что купеческий караван добирался из Крыма в Сарай за 2 месяца, затем до Сарайчика еще за 8–10 дней и из Сарайчика в Хорезм за 20 дней пути. Таким образом, расстояние из Крыма в Хорезм купцы покрывали за 3 месяца [Федоров-Давыдов 2001: 217].

Кроме водных путей, были и сухопутные дороги, которые пролегали по неозримым степным и полупустынным пространствам Прикаспия. Причем это была не одна единственная караванная тропа, а несколько дорог, которые располагались вблизи друг от друга, иногда они соединялись, например, в местах перехода через реку. В средневековье здесь строились укрепленные караван-сарай, где путешественникам за определенную плату предоставляли комнаты отдыха, обогреваемые канами, еду и складские помещения для хранения товаров. Подобные гостинные дворы выполняли также функции почтовых станций и охранялись наемными вооруженными отрядами [Даркевич 1976: 51–54].

К числу подобных мест можно отнести брод Таскешу, расположенный на левом берегу реки Сагыз, где в золотоордынское время был возведен караван-сарай кирпичной постройки, с внутренним двориком и помещениями вдоль стен [Толстов 1958: 14–15]. Впервые памятник исследовала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, возглавляемая С. П. Толстовым в 1950 г. В кратком отчете исследователя указано, что караван-сарай сложен из крупного обожженного кирпича. Здание построено в форме прямоугольника, размером 42×45 м с рядами помещений вдоль стен и внутренним двором. Во дворе и в северной части здания были заложены шурфы; в восточной части производилась зачистка. Культурный слой, мощностью около 2,5 м, содержал об-

ломки обожженных кирпичей, фрагменты раннесредневековой керамики, раздробленные кости животных. Вокруг здания была собрана поливная и неполивная керамика золотоордынского времени [Толстов 1953: 301–325].

Планомерные раскопки средневекового городища Таскешу начались в 2008 г. Атырауским областным центром истории и археологии при участии заведующего отделом археологии Астраханского краеведческого музея В. В. Плахова. Полевые работы были продолжены в 2009 году.

Следующая страница в истории исследования средневекового городища Таскешу началась в июне 2010 г. с работы международной археологической экспедиции, составленной из ученых Атырауского областного центра истории и археологии, Атырауского госуниверситета им. Х. Досмухамедова и Калмыцкого госуниверситета (г. Элиста, Россия). Ученые из Калмыкии впервые приняли участие в исследовании уникального памятника археологии, архитектуры и истории — Таскешу. Одного взгляда на раскоп средневекового городища было достаточно, чтобы понять, что перед нами караван-сарай золотоордынского времени, построенный в лучших традициях восточной

архитектуры [Гарифолла, Кольцов 2010: 25–28; Кольцов и др. 2012: 25–33].

Археологические раскопки городища Таскешу позволили установить, что стены памятника возведены из жженого кирпича на фундаменте из того же материала. Основным строительным материалом был обожженный кирпич размером 35×35×5 см. Изготавливался он на месте из лессовидных глин с добавлением органических веществ. Формовался кирпич, по-видимому, в деревянных рамках без дна, затем просушивался на солнце и обжигался в специальных печах. Кирпичная кладка крепилась на растворе из смеси извести, песка и мелкотертого кирпича.

Раскопки памятника велись в 5 секторах (№№ 34, 35, 36, 43, 44) послойно-квадратным методом, с зачисткой поверхности после снятия каждого слоя. Исследованные секторы раскопа дали возможность приблизительно понять проект данного городища. Оно имело четырехугольную форму площадью 55×55 м с дугообразными выступами на углах в виде башен (рис. 1). В центре зафиксирован четырехугольный внутренний двор площадью примерно 15×15 м. Вокруг городища отмечены следы оборонительного рва. Вдоль северной стены обнаружен

Рис. 1. Караван-сарай Таскешу. Вид на башню и стены городища с южной стороны.

коридор, который вел к башне. Анализ стратиграфии бровок между секторами позволяет установить, что развалины расположены, начиная со средневекового строительного горизонта, по всей высоте бровки. По объему развалин можно предположить, что здание караван-сарая разрушалось постепенно на протяжении многих лет. Разрушение происходило в результате воздействия как природных, так и антропогенных факторов. Великолепный комплекс оборонительных, жилых и торговых сооружений, возведенных еще в XIV в., сохранился до высоты 1–1,5 м.

Во время раскопок средневекового городища были обнаружены не только остатки кирпичных стен, но и постройки. Среди них есть жилые (гостевые) комнаты со следами глиняной обмазки пола, печей на полу с подогреваемой софой. Каналы отопления обложены со стороны стенок дома рядом плиточных кирпичей, уложенных на ребро. Местами караван-сарай был украшен глазурованными плитками.

Самым массовым материалом, полученным при работе на городище, является керамика, простая и поливная. Основная масса посуды была, по-видимому, привозной. Форма венчиков, ручек и орнамент на керамических изделиях отличается разнообразием.

К интересным и важным находкам сле-

дует отнести монеты, которые позволяют установить даты тех или иных исторических событий. Медная монета, найденная в окрестностях караван-сарая, была чеканена при хане Узбеке, который правил Золотоордынским государством с 1313 по 1341 гг. Другая монета золотоордынского времени была найдена на поверхности развалин городища Таскешу. Она датируется временем правления хана Джанибека (1342–1357 гг.). Описанные выше монеты были отчеканены в Сарае аль-Джедиде [Кольцов и др. 2012: 25–33].

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что городище Таскешу является первоклассным источником по изучению системы трансконтинентальных караванных маршрутов, которые в древности и средневековье соединяли Восток и Запад Евразии. Более того, раскопки столь уникального памятника позволяют судить об облике и структуре караван-сараев, которые в золотоордынское время были сосредоточены на пути к Сарайчику и от него к Ургенчу, где проходила распродажа разнообразных товаров купцами со всего света. Архитектура памятника и большое количество привозной керамической посуды дают широкие возможности для изучения экономических и культурных связей населения Западного Казахстана в XIV в.

Литература

Гарифолла А. Г. Научный отчет по археологическим раскопкам караван-сарая Таскешу в Макатском районе Атырауской области за 2008 г. Рукопись. Фонды КГКП «Атырауский областной центр истории и археологии». Атырау, 2009.

Гарифолла А. Г., Кольцов П. М. Археологические раскопки средневекового городища Таскешу // Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова — служение образованию и науке региона больше полувека. Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 60-летию юбилею вуза (29–30 октября). Том 1. Атырау: Изд-во Атырауского ГУ, 2010. С. 25–28.

Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М.: Наука, 1976. С. 51–54.

Кольцов П. М., Кольцова К. П., Касенов М. С.,

Куаныш С. О. Раскопки международной археологической экспедиции средневекового караван-сарая Таскешу в Западном Казахстане // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Вып. 3. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 25–33.

Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю. Караван сарай Центрального Устюрта // Советская археология. 1982. № 1. С. 170–182.

Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. // Труды ХАЭЭ. М. 1958. Т. II. С. 14–15.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г. // Советская археология. 1953. Т. XVIII. С. 301–325.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.

References

Darkevich V. P. [Argonauts of the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 51–54. (In Russ.)

Fedorov-Davydov G. A. [The Towns of the Golden Horde in the Volga Region: Ceramics. Trade. Way of Life]. Moscow: Moscow State University Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)

Garifolla A. G. [Scientific Report on Archeological Excavations of Taskeshu caravanserai in Makat District of Atyrau Region in 2008]. Manuscript. The Funds of the Atyrau Regional Center for History and Archaeology. Atyrau, 2009. (In Russ.)

Garifolla A. G., Koltsov P. M. [Archaeological Excavations of the Medieval Settlement of Taskeshu]. In: [Atyrau State University — Serving the Education and Science of the Region for more than half a Century]. Conf. proc. dedicated to the 60th anniversary of the University. October 29–30. Vol. 1. Atyrau: Atyrau State University Publ., 2010. Pp. 25–28. (In Russ.)

Koltsov P. M., Koltsova K. P., Kasenov M. S., Kuanysh S. O. [Excavations of the International Archeological Expedition of Medieval Taskeshu caravanserai in Western Kazakhstan]. *Bulletin of the Caspian Sea Region: Archeology, History, Ethnology*. 2012. Iss. 3. Pp. 25–33. (In Russ.)

Manylov Yu. P., Yusupov N. Yu. [Caravanserai of the Central Ustyurt]. *Soviet Archeology*. 1982. No. 1. Pp. 170–182. (In Russ.)

Tolstov S. P. [Excavations of Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition in 1949–1953]. In: [Proceedings of Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition]. Vol. II. Moscow, 1958. Pp. 14–15. (In Russ.)

Tolstov S. P. [Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences of the USSR, 1950]. *Soviet Archaeology*. 1953. Vol. XVIII. Pp. 301–325. (In Russ.)

УДК 94 (47) 084.6
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

в 20-е гг. XX в.

(на примере Калмыкии)*

Е. Н. Убушаев

Одна из основных внутренних функций государства — функция социальная, которая реализуется через социальную политику. Роль социальной политики в жизни общества огромна, и переоценить ее трудно, так как она призвана способствовать внутренней организации и развитию всех сфер общественной жизни, обеспечивать социальную поддержку проводимых государством мероприятий, которые, в свою очередь, должны содействовать стабильности политической власти.

Актуальность данного исследования определяется государственными задачами России в сфере совершенствования социальной политики в процессе перехода к общественным отношениям нового типа. В сегодняшнее непростое время значительно возросла общественная востребованность в научных историко-социальных знаниях. Вынужденный поиск путей решения социальных проблем активизирует всестороннее исследование исторического опыта социальной политики государства, выдвигает его в ряд насущных и актуальных научно-практических задач. Изучение социальной политики должно стать одним из источников воссоздания объективной истории 1920–1930-х гг., осмысления этого сложнейшего периода нашего прошлого.

Исходя из актуальности темы, мы ставим своей целью рассмотреть социальную деятельность советского государства в Калмыкии 20-х гг. XX в.

Следует отметить, что до сих пор проблема социальной политики в Калмыкии не подвергалась глубокому научному анализу как предмет специального изучения, а рассматривалась в основном в контексте изучения истории Калмыкии. Историографическую значимость этих работ нельзя недооценивать. В них закладывались долго-

временные устойчивые основы проблематики изучения, оценки, появлялись спорные проблемы и суждения.

Выбор основных направлений социальной политики во многом обусловлен экономическими, социальными, общественно-политическими, историческими факторами; и эти направления могут быть реализованы только в конкретных исторических условиях.

Советская власть получила весьма непростое наследие в социокультурной сфере. В начале XX в. в России сохранялись полукрепостнический режим, низкий образовательный и культурный уровень основной массы населения и крайне неудовлетворительная система здравоохранения. Так, на огромной территории России в 1914 г. насчитывалось лишь 3 607 средних и неполных средних школ, 101 917 начальных школ. Анализ уровня грамотности населения, по данным подворных переписей 12 губерний России среди сельского населения в 1910–1913 гг., показывает, что в среднем среди мужчин было 38 % грамотных, среди женщин — 9 %. Наиболее низка была грамотность у крестьян: у мужчин — 36,5 %, а у женщин — 12,5 %. Кроме того, в условиях царской России крестьянское сословие было фактически лишено возможности получения высшего образования, если не считать ничтожной доли учащихся этого сословия в вузах — 0,03 % (т. е. 3 человека на 10 тысяч учащихся). Среди обучавшихся в средних учебных заведениях это соотношение 1 к 1000 учащихся, то есть среднее образование было почти так же недоступно для сельского жителя, как и высшее [Культурное строительство СССР 1940: 37].

Еще более сложным было состояние сельской медицины. Так, на конец 1913 г. в России насчитывалось гражданских врачей

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация кочевого общества в первой половине XX в. в полиэтническом регионе: социокультурный аспект (на примере калмыков)», № 13-31-01283 а2.

— 24 031, фельдшеров — 29 986, фармацевтов — 13 752, повивальных бабок — 15 198. Из врачей 71 % находились в городах и 29 % жили не в городских поселениях, причем на 1 врача в городах приходилось 1 400 человек, а в сельских поселениях — 20 300 человек. В 1913 г. в больницах имелось 142 300 коек, из них в городах — 93 300, а в сельской местности — 49 000, и это почти на 180 млн. российского населения [Виноградов 1954: 5, 6, 8].

На общем фоне социокультурного положения в царской России обстановка в Калмыкии была еще более удручающей. Грамотных среди калмыцкого населения в 1913 году насчитывалось 2,3 % [10 лет 1930: 20]. В 1916 году в калмыцких улусах Астраханской губернии было 8 улусных мужских, 2 улусные женские начальные школы, 1 двухклассная школа в г. Астрахани и 31 народная начальная школа в аймаках. В Большедербетовском улусе Ставропольской губернии — 1 двухклассная школа в Башанте и 14 народных начальных школ в аймаках. Во всех этих школах работало около 90 учителей, из них учителей-калмыков — 15 человек (учителя, окончившие миссионерские школы и принявшие христианство, считались по национальности русскими) [Культура 1961: 63].

Особенно много проблем было в области народного здравоохранения. Во всех калмыцких улусах было всего 4 врачебных участка, 5 врачей и 12 фельдшеров. На медицинское обслуживание калмыцкого населения царским правительством в 1916 г. разрешалось расходовать из калмыцкого общественного капитала всего 38 600 руб. в год. Из-за отсутствия медицинской помощи среди калмыков были распространены различные социальные болезни, особенно туберкулез и трахома. В результате частых эпидемий инфекционных болезней в калмыцких улусах до революции была очень высокая смертность, особенно среди детей [Очерки 1970: 156]. Указанные данные, на наш взгляд, вполне отражают положение в

социокультурной сфере, которое было в досоветский период. При этом надо учитывать то обстоятельство, что это все данные официальной статистики, осуществить полную верификацию таковых уже не представляется возможным.

Такое состояние в социокультурной сфере требовало больших усилий для ликвидации отсталости и достижения минимального приемлемого уровня. Реализовать подобного рода преобразования могла только целенаправленная политика государства. Эту обязанность и возложило на себя Советское государство. В основе всей политики Советского государства лежало бесплатное обслуживание трудящихся. Программа партии большевиков предусматривала организацию бесплатной медицинской помощи, бесплатного общего и профессионального образования всех трудящихся, снабжение бедных детей пищей, одеждой, учебными пособиями за счет государства, выдачи государственной пенсии престарелым рабочим и др. [Ленин 1963: 32]

Одним из важнейших приоритетов социальной политики становится область образования. В 20-е гг. XX в. в Калмыкии отмечается постепенный рост образовательных учреждений. Так, если в 1920–1921 уч. г. в Калмыцкой области имелось 43 школы 1-й ступени, где обучалось 5760 учащихся, и 14 детских домов с 693 учащимися, то к 1922 г. уже было 82 школы, где обучалось 7 540 учеников, 2 школы 2-й ступени со 125 учениками, 8 детских домов с 849 воспитанниками, педагогический и сельскохозяйственный техникумы, советско-партийная школа, 13 клубов, 7 изб-читален и 14 библиотек-читален. Впервые в истории калмыцкого народа в эти годы появляется свой педагогический техникум, который должен был готовить свои национальные кадры учителей [10 лет 1930: 20].

Увеличение количества школ в области позволяет выявить следующие показатели [10 лет 1930: 21]:

Годы	Школ	Учащихся	% охвата
1907 г.	31	679	
1928/1929 г.	166	9638	40 %
1929/1930 г.	180	10186	50 %
1930/1931 г.	220	17536	77 %

Хозяйственно-культурный рост Калмыцкой области в 20-е гг. XX в. позволил Областному исполнительному комитету приступить в 1930 г. к осуществлению всеобщего начального обучения. Постановлением Облисполкома предусматривалось охватить начальным обучением детей 8 лет на все 100 %, 9 лет — на 80 %, 10 лет — на 60 % и полностью обучить подростков от 11 до 15 лет. В силу этого в 1930–1931 учебном году по плану должны были обучаться в школах 1-й ступени 14 454 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет и 8 650 подростков. Проведенная перепись уточнила эти цифры: детей 8–10 лет оказалось — 13 583 и подростков — 8 934, всего 22 513 человек.

Годы	Дет. площад-ки	Детские сады	Детские комнаты	Детские ясли	Охват	% охвата детей дошкольного возраста
1928/1929 г.	8	3	-	-	280	-
1929/1930 г.	37	8	-	-	1155	7,41 %
1931 г.	134	17	236	14	6 427	39,5 %

К 1931 г. в области имелось пять детских домов, которыми было охвачено около 400 беспризорных детей. Велась борьба с уличной беспризорностью по линии деятельности детской комиссии [10 лет 1930: 27].

В июле 1920 г. декретом Совнаркома при Народном комиссариате просвещения была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, работа которой имела особое значение для Калмыцкой области, где абсолютное большинство населения в первые годы Советской власти оставалось неграмотным, где сильны были традиции и пережитки прошлого в сознании людей, где далеко не во всех населенных пунктах были школы и культурно-просветительные учреждения. В этих условиях работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых имела исключительно важное значение.

В 1920 г. в области существовала 21 школа для взрослых, в которых обучались 640 человек. Эти школы находились в улусных и в некоторых аймачных центрах. Они были заняты, главным образом, ликвидацией неграмотности среди районного и сельского актива, членов районных и сельских исполкомов, членов партии и комсомола. В 1921–1923 гг. школы для взрослых, вследствие трудностей экономического характера, не получили широкого развития. Только в 1924 г. сеть таких школ заметно расши-

рилась: в Большедербетовском, Багацохуровском и Манычском улусах было по 6 школ, в Малодербетовском — 20, в Икицохуровском — 3, в Калмыцком Базаре — 2, в Хошеутовском — 7, в Яндыко-Мочажном — 5. Для них Калмыцкий областной отдел народного образования выделил 3 тысячи букварей и 4620 тетрадей. В 1924 г. в калмыцких улусах работали также 36 пунктов по ликвидации неграмотности на общественных началах. В дальнейшем, по мере развития экономики области, бюджетные ассигнования на нужды просвещения из года в год возрастали. Расширялась и сеть школ для взрослых. В 1925 г. в области работали 92 школы по ликвидации неграмотности, из них на средства местных Советов содержалось 50, на средства хозяйственных и кооперативных организаций — 42 школы; всего в них обучались 2970 человек [Ташнинов 1969: 127–128].

Большое внимание уделялось и дошкольному воспитанию. Перелом в этом направлении социокультурной деятельности произошел только к 1929 г., о чем свидетельствует увеличение количества детских учреждений:

Расширялась и сеть политико-просветительных учреждений. В 1925 г. в области работало 38 изб-читален, 10 клубов, 5 библиотек. На оборудование клубов и изб-читален из местного бюджета было выделено 5872 руб. и приобретено 9600 томов научно-популярной и антирелигиозной литературы, 10 проекционных фонарей и плакатов на калмыцком языке. Все виды культурно-массовой работы в политико-просветительных учреждениях проводи-

лись при активном участии представителей общественности, учителей, комсомольцев, партийного и советского актива, учащихся [Очерки 1970: 154].

Для работы партийных и советских органов в этот период было характерно стремление как можно быстрее покончить с неграмотностью, которое оборачивалось дезорганизованностью, формализмом в работе и часто — необъективной отчетностью в плане преувеличения достигнутых результатов. Поэтому большинство показателей динамики увеличения грамотности населения в 1920-е гг. следует считать относительными, позволяющими говорить не столько об абсолютных достижениях, сколько о доминирующих тенденциях.

В первой половине 20-х гг. XX в. был осуществлен комплекс мер по укреплению и развитию здравоохранения. Целенаправленная борьба с опасными заболеваниями в общегосударственном масштабе вскоре дала результаты на уровне достижений мировой цивилизации. Уже в 1927 г. была ликвидирована холера, а в 1932 г. — оспа.

Начало преобразований в народном здравоохранении в Калмыкии можно отнести к 1922 г., с этого времени усилия в области здравоохранения стали приносить значительные результаты. Если в 1913 г. число больничных коек равнялось 77 единицам, то в 1923 г. оно увеличилось до 170, одновременно увеличилось и число проведенных в больнице койко-дней — с 6 876 в 1915 г. до 20 599 в 1923 г. Заметный скачок дает и амбулаторная обращаемость, увеличившись с 22 096 в 1913 г. до 103 096 в 1923 г. Особо заметный рост и расширение учреждений здравоохранения начинается с 1924 г. В результате Калмыцкая область к 1930 г. имела 18 больниц с 400 койками, 16 амбулаторий, 3 вендиспансера, 2 тубдиспансера, 42 фельдшерских пункта, 3 хозрасчетные аптеки и 2 аптекарских магазина. К этому же времени в области насчитывалось 84 врача и 133 работника среднего медицинского звена. В 1920-х гг. на территории Калмыцкой области было построено 10 больниц. Строительство шло как на государственные средства, так и на средства населения. Увеличивались и ассигнования на дело здравоохранения. Если в 1925 г. было выделено 322 600 руб., то в 1931 г. — 1 246 900 руб. [10 лет 1930: 28–29]

Особое внимание уделялось охране материнства и детства. В рамках этой деятель-

ности в Калмыцкой области функционировали 8 консультаций для женщин и детей, 2 молочные кухни, 3 детских оздоровительных лагеря, 4 лагеря для детей и подростков, 1 детская оздоровительная площадка, 11 постоянных детских яслей на 240 человек и 31 летние ясли на 620 человек. Рост сети учреждений по охране материнства и детства объяснялся жизненной необходимостью в них. Врачебные советы и помощь в период беременности и материнства имели громадное профилактическое и санитарно-просветительное значение [10 лет 1930: 31].

В 1920-е гг. сложившиеся условия жизни потребовали углубленного государственного подхода к вопросу о праве на государственное обеспечение населения. Согласно докладной записке Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР, социальному обеспечению подлежали участники гражданской войны, инвалиды войны, семьи погибших, семьи призванных, инвалиды [НА РК. Ф. Р 29. Оп. 1. Д. 290. Л. 67–79об.]. Тем не менее, областной отдел социального обеспечения громадную долю своей работы направил прежде всего на оказание помощи пострадавшим от гражданской войны. С этой целью в начале 1920-х гг. была составлена и направлена в центр подробная смета на сумму 5 400 млн. рублей, испрашиваемых на восстановление разоренного хозяйства степняков. Громадную для того времени эту сумму предполагалось употребить на покупку рогатого скота и лошадей, из расчета 3–4 головы на семью. С этой же целью в начале 1921 г. областным отделом социального обеспечения было представлено ходатайство об отпуске степному населению 1 530 аршин мануфактуры, 65 000 пар обуви и 170 000 катушек ниток. Социальная помощь в основном сводилась к выдаче денежного и натурального пайка. Так, на пособия семьям красноармейцев было потрачено 18 350 000 руб., а натуральный паек выдавался одной мукой, других продуктов в распоряжении отдела социального обеспечения не было. Денежные пособия назначались инвалидам войны и труда и их семьям [10 лет: 32–33]. Кроме того, отдел социального обеспечения выступал с предложением поместить инвалидов войны и труда в специальные учреждения — инвалидные дома, но таковых в степи было два — Яндыко-Мочажный и Ремонтненский. К числу мероприятий, принятых для улучшения жизни инвалидов

и вовлечения их в производство, можно отнести организацию артелей, которые должны были объединить отдельных инвалидов для ведения коллективной работы [НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 112. Л. 9–12].

Проведение социальных мероприятий затруднялось и в связи с объективными факторами. Обширная, лишенная удобных путей сообщения территория, дальность расстояния между слабо заселенными и редкими хотонами, удаленность последних от крупных центров, крайне подвижный, кочевой уклад жизни калмыка-степняка и культурная отсталость населения привели к тому, что охват калмыков социальными мероприятиями был крайне незначителен.

Препятствием, часто сводившим на нет всякий успех этой работы, являлся и бандитизм. Данная проблема требовала особого внимания, ибо бандитизм вносил полную дезорганизацию в работу органов социального обеспечения, угрожал личной безопасности сотрудников, мешал налаженности почтовой и транспортной связи и т. п. [НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 67. Л. 70].

К неблагоприятствующим работе отдела обстоятельствам можно отнести и нехватку опытных сотрудников как в област-

ном, так и в улусных органах социального обеспечения, следствием чего была частая смена заведующих областным отделом социального обеспечения: за один только 1919 г. здесь сменились семь заведующих, а в 1920 году — пять. При этом они нередко состояли одновременно заведующими другими отделами, например, А. М. Амур-Санан заведовал отделом образования, а Г. М. Манкиров — финансовым отделом. Понятно, что столь быстрая смена руководителей учреждения не могла не отразиться на эффективности его работы.

Таким образом, в ходе первых социальных мероприятий советской власти действительно был осуществлен огромный и масштабный комплекс мер социокультурного развития. Все мероприятия в социальной сфере носили жесткий классово-дифференцированный характер, заключавшийся в том, что государственная социальная поддержка оказывалась только трудящимся. Главным результатом этих мероприятий советской власти в Калмыкии стала сформировавшаяся, относительно стройная система социальной политики, на основе которой удалось добиться существенных сдвигов в социальном развитии и обеспечении калмыцкого народа.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия Национальный архив (НА РК). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 290, 112.

Литература

10 лет Калмыцкой автономной области (1920–1930). Астрахань: Калмиздат, 1930. 135 с.

Виноградов Н. А. Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Медгиз, 1954. 32 с.

Культурное строительство СССР. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 269 с.

Культура Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 82 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 38. 579 с.

Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР. (июль 1920 г. – июнь 1937 г.): сб. док. и мат-лов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 367 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. В 2 т. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука. 1970. 432 с.

Ташнинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 214 с.

Sources

[The Government Agency of the Republic of Kalmykia National Archives]. Fund R-29. Invent. 1. Case 290, 112. (In Russ.)

References

[10 years of the Kalmyk Autonomous Region (1920–1930)]. Astrakhan: Kalmizdat, 1930. 135 p. (In Russ.)

[Cultural Construction in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosplanizdat, 1940. 269 p. (In Russ.)

[Culture of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. Elista: Kalm. Book Publ., 1961. 82 p. (In Russ.)

[Essays on the History of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. In 2 vol. Vol. 2. Era

of Socialism. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)

Lenin V. I. [The Complete Works]. Vol. 38. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 579 p. (In Russ.)

[National-state Construction in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. (July 1920 – June 1937)]. Elista: Kalm. Book Publ., 1981. 367 p. (In Russ.)

Tashninov N. Sh. [Essays on the History of Education in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. Elista: Kalm. Book Publ., 1969. 214 p. (In Russ.)

Vinogradov N. A. [Health Care during the Preparation and Holding of the Great October Socialist Revolution]. Moscow: Medgiz, 1954. 32 p. (In Russ.)

УДК 94 (470)

ББК 63.3 (2 Рос-Калм)

О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Н. Н. ПАЛЬМОВА

О. А. Джагаева

С Калмыкией связано немало имен людей, чья жизнь и деятельность стали неотъемлемой частью истории республики. К таким людям относится и Николай Николаевич Пальмов — достойный представитель русской интеллигенции, внесший весомый вклад в становление и развитие отечественного калмыковедения, высоко оцененный современной калмыцкой историографией. Имя профессора Н. Н. Пальмова, человека, стоявшего у истоков создания калмыцкой исторической науки, архивного и музейного дела в Калмыкии, хорошо известно не только в Калмыкии, но и за ее пределами.

Таких людей, как проф. Пальмов, было немного в калмыцком обществе того времени, но они были и оставили богатое научное наследие, которое изучается многими поколениями ученых.

В деятельности проф. Пальмова можно выделить четыре основных направления: научно-исследовательское, педагогическое, архивное и музейно-просветительское. Следует отметить, что существующая на сегодняшний день литература не в полной мере освещает его творческий путь как ученого-историка, архивиста, педагога, музейщика. Между тем ученый опубликовал большое число исследований, которые, однако, не получили в калмыцкой историографии соответствующей оценки. Кроме того, в архивах хранится значительное количество документов, еще не полностью введенных в научный оборот. Среди них особенно интересны письма ученого, касающиеся различных исторических сюжетов.

Компетентный анализ исторических работ Н.Н. Пальмова дан в работе Л. С. Бурчиновой [Бурчинова 1978], в обширном предисловии А. М. Джалаевой к сборнику его трудов [Джалаева 2007: 3–25].

Как исследователь он был многогранен. Научная деятельность Николая Николаевича Пальмова была типичной для ученых «старой» школы, последователей «государственной школы» в русской историографии.

А. И. Наберухин отмечает, что ученый является продолжателем традиций российских историков-краеведов, сформировавшихся в условиях пореформенной России [Наберухин 1974: 23–28].

Его исторические работы носят фундаментальный характер по широте проблематики и глубине анализа. С научной обстоятельностью Н. Н. Пальмовым убедительно и концептуально разрабатывались актуальные проблемы истории калмыков. «Очерк калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России», «Этюды по истории приволжских калмыков», «Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь», «Приволжские калмыки», «Очерк истории калмыцкого народа», «Калмыки на Дону» — эти и другие научные работы ученого вошли в золотой фонд калмыцкой исторической науки.

В своих многочисленных статьях и очерках он использовал большой и разнообразный массив исторических источников. В 1918–1920 гг. в результате изучения древней истории Астраханского края появилась статья «Роль Хазарин в культурных сношениях Киевской Руси с Кавказом» и другие работы.

Безусловно, исторические труды Н. Н. Пальмова представляют большой интерес и сегодня. Его исследования привлекают внимание своей неординарностью и самобытностью. Так, Н. Н. Пальмов высказал мнение о том, что у калмыков до вхождения в состав Российского государства не было крепостного права, появившегося значительно позже и усилившегося после 1771 г. при активном участии царского правительства.

Труд ученого был самоотверженным в полном смысле слова, поэтому он и успел сделать так много за столь короткий срок.

Занимаясь проблемами истории, Н. Н. Пальмов уделял большое внимание и изучению этнографии калмыцкого народа. В частности, его внимание привлекали воп-

росы этнического состава калмыков. Работая над этой проблематикой, Н. Н. Пальмов собрал большой архивный материал о донских, моздокских, оренбургских и уральских калмыках.

1 марта 1921 г. Н. Н. Пальмов приступил к работе в качестве главы архивно-музейной секции Калмыцкого облоно. В дальнейшем вся его деятельность была связана со становлением и развитием архивного и музейного дела в Калмыкии.

Н. Н. Пальмов много «брал на себя», предпринимая разные нововведения исключительно на свой страх и риск. От него как главы и руководителя архивного дела Калмыкии, помимо огромной энергии, требовались знания, компетентность и решительность.

Организация архивного дела в Калмыцкой автономной области предполагала комплексное решение таких задач, как определение структуры организации его документальных материалов, разработка качественно новых принципов фондирования, создание совершенного справочного аппарата и, наконец, всестороннее использование архива в научных целях.

Понимая важность и серьезность начатого дела, Н.Н. Пальмов с чувством высокой гражданской ответственности взялся за организацию и налаживание деятельности областного архива. На первых порах ему как руководителю было нелегко, не хватало средств, квалифицированных специалистов [НА РК. Ф.Р145. Оп. 1. Д. 337. Л. 14].

Большую озабоченность у ученого вызывал вопрос повышения квалификации архивных сотрудников. Осознавая, что новые сотрудники практически не имеют опыта работы, он стремился привить им уважительное отношение к памятникам прошлого, раскрыть их ценность.

Отдельно следует выделить музейно-экспозиционную деятельность Н. Н. Пальмова, результаты которой имели большую практическую значимость для Калмыкии.

Уже в 1920-е гг. Н. Н. Пальмов обратился к видным общественным деятелям Калмыкии с предложением объединить усилия ученых и создать в Калмыцкой области научно-исследовательскую организацию, разрабатывающую проблемы развития экономики и культуры калмыцкого народа. В те годы инициатива ученого не была претворена в жизнь. Но идея организации научно-исследовательского института монголовед-

ческого направления со временем получила развитие, и в 1941 г. был создан Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук).

Особое внимание Н. Н. Пальмов уделял вопросу подготовки национальных кадров — архивистов, историков, этнографов, филологов и других специалистов. Большая проблема заключалась в том, что в архиве хранились документы на старокалмыцкой письменности, но никто из сотрудников не мог их прочитать. Как ученый, Н. Н. Пальмов предугадывал вероятность нахождения источников с калмыцкими текстами в других архивах, в частности, в архивохранилищах Москвы. Его заветной мечтой было собрать в Калмыцком национальном архиве хотя бы копии этих документов с тем, чтобы ими мог пользоваться любой интересующийся местной историей. Познакомившись ближе с Х. Б. Кануковым и узнав, что тот знает хорошо старописьменный калмыцкий язык, он настойчиво советовал ему заняться переводом памятников калмыцкой литературы, обещая со своей стороны дать необходимые научные примечания. В этой области, по его мнению, был непочатый край работы, которой хватило бы не на один век [Пальмов 2007: 17].

Проблему подготовки специалистов из среды калмыков Н. Н. Пальмов связывал с воспитанием подрастающего поколения. Разработав в кратчайшие сроки курс истории калмыцкого народа, он читал его в Калмыцком педагогическом техникуме — одном из первых средних учебных заведений Советской Калмыкии. С его лекционными разработками, написанными четким убористым почерком, мог подробно ознакомиться каждый студент. Сам по себе этот факт имел большое воспитательное значение для будущих преподавателей школ.

Проводя большую работу со студентами Калмыцкого педагогического техникума, Н. Н. Пальмов не упускал случая пробудить интерес к истории в каждом, кто встречался с ним, особенно это чувствовалось в его отношении к молодым товарищам. Н. Н. Пальмов часто приводил своих слушателей в архив, знакомил с архивными документами, безмолвными свидетелями давно ушедших времен. Показывая студентам печати калмыцких правителей или памятники на старокалмыцкой письменности,

он надеялся, что кто-нибудь из них станет со временем лингвистом, историком, специалистом по геральдике [Бурчинова 1978: 15].

Большое значение в деле подготовки национальных кадров Н. Н. Пальмов придавал организации кафедры калмыковедения при Нижне-Волжском коммунистическом университете имени В. И. Ленина в Саратове, где он читал лекции. Поэтому Н. Н. Пальмов охотно отзывался на предложение дать отзыв на план проекта организации кафедры. Тщательно изучив присланный проект плана, ученый высказал ряд ценных замечаний и пожеланий.

Помимо этого, за сравнительно короткий срок Н. Н. Пальмов отправил в Саратов немало работ, выполненных им лично или при его непосредственном участии и руководстве. Посылаемая ученым корреспонденция была разнообразной. Явно справочный характер имела поступившая на кафедру записка о системе государственного управления калмыцким народом с момента обоснования калмыков на Волге и вплоть до 1917 г.

Как педагог и воспитатель, он прекрасно понимал, что такие качества, как любовь к Отчизне, патриотизм, знание истории, традиций необходимо прививать человеку начиная с детских лет. Н. Н. Пальмов, годами работая со студенческой молодежью, все больше убеждался в том, насколько необходимо учебное пособие по краеведению для калмыцких школьников. Несмотря на большую занятость, он выкраивал два дня в неделю с тем, чтобы переработать лекции, читаемые в педтехникуме, в учебное пособие.

В будущем учебном пособии, на его взгляд, следовало бы наибольшее внимание сосредоточить на изложении таких важных и вместе с тем сложных тем, как добровольное вхождение калмыцкого народа в состав Российского государства и откочевка части народа в Джунгарию в 1771 г., а также на реформе 1892 г., отменившей обязательные отношения в калмыцком обществе [Гучинов 1974: 78].

По мнению Н. Н. Пальмова, при изложении в учебных пособиях истории социальной структуры калмыцкого общества в дореволюционный период необходимо использовать архивные материалы, содержащие конкретные факты об эксплуатации труда рабочих-калмыков на рыбных про-

мыслах, об участии калмыков в восстании под предводительством Емельяна Пугачева и т. д. Большое внимание предлагалось уделить освещению Свода законов 1640 г. («Цааджин Бичик»), социокультурных условий появления законов Дондук-Даши и Зензелинских постановлений.

Чтобы собрать документы по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Калмыкии, Н. Н. Пальмову пришлось обращаться за помощью и содействием к самим участникам этих событий. Узнав, что с именем Х. Б. Канукова связано издание одной из первых национальных газет «Улан хальмг» («Красный калмык»), органа политотдела Калмыцких воинских частей, ученый проявил большой энтузиазм. В результате ему удалось оформить личный фонд Х. Б. Канукова, видного государственного и общественного деятеля республики. Отметим, что видный государственный деятель Советской Калмыкии Харты Бадиевич Кануков и профессор Пальмов часто подолгу беседовали о прошлом и настоящем калмыцкого народа, о том, как сделать его жизнь лучше. В этих беседах зародилась большая и трогательная дружба, длившаяся до конца их жизни. Х. Б. Кануков являлся первым критиком работ Н. Н. Пальмова и дал следующую оценку его творчеству: «Я лично самым искренним образом убежден в полезности и необходимости Вашего труда. Наоборот, надо сомневаться, достаточно ли мы ценим этот тяжелый, кропотливый, вместе с тем полезный для нас труд, как архив и история калмыков...» [НА РК. Ф.Р 145. Оп. 1. Д. 369. Л. 21].

В конце 1932 г. из Саратова в Астраханский архив в командировку на несколько дней приехал заведующий кафедрой калмыковедения профессор А. Минкин, чтобы познакомиться с документальными материалами по истории дореволюционной Калмыкии. О «темпах» погружения в калмыцкую историю А. Минкина можно судить по письму Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову от 23–31 декабря 1932 г. Со свойственной ему деликатностью он писал: «На меня он произвел впечатление дельного человека и осведомленного в калмыцкой экономике за XIX в., материалы по которой он собирал несколько месяцев в Ленинграде, в архивах министерства... Для Минкина не менее интересно было вступить в дискуссию в вопросах, в оценке которых он как молодой марксист не всегда был согласен с

представителем уходящей в историографическое прошлое русской дореволюционной школы историков» [Эрдниева 1989: 94].

Своими обширными знаниями профессор Пальмов щедро делился с организаторами кафедры. В 1931 г. в Саратов были посланы списки рукописей известного попечителя К. И. Костенкова «Об освобождении калмыков от обязательных отношений к нойонам и зайсангам» и «О сокращении штата хурульного духовенства», написанных в 60-х г. XIX в. Одновременно в архиве была организована большая поисковая работа по выявлению новых документальных материалов [Пальмов 2007: 17], которая отражала лишь отчасти большую научно-справочную деятельность архива тех лет. Прежде, до революции, архиву никогда не приходилось выполнять столь большое количество запросов. Часто ему приходилось самому вникать в суть запроса и заниматься поисками необходимой документации.

Ценные материалы были выявлены Н. Н. Пальмовым для проводившейся в Калмыкии в 1920-х годах Нижне-Волжской мелиоративной экспедиции во главе с профессором Броздиным и медицинского обследования, возглавляемого профессором Берлиным [Бурчинова 1978: 20]. Н. Н. Пальмов старался дойти до сути каждой проблемы.

Показательна в этом плане его работа над запиской, составленной в начале марта 1771 г. калмыцкими демчеями для академика П. С. Палласа. Первоначально выяв-

ленную копию оригинала записки Пальмов представил в Академию наук, снабдив ее предварительно замечаниями. Спустя несколько лет ему пришлось вновь вернуться к ней в связи с подбором материалов для хрестоматии по калмыцкой истории. В частности, им было обращено внимание на сознательное умалчивание демчеями в записке исторического труда Габан-Шараба, попавшего в свое время в опалу у властей. Кроме того, он установил, что авторы источника ошиблись в датировке одной из прикочевок калмыков на Волгу с Эмбы через Урал. Описанное событие, на его взгляд, имело место не осенью 1633 г., как указывалось в записке, а весной 1633 г. К тому же оно не было единичным и наблюдалось, начиная с 1614 г., то есть с того момента, когда калмыки впервые увидели Волгу [Пальмов 1922: 65].

Известность историка определяется популярностью его работ, научный же авторитет зависит от ценности проведенного исследования. Проведенный анализ научных трудов проф. Пальмова полностью подтверждает этот тезис. Объективно оценивая в целом вклад Н. Н. Пальмова в калмыковедение, необходимо еще раз подчеркнуть новаторский характер его работ. Нам еще предстоит осуществить целостный анализ его научного наследия.

Дела его не забыты: имя профессора, и вполне заслуженно, носит с 1968 г. Национальный музей Республики Калмыкия.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия Национальный архив (НА РК). Ф.Р. 145. Оп. 1. Д. 337, Д. 369.

Литература

Бурчинова Л. С. Ученый, педагог, человек: Библиографический очерк о Н. Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 464 с.

Джалаева А. М. Предисловие // Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.

Гучинов М. И. Н. Н. Пальмов – организатор архивного дела в Советской Калмыкии // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11. Сер. истор. Элиста: Калм. НИИЯЛИ, 1974. С. 76–89.

Наберухин А. И. Н. Пальмов об эволюции по-

литического строя Калмыцкого ханства // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11. Элиста: НИИЯЛИ, 1974. С. 23–28.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Т. 1. Астрахань, 1926. С. 35–38.

Пальмов Н. Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. / Предисловие Л. С. Бурчиновой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С. 159.

Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступит. ст. и примеч. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.

Эрдниева К. О. Летописец калмыцкой истории // Теегин герл. 1989. № 2. С. 94–95.

Sources

[The Government Agency of the Republic of Kalmykia National Archives]. Fund R. 145. Invent. 1. 337, 369. (In Russ.)

References

Burchinova L. S. [Scientist, Teacher, Man: Bibliographical Essay about N. N. Palmov]. Elista: Kalm. Book Publ., 1978. 464 p. (In Russ.)

Dzhalaeva A. M. [Foreword]. In: [Palmov N. N. Materials on the History of the Kalmyk People during their Stay within Russia]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

Erdnieva K. O. [Chronicler of Kalmyk History]. *Teegin Gerl*. 1989. No. 2. Pp. 94–95. (In Russ.)

Guchinov M. I. [N. N. Palmov, an Organizer of Archives in Soviet Kalmykia]. *Bulletin of Kalmyk Research Institute of Language,*

Literature and History. Iss. 11. Ser. History. Elista, 1974. Pp. 76–89. (In Russ.)

Naberukhin A. I. [N. Palmov on the Evolution of the Political System of the Kalmyk Khanate]. *Bulletin of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Iss. 11. Elista, 1974. Pp. 23–28. (In Russ.)

Palmov N. N. [Essays on the History of the Kalmyk People during their Stay within Russia]. 2nd ed. L. S. Burchinova (foreword). Elista: Kalm. Book Publ., 1992. Pp. 159. (In Russ.)

Palmov N. N. [Etudes on the History of the Volga Kalmyks in the XVII and XVIII Centuries]. Vol. 1. Astrakhan, 1926. Pp. 35–38. (In Russ.)

Palmov N. N. [Materials on the History of the Kalmyk people during their Stay within Russia]. A. M. Dzhalaeva (compl., comment.). Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

УДК 390 (519.3)
ББК 63.5 (5МО)

РОДОВЫЕ ГРУППЫ ТУВИНЦЕВ КОБДОСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(по материалам полевых исследований)*

Е. В. Айыжы, А. А. Конгу

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена недостаточностью комплексных исследований. На сегодняшний день мы не имеем специальной научно-исследовательской работы, посвященной изучению родовых групп и подгрупп тувинцев (тув. *төрөл-аймак бөлүктөр*), что определяет характер насущных проблем научного и практического плана. Историко-этнографическое изучение данных групп тувинцев может пролить свет на некоторые моменты этнической истории и этнического состава тувинцев, в этногенезе которого приняли участие различные племена и роды, а также будет способствовать освещению отдельных сторон истории социально-экономических отношений тувинского народа, установлению ряда общих закономерностей развития социальных отношений.

Тувинцам Монголии, в том числе тувинцам Кобдоского аймака, посвящен ряд исследований, затрагивающих различные проблемы языка, истории, культуры. К ним относятся труды таких ученых, как Ю. Л. Аранчын [Аранчын 1975], М. Х. Маннай-оол [Маннай-оол 1995], С. И. Вайнштейн и Э. Таубе [Вайнштейн, Таубе 1984], Э. Таубе [Таубе 1975], П. С. Серен [2007], М. В. Монгуш [2002, 2003, 2004, 2010], Е. В. Айыжы [2007], Ц. Уламсурэнгийн [2003]. Так, Ю. Л. Аранчын и М. Х. Маннай-оол посвятили свои исследования истории и картине родового состава, в частности, родовым этнонимам тувинцев. П. С. Серен, М. В. Монгуш, Е. В. Айыжы в своих работах, затрагивающих различные аспекты языка, истории, культуры, идентичности тувинцев Монголии, приводят данные по названиям основных родовых групп и подгрупп тувинцев. Работы П. С. Серен и Ц. Уламсурэнгийн посвящены этнолинг-

вистике и фольклору кобдоских тувинцев. Несомненно, перечисленные исследования являются базовыми для дальнейших исследований. Опираясь на них, мы можем более глубоко изучить и проанализировать многие проблемы. В то же время в работах названных авторов не содержится детальный анализ родового состава и в целом системы родства, за которой стоят сложные общественные отношения.

Система родства у тувинцев России, свадебный обряд, семейно-брачные отношения наиболее полно изучены тувинским этнографом С. М. Биче-оол [Биче-оол 2001].

В данной статье авторы попытались на основе вышеуказанных работ и собственных полевых наблюдений более подробно рассмотреть проблему родового состава тувинцев Кобдоского аймака.

Материалом для рассмотрения в статье послужили полевые данные, собранные авторами в ходе поездок в Кобдоский аймак Монголии. В июле 2011 г. один из авторов принял участие в работе Международной летней школы по изучению иностранных языков на базе Кобдоского государственного университета Монголии (*монг.* Ховд их сургууль), организованной учебно-информационным центром ТувГУ. В июне 2012 г. кафедрой всеобщей истории и археологии исторического факультета ТувГУ была организована этнографическая экспедиция в Кобдоский аймак Монголии (руководитель — Айыжы Е. В.), в которой участвовали студенты, обучающиеся по специальности «зарубежное регионоведение», а также аспиранты кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Конгу А. А и Базырчап А-Х. О.

В задачи экспедиции входили изучение материальной и духовной культуры кобдо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 12-11-17600/е.

ских тувинцев, исследование современных этнокультурных процессов, протекающих на территории данного региона, а также приобретение студентами навыков сбора образцов устного народного творчества, проведения устных и письменных опросов; овладение ими методологией полевой работы, изучение монгольского языка на базе Кобдоского государственного университета.

Настоящая работа основана как на общенаучных, так и на частнонаучных методах исследования. В исследовании применен структурно-функциональный подход в целях изучения социальных связей в системе. Данный подход рассматривает общество как особую реальность и систему. Исходя из этого, любая система определяется элементами, ее составляющими, и отношениями между ними. Использование сравнительного метода имело важное значение для обеспечения объективности исследования, уточнения ряда важных вопросов, позволило выявить общие и специфичные черты в культуре кобдоских тувинцев.

На начальном этапе работы проводились сбор и накопление разнообразного материала (архивные материалы из Тувинского института гуманитарных исследований, Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва), анализ и обработка источников по данной теме. Особую ценность для настоящей работы составили материалы полевых исследований, собранные в экспедиции и необходимые при составлении картины родового состава, благодаря работе с информантами — пожилыми людьми, от которых записаны интересные и важные сведения. В полевой работе были также использованы методы конкретных социологических исследований: опрос, анкетирование, интервьюирование.

Участники экспедиции обследовали несколько населенных пунктов. В г. Кобдо (монг. Ховд) студенты в течение одной недели проходили языковую практику, проводили работу по сбору фольклорного, этнографического и социологического материала у тувинцев, проживающих непосредственно в данном городе. В местности Цагаан-Эрик (тув. Ак-Эрик), где располагаются летние стоянки тувинцев, в течение двух недель студенты работали с информантами, собирали материалы по различным темам.

В ходе экспедиции зафиксированы в полном объеме два обряда: обряд стрижки

волос по достижении ребенком трехлетнего возраста и свадебный обряд. Данная статья в основном освещает полевой материал по родовым группам и подгруппам на современном этапе их бытования, их происхождению, расселению и некоторым терминам родства у тувинцев Кобдоского аймака Монголии.

Прежде чем перейти к описанию родовых групп кобдоских тувинцев, необходимо дать пояснения к некоторым основным терминам родства, и в первую очередь определить значение термина «родоплеменная группа», без уяснения которого невозможно полное и верное понимание изучаемой проблемы. На тувинский язык понятие «родоплеменная группа» переводится как *төрөл-аймак бөлүктөр*. Н. А. Сердобов, исследовавший родоплеменные группы в связи с изучением этногенеза тувинцев, писал: «В Туве, как и в некоторых других регионах Саяно-Алтайского нагорья, хорошо прослеживаются прежние этнические образования, условно именуемые родоплеменными группами. Под ними мы понимаем далеких потомков определенных родов и племен, унаследовавших в своих именах и фамилиях соответствующие этнонимы и осознающих, в той или иной степени, свою принадлежность к конкретным этническим общностям. Связующим, объединяющим фактором для членов таких групп является общность их происхождения (реальное или берущее свое начало еще в древней мифологии родство)» [Сердобов 1971: 386].

Имеется еще один термин, близкий к указанному. Интересен он архаичностью, устойчивостью в генетической памяти народа. Отражая иные, древние, родовые отношения, этот термин демонстрирует удивительную способность трансформироваться от понятия степени родства в родовой группе к понятию принадлежности к целому этносу — как понятие «национальность». Термин *сөөк* (сеок) переводится «кость, костный, порода, качество». Заметим, при вопросе, какой человек «кости», слово *төрөл*, как правило, уже не употребляется, и ответ всегда состоит в констатации: «я тувинец» [Биче-оол 2001: 191].

Впервые типы родства у тувинцев были выделены Е. К. Яковлевым. Он писал: «Сойоты различают, поскольку пришлось установить, три степени родства: *торель*, *сеок торель*, *хан торель*. «Торель — все роды, сумо и хошуны сойот, затем роды

других племен, считаемых по преданиям, родственниками сойотам, таковы: дальнекарагинцы у сагайцев; хашь («гносовый») — карагасы, теленгиты в верховьях Хемчика и по р. Катунь; алдай-тува (алдай-урянха). Сеок торель — родство по крови, по кости, хан торель — кровное родство, считают исчезающим в пятом колене» [Иванов 1985].

Примечательно, что кобдоские тувинцы при знакомстве, как и в прежние времена, называют свое имя, место рождения и проживания (определенный аймак, сумон), а также обязательно свой сеок.

Мы выявили следующую терминологию родства у тувинцев Кобдоского аймака Монголии:

Кырган-ава (бабушка, как по линии отца, так и по линии матери) — тув. эней.

Кырган-ача (дедушка, как по линии отца, так и по линии матери) — тув. эжей.

Авай (мама) — тув. авай.

Ачай (папа) — тув. ачай.

Дунмай, дунмам (младший брат, сестра) — тув. дунмай, дунмам.

Акый (старший брат) — тув. акый.

Угбай (старшая сестра) — монг. эгч, эгчизи.

Даай (дядя) — тув. даай.

Даай-авай (тетя) — тув. даай-авай.

Видно, что терминология родства в основном такая же, как и у тувинцев России, однако некоторые термины употребляются на монгольском языке (например, монг. *эгч* — сестра), что, конечно же, связано с трансформационными процессами, протекающими в данном регионе.

Как и тувинцы России, тувинцы Кобдоского аймака Монголии различают следующие типы родства: *хан төрөл* — *кады төрээн*, т.е. кровные родственники; также есть наиболее общий термин *төрелдер* (родственники). К ним относятся все родственники как по линии отца, так и по линии матери, близкие и дальние. Родственников по линии матери называют *авамнын кады төрээн улустары*, *кады төрээннери*, по отцу — *ачамнын кады төрээннери*. Мужчины двух породнившихся женитьбой *сөөков* называются *кудам* (сваты), женщины — *кудагай*. Слово *кудам/кудагай* происходит от тувинского слова *куда*, что значит свадьба.

Почти все тувинцы Кобдоского аймака Монголии связаны отношениями родства и свойства, и такая ситуация формирует определенные модели поведения и связанные с ними запреты. У тувинцев, как и у

других народов Саяно-Алтая, среди близких родственников (тув. *хан төрелдер*, *чоок төрелдер*) и свойственников (*кудагайлар*) до сих пор существуют брачные ограничения *алышпас*. Наши информаторы отмечали, что такой обычай экзогамии должен соблюдаться по отношению к кровным родственникам, к близким родственникам и представителям «сватовских» сеоков до 4–5 поколений.

Характерной особенностью тувинцев, как и у других тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии, является почитание сеоков матери и ее родственников, что выражено в уважительном и особом отношении ко всем родственникам по линии матери. Особо почитают дядю по линии матери (*даай*), который обычно опекает своего племянника, находит ему жену. Статус дяди по матери наиболее полно отражен в таких пословицах тувинцев, как «*Даг улуг бе азы даай улуг бе? Дагдан даай бедик*» / «*Кто выше – гора или мой дядя? Выше горы только мой дядя*». При проведении обряда стрижки волос ребенка в 3 года тувинцы также обязательно приглашают дядю по матери. Он первым «прикасается» и произносит благопожелание.

В. Я. Бутанаев пишет: «Термин «*таай*» восходит к первоначальной древнетюркской форме «*тагай*», которая, вероятно, образована от основы «*таг*» — гора. Дядя по матери считался в жизни племянников таким же высоким и весомым, как гора. По этому поводу хонгорцы высказываются следующим образом: дядя «*тайы*» выше горы, а его племянник ниже земли» [Бутанаев 2004: 122]. В описанных обычаях очевидны проявления авункулата¹.

Летом 2012 г. в Кобдоском аймаке Монголии мы были приглашены на свадьбу. Жених — тувинец, невеста — халха-монголка. Во время свадебного обряда, имеющего веками сложившиеся правила, мы могли увидеть и зафиксировать отношения не только между родственниками по линии матери и по линии отца, но и между свойственниками — *кудалар*. Главной фигурой, кроме жениха и невесты, выступал старший дядя жениха, который и проводил весь сложный обряд: исполнял роль *айтыкчы* (букв. «указатель»). Свадьба, брак — это общеродовой праздник, на который приходят все род-

¹ Авункулат (от лат. «*avunculus*» дядя по матери) — институт особых отношений между дядей по матери и племянником.

ственники, и у каждого своя роль и функции.

Со слов наших информаторов мы зафиксировали следующие этнонимы: *чаг-тыва*, имеющий два подразделения (*сарыг чаг-тыва*, *кара чаг-тыва*), *соян*, *чооду*, *чоод-иргит*, *сарыглар*, *шанагаш*. Самыми многочисленными и главными являются следующие родовые группы: *чаг-тыва*, *донгак*, *адай иргит*, *хөйүк*. Этимологии этнонимов *адай*, *чаг-тыва* посвятил свою работу Б. И. Татаринцев [Татаринцев 1995].

Большинство сеоков тувинцев Монголии дробится на несколько подразделений. Так, по словам наших информаторов, сеок *хөйүк* состоит из следующих подразделений: *хаа-хөйүк*, *монгуш-хөйүк*, *казак-хөйүк*, *шанагаш-хөйүк*; при этом они входят в группу *донгак*, т. е. объединение с этим родом во главе, и, по словам информаторов, этот род (группу) обычно именуют *тос донгак* (девять донгаков). Сеок *иргит* состоит из четырех подразделений — *адай иргит*, *чоот* (*чооду*) *иргит*, *калчан иргит*, *беглиг иргит*; сеоки *чаг-тыва* и *соян* состоят из двух подразделений — *кара чаг-тыва* и *сарыг чаг-тыва*; *ак соян*, *кара соян*.

В связи с этим интересно сравнить полученные данные с исследованиями других ученых. Так, М. В. Монгуш зафиксировала следующие родовые группы: «В Кобдоском аймаке тувинцы делят себя на две большие родоплеменные группы — *мончак* и *соян*. Группа *мончак* состоит из родов *иргит* и *хойюк* (хойук), *соян* — из *ак соян* и *кара соян*. Каждый род в свою очередь делится на несколько патронимий. По данным С. И. Вайнштейна и Э. Таубе, род *иргит* имеет патронимии *ак иргит*, *улуг иргит*, *адай иргит*, *моол иргит*, *калчан иргит*, *джод иргит*; род *хойюк* — *кара хойюк*, *хаа хойюк*, *донгак хойюк*, *казак хойюк*, *джанагаш хойюк*, *монгуш хойюк*, *дорвет хойюк*, *чаг-тыва*, *сарыгчаг-тыва*, *кара чаг-тыва*, *кара дарган*; *соян* — *кызыл соян*, *делег*, *джулджинат*, *бургууд*, *агван*, *сарыг*, *оюн*, *шудувак*, *джирбек*; род *кара соян* — *кызыл соян*, *кара-тош*, *кара-сал*, *онгад*» [Монгуш 2002: 24].

Собранные материалы по исследованию родовых групп тувинцев Кобдоского аймака Монголии позволили осмыслить ряд вопросов их изучения — от природных до социальных сторон жизни рода. Изучение субэтнических групп тувинцев (родов — сеоков, тув. *сөөк*) побуждает обратиться и к некоторым проблемам этноисторического процесса.

В ходе исследования получены следующие результаты:

1. Определена номенклатура родства кобдоских тувинцев и терминология. Проведен анализ таких понятий, как *сөөк* (род), *төрөл-аймак бөлүк*, *төрөлдер*, *кады төрөөннөр* (родство).
2. Проанализирован феномен родства, которое формирует определенные модели поведения в тувинском обществе.
3. Охарактеризована социальная роль атрибутов сеоков как родовых символов, характеризующих статус человека в определенной социальной общности.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что род у тувинцев — это не просто перечень в хронологической последовательности имен лиц мужского пола, принадлежащих к одному роду, а единая система взаимосвязи по поколениям. Согласно Л. Уайту, во внесемейных родственных отношениях возникает такое явление, как социальное (а не биологическое) родство, которое в процессе развития выдвигается на первое место в традиционных обществах.

Исследование родовых групп кобдоских тувинцев на современном этапе позволило авторам составить картину их родоплеменного состава и провести сравнительный анализ с «материнским» этносом — тувинцами России. Родовой состав тувинцев Кобдоского аймака Монголии и тувинцев России несколько отличается. В частности, в Кобдоском аймаке у тувинцев встречаются названия таких родов, как *чаг-тыва*, *мончак*, *шанагаш*, *хөйүк* (*хойюк*), происхождение которых будет более подробно изучаться в дальнейшем.

Список условных сокращений

Тув. — тувинский; монг. — монгольский; букв. — буквально.

Литература

Айыжы Е. В. Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл, КЦО «Аныяк», 2007. 84 с.

- Аранчын Ю. Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XVII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. С. 212–218.
- Биче-оол С. М. Система родства у тувинцев // Гуманитарные исследования в Туве: Сб. научных статей. Отв. ред. К. А. Бичелдей и др. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 190–201.
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 278 с.
- Вайнштейн С. И., Таубэ Э. Тувинцы Монгольского Алтая (Кобдоские тувинцы) // Полевые исследования института этнографии. 1980–81 гг. М.: ИЭА РАН, 1984. С. 233–241.
- Иванов В. Н. Народы Сибири в трудах Ф. Я. Кона. Новосибирск: Наука. Сибир. отд-ние, 1985. 174 с.
- Маннай-оол М. Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. С. 56–61.
- Монгуш М. В. Тувинцы Монголии и Китая и их этнолокальные группы // Ученые записки ТИГИ. Вып. XIX. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2002. С. 12–31.
- Монгуш М. В. Тувинцы Монголии: особенности современного этнического развития // Цырендоржиевские чтения. Сб. науч. ст. Киев: Наука, 2003. С. 202–215.
- Монгуш М. В. Этнонимы у тувинцев Монголии и Китая // Ономастика Поволжья. Материалы IX Международной конференции по ономастике Поволжья. Волгоград, 9–12 сентября 2002 г. М.: Наука, 2004. С. 175–186.
- Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Национальный музей этнологии. Осака: Изд-во Нац. музея этнологии, 2010. 358 с.
- Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Серен П. С. Научный отчет о командировках в Северо-Западную Монголию // Ученые записки ТИГИ. Вып. XXI. Изд-во КемГУКИ, 2007. С. 321–329.
- Таубе Э. Изучение фольклора у тувинцев Монгольской Народной Республики // Советская этнография. № 5. М., 1975. С. 106–111.
- Татаринцев Б. И. Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва) // Ученые записки ТИГИ. Вып. XVIII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. С. 102–115.
- Уламсурэнгийн Ц. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2003. 192 с.
- Aranchyn Yu. L. [New Ethnographic and Philological Materials from North-Western Mongolia]. *Bulletin of Tuva Research Institute of Language, Literature and History*. Iss. XVII. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1975. Pp. 212–218. (In Russ.)
- Aizhy E. V. [Tuvinians of the Kobdos aimag of Mongolia: Ethnicity and Culture]. Kyzyl: Anyak, 2007. 84 p. (In Russ.)
- Biche-ool S. M. [System of kinship amongst Tuvans]. In: [Humanitarian Research in Tuva]. K. A. Bicheldey et al. (ed.). Moscow: RUDN Publ., 2001. Pp. 190–201. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. [Hongoray Steppe Laws]. Abakan: Khakas State University Publ., 2004. 278 p. (In Russ.)
- Ivanov V. N. [Peoples of Siberia in Proceedings of F. Ya. Kon]. Novosibirsk: Nauka, 1985. 174 p. (In Russ.)
- Mannay-ool M. Kh. [Tuvinians of Mongolia: Traditions and Modernity]. *Bulletin of Tuva Research Institute of Language, Literature and History*. Vol. XVIII. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1995. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Mongush M. V. [One Nation: Three Destinies. Tuvinians of Russia, Mongolia and China in Comparative Context]. Osaka: National Museum of Ethnology, 2010. 358 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. [Tuvinian Ethnonyms in Mongolia and China]. In: [Onomastics of Volga Region]. Conf. proc. (Volograd; September 9–12, 2002). Moscow: Nauka, 2004. Pp. 175–186. (In Russ.)
- Mongush M. V. [Tuvinians of Mongolia and China and their Ethno-local Groups]. *Bulletin of Tuva Institute of Humanitarian Research*. Iss. XIX. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2002. Pp. 12–31. (In Russ.)
- Mongush M. V. [Tuvinians of Mongolia: Features of Modern Ethnic Development]. In: [Tsyren Dordzhiev's Readings]. Kiev: Nauka, 2003. Pp. 202–215. (In Russ.)
- Serdobov N. A. [History of Tuvan Nation Formation]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1971. 482 p. (In Russ.)
- Seren P. S. [Scientific Report on Business Trips to North-Western Mongolia]. *Bulletin of Tuva Institute of Humanitarian Research*. Iss. XXI. Kemerov State University of Culture and Art Publ., 2007. Pp. 321–329. (In Russ.)
- Tatarintzev B. I. [Two Tuvnian Ethnonyms (aday, chag-tova)]. *Bulletin of Tuva Institute of Humanitarian Research*. Iss. XVIII. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1995. Pp. 102–115.
- Taube E. [Study of Tuvinian Folklore in the Mongolian People's Republic]. *Soviet Ethnography*. No. 5. Moscow, 1975. Pp. 106–111. (In Russ.)
- Ulamsurengiyn Ts. [Samples of Folklore and Speech of Kobdos Tuvnians]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. 192 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Taube E. [Tuvinians of Mongolian Altai (Kobdos Tuvinians)]. In: [Field Studies of the Institute of Ethnography. 1980–1981]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 1984. Pp. 233–241. (In Russ.)

УДК 81'373.47
ББК 81.23

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ
(КОМПОЗИТОВ) В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ*

В. В. Куканова

Определение лексической единицы — слова — вызывает множество дискуссий, несмотря на то, что уже достаточно давно описаны критерии, которыми оно должно обладать. Нет смысла приводить их в данной работе, тем более, что они хорошо известны [Шанский 1964: 20]. Напомним лишь, что признаков слова насчитывается двенадцать, среди которых можно выделить обязательные и факультативные.

Проблема отдельности слова является до сих пор еще не решенной, о чем свидетельствуют работы последних лет, в частности в области автоматической обработки текстов, например [Мустайоки, Копотев 2004]. Заметим, что делимитация слова в речевой цепи решается и интерпретируется по-разному в зависимости от целей исследования. Например, в прикладной лингвистике используется формальный подход: слово определяется как последовательность знаков, ограниченная пробелами [Гак 1990; Касевич 1977: 57–58]. Однако это не является решением проблемы для ряда языков. Так, поссесивные частицы в калмыцком языке пишутся слитно со словом, например *эцкм* 'мой отец'. Появляется вполне закономерный вопрос: вышеприведенный токен представляет собой сочетание двух слов или все же это одно слово, поскольку графически оно представлено в виде одной линейной последовательности символов, разделенной от других пробелами. Частица *-м* обладает некоторыми признаками, характерными для слова. Например, фонетической оформленностью, лексико-грамматической отнесенностью,

возобновляемостью и другими, но не обладает ударением, цельностью и единообразием.

С другой стороны, в языках существуют «сочетания» графических слов, которые, по сути, являются одним словом, несмотря на то, что его компоненты пишутся отдельно или через дефис. Каждый из этих элементов обладает собственным ударением или сочетанием главного и побочного ударений. В целом оно представляет собой одно лексическое значение. Это так называемые сложные слова, или композиты (компаунды — *compound words*), которые изобилуют в тюркских и монгольских, а также в английском, испанском, германском языках. Сложение двух самостоятельных слов как способ образования нового понятия весьма распространено и в калмыцком языке: «два слова входят в синтаксическую связь и образуют новое понятие» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 87]. Ср.: словосложение¹ — это «...объединение слов с целью образовать новую лексическую единицу, или модифицировать зна-

¹ Следует различать словосложение и основосложение. В первом случае соединяются слова для образования новых слов (билексем), во втором — основы слов при помощи соединительной гласной, или интерфикса) [Хашимов 2008]. Калмыцкому языку основосложение как способ образования новых слов не свойственно, хотя, конечно, результаты основосложения присутствуют и здесь, но являются заимствованными элементами или калькой слов из русского языка. Например, *электробеш* 'электропечка', *электрокөрә* 'электропила'.

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» программы «Корпусная лингвистика» (2012–2014) и проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/в).

чение существующих лексических единиц, или выразить грамматическое значение (форму и функцию). При словосложении достигается такое единство сочетающихся слов, что может произойти фонетическая трансформация и структурно-звуковое слияние слов-слагаемых» [Муратов 1962: 23]. Вслед за А. Г. Садыковой, под композитами мы понимаем «структурно-сложные полифункциональные единицы прямой или косвенной номинации, разновидность деривата, образованного по стандартной модели (из двух или более корневых морфем) по аналогии, а также путем номинации (семантической конденсации) синтаксического словосочетания» [Садыкова 2002: 7].

К рассмотрению сложных слов мы обратились по двум причинам: в Калмыцком институте гуманитарных исследований Российской академии наук ведутся работы по созданию Национального корпуса [Куканова и др. 2012] и Электронного словаря калмыцкого языка со звуковым модулем [Куканова, Бембеев 2012]. Каждый из этих проектов требует настоящего решения проблемы: и здесь, и там необходимо определить статус сложных слов, поскольку для статистического анализа важно выявить единицу описания. Формально мы имеем дело с токенами, т. е. последовательностью знаков между пробелами, но не всегда токен является словом, иначе говоря, он чаще всего совпадает со словом, однако сам может являться частью слова. Но для того чтобы получить достоверную статистику, например частотный список слов (не токенов), по корпусу текстов на калмыцком языке, необходимо учитывать и такую особенность языка, как наличие большого количества сложных слов. Только в этом случае можно получить достоверную картину частотности лексических единиц калмыцкого языка. В плане создания электронного словаря необходимо решить, каким образом представлять сложные слова в словаре: внутри словарной статьи слова (или слов), образующих сложное слово, или как отдельную вокабулу.

В калмыцком языке существует несколько типов компаундов с точки зрения их графической оформленности: одни пишутся через дефис, что несколько облегчает их выделение в линейном потоке; дру-

гие слова — отдельно, т. е. через пробел. С практической точки зрения, и в том, и в другом случае морфологический анализатор разбирает их как отдельные слова, вернее как разные. С теоретической же — выделение сложных слов менее разработано в лексикографии калмыцкого языка², и важно решить эту проблему в самое ближайшее время, поскольку в Республике Калмыкия сложилась ситуация постепенной утраты языка как средства познания и коммуникации. Как известно, если носители того или иного языка перестают осуществлять коммуникацию на своем языке, не говоря и о когнитивных функциях языка, то это приводит, как правило, к исчезновению языка как такового: система перестает быть самодостаточной (в тех или иных коммуникативных ситуациях люди начинают прибегать к использованию средств из другого языка) и уже сам язык не развивается, поскольку нет носителей, которые являются, с одной стороны, «причиной» эволюции языка, с другой стороны, катализатором языковых процессов и, с третьей стороны, речь носителей языка закрепляет результаты этих изменений.

По мнению Ф. А. Ганиева, образование сложных слов в тюркских языках хронологически более поздний процесс по сравнению с сингармонизмом [Ганиев 1976: 35]. Видимо, в монгольских языках это тоже процесс позднего периода развития языка, поскольку среди сложных слов можно найти примеры, демонстрирующие отсутствие уподобления гласных по признаку ряда: *диг-даран* 'порядок', *эдл-ууш* 'продукция', *мек-тах* 'обман'.

Определение сложных слов тесно связано с вопросами о том, на каких основаниях мы выделяем сложные слова, какими критериями они должны обладать, чтобы отнести их к данной группе «слов», какие из них носят обязательный, а какие факультативный характер. В связи с вышесказанным первоначально необходимо сравнить методики выделения подобных единиц в

² Как справедливо отмечает Г. К. Бадмаева, сложные слова фиксируются без указаний критериев их выделения [Бадмаева 2009: 19], хотя проблема сложных слов достаточно разработана в общей лингвистике (см., например, [Ефремова 2012; Маковой 2009; Снегова 2011; Черкасова 2010]).

разных языках, прежде всего в английском, и описать принципы работы применительно к калмыцкому языку.

Само понятие «компаунд» не совсем четко разработанный термин, поскольку ученые до сих пор не пришли к единому мнению о его трактовке и даже статусе. Часть лингвистов, преимущественно зарубежных исследователей, считают, что компоненты, которые образуют сложное слово, являются самостоятельными и соответственно разложимыми [Пауль 1960; Jespersen 1954; Kruisinga 1932]. Остальные наделяют сложные слова самостоятельным статусом, наряду с простым словом ([Арнольд 1986; Жданкин 1986; Муратов 1962; Садыкова 2002] и др.).

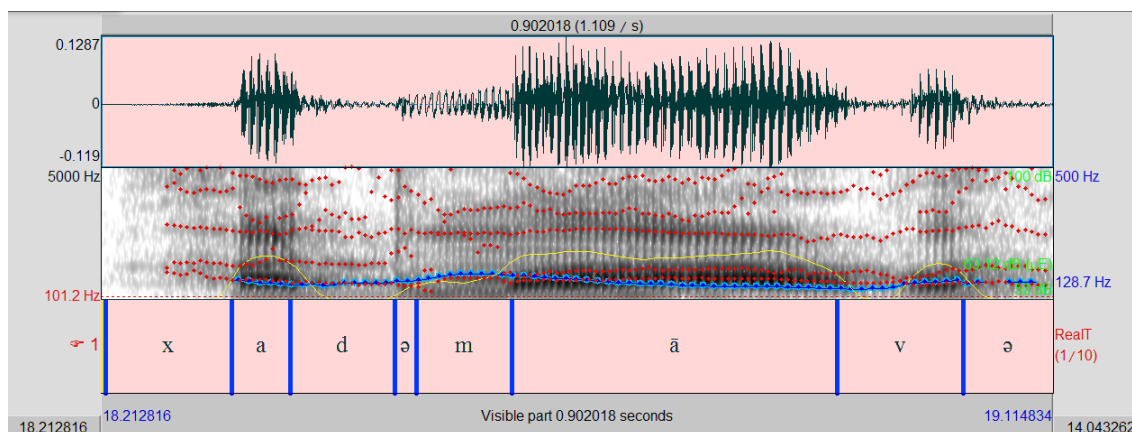
Следующим спорным моментом является вопрос о границах сложных слов: одни подчеркивают, что компаунды — это только комбинация двух и более «свободных» слов, т. е. равных по отношению к друг другу (например, «A compound word is usually understood to be the result of the (fixed) combination of two free forms, or words that have an otherwise independent existence... (Adams, 1973: 30)»). Другие же расширяют рамки этого понятия, утверждая, что они являются соединением двух любых слов, в том числе и зависимого компонента с главным («When two (or more) elements which could potentially be used as stems are combined to form another stem, the form is said to be a compound... (Bauer, 1983: 28)»). Следующим спорным моментом является длина компаунда: большая часть ученых относит к компаундам комбинацию только двух компонентов («...a compound is a word that consists of two elements, the first of which is either a root, a word, a phrase, the second of which is either a root or a word... (Plag, 2003 :135)»), другие же подчеркивают, что в языке существуют компаунды из более двух слов («A compound is a word which consists of two or more words... (Fabb, 1998: 66)»; «Compounding is a process by which a compound lexeme is derived from two or more simpler lexemes... (Matthews, 1991: 82)» [цит. по: Dottorato 2006: 2].

Другой проблемой, с которой сталкиваются все лингвисты, является проблема разграничения сложного слова и словосо-

четания, до сих пор еще не получившая в силу разных причин однозначного решения. В языках разных структур необходимость и острота разграничения композитов и словосочетаний зависит от их структурно-типологических особенностей: «...критерии дифференциации сложного слова и синтаксического словосочетания обычно проявляют большую зависимость от конкретного языка и его грамматического строя. В языках флективного типа, например, распознавание сложных слов не представляет собой трудности, напротив, в так называемых аналитических языках грани между словами и словосочетаниями не всегда достаточно отчетливы» [Кубрякова 1965: 27]. Возьмем к примеру сложные слова в русском языке: существуют специальные материально выраженные маркеры сложного слова (интерфиксы, дефисное написание). Калмыцкий язык принадлежит к группе монгольских языков, которые по своей структуре являются агглютинативными. Здесь большинство композитов образуется примыканием не основ, а отдельных слов. Структурная модель сложного слова в калмыцком языке аналогична структурной модели синтаксического словосочетания, что затрудняет их разграничение.

Тем не менее, несмотря на многочисленные споры, ученым удалось выделить критерии, позволяющие отнести комбинацию слов к одной лексической единице [Панфилов 1958: 107]. Рассмотрим некоторые из них:

1) фонетический критерий: наличие ударения. Некоторые слова могут получать, помимо основного, еще и побочное ударение, как, например, в русском языке. В калмыцком языке до сих пор еще выяснена природа самого ударения. Однако, по наблюдениям за речью носителей, в некоторых сложных словах выделяются два слога, а в других — один слог. В связи с вышесказанным данный критерий является нерелевантным для выделения сложных слов в калмыцком языке. На осциллограмме, которая приведена ниже, видно, что между конститuentами компаунда отсутствует пауза: слово произносится как одно.

Рис. Осциллограмма сложного слова *хадм аав*

- 2) **графический критерий:** орфографическая запись. Как уже было сказано выше, отсутствует унификация орфографического оформления сложных слов³: *ааһ-сав* ‘посуда’, *бүрн-төгс* ‘полный; полностью’, *хот-хол* ‘пища’, *хар модн* ‘дуб’, *хөн бөөлжрһн* ‘малина’, *темән чикн* ‘щавель’. Признак является нестабильным;
- 3) **морфологический критерий:** отнесенность к той или иной части речи и стирание грамматического значения одного из компонентов, чаще всего первого. Более релевантный критерий по сравнению с двумя предыдущими. Как правило, достаточно легко определяется частеречная принадлежность сложного слова: ...*хойр ик күргн хадм эцкүр ирэд, уурлжана...* ‘...два старших зятя, придя к свекру, ругают...’⁴ [Буутан С.];
- 4) **синтаксический критерий:** синтаксическая роль в предложении и фиксированный порядок компонентов сложного слова. Это также релевантный признак. Сложное слово невозможно разделить на составляющие его компоненты без потери смысла: *Терүнд бер, көвүн, хадм-эцк, эк, гижгта күүкд - цуһар бээдг...* ‘Там все были: невестка, сын, **свекор**, свекровь, незамужние девушки...’ [Доржин Б.];

³ См. также примеры, которые приведены ниже. В них по-разному зафиксировано одно и то же сложное слово *хадм эцк* (через пробел и дефис).

⁴ Примеры из фольклорных и художественных произведений, приведенные в данной работе, взяты из материалов Национального корпуса калмыцкого языка.

- 5) **ономасиологический критерий:** семантическая цельность сложного слова. Наиболее «работающий» критерий, позволяющий дифференцировать сложное слово от словосочетания. Так, например, слово *хадм эцк* обозначает один денотат.

Сложные слова в калмыцком языке традиционно делятся на две группы⁵: парные (копулятивные) и составные (детерминативные). К первой группе относятся слова, которые объединяются в одно целое на равных правах, при помощи сочинительной связи между компонентами. Составные же слова связаны между собой по принципу примыкания или управления, например, их структура может выглядеть следующим образом: Adj+Noun, Noun(Gen/Ass)+Noun и др.

Рассмотрим пример оформления словарной статьи в Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева [Калмыцко-русский словарь 1977: 17].

⁵ Автор работы предпочитает отличать сложные слова от словосражений, считая, что слова типа *эндр* ‘сегодня’ (*эне* ‘этот’ + *өдөр* ‘день’) не являются сложным словом, а являются результатом словосращения, произошедшего в силу разных причин (в данном случае сращение обусловлено частотностью использования этого сочетания в речи, а также вследствие действия принципа экономии речевых усилий [Мартине 1960], в результате фонетических процессов — выпадения гласных звуков — появилось новое слово, морфемный состав которого можно установить только путем этимологического анализа).

аав [аавъ] 1) отец, папа; **аав үкхлэ** — **ааһ герэсн**, **акт үкхлэ** — **арсн герэсн** *посл.* когда отец умирает, на память остается его чашка, когда конь гибнет, на память остается его шкура; **аавиннь эмдд кү тань**, **актинь сээнд һазр тань** *посл.* узнавай людей, пока жив отец, узнавай просторы, пока резв конь; **хадм аав** [здесь и далее подчеркивание автора. — В. К.] свекор; 2) дед, бабушка; **көгшн аав** дед (*по отцовской линии*); **наһц аав** дед (*по материнской линии*)

Как видно, выделенные слова в данной словарной статье пишутся через пробел. Лексические единицы *хадм аав* ‘свекор’ (‘родня по жене’+‘отец’), *көгшн аав* ‘дед по отцовской линии’ (‘старый; старик, старушка’+‘отец’), *наһц аав* ‘дед по материнской линии’ (‘родные по материнской линии’+‘отец’) имеют общий компонент *аав*, при этом при словосложении лексическое значение слова модифицируется: сема “отец” является объединяющей, а первые компоненты композитов создают дифференцирующие семы в значении⁶. Фонетический и графический критерии не являются точными при их отличии от сочетаний слов в данных случаях. Морфологический и ономаσιологический признаки наиболее ценны здесь, так как во всех случаях каждое сложное существительное обозначает свой собственный денотат. Ср.: «единственным достаточно надежным критерием отличения сложной основы, в частности, атрибутивного или парного основосложения от аналогичных по внешней структуре свободных синтаксических сочетаний слов, остается семантическое единство сложной основы, которое внешне проявляется в использовании ее в качестве исходной основы при словообразовании» [Наделяев 1988: 37].

Напомним, что выделенные выше (подчеркнутые) слова пишутся через пробел, и соответственно для того, чтобы найти перевод того или иного сложного слова, необходимо понять, какой из конститuentов является главным, если таковой имеется, и проверить словарную статью на данное слово или проверить две статьи на наличие перевода, если элементы, образующие сложное слово, являются равнозначными по отношению к друг другу. Все это занимает достаточно много времени.

⁶ Сложные слова построены по принципу «целое + часть».

Целесообразно ввести правило орфографического оформления сложных слов: либо писать через дефис, либо вместе, без пробела, как, например, в английском. Возможно, следует дифференцировать написание сложных слов в зависимости от их типа. Например, аппозиционные и биномные сложные слова следует писать через дефис, а остальные графически оформлять как одно слово. Представляется, что этот фактор поможет быстрее читателю ориентироваться в словаре, что немало важно в аспекте сохранения языка.

Для решения проблемы в корпусе текстов на калмыцком языке необходимо создать словарь сложных слов, содержащий все возможные варианты написания. По нашему мнению, анализатор должен сначала обработать массив текстов с целью приписывания леммы каждой словоформе, затем при помощи отдельного модуля и статистических обработок текстов на рекуррентность элементов в текстах с применением 2-х и более n-граммного подхода и опорой на словарь найти сложные слова и связать их в единое целое. Только в этом случае мы сможем получить «чистую» статистику по корпусу калмыцкого языка.

Проблема анализа сложных слов в калмыцком языке требует специального изучения с привлечением большого количества фактического материала. Данная работа призвана лишь выявить первоочередные проблемы исследования сложных слов в лексикографическом аспекте калмыцкого языкознания. Однако уже очевидна необходимость выделения сложных слов в виде отдельной вокабулы в словаре, а в статьях элементов, образующих сложное слово, делать ссылки на данную запись, где оно будет истолковано и будет дан переводной эквивалент (см., например: [Куканова, Бембеев 2012]).

Литература

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986. 295 с.
- Бадмаева Г. К. Критерии определения сложных слов в калмыцком языке (в сопоставлении с английским) // Гуманитарные исследования. 2009. № 4(32). С. 19–22.
- [Буутан С.] — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов: в 2-х кн. Кн. 1. Сер.: Өвкирин зөөр («Сокровища предков»). Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Гак В. Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 [электронный ресурс] // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/464c.html> (дата обращения: 07.03.2012).
- Ганиев Ф. А. К вопросу о сложном слове в современном татарском языке // Советская тюркология. 1976. № 4. С. 31–37.
- Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология / Калмыцкий институт языка, литературы и истории. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- [Доржун Б.] — Доржун Б. Теегин цолд. Элст: Барин гер “Герл”, 2008. 814 х.
- Ефремова Е. Субстантивные модели многокомпонентных композитов в современном английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2012. № 3. С. 54–58.
- Жданкин И. В. К вопросу о сложном слове без морфологических признаков словесности (на материале китайского языка) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 99–111.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 177 с.
- Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965. 78 с.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. El’Manuscript-2012: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 146–149.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого ин-

ститута гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.

- Маковой Р. Г. Соотношение сложного слова и словосочетания // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2009. № 45. С. 14–18.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии). М.: Иностр. лит-ра, 1960. 260 с.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
- Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Вост. лит., 1962. 130 с.
- Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88–107.
- Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука, 1988. 112 с.
- Панфилов В. З. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова) // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 105–111.
- Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит., 1960. 500 с.
- Садыкова А. Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте: на материале татарского, киргизского, туркменского, турецкого, английского, немецкого языков: дис. д-ра филол. наук. Казань, 2002. 492 с.
- Снегова Е. П. О лексикографическом представлении сложносоставных слов с иноязычным компонентом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 643–646.
- Хашимов Р. И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. 2008. № 4. С. 30–38.
- Черкасова А. А. О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3(1). С. 347–350.
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 315 с.
- Dottorato di T. Compound Adjectives in English: dissertation. CICLO, 2006. VI+259 p.
- Kruisinga E. A Handbook by Present-day English. P. II. Groningen, 1932. 360 p.
- Jespersen O. A. Modern English Grammar on Historical Principles. Part IV. Morphology. London: G. Allen and Unwin., Copenhagen: K. Munbesgaerd, 1954. 570 p.

References

- Arnold E. V. [Lexicology of Modern English]. 3rd ed. Moscow: Vyshaya shkola, 1986. 295 p. (In Russ.)
- Badmaeva G. K. [Criteria for Defining of Complex Words in the Kalmyk Language (in Comparison with English)]. *Humanitarian Studies*. 2009. No. 4 (32). Pp. 19–22. (In Russ.)
- Cherkasova A. A. [About some Grammatical Signs of a Bilexem as a Special Language Unit]. *Bulletin of Nizhniy Novgorod University*. 2010. No. 3 (1). Pp. 347–350. (In Russ.)
- Dordzhin V. [In the Steppe Space]. Elista: Gerel, 2008. 814 p. (In Kalm.)
- Dottorato di T. Compound Adjectives in English: dissertation. CICLO, 2006. VI+259 p. (In Eng.)
- Efremova E. [Substantive Models of the Multi-component Composites in Modern English]. *Bulletin of Moscow State Regional University*. Ser. Linguistics. 2012. No. 3. Pp. 54–58. (In Russ.)
- Gak V. G. [Word]. In: [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. V. N. Yartseva (ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. An Internet resource: <http://tapemark.narod.ru/les/464c.html> (accessed: March 7, 2012). (In Russ.)
- Ganiev F. A. [Concerning a Complex Word in Modern Tatar Language]. *Soviet Turkology*. 1976. No. 4. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Grammar of the Kalmyk Language: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
- Hashimov R. I. [Bileksem as a Special Unit of the Language]. *Issues of Philology*. 2008. No. 4. Pp. 30–38. (In Russ.)
- Jespersen O. A. Modern English Grammar on Historical Principles. Part IV. Morphology. London: G. Allen and Unwin., Copenhagen: K. Munbesgaerd, 1954. 570 p. (In Eng.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Rus. yaz., 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kasevich V. B. [Elements of General Linguistics]. Moscow: Nauka, GRVL, 1977. 177 p. (In Russ.)
- Kruisinga E. A Handbook by Present-day English. P. II. Groningen, 1932. 360 p. (In Eng.)
- Kubryakova E. S. [What is Word Formation]. Moscow: Nauka, 1965. 78 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V. [Concerning the Kalmyk Language Electronic Dictionaries]. In: [Information Technologies and Written Heritage. El’Manuscript-2012]. Conf. proc. (Petrozavodsk; September 3–8, 2012). Petrozavodsk; Izhevsk, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)

- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. [National Corpus of the Kalmyk Language: Architecture and Possibilities of Usage]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)
- Makovey R. G. [Ratio of a Complex Word and Word Combination]. *Bulletin of the Kharkov National Automobile and Road University*. 2009. No. 45. Pp. 14–18. (In Russ.)
- Martinet A. [Principle of Saving in Phonetic Changes (Problems of Diachronic Phonology)]. Moscow: Inostr. lit., 1960. 260 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names (Semantics)]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ. 2007. 224 p. (In Russ.)
- Murатов S. N. [Set Expressions in Turkic Languages]. Moscow: Vost. lit., 1962. 130 p. (In Russ.)
- Mustayoki A., Kopotev M. [Concerning the Status of Equivalents of a Word Type because, depending on, unfortunately]. *Issues of Linguistics*. 2004. No. 3. Pp. 88–107. (In Russ.)
- Nadelaev V. M. [The Modern Mongolian Language. Morphology]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 112 p. (In Russ.)
- Panfilov V. Z. [Complex Nouns in the Nivkh Language and Their Distinction from Words (to the Word Problem)]. *Issues of Linguistics*. 1958. No. 1. Pp. 105–111. (In Russ.)
- Paul G. [Principles of Language History]. Moscow: Inostr. lit., 1960. 500 p. (In Russ.)
- Sadykova A. G. [System of Substantive Words in Turkic and Germanic Languages in Comparative and Typological Aspects: on the Material of Tatar, Kirghiz, Turkmen, Turkish, English, German]. Cand. Sc. thesis (Philology). Kazan, 2002. 492 p. (In Russ.)
- [Sandzhi Butaev’s Tales]. Records from 1971–1978. In 2 books. Book 1. Ser. “Treasures of Ancestors”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitariab Research of the RAS, 2008. 308 p. (In Kalm.)
- Shanskiy N. M. [Lexicology of the Modern Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 315 p. (In Russ.)
- Snegova E. [On Lexicographical Representation of Complex Words with Foreign Language Component]. *Bulletin of Nizhny Novgorod University*. 2011. No. 6 (2). Pp. 643–646. (In Russ.)
- Zhdankin I. V. [Concerning a Complex Word without Morphological Features of Verbosity (on the Material of the Chinese Language)]. *Issues of Linguistics*. 1986. No. 1. Pp. 99–111. (In Russ.)

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ ПОБУЖДЕНИЯ В ПОВЕЛИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ КАЛМЫЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Р. П. Харчевникова

В морфологической системе глагола калмыцкого и русского языков традиционно выделяется грамматическая категория наклонения — система противопоставленных друг другу форм, выражающих «отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [Русская грамматика, II 1980: 80], и их категориальных значений.

Следует отметить, что после выхода в свет известной работы по глаголу монголиста Г. Д. Санжеева [1963] появился целый ряд исследований, выполненных в форме диссертаций, монографий и отдельных статей, посвященных различным категориям глагола, в которых обсуждается и проблематика наклонения в монгольских языках [Цыдендамбаев 1979; Дораева 1979; Харчевникова 1995, 2002; Кузьменков 1984; Омакаева 1987, 2006; Егудурова 2001 и др.]. Особый интерес проблемы императива и побудительности представляют для типологов [Типология 1992; Храковский 1990 и др.].

Основным содержанием наклонения является выражение значений единой семантико-функциональной категории модальности. Известны разнообразные модальные значения: реальности /нереальности, возможности/невозможности, желательности /нежелательности осуществления действия, уверенности/неуверенности, сомнительности, предположительности и т. д., которые представляют собой оценку говорящим лицом действия и его отношения к действительности.

По значению, средствам и способам передачи модальных значений в обоих языках различаются два одноименных наклонения: изъявительное и повелительное, а также желательное и предостерегательное (в калмыцком языке) и сослагательное (в русском языке). Каждое из наклонений обладает своим категориальным значением: реальности (изъявительное наклонение), побуждения (повелительное наклонение), желания и на-

мерения (желательное наклонение), предостережения и опасения (предостерегательное наклонение) и предположительности и возможности (сослагательное наклонение).

Все отмеченные значения в обоих языках различаются по составу охватываемых ими форм и организуются противопоставлением рядов спрягаемых форм, объединенных в систему наклонения. Наклонения глагола прежде всего противопоставляются по модальным значениям реальности (достоверности и объективности) и нереальности (субъективности). Это указанные выше изъявительное наклонение, так называемое «прямое», и косвенные наклонения: повелительное (в калмыцком и русском языках), желательное и предостерегательное (в калмыцком языке) и сослагательное (в русском языке).

Предметом рассмотрения в данной статье является сопоставительная характеристика категориальных значений повелительного наклонения и контекстуально обусловленных семантических признаков разных типов побуждения в калмыцком и русском языках.

Система форм повелительного наклонения

В составе форм повелительного наклонения в сопоставляемых языках основными являются формы 2-го лица, единственного и множественного числа: *бич, суу, ишиид* 'пиши, сядь, решай'; *бичтн, суутн, ишиидтн* 'пишите, сядьте, решайте'.

В калмыцком языке 2 л. ед. ч. совпадает с основой глагола и оформляется нулевым аффиксом: *йов* 'иди', *кел* 'скажи', *халэ* 'смотри'.

Форма 2 л. ед. ч. в русском языке образуется от различных основ настоящего (простого будущего) времени двумя способами:

1) присоединением аффикса **-и** к основе настоящего времени: а) не на **ј** и с ударением на флексии в форме 1 л. ед.ч.: *спешу* — *спеши*, *говорю* — *говори*, *иду* — *иди*, *плыву*

— *пльви*; б) к основе на *j* от инфинитива на **-ить**: *доить* — *дою* — *дои*; в) с ударением на основе, оканчивающейся на стечение согласных: *исполню* — *исполни*, *возникну* — *возникни*, *запомню* — *запомни*; г) с ударением на префиксе: *вынесу* — *вынеси*, *выскажу* — *выскажи* и т. д. (у некоторых глаголов с ударяемыми основой или префиксом возможны варианты формы: *высуни* и *высунь*, *морици* и *мориць*, *уведоми* и *уведомь*);

2) безаффиксальным способом, представленным двумя вариантами:

- а) от основы настоящего времени, оканчивающейся на парно-твердую согласную, образуется форма повелительного наклонения, оканчивающаяся на парно-мягкую согласную. В данном случае происходит чередование твердых и мягких согласных: *сядут* — *сядь*, *встанут* — *встань*, *будут* — *будь*;
- б) от основы, оканчивающейся на парно-мягкую согласную, шипящую, *j* или *г*, образуется форма повелительного наклонения, где нет чередования в конце основы: *бросят* — *брось*, *мажут* — *мажь*, *жуют* — *жуй*, *лягут* — *ляг*.

В ряде случаев в образовании форм повелительного наклонения наблюдаются особенности:

- а) суффикс инфинитива **-ва-**, исчезающий в форме настоящего времени, вновь восстанавливается в форме повелительного наклонения: *узнавать* — *узнаю* — *узнавай*, *вставлять* — *встаю* — *вставай*;
- б) глаголы с корнем на **-и** и все их приставочные производные (*бить*, *лить*, *выбить*, *отлить* и т.д.) в повелительном наклонении имеют основу на **-ей**: *бей*, *лей*, *выбей*, *отлей*;
- в) по-особому образуются формы повелительного наклонения от изолированных глаголов: *есть* — *ешь*, *ехать* — *поезжай*, *лечь* — *ляг*;
- г) различаются формы повелительного наклонения у однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения: *везти* — *везут* — *вези*, *возить* — *возят* — *вози*; *лететь* — *летают* — *лети*, *летать* — *летают* — *летай*.

Есть глаголы, лексические значения которых не дают возможности образовать от них формы 2 л. ед. ч.:

- а) глаголы, называющие нецеленаправленные действия и состояния: *поизноситься*, *значить*, *наличествовать*, *стоять*, *подзабыть*, *мочь*;
- б) глаголы, обозначающие процессы, не зависящие от воли субъекта, от воли и побуждения других лиц: *болеть*, *седеть*, *чернеть*, *видеть*, *слышать*;
- в) безличные глаголы: *знобит*, *светает*, *морозит*.

В калмыцком языке форма 2 л. мн. ч. образуется при помощи аффикса **-тн**, присоединяемого к основе глагола: *адн-тн* 'спешите', *уу-тн* 'пейте', *хай-тн* 'бросайте', *уулн-тн* 'заставьте пить', *хаюл-тн* 'заставьте бросить', *хайлц-тн* 'помогите бросить', *таш барлдтн* 'схватитесь'.

Формы 2 л. мн. ч. в русском языке образуются путем присоединения к формам ед. ч. аффикса **-те**: *спеши-те*, *мажь-те*, *пей-те*, *бро-сай-те*. В возвратных глаголах после аффикса наращивается частица **-сь**: *молиться* — *молись* — *молитесь*, *стараться* — *старайся* — *старайтесь*, *мужаться* — *мужайся* — *мужайтесь*.

В русском языке для выражения различных значений побуждения в повелительном наклонении, относящихся к 1 и 3 л., используются формы настоящего и будущего времени.

Формы 1 л. мн. ч. настоящего и будущего времени в речевой ситуации и интонации побуждения обозначают обращение говорящего к одному или нескольким лицам, собеседникам с призывом или приглашением к совместному действию. Значение повелительного наклонения выражается у этих форм при помощи аффикса **-те**, который чаще всего присоединяется к глаголам совершенного вида: *раскроем(те)*, *уедем(те)*, *напишем(те)* и к глаголам несовершенного вида однонаправленного движения: *летим(те)*, *едем(те)*, *бежим(те)* и т. д. А глаголы несовершенного вида других семантических групп выражают значение совместного действия формами сложного будущего времени: *будем(те) копать*, *будем(те) вставлять* и т.п.

Форма совместного действия может быть представлена также сочетанием частицы *давай(те)* с формой 1 л. мн. ч.: *давай(те) простим*, *давай(те) раскроем*, либо с инфинитивом: *давай(те) бороться*, *давай(те) учиться*. Формы повелительного наклонения могут сочетаться с аффиксом **-ка**, при-

дающим им оттенки просьбы, решимости и т. д. в зависимости от интонации: *давай-ка споем*.

Аналогичное значение призыва, приглашения к совместному действию в калмыцком языке выражает форма 1 л. мн. ч. с аффиксом **-ий /-ия/-й** без лично-предикативных частиц, которая по своей основной модальности входит в систему желательного наклонения: *келий* 'скажем', *өргий* 'поднимем', *хэлэй* 'посмотрим'.

В системе повелительного наклонения русского языка побуждение может быть отнесено к 3 л. и выражено сочетанием частиц *пусть* (*пухай* — разг.) и *да* с формами 3 л. ед. ч. настоящего и простого будущего времени: *пусть позвонит*, *пусть поет*, *пусть придет*, *да пребудет в веках* и т.п. В данной ситуации воля говорящего (пожелание, согласие) передается субъекту через посредство собеседника.

В калмыцком языке побуждение, относящееся к 3 л., выражается присоединением к основе глагола параллельно существующих аффиксов **-г** и **-тха/-тхэ**: *ирг* — *иртхэ* 'пусть придет', *тоолг* — *тоолтха* 'пусть считает' и т.п. Данная форма побуждения также входит в систему желательного наклонения.

Таким образом, для выражения модальных значений повелительного наклонения в обоих языках используются синтетические (в русском языке и аналитические) формы, образующиеся с помощью специальных аффиксов. В русском языке для этих целей служат формы настоящего и будущего времени в разных сочетаниях. При передаче основного категориального значения анализируемого наклонения, а также многочисленных модальных оттенков значительна роль интонации, речевой ситуации, всевозможных частиц, вводных слов и т.д.

Категориальные значения повелительного наклонения: типы побуждения

Повелительное наклонение в сопоставляемых языках выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные собеседнику. Оттенки значения, выражаемые формами этого наклонения, обусловлены контекстом, ситуацией речи, интонацией и весьма разнообразны, начиная с категорического приказа и кончая советом и убедительной просьбой.

Анализ побудительной ситуации в контексте производится по характеру отношений между говорящим и собеседником. Говорящий осознает возможность или невозможность выполнения собеседником действия, к которому он его побуждает. Это позволяет выделить в повелительном наклонении калмыцкого и русского языков типы категорического и смягченного побуждения, а также и «нейтрального», представляющего собой переходную ступень между первыми двумя типами побуждения [Андреева 1971]. Каждый тип побуждения представлен вариантами, модальными оттенками, которые в сочетании с основным категориальным значением составляют семантические признаки повелительного наклонения.

Исходная форма повелительного наклонения, равная форме 2 л. ед. ч., всегда выражает побуждение к действию, направленное говорящим непосредственно к собеседнику.

Для типа категорического побуждения характерен признак зависимости собеседника от говорящего. Побуждение выражается в категорической форме в таких модальных значениях, как требование, приказание, распоряжение, запрещение.

Модальное значение требования выделяется как основное среди вариантов категорического побуждения и выражается различными средствами контекста:

- а) в обоих языках категорическое требование выполнить волю говорящего собеседником(ами) во 2 л. ед. и мн. ч., т. е. совершить какое-либо действие немедленно, выражается формой повелительного наклонения: *Хей, тер ханз авад, нанд тэмк нержэ өг, тер ирсн улст тэмк өг* (Н. Манджиев). 'Эй, возьми вон трубку и набей ее табаком для меня, заодно дай табак пришедшим'. В русском языке экспрессивный характер побуждения наиболее отчетливо проявляется в глаголах несовершенного вида повелительного наклонения: *Дымовой дых-тяг, Воздуха береги!* (В. Маяковский). *Пыши, машина, шибче-ка, Вовек чтоб не смолкла...* (Он же);
- б) с другой стороны, формы глагола совершенного вида повелительного наклонения в русском языке в определенных ситуациях выражают большую категоричность, чем глаголы несовершенного вида: *Подойди сюда, Тебе не мелко?...* (В. Маяковский).

В обоих языках модальное значение требования связано с темпоральной отнесенностью побуждения к ближайшему будущему и выражено обстоятельствами типа *минь ода* 'сейчас же', *тудл уга* 'немедленно' и т. д.: *Ду харл уга, минь ода көшүртм арвн арслң ас!* (Н. Манджиев). 'Без разговоров, сейчас же отдай десять рублей за мою ось'. *Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван* (М. Булгаков).

В русском языке есть группа глаголов с семантикой грубого, резкого побуждения к немедленному действию: *давай дуи, валяй, жарь, шпарь* и т. д. ...**Шпарь** как давеча. *Дуй прямоком, чтоб аж пятки влипали!* (К. Федин).

Модальный признак категорического требования с оттенком грозного, гневного приказа реализуется в контексте:

- а) группой глаголов типа *хээкх* 'крикнуть', *захх* 'приказать', *уурлх* 'рассердиться' и т. д.: **Ступай!** — княгиня *приказала*. *Эн сөөни бийднь күргэд, хэрү ир, — гиж хурлын ахлач закв* (К. Эрендженов). 'В эту же ночь отвези и вернись, — приказал настоятель монастыря';
- б) вводящими словами типа *гинэв* 'говорю', *соңсжәнч* 'слышишь' и т. д., придающими высказыванию оттенок настойчивости: *Дэкэд дүлэ, келкэ, сохр күн кевтэ бэ, — соңсжәнч, эсклэ...* (Т. Бембеев). 'Потом живи, как глухой, немой, слепой человек, слышишь, а не то...'. **Говорю тебе — не пой** молебствия / Проволочным твоим лучам (С. Есенин);
- в) значительной группой глаголов, объединенных общей семантикой удаления: *харч эрл* 'выйди вон', *үзгдл уга од* 'исчезни с глаз' и т. д.: *Нэ, хар! Хотндм бичэ бэ! Үзгдл уга од!* (Н. Манджиев). 'Ну, выйди! Не оставайся в моем хотоне! Сгинь с глаз!' *Изменники кричали: не стреляйте, выходите вон... государь здесь* (А. Пушкин);
- г) вводным словом *чама-аг* 'я тебя, ты у меня' (в сочетании с ограничительно-уступительной частицей *зуг* — только со значением угрозы: **Чам-аг, зогсжәтн зуг, кишго нохас!** (Б. Басангов). 'Я вас, ну погодите, нечестивые собаки!' *Ты у меня пикни только* (А. Островский).

В русском языке в ряде фразеологических оборотов при обобщенно-личном употреблении формы повелительного наклонения в сочетании с частицей *хоть* значение категорического побуждения (угрозы, приказа, требования) ослабляется и выражается значение вынужденности выполнять действие как для собеседника, так и для самого говорящего: *Хоть ложись, да помир-рай; хоть беги; хоть вешайся*.

Один из вариантов категорического побуждения — запрещение — выражается в обоих языках:

- а) в калмыцком языке отрицательными конструкциями с формами повелительного наклонения: *Зуг куукм эднэ харт бичэ үлдэ. Авч йов* (Б. Басангов). 'Только не оставляй здесь мою дочь. Возьми ее с собой'. **Не заходите, она спит...** **Не беспокойте ее** (М. Горький);
- б) в русском языке в разговорной речи формами повелительного наклонения совершенного вида: **Брось!** — резко сказал Егор. *И еще раз сказал: «Брось. Садись»* (В. Шукшин) (= *Не бери*). **Поговори мне еще, дубина** (А. Чехов) (= *Не говори!*). **Жди от него помощи, как же.** (= *Не жди*). А при обобщенно-личном употреблении типа *Ему и слова никто не скажи. И возразить не смей* значение запрещения, невозможности совершить действие направлено на самого говорящего.

Наряду с корневыми глаголами категорическое побуждение в калмыцком языке может выражаться и видовой формой на **-чк** (сложный суффикс, возникший из слияния суффикса соединительного деепричастия **-ж/-ч** и остатка вспомогательного глагола *оркх* > **-к**) со значением «2-му л. незамедлительно совершить действие по велению, приказу говорящего»: *Йов, одад Чуучаг дудчк* (Б. Басангов). 'Пойди, позови Чуучу'.

Повторение глагола в форме повелительного наклонения в обоих языках усиливает значение категоричности действия, которое должен совершить собеседник: *Тадн йовтн, шулуһар йовтн, усан обозд күргжә өгтн, — гиж келв* (У. Очиров). 'Выезжайте быстро, езжайте, отвезите воду к обозу, — сказал'. *Ну довольно! Ступайте, ступайте домой* (А. Пушкин).

В типе **смягченного побуждения**, напротив, отношения таковы, что говорящий

зависит от воли собеседника или собеседников, которые могут выполнить или не выполнить действие. Зависимость говорящего от собеседника подчеркивается наличием в контексте: а) глаголов, вводящих смягченное повеление, типа *сурх* 'просить', *эрх-сурх* 'умолять', 'упрашивать', *эвлх* 'уговаривать': *Ээж, мана гэм, — гижэ Болд эвлна, зуг бичэ ууль* (А. Балакаев). 'Наша вина, бабушка, — уговаривает ее Болд, — только не плачь'; б) глаголов речи, смягчающих поведение: *гих* 'говорить', *келх* 'сказать' и др.: *Дарук күүкнь бас торһ, булһ асржэ ас гив* (Хальмг туульс). 'Другая дочь его сказала: — Мне тоже шелка и соболя привези'. *Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его, за него тебе выкуп дадут, — сказал Савельич* (А. Пушкин); в) глаголов просьбы и мольбы о помощи: *нөкд бол* 'помоги', *дөң бол* 'поддержи', *харсжэ ав* 'защити' и др.: *Харсжэ ава-аа!.. гисн дун улм өөд авч чашкурдад, деер авч жичнв* (Б. Дорджиев). 'Спаси-ите! ...неся истощный вопль, который все более становился пронзительным'.

Оттенок просьбы и мольбы выражается и другими грамматическими средствами: а) некоторыми глаголами (в русском языке — совершенного вида) со значением просьбы в виде устойчивой формулы: *бичэ марттн* 'не забудь(те)', *бичэ хайтн* 'не покинь(те)', *бичэ үлдэтн* — не оставь(те) и т.д.: *И поила я вас, и кормила я вас, не покиньте меня в мой последний час*; б) конструкцией с побудительной частицей *не* 'ну', *не*, *альков* 'а ну-ка': *Альков, кишгтэ улс, күүкән нанд үзүлхэтн* (А. Балакаев). 'А ну-ка, счастливики, покажите мне свою дочь'. *Ну, ребята, — умолял комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан* (А. Пушкин); в) обращением в стилистически нейтральной форме: *Үрвэд күрэд ир, би одад, хот белднэв* (А. Балакаев). 'Ты не спеша подойди, я пойду и приготовлю обед'. *Идем, ребята, разбудим его* (Алексеев). *Валите-ка вы, лебеди белогрудые, по-холодочку* (Н. Косенко); г) частицей *буйн болтха* 'пожалуйста', принадлежащей вежливой речи: *Сектн, буйн болтха, даарад үкжэ йовнав, — гижэ Бамб цецг хару өгчэнэ* (Т. Бембеев). 'Откройте, пожалуйста, я замерзаю, — ответил Тюльпан'. *Вон там, пожалуйста, сними пушинки* (Н. Гоголь).

Оттенок просьбы принимает настойчивый характер, если в контексте имеется слово-отрицание *уга* 'нет': *Дээнэ цагт цегт мордсн, тылд көдлсн эдл чинртэ. — Уга,*

намаг йовултн! (Б. Басангов). 'Во время войны одинаково важно быть на фронте или работать б тылу'. — *Нет, отправьте меня! Не-ет! руки-ноги есть? — Иди, голубь, работай* (Н. Косенко).

Нейтральный тип побуждения предполагает ситуацию взаимной независимости говорящего и собеседника, наибольшей свободы последнего. Вариантами этого типа выступают такие модальные оттенки, как простое побуждение, совет, приглашение, позволение, назидание, ироническое побуждение и др. В отличие от семантики категорического и смягченного типов побуждения в вариантах нейтрального побуждения содержится признак направленности действия в пользу собеседника:

- 1) простое побуждение, т. е. предложение совершить действие, передается частицей *не*, *нэ* 'ну', а также группой глаголов: *ав(тн)* 'бери(те)', *ид(тн)* 'покушай(те)' и др. с семантическим значением возможности брать, получать то, что кем-то дано: *Нэ, ода чи хамг һазр деер бээсн юмна келиг меддг болвч, ода нан деер суужэ ав, хоюрн ик уулын өөр бээдг маңһисг оджэ дархмн* (Хальмг туульс). 'Ну, ты научился понимать язык всех живых существ на земле, садись на меня, вместе полетим уничтожить чудовище, которое живет у большой горы';
- 2) совет и назидание, которые указывают на целесообразность совершения действия, которое представляется говорящим полезным для собеседника: *Ахан алд күндл, дүүһән делм күндл* (посл.). 'Старшего брата почитай на сажень, а младшего — на полсажени'. *Не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Старайтесь спать не меньше 8 часов*;
- 3) разрешение, позволение как вариант нейтрального побуждения представлены в контексте, где данной форме повелительного наклонения предшествует просьба или вопрос собеседника: *Санжэ, арһлад, нег зөв кеһэд, нанд тер көшүрэн өгтн. Чи тер һаза бээсн шитмд һас кесн өрэсн подуск уга хар модн көшүр авч одад, авад ир, гижэ келэд, Санжэ Манжэд көшүрэн авх зөв өгнэ* (Н. Манджиев). 'Санджи, решите сами, дайте мне ту ось. — Ты возьми дубовую ось без

одного костыля, которая служит подпоркой того плетня, а потом принеси, — Санджи позволил Манджи взять ось’;

- 4) приглашение не имеет внешних лексических показателей, характеризуется лишь принадлежностью к определенным ситуациям, которые могут быть выражены глаголами с таким значением, как приглашение войти, сесть, посмотреть и т.д.: *ор(тн)* ‘входи(те)’, *суу(тн)* ‘сади(те)сь’, *хэлэ(тн)* ‘смотри(те)’ и т. д.: *Энунэс хооран, Василий, нааран мана тал иржэ* (К. Эрендженов). В дальнейшем, Василий, приезжай к нам. *Ортн, наартн, суутн* (М. Нармаев). ‘Входите, подойдите, садитесь’. *Приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и червячок, и медведица* (К. Чуковский). *Теперь отдыхай! Уж не ступит нога в твоё позлащенное стремя* (А. Пушкин);
- 5) пожелание, призывы относятся также к нейтральному типу побуждения: *Эмд насндан өвчнэ хог, өрнэ хог хойрас холд йов, — гив* (В. Котвич). ‘Сказала: Пока жив, от болезней и долгов подальше держись’. *Уунэс хооран кооперативн көдлмшт орлицн* (Н. Манджиев). ‘Впредь участвуйте в работе кооперативов!’ *Одно желанье: останься ты со мной! Небес я не томил молитвою другою* (А. Пушкин). *Разворачивайтесь в марше* (В. Маяковский). В русском языке при обобщенно-личном употреблении формы повелительного наклонения в возможном сочетании с частицей **-бы** /**-б** выражают значение желательности: *Гроном бы их сожги!* (И. Бунин). *Разорви бы тому живот, кто неправдой живет* (В. Даль);
- 6) к одному из вариантов нейтрального побуждения относится и модальное значение иронического побуждения, выражаемое формами вежливого обращения в обоих языках, иногда звучащего иронически: не изволь(те) беспокоиться, не откажи(те) в любезности. *Нээмн чамаг шавхртан күртэхэр бээнэ, аман аңһажэ. Түүндчн болхла нохаснь чамас үнтэ* (Б. Басангов). ‘Так и собирается Нямин отдавать тебе остатки пищи,

открой рот пошире. Ему его собаки дороже тебя’. *Кричи шибче, чтобы соседи услышали, коли стыда в тебе нет* (А. Островский).

Форма 2 л. мн. ч. повелительного наклонения в обоих языках является формой «вежливого обращения» и употребляется при обращении ко 2 л. ед. ч., представляет собой обычный прием вежливого и официального обращения: *Бальжрма Сумьяновна, суужэ автн, би таниг дурта һазрттн күргнэв* (А. Балакаев). ‘Бальжирма Сумьяновна, садитесь, я вас доставлю куда хотите’. *Вы не верьте ему, — говорила она, обращаясь к гостю...* (А. Пушкин).

В составе предложения значение формы повелительного наклонения конкретизируется в каждом из типов побуждения и их вариантов. Все оттенки побуждений создаются интонацией, значением глагола, речевой ситуацией и всевозможными частицами:

- 1) В русском языке частицы **да**, **же**, характерные для разговорной речи, придают формам повелительного наклонения оттенок настойчивости, а аффикс **-ка** вносит оттенок фамильярности: *Илья Фомич, поезжай-ка ты сам* (Н. Гоголь). *Да сними хоть козух!* — сказал, наконец, Тарас (Он же). *Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей* (А. Пушкин).

Частица *смотри* в сочетании с глаголами несовершенного вида выражает усиление категорического побуждения: требования, приказания и т. д., а при глаголах совершенного вида выражает «только усиленное предостережение: *Смотри, не проговоришься*» [Виноградов 1972: 470]. В повелительном наклонении типы побуждения и их варианты дифференцируются на основе видовых значений глаголов.

- 2) В калмыцком языке присоединение к форме императива утвердительной частицы **-л** усиливает модальные оттенки повеления, угрозы, просьбы, приглашения: *Альков, юн гижэ келсэн давтлчн, — болжэ эгч Ютта отхн көвүнүрн шүрүлкв* (А. Балакаев). ‘А ну-ка, повтори сказанное, — грозно сказала тетя Ютта младшему сыну.’ *Келмрч болхла, мини хойр сурврт хэрү өглтн* (Хальмг туульс). ‘Если вы сказитель, дайте-ка ответ на два вопроса, — говорит он’.

В разновидностях оттенков смягченного и нейтрального типа побуждений

(убедительная просьба, настойчивое увещание, приглашение и т. д.) участвуют просительные частицы повелительного наклонения **-и, -хн**: *И хар дор чиигтэ арс делгич, мини көл дор өвдгцэ һуйр асхич, — гинэ* (Хальмг туульс). 'Говорит, — под большое черное чудовище постели мокрую шкуру, а под мои ноги насыпь-ка муки до колен'. *Ээж минь, Данара минь, намаг бий талан авхнтн* (А. Балакаев). 'Бабушка моя, Данара моя, возьмите же меня к себе'.

Формы совместного действия, как правило, не выражают значений категорического побуждения, для них характерно значение приглашения: *Подыдем бокалы, сдвинем их разом! Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви* (А. Пушкин).

Большую отчетливость варианту приглашения придает частица *давай (те)* в сочетании с формой совместного действия: *Давайте споем, пусть нам подпоет седой боевой капитан* (Песня). Форма совместного действия, как правило, не употребляется с подлежащим-местоимением, такое сочетание возможно лишь в разговорной речи: *Давайте-ка мы скажем слово*.

В калмыцком языке форма совместного действия входит в состав желательного наклонения как форма 1 л. мн. ч.: *йовий* 'пойдем', *ууй* 'выпьем'.

В русском языке форма обращения говорящего к 3 л. через посредство собеседника выражается сочетанием с частицей *пусть (пускай)*, обозначающей побуждение. Данные сочетания употребляются с местоимениями 3 л. и выражают значения пожелания, долженствования и допущения: *Пусть бог милует от разбойников!* — говорила Пульхерия Ивановна. *Пусть она здесь у печки греется, пироги ест...* (Маршак).

Те же частицы в сочетании с формами 1 л. будущего простого и будущего сложного времени оформляют побуждение говорящего, обращенное к самому себе, с оттенками желания, допущения и т. д.:

Пусть я до полуночи хожу по лесу буду... (С. Маршак).

В калмыцком языке, как отмечалось выше, форма обращения к 3 л. через посредство собеседника входит в состав желательного наклонения.

Следует отметить, что в сопоставляемых языках модальность побуждения во всех его типах и вариантах наиболее отчетливо проявляется в основной его форме 2 л. ед. ч. и мн. ч. повелительного наклонения (императива). Формы совместного действия (1 л. мн. ч.) и обращения к 3 л. находятся на периферии повелительного наклонения, ограничены в степени выражения модальных оттенков.

В калмыцком языке эти две формы выделяются в состав одного ряда, форм побуждения со значением желания и намерения: *йовий* 'пойдем(те)', *дуулуй* 'споем(те)'; *йовг, йовтха* 'пусть пойдет/пойдут', *дуулг, дуултха* 'пусть поет/поют'. Сюда же входит употребительная в речи форма 1 л. ед. ч. с аффиксами **-са/-сэ, -су/-сү, -с**: *йовса, дуулса* и формы в обоих числах: *йовсув — пойду-ка, йовсувидн* 'пойдем-ка'; *дуулсв* 'спую-ка', *дуулсвидн* 'споем-ка' — со значением желания и намерения выполнить действие.

Таким образом, основным средством выражения побуждения к действию в калмыцком и русском языках является глагол в форме повелительного наклонения. Императив — это, по сути, единственная форма глагола, которая в своем прямом значении выполняет специфическую аппеллятивную функцию. Побуждение к действию в обоих языках выражается градуированно, т. е. обладает большей или меньшей категоричностью, что достигается различными языковыми средствами, которые были подробно проанализированы выше. Сопоставительный материал показывает, что лексическая поддержка семантики побуждения носит идеотнический характер. Имеются и фразеологизированные структуры с императивной семантикой.

Литература

- Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1971. 18 с.
Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М: Высшая школа, 1972. 613 с.

- Дораяева Р. П. Повелительное наклонение // Глагол и отглагольные формы в современном калмыцком языке. Элиста: КНИИЯЛИ, 1979. С. 255–279.
Егодурова В. М. Глагол в бурятском языке. Улан-Удэ: изд-во Бурят. ун-та, 2001. 132 с.
Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 139 с.

- Омакаева Э. У. К характеристике побудительных конструкций современного монгольского языка // Мат-лы конф. аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2. Языкознание, литературоведение. М.: ИВ АН СССР, 1987. С. 56–58.
- Омакаева Э. У. Категория глагола и структура предложения в калмыцком языке // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 19. Элиста: «НПП «Джангар», 2005. С. 45–54.
- Плунгян В. А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Русская грамматика. Т. II / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 714 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 2. Глагол. М.: Наука, 1963. 266 с.
- Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. 301 с.
- Харчевникова Р. П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Уч. пособие. Элиста: КГУ, 1995. 94 с.
- Харчевникова Р. П. Характер отношений компонентов побудительных конструкций в монгольских языках // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 67–77.
- Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Л.: Наука, 1990. С. 185–234.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.

References

- Andreeva I. S. [The Imperative Mood and the Context]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Leningrad, 1971. 18 p. (In Russ.)
- Bondarko A. V. [The Theory of Morphological Categories]. Leningrad: Nauka, 1976. 255 p. (In Russ.)
- Doraeva R. P. [The Imperative Mood]. In: [The Verb and the Verbal Forms in Modern Kalmyk Language]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, literature and History, 1979. Pp. 255–279. (In Russ.)
- Kharchevnikova R. P. [Character of Component Relations of Hortative Structures in Mongolian languages]. *Mongolian Studies*. Iss. 1. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 67–77. (In Russ.)
- Kharchevnikova R. P. [The System of Verb Moods in Modern Kalmyk Language]. Elista: Kalmyk State University, 1995. 94 p. (In Russ.)
- Khrakovsky V. S. [Imperativeness]. In: [The Theory of Functional Grammar]. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 185–234. (In Russ.)
- Kuzmenkov E. A. [The Verb in the Mongolian Language]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1984. 139 p. (In Russ.)
- Omaeva E. U. [Concerning the Characterization of Hortative Constructions of Modern Mongolian Language]. In: Conf. Proc. Vol. 2. Linguistics, Literature Studies. Moscow: Institute of Oriental Studies of the USSR Acad. of Sciences, 1987. Pp. 56–58. (In Russ.)
- Omaeva E. U. [The Category of the Verb and the Sentence Structure in the Kalmyk Language]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. Iss. 19. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 45–54. (In Russ.)
- Plungyan V. A. [General Morphology]. Moscow: Editorial URSS, 2000. 384 p. (In Russ.)
- [Russian Grammar]. Vol. II. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Nauka, 1980. 714 p. (In Russ.)
- Sanjheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolian Languages]. Vol. 2. [The Verb]. Moscow: Nauka, 1963. 266 p. (In Russ.)
- Tsyendambaev Ts. B. [Grammatical Categories of the Buryat Language in Historical and Comparative Aspect]. Moscow: Nauka, 1979. 147 p. (In Russ.)
- [Typology of Imperative Structures]. St. Petersburg: Nauka, 1992. 301 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [The Russian Language. Grammar Study of a Word]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1972. 613 p. (In Russ.)
- Yegodurova V. M. [The Verb in the Buryat Language]. Ulan-Ude: Buryat University Publ., 2001. 132 p. (In Russ.)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МОДАЛЬНОСТИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (ДИРЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ)*

В. Н. Мушаев, З. Д. Мутаева

В современной лингвистической литературе отмечается, что модальность волеизъявления (ирреальная модальность) выражает волю говорящего, направленную на осуществление связи между объектом и его признаком [Панфилов 1977, Пюрбеев 1981, Дамбуева 2000]. Такая связь не является фактом объективной реальности, возможное существование ее обусловлено волеизъявлением говорящего: говорящий выражает пожелание или требование, чтобы связь между объектом и признаком стала действительной. В зависимости от того, выражает ли данное высказывание требование или желание говорящего, в пределах модальности волеизъявления исследователи различают модальные значения побуждения (директивная модальность) и желательности (оптативная модальность) [Беляева 1985; Теория... 1990].

Для исследования семантики и условий речевого варьирования форм выражения модальности волеизъявления релевантными оказались следующие факторы:

1. роль в речевом акте: первичные (говорящий, адресат, третье лицо) и вторичные (источник побуждения или пожелания, исполнитель, лицо, ответственное за принятие решения совершать действия или не совершать);
2. время появления высказывания и время исполнения действия, к которому побуждает высказывание;
3. отношение говорящего к потенциальному действию: готовность / неготовность;
4. иерархия социальных ролей коммуникаторов, которая выражается в трех типах отношений: субординативные (старший — младшему, младший — старшему), не субординативные (равный — равному), отсутствие отношений;
5. регистр или тональность коммуникации: официальный — нейтральный — нео-

фициальный; последний подразделяется на возвышенный, вежливый, непринужденный и фамильярный [Беляева 1985: 75].

Структурную внутриязыковую основу выражения директивной модальности составляют средства различных уровней языка, выделенные на основе общности семантической функции и объединенные в функциональную подсистему побудительности — микрополе директивной модальности. Сюда входят средства, имеющие разный лингвистический статус, разную частотность употребления в речи, разную степень специализированности. Некоторые из них являются ядерными, другие периферийными, но все они могут быть использованы как «форма речевого воздействия на окружающую среду в целях организации или перестройки ее в соответствии с требованиями говорящего» [Прокопчик 1955: 10].

Директивную модальность составляют следующие виды семантических зон директивных высказываний: приказ, просьба, приглашение, совет, запрещение, разрешение, предложение; в оптативной модальности мы выделяем: собственно желаемость, пожелания, заклинания, призывы и проклятия. Доминантной формой выражения микрополя директивной модальности является морфологическая категория — повелительное наклонение, имеющая широкую семантику и наибольшую частотность употребления в речи. Директивная модальность может выражаться несколькими способами: при помощи глаголов, при помощи грамматических и лексико-грамматических средств, а также косвенно-описательным путем.

Приказ представляет собою немотивированный прямой вид побуждения. В калмыцком языке приказ выражается:

- 1) повелительным наклонением: *Ду һарл уга минь ода көшүртм арвн арслң*

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Северный Кавказ: традиции и современность», проект № 13-14-08003 а(р).

- ас! Көшүрим ял эс өгхлэч би чамаг!... — гинэд Санжэ мел уурлад бээв.* ('Без разговоров сейчас же отдай десять рублей за мою ось! Если не отдашь, я тебя!... — рассердился Санджи.') [КХ: 15]; *Ас, цэ кезж ас! — гив.* ('Налей, налей чаю! — сказал.') [КХ: 102];
- 2) группой глаголов типа *хээкрх* 'кричать', *уурлх* 'сердиться, злиться'; вводными словами *гинэв* 'говорю', *соңсчанч* 'слышишь' и т. д., придающими оттенок грубости, угрозы: *Чини һара көдлми эн, кишго хортн! Хуц тэвх тохмта хурһ алжч! Чамаг, чамаг... — гинэд хээкрв.* ('Это твоих рук дело, вредитель! Ты убил высокопородного ягненка! Я тебя, я тебя... — кричал он.') [КХ: 65]; *Анжула терз секчкэд: — Захар! Би энд бээнэв. Марлыг нааран авч ирэд, намаг эндэс алдулж ав! — гижэ хээкрв.* ('Анджула, открыв окно, крикнула: — Захар! Я здесь. Приведи сюда Марала, заберите меня!') [МК: 410];
- 3) односоставными предложениями (в приказах, призывах): *Болжэ! Ду тасртн! Юм соңсхтн!* ('Хватит! Замолчите! Дайте же послушать!') [БО: 170]; *Зогсэжа!* ('Постой!') [КХ: 143];
- 4) обстоятельством времени типа *минь ода*, *одахн* 'только сейчас', *түдлуга* 'немедленно': *Тер күүндврин тускар Доржэ Сарангович минь ода келхлэрн: мөңг кергтэ болх, авч иртн, хээкрв.* ('Об этом разговоре Дорджи Сарангович, когда только что говорил, закричал: Понадобятся деньги, принесите!') [ЦТ: 211];
- 5) формой множественного числа повелительного наклонения на *-тн*: *Автоматын амар нурһарнь түлкэд, үүдн тал заав: Шулуһар, һазаран һартн!* ('Дулом автомата толкая в спину, направил к двери: Быстро выходите на улицу!') [ЦТ: 66].
- Аналогичную семантическую структуру имеет **запрещение**. В калмыцком языке форма запрещения реализуется с помощью частицы отрицания при повелительном наклонении *бичэ* 'не', например: *Нүл! Тиим үг бичэ кел! <...> Амрхн һурв нульмчкад, һаран намчлэж зальвэрв* ('Трех! Не говори таких слов! <...> Амрхан, причитая, трижды сплюнула и помолилась.') [ЦТ: 13]; *Нэ, һар!! Хотндм бичэ бэ! — гижэ келэд эк-көвүн хойриг көөһэд һарһэж* ('Ну, выходи!! Не живи в моем хотоне! — сказав так, прогнал мать с сыном.') [КХ: 24].

Просьба имеет цель побудить адресата к действию, которое необходимо для говорящего. В калмыцком языке просьбу выражает большое количество форм, в которых присутствуют:

- 1) глаголы типа *сурх* 'просить', *эрх* 'умолять, упрашивать', *келх* 'сказать', глаголы просьбы *нөкд бол* 'помоги' и т. д.: *«Ноха, һартн, сөөдэн мантн», — гинэд Манжэ ээрнэ.* ('«Ноха, выходите, ночью сторожите», — упрашивал Манджи.') [КХ: 62]; *«Ээжэ, ээжэ, һарч аң-шову орулжэ ав», — гинэ.* ('«Матушка, матушка, выйди и заberi дичь», — говорит.') [БО: 75];
- 2) конструкции с побудительной частицей *нэ* 'ну' и выделительно-ограничительным предлогом *зуг* 'только' со значением просьбы, со вводно-модальным выражением *буйн болтха* 'пожалуйста', с обращением в стилистически нейтральной форме: *Буйн болх, Деля минь, эмтнэ хоорнд бичэ орлц.* ('Пожалуйста, Деля моя, не вмешивайся в споры людей.') [АГ: 98]; *Бадм, манаһас ирэд тер башмгуд ав.* ('Бадма, возьми у нас те башмаки.') [АБ: 87];
- 3) просительные формы повелительного наклонения с частицами *-и*, *-хн*: *Босад тер арсинь хээһич, — гижэ залуд келжэ оркад, аакин баав көвүг, бумаза хувцнаннь барун хорманан хойр-һурв сажсад, хормадан оражэ авад теврв.* ('Встань и поищи-ка эту шкуру — сказав мужчине, тетя, два-три раза трянув правым краем подола своего бумазейного платья, завернула в подол мальчика и взяла на руки.') [КХ: 42].

Совет, приглашение представляют собой косвенный вид побуждения к действию и выражаются формами, в которых присутствуют:

- 1) слово *селвг* 'совет': *Нэ, ода сананан бичэ зовтн, юмн-күмн болхла нанд ээңг өгүләд орктн, би ирэд улан селвгэн өгн бээсв.* ('Ну, вы теперь не переживайте, если что или кто понадобятся — сообщите мне, я приду и дам вам искренний совет.') [КХ: 73]; *Та эн мини зүүднд келсн үгиг йоста үндн санад коммуна партин һардмэжар делегатск хурган делгүрүләд, делгү цугтан делкэн күүкд улс яһэж бээхиг лавлад медтн, — гижэ танд би — угатһрин нээжэ уригта Манжэ улан седклэрн селвгэн өгчэнэв.* ('Слова, которые я произнес во сне, вы

должны воспринять как истинную правду, и под руководством коммунистической партии, расширив свое собрание делегатов, выясните, как живут женщины всего мира, — так я, Манджи — друг бедных, открытым сердцем даю вам совет.) [КХ: 81];

- 2) частица *нэ* ‘ну’ с побудительным сигналом и глагол со значением простого побуждения: *Нэ, чи бүрүц манад хонад маңһдур хэр.* (‘Ну, ты заодно переночуй у нас, а завтра возвращайся домой.’); *Нэ, өвгн, суутн, суутн! — гинэд суулһж оркв.* (‘Ну, дедушка, сядьте, сядьте! — сказав, усадил.’) [КХ: 118];

- 3) группа глаголов со значениями простого побуждения и приглашения совершить действие: *Манаһур ирэд, хот у.* (‘Приходи к нам, покушай.’) [АБ: 170]; *Менд, менд! Уралан һарад су!* (‘Здравствуй, здравствуй! Проходи вперед, садись!’) [БО: 45].

Предложение как семантическая зона директивного высказывания является косвенной формой побуждения к действию, исполнителем которого может быть и сам говорящий; выражается при помощи глаголов со значениями простого побуждения и предложения совершить действие: *Нэ, шуугаһан ахртн, дакад үг келх күн бээһлэ келцхэтн, — гижэ хургин президиумд суусн Даак босжэ келв.* (‘Ну, перестаньте шуметь, если у кого есть что сказать, говорите, — сказала Даака, сидевшая в президиуме собрания.’) [КХ: 117]. *Нэ, дакжэ үг келх күн уга болхла, иигэд чилэн гижэһэвдн. Бичэ шуугтн, ишидвр кей ода, — гинэд Адуч босв.* (‘Ну, если больше нет выступающих, то тогда будем завершать. Не шумите, сейчас примем решение, — сказав, Адуч встал.’) [КХ: 119].

Анализ источников показал, что формами выражения директивной модальности могут быть: 1) повелительное наклонение; 2) группа глаголов типа *хээкрх* ‘кричать’, *уурлх* ‘сердиться, злиться’; 3) функционально вводно-модальные слова *гинэв* ‘говорю’, *соңсанч* ‘слышишь’ и т. п., прида-

ющие оттенок грубости, угрозы; 5) группа глаголов, объединенных общей семантикой удаления: *һарч эрл* ‘выйди вон’, *үзгдл уга од* ‘исчезни с глаз’; 6) обстоятельство времени типа *минь ода*, *одахн* ‘только сейчас’, *түдл уга* ‘немедленно’; 7) форма глагола множественного числа повелительного наклонения на *-тн*; 8) просительные формы повелительного наклонения с частицами *-и*, *-хн*; 9) побудительная частица *нэ* ‘ну’ и выделительно-ограничительный предлог *зуг* ‘только’ со значением просьбы, вводно-модальное выражение *буйн болтха* ‘пожалуйста’.

Категория модальности — это языковая категория, для которой функционально-семантическое поле является наиболее адекватным способом описания, отражающим сущность ее устройства. В. В. Виноградов подчеркивал, что каждое предложение имеет модальное значение как существенный конструктивный признак [Виноградов 1975]. Выражаемая интонацией модальность предложения проявляется во всех морфологических типах предложений. Модальность директива выражается единицами разных языковых уровней (лексического, морфологического и синтаксического), а также различных их сочетаний. Разнородные языковые элементы объединяются в систему на основе общности семантической функции. Лексическими средствами передачи модальных значений в калмыцком языке являются модальные глаголы и модальные частицы. К морфологическим средствам выражения модальности мы относим формы наклонений: повелительное, желательное, предостерегательное [Харчевникова 1995: 78; Мушаев 2005: 274].

Таким образом, доминанту плана выражения директивов составляет категория императивной модальности и ее ядро — повелительное наклонение, для которого значение побуждения является прямым значением. В калмыцком языке формы повелительного наклонения выражают всевозможные оттенки значения побуждения от приказа до приглашения.

Источники

- АБ — Балакан Алексей. Алтн бумб. Роман. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 294 с.
АГ — Бадмин Алексей. Арнзлын гүүдл. Роман. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1989. 365 с.

БО — Баснга Баатр. Бумбин орн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. 431 с.

КХ — Манжин Нимгр. Келвмүдин хураңһу. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1959. 147 с.

МК — Бадмин Алексей. Мукөвүн. Роман. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1984. 419 с.
 ЦТ — Бадмин Алексей. Цаһан толһа. Түүк. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1977. 221 с.

Литература

Беляева Е. И. Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 179 с.
 Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
 Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. 251 с.
 Мушаев В. Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: ОАО АПП «Джангар», 2005. 382 с.

Панфилов В. З. Категории модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. № 4. М.: Наука, 1977. С. 37–48.

Прокопчик А. В. Структура и значение побудительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Наука, 1955. 16 с.

Пюрбеев Г. Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. № 5. М.: Наука, 1981. С. 5–30.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 262 с.

Харчевникова Р. П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Учебное пособие. Элиста: КалмГУ, 1995. 94 с.

Sources

Badmin Aleksey. [Aranzal's Trot]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1989. 365 p. (In Kalm.)
 Badmin Aleksey. [Mukeben]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1984. 419 p. (In Kalm.)
 Badmin Aleksey. [White Mound]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1977. 221 p. (In Kalm.)
 Balakan Aleksey. [Golden Bumba]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1974. 294 p. (In Kalm.)
 Basnga Baatr. [The Land of Bumba]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. 431 p. (In Kalm.)
 Mandzhin Nimgr. [Collection of Short Stories]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1959. 147 p. (In Kalm.)

References

Belyaeva E. I. [Functional-Semantic Field of Modality in English and Russian]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1985. 179 p. (In Russ.)
 Dambueva P. P. [Category of Modality in the Modern Buryat Language]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ. House, 2000. 251 p. (In Russ.)

Kharchevnikova R. P. [System of Verbal Moods in Modern Kalmyk Language]. Elista: Kalmyk State University, 1995. 94 p. (In Russ.)

Mushaev V. N. [Structure and Semantics of the Kalmyk Sentence]. Elista: Dzhangar, 2005. 382 p. (In Russ.)

Panfilov V. Z. [Categories of Modality and its Role in the Constitution of the Structure of a Sentence and Judgment]. *Issues of Linguistics*. 1977. No. 4. Pp. 37–48. (In Russ.)

Prokopchik A. V. [Structure and Meaning of Imperative Sentences in the Modern Russian Literary Language]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Moscow: Nauka, 1955. 16 p. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. [Category of Modality and Means of its Expression in Mongolian Languages]. *Issues of Linguistics*. 1981. No. 5. Pp. 5–30. (In Russ.)

[Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [Concerning the Category of Modality and Modal Words in Russian]. In: [Selected Works. Researches on Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)

К ИССЛЕДОВАНИЮ БУДДИЙСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН-ТЕОНИМОВ В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (на примере теонимов Дэрк и Окн-Тенгр)

И. А. Балтырева, Т. С. Есенова

В калмыцкой лингвокультурологии наблюдается возросший интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры. Одним из важных направлений таких исследований является изучение прецедентных имен [ПИ] и прецедентных текстов [ПТ], относящихся к области прецедентных феноменов.

В современной лингвистике выделяют ряд факторов, которые служат критериями выявления прецедентных имен, в частности: связанность данных имен с прецедентными текстами [Караулов 1987]; известность соответствующих феноменов большинству членов лингвокультурного сообщества [Гудков 1999; Слышкин 2000]; регулярная воспроизводимость соответствующих имен в текстах [Кушнерук 2004]; использование того или иного имени в функции культурного знака [Нахимова 2004; 2005].

По мнению Д. Б. Гудкова, подобные имена не занимают отдельной «клетки» в классификационной «таблице» языковых единиц, являясь группой внутри имен собственных, но они представляют собой особые единицы дискурса [Гудков 1999: 121].

Признавая возможность выделения в значениях прецедентных имен отдельных семантических компонентов (сем), рассмотрим функционирование в калмыцкой лингвокультуре двух ключевых прецедентных имен женских буддийских божеств.

Калмыцкие теонимы и мифонимы Дэрк и Окн-Тенгр уже рассматривались как доминантные имена религиозного (молитвенного) и мифологического текста [Бадгаев, Омакаева 1999; Омакаева 2004]. Предметом нашего исследования являются особенности их семантики, и прежде всего их культурная коннотированность, определяющая и место анализируемых теонимов в калмыцком прецедентном тексте.

В лексике калмыцком языке существует целый пласт религиозных имен, большая часть из которых — буддийские, в т. ч. прецедентные имена, восходящие к прецедент-

ному тексту. Под прецедентными именами понимаются широко известные имена собственные, которые используются не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий и судеб. Таким образом, мы вслед за Гудковым считаем, что прецедентное имя — это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [Гудков 1998: 83].

Существование женских божеств в пантеоне буддизма свидетельствует о том, что просветления может достичь любое существо — как мужского, так и женского пола.

Бодхисаттва *Дэрк* ‘спасительница’ (монг. *Дара эх*, санскр. *Тара*, тиб. *Долма*) — наиболее популярный женский образ в буддийском пантеоне божеств. Теоним *Дэрк* смешанного калмыцко-санскритского происхождения. Он образован в результате стяжения двух слов: *Дара* (санскр.) и *эк* (калм. ‘мать’). Наличие семы ‘мать’ в имени бодхисаттвы не случайно: *Дэрк* считается матерью всех будд [История 2011: 189].

Предполагается, что образ Тары появился в первой половине I тысячелетия н. э. в Индии. Первые европейские миссионеры, видевшие изображение Тары в Индии, отождествляли ее с девой Марией. В Тибете, куда культ Тары начал проникать в XI в. и достиг кульминации в XIV в., существует несколько легенд, повествующих о происхождении Тары. Согласно одной из них, Тара родилась из слезы Авалокитешвары, когда он оплакивал страдания мира. По другой версии, Тарой стала погрузившаяся в созерцание принцесса, давшая будде Амогхасиддхи клятвенное обещание спасти все живые существа от мук сансары [Мифы 1997: 494].

В пантеоне ваджраяны известна 21 форма Тары. Формы различаются по цвету, позе (асана) и положению рук (мудра).

Как известно, калмыки более всего почитают две спокойные формы Тары: *Нохан Дэрк* (Зеленая Тара, монг. Ногоон Дара эх, санскр. Сьяматара) и *Цахан Дэрк* (Белая Тара, монг. Цагаан Дара эх, санскр. Ситатара) [Буддизм 1992: 237–238]. Эти буддийские прецедентные имена восходят к прецедентному молитвенному тексту «Гимн 21 Таре», опубликованному в переложении с ойратского на современный калмыцкий язык в 1995 г. [Омакаева 1995].

Нохан Дэрк — бодхисаттва, дарующая освобождение от всех печалей, устраняющая препятствия, помогающая в семейном благополучии. У нее тело ярко-зеленого цвета, одно лицо и две руки. «Ее облик мирный, на лице — добрая улыбка. Темные волосы наполовину распущены, наполовину собраны на макушке. В волосах — синий цветочек утпала, на теле — украшения из драгоценных камней. Зеленая Тара всегда изображается сидящей в медитации, однако одна ее нога свободна от медитативной позы и опущена вниз, к земле, что символизирует готовность поспешить на помощь всем страждущим» [Ту 2006: 186; Иконография 2003: 252–257].

Цвет ее тела символизирует активность и мгновенное исполнение любой просьбы верующего. Испокон веков каждый восьмой день лунного месяца в калмыцких хулах совершают молебен-обращение к Зеленой Таре. Этот ритуал предназначен для устранения препятствий и восьми страхов, относящихся к восьми внешним опасностям: львам, слонам, огню, змеям, ворам, тюремным оковам, наводнениям и демонам. Они, в свою очередь, соответствуют восьми опасностям омрачений: гордости, злости, зависти, алчности, неправильным взглядам, привязанности, сомнениям и заблуждениям [Ту 2006: 174; Иконография 2003: 260].

Образ Тары встречается в калмыцких народных сказках. В сказке «О празднике Цаган Сар» Зеленая Тара, «которая была такой небывалой красоты, что в сиянии, исшедшем от нее, можно было пасти скот и шить», решила избавить людей от гибели, когда на них напал горбатый черный мангас. Она вышла замуж за черного мангаса и родила сына. Чтобы узнать, где находится душа мангаса, она заставляла

мальчика плакать, коля его шилом. Мангас называл разные места, но, в конце концов, сказал правду: «Моя душа находится в деревянном сундуке, в стороне захода солнца, в глубокой яме, вырытой у подножья горы. В деревянном сундуке находится железный сундучок, в железном сундучке — серебряный, и в нем живут три птенчика. Эти три птенчика — это и есть мои души». Зеленая Тара нашла сундук и убила птенцов, тем самым погубив мангаса. По пути домой она оставила своего сына на берегу моря Байн-дала. Отправившись дальше, она встретила Окон Тенгри, которая, узнав, что сын мангаса еще жив, вступила с ним в борьбу и уничтожила [Калмыцкие народные сказки].

В Калмыкии есть ступы, посвященные Зеленой Таре. Так, в 2010 г. в поселке Тавн-Гашун Яшкульского района была открыта лотосовая ступа Зеленой Тары. Ритуал освящения этой ступы провели монахи из тибетского монастыря Дрепунг Гоманг под руководством Кентрула Ринпоче совместно с монахами Центрального хурула Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни». Выбор места возведения ступы Зеленой Тары в поселке Тавн-Гашун не случаен: самой распространенной молитвой у верующих поселка является обращение к двадцати одной Таре.

Особо почитаемой среди калмыков формой Тары является и *Цахан Дэрк* (Белая Тара) — бодхисаттва, дарующая благополучие и продлевающая срок жизни практикующему ее мантру. Она сидит в «позе ваджры» на белом диске луны и раскрытом лотосе. Ее одеяние и украшения чрезвычайно изысканны, на голове — сверкающая тиара. Цвет тела — белый. Ее правая рука лежит на колене в мудре высшей щедрости, а левая рука у сердца держит стебель цветка утпала, который раскрывается на уровне ее левого уха [Ту 2006: 160; Иконография 2003: 264–269]. Отличительная черта Белой Тары — семь глаз, поэтому ее также называют *Долан мелмэтэ Дэрк*.

Считается, что Белая Тара, как и Будда медицины, устраняет телесные и психические заболевания. Согласно буддийскому вероучению, живые существа страдают от двух видов болезней: физических болезней, из-за которых страдает и слабеет тело, и умственных болезней, или омрачений. Болезни тела являются следствием умственных болезней, таких как гнев, при-

вязанность и неведение. Для того чтобы помочь верующим избавиться от недугов, каждый год перед калмыцким праздником Зул в хурулах монахи совершают обряд *наси утдулх* — обряд продления жизни, связанный с обращением к Белой Таре.

О прецедентности имени *Дэрг* свидетельствует его частая встречаемость в повседневной практике калмыков и письменных текстах, а также употребление данной лексемы как междометия 'О, боже'.

На прецедентность имени указывает и его участие в паремиях: *Дэрг хурлд, дээр мөрнд погов.* 'Тара — в хуруле (монастыре), потертость — у лошади'.

С образом Тары связан ряд калмыцких легенд. Например, название местности Овата в Целинном районе Калмыкии объясняется тем, что на пути из Шамбалы в Тибет к Далай-ламе Белая и Зеленая Тары решили отдохнуть и опустились на землю. Там, где они отдыхали, появились родники, распустились цветы. Люди после этого решили воздвигнуть на этом месте обо (калм. *ова*). С тех пор каждой весной на этом месте совершается обряд поклонения обо.

В 1928 году в калмыцкую степь прибыл специальный посол Далай-ламы XIII монах Камбин Зерг. Целью его приезда было проведение обряда в честь *Дэркин гегэн* в местности Уласта близ Оваты. Именно здесь и была построена ступа, посвященная Зеленой и Белой Тарам.

В калмыцкой лингвокультуре активно функционирует и другое буддийское прецедентное имя — *Окн-Теңгр* (Окон-Тенгри). Речь идет о женском божестве, единственном среди 10 гневных божеств, защитников буддизма. Она изображается восседающей на муле, вожжи которого — ядовитые змеи.

Имя *Окн-Теңгр* овеяно легендами и сказаниями. Согласно одной из легенд, в давние времена в одной местности жил злой демон. Многие пытались его уничтожить, но не возвращались обратно. Одна красивая девушка, видя страдания людей, решила убить демона. С этой целью она прельстила его и вступила с ним в связь. Ей удалось убить его. Вернувшись домой, она поняла, что беременна. Монах предсказал ей, что родившийся ребенок также будет злым демоном. Из сострадания ко всем живым

существам она убила родившегося сына, стала защитницей людей и повелительницей демонов [Еше Пагчог 2002: 51–52].

С божеством *Окн-Теңгр* у калмыков ассоциируются приход весны и один из самых важных праздников в жизни калмыцкого народа Цаган Сар (Белый месяц). В честь праздника совершали жертвоприношение огню (очагу), хозяйкой которого считается *Окн-Теңгр* [Бакаева 1994: 63].

В Центральном хуруле Калмыкии в ночь перед наступлением первого дня праздника проводят традиционную ежегодную службу, во время которой верующие начитывают мантры *Окн-Теңгр*. Служба длится до рассвета, когда, по легенде, она вернулась домой, и этот час считается у калмыков воистину благословенным.

Праздничные благопожелания начинаются обращением именно к Окон-Тенгри: *О, хээрхн, Окн-Теңгр, олн Деедс! / Окн-Теңгрин сэжүсн евэж, / Олн-эмтн төвкнүн бээж, / Оньдин иигэж Цаһаһан кеж, / Окн-Теңгрэн дурдэж, күңшү һарһэж, / Халун уурта хотан кеж, / Ур-деежсинь Окн-Теңгртэн нерэдэж... / «О боже, всемилостивая Окон-Тенгри, все Всевышние! / Пусть покровительствует хранительница Окон-Тенгри, / Пусть живут люди спокойно, / Пусть всегда празднуют так Цаган Сар, / Пусть призывают Окон-Тенгри, / Приготовив горячую пищу, / Посвятим дееджи Окон-Тенгри...»*. За этими словами традиционно следуют пожелания счастья и добра, крепкого здоровья, а также богатого приплода скота.

Окон-Тенгри калмыки называют «воинственной» (*дээч*). Ее изображение встречалось на знаменах калмыцких полков.

Таким образом, наиболее почитаемыми в Калмыкии женскими буддийскими божествами являются Тара в форме Зеленой и Белой Тар и Окон-Тенгри. Калмыки воспринимают их в качестве этнических символов веры. Благодаря бытованию в текстах, устойчивых оборотах речи, обыденной речевой практике, а также визуализации в разных средствах объективации рассматриваемые теонимы обретают статус прецедентных имен калмыцкой лингвокультуры. Перспективы дальнейшего исследования темы мы связываем с изучением поля прецедентности в современной речевой практике калмыков.

Литература

- Бадгаев Н. Б., Омакаева Э. У. К изучению калмыцкой мифологии // История и культура монгольских народов: источники и традиции. Мат-лы Междунар. симпозиума. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. С. 12.
- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.: ил.
- Буддизм: Словарь / Абаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. П. и др. Под общ. ред. Жуковской Н. Л. и др. М.: Республика, 1992. 287 с.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Вып. 4. М.: Филология, 1998. С. 82–92.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
- Еше Пагчог. Буддизм: Шаг первый. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 96 с.
- Иконография Ваджраяны. Альбом. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. 624 с.: ил.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / Под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Бичелдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). Элиста: Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2011. 392 с.: ил.
- Калмыцкие народные сказки [электронный ресурс] // <http://kalmyk-skazki.narod.ru/tsagan-sar.htm> (дата обращения: 09.03.2013).
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: «Гнозис», 2002. 284 с.
- Кушнерук С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. № 13. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 146–155.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. 719 с.
- Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. № 13. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 166–174.
- Нахимова Е. А. Прецедентные имена в политической коммуникации // Вестник Уральского гос. техн. ун-та. Серия «Филология». № 60 (8). Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005. С. 232–241.
- Омакаева Э. У. Хальмг зурха. Лит (Калмыцкая астрология. Календарь). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 176 с.
- Омакаева Э. У. Культ женских божеств в калмыцком буддизме: иконография и символика // Сокровища буддизма. Сб. материалов. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 65–70.
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: «Академия», 2000. 128 с.
- Ту Лиллиан. Книга о Буддах / Перев. с англ. М.: ООО Издат. дом «София», 2006. 288 с.
- Badgaev N. B., Omakaeva E. U. [Concerning Studying of Kalmyk Mythony]. In: [History and Culture of Mongolian Peoples: Sources and Traditions]. Conf. proc. Part 2. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 1999. Pp. 12. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [Buddhism in Kalmykia. Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalm. Book Publ., 1994. 128 p.: ill. (In Russ.)
- [Buddhism: Dictionary]. N. N. Zhukovskaya et al. (ed.). Moscow: Respublika, 1992. 287 p. (In Russ.)
- Gudkov D. B. [The Precedent Name and Problems of Precedence]. Moscow: Moscow State University Publ., 1999. 152 p. (In Russ.)
- Gudkov D. B. [The Precedent Name in the Cognitive Base of Modern Russian Language]. In: [Language, Consciousness, Communication]. Iss. 4. Moscow: Philology, 1998. Pp. 82–92. (In Russ.)
- [History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999]. N. G. Ochirova, N. V. Abayev, E. P. Bakaeva, U. P. Bicheldey, Ts. P. Vanchikova, S. Yu Lepekhov, T. M. Sadalova (ed.). Elista: Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia, 2011. 392 p.: ill. (In Russ.)
- [Iconography of Vajrayana]. Album. Moscow: Design. Information. Cartography, 2003. 624 p.: ill. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. An Internet resource: <http://kalmyk-skazki.narod.ru/tsagan-sar.htm> (accessed: March 9, 2013). (In Russ.)
- Karaulov Yu. N. [The Russian Language and the Linguistic Personality]. Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russ.)
- Krasnykh V. V. [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnosis, 2002. 284 p. (In Russ.)
- Kushneruk S. L. [Denotative and Connotative Aspects of Functioning of Precedent Names in Russian and American Advertising]. *Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society*. No. 13. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2004. Pp. 146–155. (In Russ.)
- [Myths of the Peoples of the World]. Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2. S. A. Tokarev (ed.). Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1997. 719 p. (In Russ.)
- Nakhimova E. A. [On Criteria for Selection of Case Phenomena in Political Texts]. *Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2004. Pp. 166–174. (In Russ.)
- Nakhimova E. A. [Precedent names in political communication]. *Bulletin of Ural State Technical University*. Ser. Philology. No. 60 (8). Yekaterinburg: Ural State Technical University Publ., 2005. Pp. 232–241. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Cult of female Deities in Kalmyk Buddhism: Iconography and Symbols]. In: [Treasures of Buddhism]. Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 65–70. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Halmg zurkha. Lit (Kalmyk Astrology. Calendar)]. Elista: Dzhangar, 1995. 176 p. (In Russ.)
- Slyshkin G. G. [From Text to Symbol: Linguistic-cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow: Academia, 2000. 128 p. (In Russ.)
- Tu Lillian. [Book about Buddhas]. (transl.). Moscow: Sofiya, 2006. 288 p. (In Russ.)
- Yeshe Pagchog. [Buddhism: Step One]. Elista: Dzhangar, 2002. 96 p. (In Russ.)

О КАЛМЫЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНОЙ СИМВОЛИКЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (на материале афиш)

О. В. Салынова, Т. С. Есенова

Обращение к калмыцкой символике в современном рекламном тексте обусловлено характерным для последнего времени повышенным вниманием к национально-прецедентным символам. Регулярная эксплуатация значимых для этнической культуры символов позволяет взглянуть на рекламный дискурс с позиций теории прецедентности.

Рассмотрим использование в рекламе национальной символики на материале 70 театральных и концертных афиш, оповещавших о публичных мероприятиях 2011–2013 гг. в Республике Калмыкия.

Афиша, будучи одним из основных элементов наружной рекламы для массовых мероприятий, является текстом рекламного содержания, предназначенным для расклейки. Афиши, как правило, содержат броские рисунки, легко запоминающийся текст и яркое оформление, поэтому оказывают сильное визуальное воздействие, тем самым привлекая внимание прохожих [Ученова, Старых 2003: 42].

При создании афиш необходимо учитывать значения символов, используемых в рекламном тексте и вызывающих у реципиента определенные ассоциации. Это связано с тем, что фоновые знания увеличивают прагматическое воздействие рекламного текста. В связи с этим целесообразно рассмотреть некоторые символы как компоненты фоновых знаний, к которым рекламодаделец апеллирует в процессе коммуникации.

В Республике Калмыкия национальная символика широко используется в современных афишах. Частотное ассоциативное употребление в афишах одних и тех же символов, связанных с Калмыкией, позволяет относить их к прецедентным явлениям.

Исследование прецедентных феноменов связано с необходимостью определения набора «культурных предметов», отражающих и определяющих специфику национального характера. Подобные «предметы»

определяются Д. Б. Гудковым как прецеденты — отраженные в сознании феномены материального или духовного мира [Гудков 2003: 100]. Из этого следует, что прецеденты — это примеры, или образцы, под которые попадают как вербальные, так и невербальные явления.

Как известно, первый шаг в исследовании прецедентности был предпринят Ю. Н. Карауловым: в качестве объекта исследования ученым был предложен прецедентный текст как текст, хорошо известный широкому окружению (включая предшественников и современников), обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216].

Позднее в лингвистике появляется новый термин — прецедентный феномен. Так, к числу прецедентных относятся феномены, хорошо известные всем представителям национального лингвокультурного сообщества. Все представители данного сообщества должны знать о существовании того или иного прецедентного феномена и иметь общий и обязательный инвариант его восприятия [Гудков 2003: 231].

Каждая отдельная личность может выступать как индивидум, как член определенного социума (например, семейного или профессионального), поэтому выделяются несколько уровней прецедентности и, соответственно, различные виды прецедентных феноменов: автопрецедентные, социумно-прецедентные, универсально-прецедентные и национально-прецедентные. Последний из указанных видов особенно актуален, так как в группу национально-прецедентных входят известные «любому среднему представителю этого сообщества» явления [Гудков 2003: 104]. Таким образом, Д. Б. Гудков имеет в виду «особую группу феноменов, относящихся» именно к национальному уровню прецедентности [там же: 106].

Особый интерес представляет прецедентность на уровне символа. Наиболее частотными в калмыцких афишах являются символы, связанные с историей, культурой и религией калмыцкого народа, например, традиционный костюм, лотос как один из восьми буддийских «эмблем славы», и др.

Главным рекламным объектом большинства афиш является человек в калмыцком национальном костюме. Это связано с тем, что костюм считается своеобразным символом этнической идентичности [Бакаева 2008; Батырева 2006: 65; Омакаева 1994: 25 и др.].

Одежда указывает на пол, возраст, социальный статус. В афишах чаще используется женский образ (61 %), нежели мужской (32 %) или детский (7 %). Традиционный калмыцкий женский костюм характеризуется особым кроем, его особенности определены социальным и возрастным статусом (девушка, замужняя женщина, пожилая женщина) [Бакаева 2008: 60–80].

Особую роль в самобытной выразительности калмыцкого народного костюма играет вышитый декор. В костюме замужней калмычки используется вышивка «зег», щедро украшающая и придающая особую выразительность женскому ансамблю. Именно вышивкой акцентируются силуэт, особенности покроя и цветовая характеристика костюма, придающие ему стилистическую завершенность образа. Вышивка «зег» традиционно выполнялась в технике наложения цветных нитей и поражала не только «декоративным богатством», но и строгим ритмом линий. В комбинированной технике вышивки «зег» использовались различные вариации растительного и геометрического орнамента [Батырева 2006: 106]. Изображение вышивки «зег» используется во многих афишах в качестве обрамления.

На афише конкурса красоты «Степная жемчужина» ассоциативную связь с регионом вызывает не только изображение молодой калмычки в традиционном девичьем костюме, но и другие объекты: степь с ярко-красными тюльпанами и сочной зеленой травой, голубое небо, силуэт Хошеутовского хурула и калмыка-всадника, участника Отечественной войны 1812 г., держащего флаг калмыцкого полка, что активизирует фоновые знания о героическом прошлом калмыков, вызывая чувство гордости, патриотизма.

Старейший буддийский храм в Европе, построенный князем Серебджабом Тюменем, активным участником Отечественной войны 1812 г., в ознаменование победы над Наполеоном, является символом военной доблести калмыцкого народа. Отечественная война 1812 года — не просто дата в истории России, но целая эпоха, воспетая в литературе и искусстве. Победа в войне над армией Наполеона открыла новую страницу как в российской, так и в калмыцкой культуре. В архитектуре это ознаменовалось строительством величественного Хошеутовского хурула, в фольклоре — сложением известной сегодня, наверное, каждому калмыку песни «Сөм хамрта парнцс», и др. [Омакаева 2012; Участие народов 2012].

На многих современных афишах также встречается изображение головного убора, выполняющего роль этнического маркера калмыков. Общим элементом мужских, женских и девичьих шапок является красная кисточка. «Улан залата хальмгуд» («калмыки с красной кисточкой») — этническое название калмыков, связанное с введением в 1437 г. отличительного знака на головном уборе — красной кисточки символизирующей огонь и солнце [Батырева 2006: 69; Бакаева 2008: 59, 112].

Символично на афишах изображение лотоса, являющегося символом совершенства и духовного развития человека. Лотос в буддийской культуре является традиционным символом чистоты. Священный цветок символизирует гармонию и единство: стебель лотоса олицетворяет мужское начало (*арһ*), а чашечка цветка — женское начало (*билг*).

Анализ лексического состава текста афиш позволяет распределить слова в рассматриваемых текстах по двум разрядам. Основной пласт лексики рекламных текстов составляют слова общелитературного русского языка, употребляемые в текстах всех функциональных стилей в принятом в общелитературном языке значении. Этот пласт лексики составляет 91 % слов от общего количества рассматриваемого лексикона.

Другую группу образуют калмыцкие слова, которые в рекламном тексте представляют собой национально-региональный компонент: *Концерт, приуроченный к обряду принятия Прибежища (ИТКЛ), дарованному Шаджин-ламой РК Тэло Тулку*

Ринпоче. Отмечены калмыцкие и английские слова в одном рекламном тексте, например: *Хальмг dance party* (калмыцкая танцевальная вечеринка), что отражает особенности современной молодежной социокультурной действительности.

Для лексики калмыцких афиш характерны выразительность, экспрессивность, эмоциональная окрашенность. Афишный текст обладает высокой «рекламной ценностью», формирует образ предмета афиши и легко вызывает в сознании представление о нём в его отсутствие. Следовательно, он способствует созданию «эффекта прецедентности» и собственно рекламной функции — продвижению продукта.

Таким образом, в современной коммуникативной среде естественный язык

является важнейшим и универсальным средством общения, но не единственным. Именно во взаимодействии со знаками иной природы (например, символическими и иконическими) вербальные знаки наиболее успешно реализуют свои коммуникативные функции, в частности рекламные.

Материал 70 калмыцких театральных и концертных афиш показывает, что рекламный дискурс активно взаимодействует с эстетическим (художественным, театральным, музыкальным). Перспективы исследования темы связаны с дальнейшим анализом особенностей функционирования прецедентных феноменов, связанных с Калмыкией и калмыками, в разных рекламных продуктах.

Литература

- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Батырева С. Г. Народно-декоративное искусство калмыков XIX — начала XX вв. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 160 с.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
- Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. Б. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
- Иванова С. В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа: БашГУ, 2002. 114 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 216 с.
- Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.
- Ольховиков Д. Б. Метафорическая образность поэтической речи и перевода // Вавилонская башня: слово, текст, культура. Ежегодные междунар. чтения памяти кн. Н. Трубецкого

«Евразия на перекрестке языков и культур». М., 2002. С. 22–24.

- Омакаева Э. У. Некоторые запреты и избегания у калмыков // Шамбала. 1994. № 2. С. 25.
- Омакаева Э. У. Концепт «Отечественная война 1812 года» в поэтическом дискурсе: к проблеме художественного осмысления эпохи посредством ключевых слов // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Мат-лы Всерос. науч. конф. (11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 288–294.
- Проخورов Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ИКАР, 1997. 228 с.
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Мат-лы Всерос. науч. конф. (11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. 327 с.
- Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 304 с.

References

- Bakaeva E. P. [Clothes in Kalmyk Culture: Traditions and Symbolism]. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. [People's Decorative Art of Kalmyks of the 19th – early 20th cent.]. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Russ.)
- Gudkov D. B. [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnosis, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Ivanova S. V. [Culturological Aspect of Language Units]. Ufa: Bashkir State University, 2002. 114 p. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N. [The Russian Language and the Language Personality]. Moscow: Nauka, 1987. 216 p. (In Russ.)
- Kostomarov V. G., Burvikova N. D. [How Texts Become Precedent]. *Russian Language Abroad*. 1994. No. 1. Pp. 73–76. (In Russ.)
- Olkhovikov D. B. [Metaphorical Figurativeness of Poetic Speech and Translation]. In: [Tower of Babel: Word, Text, Culture]. Annual International Readings in Memory of Prince N. Trubetsky "Eurasia at the Crossroads of Languages and Cultures". Moscow, 2002. Pp. 22–24. (In Russ.)
- Omaakaeva E. U. [Concept "The Patriotic War of 1812" in the Poetic Discourse: Concerning Artistic Understanding of the Epoch through Keywords]. In: [Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812]. Conf. proc. (Elista; September 11–14, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 288–294. (In Russ.)
- Omaakaeva E. U. [Some Prohibitions and Avoidances among Kalmyks]. *Shambala*. 1994. No. 2. Pp. 25. (In Russ.)
- [Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812]. Conf. proc. (Elista; September 11–14, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. 327 p. (In Russ.)
- Prokhorov Yu. E. [National Sociocultural Stereotypes of Speech Communication and their Role in Teaching the Russian Language to Foreigners]. Moscow: IKAR Publ., 1997. 228 p. (In Russ.)
- Slyshkin G. G. [From Text to Symbol: Linguistic-cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow: Academia, 2000. 128 p. (In Russ.)
- Uchenova V. V., Starykh N. V. [History of Advertising]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003. 304 p. (In Russ.)
- Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. B. [The Precedent Statement and the Precedent Name as Symbols of Precedent Phenomena]. In: [Language, Consciousness, Communication]. Iss. 1. Moscow, 1997. Pp. 82–103. (In Russ.)

УДК 82.0

ББК Ш5(2=Р)7-4Иванов В.С.+Ш5(2=Р)7-4Пильняк Б.А.

МОДИФИКАЦИЯ ТЕМЫ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАКУРСЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 1920-х гг.

Р. М. Ханинова

Как известно, персоналогическую сущность тоталитарных режимов составляет авторитарная личность. «Сталин понимал характер адекватнее, чем Фрейд, — считает И. П. Смирнов. — Сталин знал, что характер нельзя исправить, что человека нельзя вылечить от психичности, что от характерности как историчности можно избавиться лишь одним путем — уничтожая людей» [Смирнов 1994: 269].

Известные «голодные годы» в Советской России, как выяснилось, были спровоцированы властью для устрашения и подавления любого проявления неподчинения. «В 1920–1922 гг. голод охватил значительную территорию производящих губерний Юго-Востока; советская пропаганда и тогда, и позже говорила о голоде “в Поволжье”, между тем, голодали территории и восточнее — практически весь Южный Урал, — констатировал Д. А. Сафонов. — После десятилетий умолчания или крайне дозированной полуправды в последнее время стали появляться работы о голоде 1920-х, 1930-х, 1940-х гг. Не удивительно, что основное внимание исследователи уделяли самому процессу голода: его причинам, ходу, мерам по спасению людей, и, конечно, состоянию людей во время этой трагедии, с особым акцентированием на отклонениях в психике, вплоть до самых крайних, — типа людоедства и т. п.» [Сафонов 2005: 144]. Историки, медики, психологи обращали внимание и на сопутствующие собственно голоду факторы: рост преступности, обострение социальной напряженности и падение социальной активности масс, переход на пищевые эрзацы и, наконец, людоедство [Сафонов 2005: 144].

По наблюдениям С. Г. Семеновой, голод — одна из распространенных и самых пронзительных тем литературы 1920-х годов, которая разрабатывалась в достаточно

широком идейном и эстетическом диапазоне — от «жестко-натуралистического и беспросветного, как в рассказе Вс. Иванова “Полая Арапия”» (1921), «до той, превозмогающей все ужасы, борьбы за жизнь, когда трагическое сплетается с почти героическим, становится школой взросления, испытания и победы, как в неверовском “Ташкенте — городе хлебном”» (1923). В рассказах «Алешкино сердце» и «Обида», по мнению исследователя, М. Шолохов «стяженно вместили и явили этот диапазон» [Семенова 2005: 48].

Рассказ Вс. Иванова «Полая Арапия» относится к малоизученным произведениям писателя. В поздних заметках Вс. Иванова есть запись, связанная с эволюцией его представлений о достойном человеке обществе. «*Неужели же люди никогда не то чтобы хорошо, но хоть бы сносно жить не будут?*» — вопрошал он и тут же иронизировал по этому поводу. — А с другой стороны — *мы живем и жили плохо*, и почему все в 2055 году должны жить хорошо?» (курсив здесь и далее наш, кроме оговоренного. — Р. Х.) [Иванов 1978: III, 8, 457]. Обращаясь к потомкам, писатель недоумевал: «На каком основании вы получаете рай, а *мы чистим и перестраиваем ад*, проводим в нем электрическое освещение, выкидываем камеры пыток, застенки, мучительства и издевательства друг над другом? Ведь вам будет стыдно? *А ведь не для стыда же вашего мы старались и мучились?* Ах, какая чепуха, бессмыслица и грубость, грубость!..» [Иванов 1978: III, 8, 457]. Природа стыда, по Иванову, в том, что стыд «всецело полагается на неодобрение, неблагоприятные суждения других людей. Стыд — различен от того, открыто ли выражено это суждение или известно только тому, кто испытывает это чувство», в свою очередь, совесть «возникает вследствие соединения самообли-

чения с упреками окружающих» [Иванов 1978: III, 8, 436]. Вероятно, в этом отношении принципиальна «всенаходимость» власти в тоталитарном государстве, когда коллективный страх превалировал над индивидуальным стыдом.

В ранней прозе Вс. Иванова, как у его современников, тема Земли Обетованной, с одной стороны, релевантна теме крестьянского рая, Небесного Града на земле, «новых островов», «далеких земель» в духе русских народных социально-утопических легенд (Белая Арапия, Беловодье, Даурия, город Игната, река Дарья, Анапа), с другой же — образу города, уходящего под воду, под землю, как в русских легендах (Китежград), а с третьей — идеологии созидания чаемого общества в социалистическом государстве. Эта тема аккумулировала коммунистические лозунги всеобщего равенства и универсального изобилия.

В повести «Третья столица» (1922) Борис Пильняк, упоминая о людоедстве в России, писал: «Это рассказал Всеволод Иванов — “Полой (почему — не белой?) Арапией”...» [Пильняк 2003: 2, 316–317].

А между тем, в самой поэтике названия произведения, который Борис Парамонов назвал «самым страшным в русской литературе рассказом о голоде в Поволжье», содержится, во-первых, отсылка к легендарной Белой Арапии, а во-вторых — ключ к авторской позиции. В отличие от Пильняка, Парамонов верно заметил, что «страшный рассказ не ограничивается приведенными натуралистическими (лучше сказать — сверхъестественными) подробностями», так как «история волжского голода дана в своего рода философском ключе. Голод — это путешествие в некую фантастическую страну — Полуию Арапию, предводительницей которого выступает кликуша Ефимья со Вчерашнего Глаза» [Парамонов 2003: 5]. Исследователь приводит диалог между сестрой и братом. «“ — Сказывают, за Сыр-Дарьей открылась земля такая — полая Арапия. Дожди там, как посеешь — так три недели подряд. И всех пускают бесплатно, иди только. Земель много. Ефимья рассказывает складно, Мирон.

— Брешет, поди. Откуда она?

— Привезли. Захочет, поведет люд в эту самую Арапию. Тятя не едет. А в которых деревнях собрались, пошли. Крыса тоже туда идет. И птица летит. Наши-то края за-
кляли на тридцать семь лет: ни дождя, ни

трав... Потом вернутся, как доживут... На тридцать семь лет открыли Арапию, а потом опять закроют.

Получается, — делал вывод Парамонов, — что не голод гонит людей в Полуию Арапию, а сама мечта об этой пустой земле вызвала голод», поэтому «аллегория очень прозрачная», а именно: «Коммунизм — Полая Арапия, куда русские так и не дошли. Да идти и не надо было: она внутри, русская тяга к утопии» [Парамонов 2003: 5].

«Русская тяга к утопии», помимо универсального, общечеловеческого содержания, носила не только специфический характер, отраженный в трудах философов, историков и социологов, но и явилась в народных легендах выражением его социально-утопических воззрений, в основе которых — и социально-экономические причины, и эсхатологические идеи, особенно сильные в старообрядческой среде в XVII–XIX вв. и предопределившие своеобразный эскапизм старообрядцев в русском обществе в целом, — что выявлено в исследованиях К. В. Чистова [Чистов 2003: 6]. Модификация этой темы — утопия бегства — очевидна в повести Вс. Иванова «*Бегствующий остров*»: еще во времена Петра I ушедшие в сибирскую тайгу раскольники, поселившись на неприступном *Белом Острове*, ограничили сношения с внешним миром, и только революция 1917 г. внесла неожиданные коррективы в их привычное житие.

В интересующий нас период, в годы гражданской войны и коллективизации, крестьяне Сибири, как отмечали исследователи, уходили на окраины и за пределы Советской России в поисках того же Беловодья. У Иванова название страны Полая Арапия, *оппозиционное по отношению к России, осмысливается в цепочке оппозиций как чужое — свое, дальнее — близкое, незнакомое — знакомое, закрытое — открытое, сытое — голодное, богатое — нищее, блаженное — проклятое*. В словаре В. И. Даля «полый» определяется как «открытый, отверстый, не (по) закрытый, растворенный настежь, распахнутый, разверстый» [Даль 1955: III, 266]. В современном словаре русского языка приводится еще значение «пустой внутри, ничем не заполненный» [Словарь русского языка 1983: III, 277]. Таким образом, Ефимья с новоявленного святого ключа Вчерашний Глаз «нараспев велеречила» людям, бегущим от голода, об *открывшихся «на небольшие времена» воротах Арапской по-*

лой земли: «Идите все, кто дойдет песками, через сарту, оттедова по индейским горам. На тридцать семь лет отверзлись врата. Кто первой поспеет, тому *близко* землю вырежут. Трава там медовая, пчелиная. Хлебушко спеет на три недели» [Иванов 1928: I, 2, 242]. Этот же мотив плодородия дальних сокровенных земель в списках «Путешественника», тайной крестьянской листовки с призывом идти в Беловодье и с указанием маршрута выражен традиционными формулами: «А земные плоды всякия весьма изобильны бывают; родится виноград и сорочинское пшено, и другие сласти без числа...» [цит. по: Чистов 2003: 295].

«Литературно-художественное творчество, являясь системой отсчета социальных, научных и культурных контекстов, выступает и законодателем норм данного контекста», — отметил А. А. Фокин. По мнению исследователя, перекодировки этих норм в литературной эпохе становятся импульсом к творческому акту, объясняя феномены преемственности и новаторства в антропологической поэтике [Фокин 2004: 455].

Вяч. Полонский в 1929 г. увидел своеобразие историософской позиции Иванова-художника в том, что автору «Партизанских повестей» «все стало непонятно и страшно: *исчезло оправдание борьбы*, жертв, крови и слез. Но ведь без цели — как жить? На время, — до того, как “Тайное тайных” открыло ему некое новое непонимание жизни, на его страницах зазвенели ветхие колокола Китежа-града. Древний мотив обетованной земли, достояние музейного изучения, странно прозвучал на его страницах. “Спокойную землю” ищут в “Лоскутном озере”. Идет с посохом в город Верный косою Кузьма в рассказе “Жаровня архангела Гавриила” <...> Голодные, умирающие в “Полой Арапии” также с отчаянием взывают: “Далекие земли, пустые, полые поля арапские! Какими путями итти, какими дорогами?” » (курсив автора. — Р. Х.) [Полонский 1929: 227]. По справедливому утверждению критика, сам автор, впрочем, не обольщался иллюзиями на счет Китежа-града. Его герой «злобно» веровал, что должен город Верный или стоять как олицетворение иной, счастливой жизни, или провалиться в зыбучие туркестанские пески, чтобы спастись от новой власти. Осталось незамеченное критикой ироническое перефразирование исторического призыва «Пролетарии всех стран, со-

единяйтесь!» в обращении Ефимьи («Собирайтесь, православные, со усах концов!...»). Старуха днем и ночью сидела на телеге *во дворе председателя исполкома Тимохина*. Заинтересованность власти в этой акции видна и в том, как «мельком провез ее (Ефимью. — Р. Х.) *кто-то* в тележке угонваривать Анисимовские хутора. Хутора ждали хлеба из Москвы и отказывались ехать» [Иванов 1928: I, 2, 242–243]. И хотя далее так же безлично сказано о том, как «хутора загорелись и сполыхались *в одну ночь*», как «загорелись леса», поэтому высохла река, вдобавок «*внезапно* обезводили колодцы», подозрительна эта масштабная «мгновенность» безводья, бездомья, спровоцировавшая крестьянские семьи «снять с деревни» и пойти в полую Арапию. «Ефимью мужики *везли на себе по очереди четвером*. Она, тыча согнутым, как клюв, пальцем, глядела *на юг* и повторяла все те же слова про полую Арапию...»; потом мужики, обессилевшие, «*подталкивая плечами, везли тележку с Ефимьей*» [Иванов 1928: I, 2, 244, 245]. Старуху берегли, потому что ей только ведома дорога в заветную страну, в отличие от горьковского Луки. Примечательна здесь контаминация с другой заповедной землей (за Сыр-Дарьей), находящейся где-то за Волгой, *на востоке*, в глубине плодородных степей, — рекой Дарьей.

Вяч. Полонский актуализировал в образительном мастерстве Иванова страшную картину голода 1921 года в Поволжье: «Описания, сравнения, пейзаж даны в “Полой Арапии” так, как если бы мир изображали те самые люди, которые мясом ближнего пытались утолить голод» [Полонский 1929: 228]. Апокалиптическая картина в рассказе Вс. Иванова открывается эпизодом о бегстве крыс: «Деревья росли из крыс. Из крыс начиналось солнце, и ветер над крысами несся — худоребрый голодный пес. <...> Били мужики крыс палками; лопатами нагребали телеги» [Иванов 1928: I, 2, 237].

Определяя понятие “апокалиптическое”, А. Эткинд писал: «Поколение за поколением люди — особенно интеллектуалы, но вслед за ними и многие из тех, кого историки любили называть “массаами”, — ждали необычайного, чудесного события. В акте Апокалипсиса, по-русски Светопреставления, мир будет полностью изменен. История — страдания всех прошлых поколений и самого размышляющего субъекта — обре-

тет свершение и смысл. Предначертанный сценарий остановится на своей высшей и лучшей точке. <...> Разница между Апокалипсисом и революцией — в субъекте действия, божественном в первом случае, человеческом — во втором, но не объекте и не в способе. Иными словами, разница в том, откуда предполагается импульс и от чьего имени вершится суд, но не в том, что и как подвергается переменам» [Эткинд 1998: 11, 20].

Люди едят крыс, крысы — людей, человек — человека. Когда в горшках запахло крысиным мясом, «*жирное, обьевшееся*, вставало на деревья солнце. *Тучными животными* выпячивались тучи» на «оглоданные земли», где «от неба до земли — *жидкая голодная пыль*» [Иванов 1928: I, 2, 237]. Вернувшийся из деревни младший сын Фаддея, семья которого в центре повествования, Сенька, сообщил старшей сестре, что мать, не удержав внука, уронила на пол и крыса отъела ему нос и руку. Пришедший в избу председатель исполкома, пощупав отгрызенную руку ребенка, объявил семье о необходимости составить протокол о смерти. «*Може вы сами съели. Сполкому сказано — обо всех таких случаях доносить в принадлежности*»; свою позицию он саморазоблачающе довел до слушателей: «*Моя обязанность — не верить*» [Иванов 1928: I, 2, 239]. Доводы Тимохина, представляющего власть, по-своему логичны («*Опять, зачем крысе человека есть?*»), утешение доходчиво («*Ты, Надька, не вой. Еще другого сделаешь. Очень просто*»). В период «Партизанских повестей» «все кажется естественным и простым — и родить человека, и убить человека (“ничего нет легче человека... убить” — “человек ... пыль”»)» [Белая 1989: 131]. Молодая мать кощунственно жаловалась брату: «Думала — донесу ребенка-то до настоящей жизни... А тут крысы съели, господи!.. Не могли *старуху* (это о матери! — Р. Х.) съесть. В деревне, бают, Фадеевы сами съели, про нас-то» [Иванов 1928: I, 2, 240].

Борис Пильняк в «Третьей столице» строками из дневника англичанина Роберта Смита горько констатировал: «Разрушены семья, мораль, религия, труд, классовое сознание всех групп туземного населения, ибо борьба за существование, голодная смерть (а голодала вся Россия без исключения) — вне морали и заставляли быть аморальными» [Пильняк 2003: 2, 327]. Свои же мысли,

как маркирует автор, пришли весной 1922 года, вслед за «голым годом»: «О голоде говорить *нечестно, бесстыдно, нехорошо*. Голод — есть: го-лод, ужас, мерзость» [Пильняк 2003: 2, 332].

Описание двухлетнего голода на Дону встречается в рассказе М. Шолохова «Алешкино сердце» (1925): четырнадцатилетний мальчик представлял себе голод «большущим безглазым человеком: идет он бездорожно, шарит руками по поселкам, хуторам, станицам, душит людей и вот-вот черствыми пальцами на смерть стиснет Алешкино сердце» [Шолохов 1956: I, 45]. В отличие от семьи Фадеевых из «Полой Арапии», остался в живых Алешка: мать с сестрами мученически умерли, труп младшей, Нюратки, собаки выели. И если у Иванова дана картина всеобщего голода, то, как подчеркнула С. Семенова, в шолоховском повествовании поля родят, Советская власть охраняет амбары с зерном для нового урожая, богатые казаки наживаются на беде [Семенова 2005: 51–53].

Пильняк в «Третьей столице» привел историю о дворнике, приехавшем из голодной стороны: был он вначале дворник как дворник, разве что темнел, когда видел хлеб, мяса не ел совершенно, а вот картошки съедал невероятное количество. Причина открылась, когда человек вскоре завыл: сошел с ума (он не мог не сойти с ума, вспомнив и рассказав, как съел там, в хлебобродной, свою жену); потом в сумасшедшем доме он повесился [Пильняк 2003: 2, 332–334].

Безумие как измененное состояние сознания человека в зеркале социально-исторических катаклизмов XX века привлекало внимание Иванова-художника — хрупкое психическое здоровье личности становилось ее автопсихопрезентацией [Ханинова 2006]. В «Полой Арапии» лейтмотив людоедства — один из ведущих: начинается с подозрения председателя исполкома в том, что семья Фадеевых съела своего ребенка, продолжается темой будущего «исчезновения» трупа Надьки с помощью Егорки-женухи и заканчивается неминуемой смертью старшего брата, Мирона, за которым охотятся четверо чужих. Так крысы объединяются в стаи и загрызают других особей. Ученый-этолог Конрад Лоренц отметил, что «постоянное состояние войны, в котором находятся все соседние семьи крыс, должно оказывать очень сильное селекционное давление в сторону все возрастающей

боеготовности, и стая, которая хоть самую малость отстает в этом отношении от своих соседей, будет очень быстро истреблена» [Лоренц 2004: 424]. Мирон испуганно сообщал сестре после попытки насильников, что щупают («мясо щупают!»), не тело — а еду. Та, жалея опухшего от голода брата, советовала ему быстрее худеть («очумел мужик, особенно ночью — согрешат, убьют...»). Д. А. Сафонов приводит сведения: в Башкирии людоедство приобрело такие масштабы, что в апреле 1922 г. правительство Башреспублики приняло специальное постановление «О людоедстве», имевшее целью защиту людей, прежде всего, детей, от посягательств психически ненормальных граждан, которые стали такими от голода [Сафонов 2005: 148].

Мотив сна (жизнь как сон-небытие) стал сюжетообразующим элементом в ивановском рассказе. Герою снился сон-греза об урожае: «Желтый густой колос бежал под рукой, не давался в пальцы. Но вдруг колос ошметинился розоватыми усиками и *пополз к горлу*. Здесь Мирон проснулся и почувствовал, что его ноги ощупывают: от икр к пахам и обратно. Он дернул ногой и крикнул: “ — Кто здесь?” » [Иванов 1928: I, 2, 244]. Сон оказался вещим, да и предчувствия не покидали человека («кончат»). У голодного Мирона появились галлюцинации: «Под глазами развернулось, извиваясь и трепеща, поле колосьев — багровых, зеленых, коричневых. Разбрасывая рогами колос, вышла и глянула на него тупая и жирная морда коровы. И вдруг — глаза у ней поблекли, осели, и над ними всплыла острая волчья морда» [Иванов 1928: I, 2, 249]. И, действительно, когда несчастный открыл глаза, за колесом телеги сидела «баба, а мужик за ней совал ей в руку молоток. “Сожрут”, подумал Мирон. Он прижал голову к спицам и, хватая ртом песок, зажмурился» [Иванов 1928: I, 2, 249]. А Егорка, *колом подкинув к себе крестик* с умершей невесты, *не смотрел в лицо ее брату*, когда обещал Надьку похоронить.

Здесь, в финале рассказа, наглядна символическая проекция сна и галлюцинаций: колос — голод (смерть), корова — баба (исполнитель), волк — мужик (заказчик). «Человеческая судьба стала походить на страшный сон, а страшные сны оказались действительной человеческой судьбой» [Полонский 1929: 225]. Другим лейтмотивом в «Полой Арапии» с первой главки («Тогда

появилась Ефимья со Вчерашнего Глаза») стал образ старухи, манифестирующий умаление и оскудение («маленькое беловолосое лицо», «морщинист голос древний, чуть слышный»), отрешенность («Вздыхала сонным вздохом. Глаза редкие и немые — спят. Голос сонный, чужой и жуткий»). Мужики были обеспокоены, что нечем кормить Ефимью, Мирон устало успокоил: «Накормют» [Иванов 1928: I, 2, 248].

Обещала и Ефимья, что дадут «арапские человеки все надобное, до штанов с зеленой пуговкой». В народной модификации Земли Обетованной, по словам героини рассказа, жил там народ «черный и без попов», хотя Надька и выражала сомнение («А поди, так попы раньше туда с крысой удрали»). А пока люди грызли кору, ели корешки, кожу с хомутов после того, как кончились крысы и лошади. В лирическом отступлении пятой главки автор горестно восклицал («Глодай! Глодай! Камни будешь глодать! »), а раньше, оптимист, пел гимны, как заметил Вяч. Полонский: «”Пройдем и проедем степи. Пески превратим в камни. Камни — в хлеб. Веселых дней моих звенящая пена, — Будь!” (Рассказы о себе). <...> Человек верил, что в хлеб превратит камень, — но увидел себя слабой игрушкой» [Полонский 1929: 225].

Гибнущий человек, действительно, всегда был предметом глубокого внимания писателя, но причиной тому — авторская интенция. Иванов вспоминал в конце 1950-х гг., как летом 1921 г. от редакции «Правды» поехал в Поволжье, которое поразил страшный голод. Ни очерк, ни статья не получались. По предложению М. И. Ульяновой, работавшей тогда в этой газете, он стал писать «Полую Арапию», помня ее наказ: «И не приукрашайте жизнь, пишите искренне все, что видели» [Иванов 1958: II, 1, 79]. В последующих комментариях к творческой истории рассказа писатель скорректировал объяснение замысла: «Когда я писал его, я был убежден, что, чем чаще литератор будет смотреть правде в глаза, *чем бесстрашнее будет говорить об этой правде, тем героичнее и возвышеннее будет обрисован человек нашей страны*. Однако рассказ этот даже после напечатанья его в “Правде” издатели брали неохотно» [Иванов 1958: II, 1, 79]. Сегодня можно предположить, что издателей смущали не только картины голода, но и недвусмысленность авторской позиции.

Симптоматично звучит название святого ключа в рассказе Иванова «Полая Арапия» — «Вчерашний Глаз». Вчерашний глаз — вчерашний взгляд. В контексте повествования это и отсылка к народным социально-утопическим представлениям о светлом будущем в заповедной земле (Белая Арапия), это и прощание с вековыми иллюзиями, «ведь единственный язык <...>, который они (люди. — Р. Х.) понимают, — это язык, минующий разум и обращенный к чувству» [Юнацкевич, Кулганов 1999: 166]. Это утопия бегства от коммунистического рая (Полая Арапия). Следовательно, рассказ Вс. Иванова содержит явную антиутопическую тенденцию.

Трагическую модификацию такой народной утопии в жанре литературной антиутопии — дистопии (Е. Замятин, А. Платонов, Д. Оруэлл, О. Хаксли, Р. Шекли, Р. Бредбери, Э. Берджес и др.) представил опыт XX века. Как напомнил К. В. Чистов, О. Хаксли предпослал одному из своих романов эпиграф из Н. Бердяева: «И теперь стоит другой мучительный вопрос: как избежать их (т. е. утопических идей. — К. Ч.) окончательного воплощения?» [Чистов 2003: 22]. Размышляя о современности, дневниковыми записями своего героя-англичанина Б. Пильняк пророчески объявил: «Я изучаю русский язык, и я открыл словесный нонсенс, имеющий исторический смысл: *власть советов — власть пожеланий*» [Пильняк 2003: 2, 329]. Расшифровка этому дана в предшествующем пояснении: «Я много думал о воле видеть и ставил ее в порядке воли хотеть; *оказывается, есть иная воля — воля не видеть, когда воля хотеть противопоставляется воле видеть. Россия живет волей хотеть и волей не видеть*» [Пильняк 2003: 2, 328].

Литература

- Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 400 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Госиздат иностр. и национал. сл., 1955.
- Иванов Вс. I Собр. соч.: в 7 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1930.
- Иванов Вс. II Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1958–1960.
- Иванов Вс. III Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1973–1978.

Вяч. Полонский считал, что такие произведения Вс. Иванова, как «Дите», «Полая Арапия», могут выдержать сравнения с лучшими произведениями европейской литературы. «Я не знаю, кроме “Полой Арапии”, другого произведения, которое с такой потрясающей, почти осязательной силой показало бы голодного человека. “Голод” Гамсуна по праву приобрел мировую известность. Но Гамсун показал мир глазами голодающего интеллигента. Искривленный мир был удивителен» [Полонский 1929: 228]. В «Полой Арапии» автор «дал облик голодающей массы, вставшей в первобытное, звериное состояние — на грани людоедства», — резюмировал Вяч. Полонский, отметив, что «изобразительная сила кисти Иванова возросла необычайно» [Полонский 1929: 228]. Г. А. Белая также справедливо утверждала, что истинный дар этого писателя — живописание, рапповская же критика сыграла роковую роль в его творческой судьбе, толкая писателя к «простоте» и доступности: «Вероятно, прав был Пикассо, когда возражал против того, чтобы рассматривать творчество художника через систему зеркал, из которых одни представляют его прошлое, другие — его будущее. “Все это один и тот же образ, — говорил Пикассо, — но только отраженный в разных плоскостях”» [Белая 1989: 138–139].

Можно заключить, что тема Земли Обетованной в ранней прозе Всеволода Иванова претерпела модификации в аспекте социокультурной парадигмы, обусловленные как историософскими воззрениями писателя, так и сменой идиостиля. Это, и в самом деле, один и тот же образ, отраженный в разных плоскостях.

- Лоренц К. Агрессия // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004. С. 406–430.
- Парамонов Б. И. Оставь нам долги наши // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/programs/rg/2003/rg.071003.asp>
- Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 216–235.
- Пильняк Б. Собр. соч.: в 6 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2003.
- Сафонов Д. А. Человек после голода: голод 1920–1922 гг. и его последствия // Человек в экстремальных условиях: историко-пси-

- хологические исследования: Мат-лы XVIII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб.: Нестор, 2005. Ч. 2. С. 144–148.
- Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова: От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Рус. яз.», 1983.
- Смирнов И. П. Психодиахронология. Психохистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Нов. литератур. обозрение, 1994. 351 с.
- Фокин А. А. От функционального изучения литературы к антропологической поэтике // Русская литература XX–XXI веков: проблемы истории и методологии изучения: материалы Междунар. науч. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 451–455.
- Ханинова Р. М. Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. 330 с.
- Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 540 с.
- Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1956–1960.
- Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Нов. литератур. обозрение, 1998. 688 с.
- Юнацкевич П. И., Кулганов В. А. Психология обмана. СПб.: Атон, 1999. 319 с.

References

- Atkind A. [Khlyst (Sects, Literature and Revolution)]. Moscow: Nov. lit. review, 1998. 688 p. (In Russ.)
- Belaya G. A. [Don Quixotes of the 20s. "Pass" and the Fate of its Ideas]. Moscow: Sov. pisatel, 1989. 400 p. (In Russ.)
- Chistov K. V. [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Social Utopian Legends)]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 540 p. (In Russ.)
- Dahl V. [Explanatory Dictionary of Living Great Russian]. In 4 vol. Moscow: Gosizdat, 1955. (In Russ.)
- [Dictionary of Russian]. In 4 vol. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz., 1983. (In Russ.)
- Fokin A. A. [From Functional Study of Literature to Anthropological Poetics]. In: [Russian Literature of the XX–XXI Centuries: Problems of History and Methodology of Study]. Conf. proc. Moscow: Moscow University Publ., 2004. Pp. 451–455. (In Russ.)
- Ivanov Vs. [I Collection of Works]. In 7 vol. Moscow; Leningrad: Goslytizdat, 1928–1930. (In Russ.)
- Ivanov Vs. [II Collection of Works]. In 8 vol. Moscow: Khud. lit. 1958–1960. (In Russ.)
- Ivanov Vs. [III Collection of Works]. In 8 vol. Moscow: Khud. lit. 1973–1978. (In Russ.)
- Khaninova R. M. [Poetics of Small Prose by Vsevolod Ivanov: a Psychological Aspect]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2006. 330 p. (In Russ.)
- Lorenz K. [Aggression]. In: Vilunas V. [Psychology of Emotions]. St. Petersburg: Peter, 2004. Pp. 406–430. (In Russ.)
- Paramonov B. I. [Leave us our Debts]. An Internet resource: <http://www.svoboda.org/programs/rg/2003/rg.071003.asp> (In Russ.)
- Pilnyak B. [Collection of Works]. In 6 vol. Moscow: Terra Books Club, 2003. (In Russ.)
- Polonsky V. [Essays of Modern Literature. About Creativity of Vsevolod Ivanov]. *New World*. 1929. No. 1. Pp. 216–235. (In Russ.)
- Safonov D. A. [Man after Famine: Famine 1920–1922 and its Consequences]. In: [Man in Extreme Conditions: Historical and Psychological Research]. Conf. proc. (St. Petersburg; December 12–13, 2005). Part 2. St. Petersburg: Nestor, 2005. Pp. 144–148. (In Russ.)
- Semyonova S. G. [World of Prose by Mikhail Sholokhov: From Poetics to World Understanding]. Moscow: Institute of World Literature of the RAS, 2005. 352 p. (In Russ.)
- Sholokhov M. A. [Collection of Works]. In 8 vol. Moscow: State Fiction Publ., 1956–1960. (In Russ.)
- Smirnov I. P. Psychodiahronologic. Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day. Moscow: Nov. lit. review, 1994. 351 p. (In Russ.)
- Yunatskevich P. I., Kulganov V. A. [Psychology of Deception]. St. Petersburg: Aton, 1999. 319 p. (In Russ.)

ЭТНОПОЭТИКА ПОВЕСТИ ЕЛЕНЫ ГАН «УТБАЛЛА»

Е. А. Вяткина

Исследование творчества русской писательницы 30-х гг. XIX в. Елены Андреевны Ган (псевдоним Зенеида Р-ва) носит эпизодический характер. Тем не менее критики и литературоведы ставят именно ей в заслугу включение женской тематики в русскую словесность. Елена Ган одной из первых вводит образ калмычки в русскую литературу. В отличие от И. И. Лажечникова, который не идентифицировал национальность героини романа «Ледяной дом» (1835) Акулины Подачкиной (исторический прототип — калмычка Авдотья Буженинова при дворе Анны Иоанновны), писательница не только указала на национальную принадлежность героини в повести «Утбалла» (1837), но и показала жизнь и быт калмыцкого народа. В. Г. Белинский высоко оценил «Утбаллу» и в числе других произведений Е. Ган («Джелаледин» и «Медальон») считал «одними из лучших повестей, какие были в то время написаны в Европе: они обещали русской словесности талант истинно писательский» [Белинский 1843: 18].

Рассмотрение «восточной» повести Е. Ган «Утбалла» сводится к отдельным замечаниям в работах В. Ляцак [1995], И. Савкиной [1998], Э. Шорэ [2000], а также к газетным статьям краеведа Е. Польской [1962], фольклориста Д. Басаева [2000] и литературоведа Р. М. Ханиновой [2011]. В диссертации М. И. Сизовой, построенной на основе анализа «светских» повестей Е. Ган, «Утбалла» не рассматривается [Сизова 2007]. Этнопоэтика повести, а именно ее калмыцкий компонент, исследование которого составляет цель нашей статьи, не вызывала интереса у исследователей, вероятно, в виду своей инациональной специфики, требующей определенных знаний.

Термин «этнопоэтика» не получил до сих пор конкретного определения. Мы придерживаемся определения О. К. Лагуновой: «Под этнопоэтикой понимается отрасль исторической поэтики, изучающая сферу системной взаимосвязи элементов художественного целого, организованную

предметным выражением авторской интенции своего/чужого, отражающей смыслы и ценности национальной идентификации художника, специфику опоры его письменного слова на мифофольклорное предание (наследие) народа с учетом отношений читатель — текст» [Лагунова 2008: 9].

Обращение Елены Ган к калмыцкой теме в повести «Утбалла» объяснимо фактами биографии: ее отец, Андрей Михайлович Фадеев, служил главным попечителем кочующих народов в Астрахани (с 1834 по 1840 гг.). Сведения о поездке Е. Ган вместе с родными из Астрахани на Кавказ в мае 1837 г., представленные в биографической справке Е. С. Некрасовой, несколько проясняют творческую историю повести: «Дорога пролегла через калмыцкие улусы <...>; случалось, вместо лошадей приходилось тащиться на верблюдах, останавливаться на ночлег в калмыцких кибитках. Все было ново и интересно для молодой писательницы, и она с любопытством вглядывалась в формы жизни кочевников и по дороге набирала материал для повести „Утбалла“» [Некрасова 1886: 556].

Заглавие повести антропонимично: содержит имя главной героини, эксплицируя ее национальность и центральное место в сюжете произведения. Утбалла — полукровка: отец — русский, мать — калмычка. Как указывает автор повести, в переводе с монгольского языка имя девушки означает «распустившийся цветок». Исследуя этимологию имени, Р. М. Ханинова устанавливает, что «в монгольских женских именах составное слово „цветок“ — это цэцэг. А „удвал цэцэг“ — по-монгольски название хризантемы, о которой на Востоке есть легенда как об эликсире жизни, дающем бессмертие» [Ханинова 2011: 3]. По мнению М. У. Монраева, имя Утбалла в переводе с санскрита означает «голубой лотос» [Монраев 2012: 201]. Расхождение перевода и авторской трактовки имени свидетельствует о намеренном соотношении имени героини с преданием о цветке, вошедшем в текст повести, и в целом — с ее судьбой.

Хронотоп повести делится на две неравные части. Во второй — большей — части девушку после смерти отца из небольшого приволжского городка отвозят к матери: действие переносится в калмыцкие степи, что дает существенное основание для изображения природы, реалий жизни, обычаев и традиций калмыцкого народа, этнографических деталей народного быта. В целях создания этнографической картины жизни улуса, в котором жила Утбалла, автор подробно описывает особенности кочевого быта калмыков: перекочевку улуса на новые пастбища; расположение кибиток («правильным кругом, посреди возвышались хурулы — храмы богов и кибитки владельцев» [Ган 1990: 39]); внутреннее убранство княжеской кибитки (покрыта войлоком, «обита богатыми коврами», сундуки по обеим сторонам кровати, статуэтка Будды, портрет Далай-ламы); ключевую деталь — очаг [Ган 1990: 39].

Русским путешественникам (один из них — возлюбленный Утбаллы Борис), подъехавшим к кибитке старого нойона Джиргала (мужа Утбаллы), оказываются почести в соответствии с правилами калмыцкого этикета (встреча «у порога кибитки», усаживание на самое почетное место и пр.), но в повести есть некоторые неточности. Прежде чем поднести чай, два калмыка «выплеснули немного чаю за дверь кибитки для нечистого духа» [Ган 1990: 40]. Чай калмыки считали священным напитком, его ритуальным вкушением сопровождали благословление дальнюю дорогу, переход на новую стоянку, поселение в новое жилище, рождение ребенка, новое дело, «разделяя важные периоды в повседневной жизни человека» [Борджанова 2007: 368].

Путешественники с большим интересом наблюдают празднование калмыцкого национального праздника наступления лета, Урюс сар, название которого Е. Ган не упоминает. В подробном описании хурульной кибитки в день праздника, священнодействий гелюнгов в красных халатах с желтыми «перевязями» через плечо, игры музыкальных инструментов (медные тарелки, колокольчики, флейты, бубны, медные трубы), чтения молитв проявляется как знание чужеродного быта автором, так и его толерантная позиция в отношении иной конфессии.

Писательница уделяет внимание простой и праздничной одежде инородцев, описывает занятия жен простых калмы-

ков (чинили кибитки, чистили седла, шили одежду) и «калмычек благородной крови» («ткали золотые позументы и шелковые бахромы к платьям») [Ган 1990: 31]. Е. Ган неоднократно упоминает трубку как неотъемлемую часть образа жизни калмыков. Согласно правилам калмыцкого застольного этикета, гостям «подносили раскуренные трубки» [Шараева 2011: 88], в повести Утбалла, как хозяйка, не раскуривает их, предоставляя исполнение этой обязанности прислуге. Русские путешественники становятся свидетелями ловли арканами диких лошадей, калмыцкой борьбы, стрельбы в цель, игры в карты и в шахматы.

Имена собственные — Джала, Джиргал, Харцыг — также являются компонентом национальной культуры, но их семантика прямо не соотносится с характерами, мировоззрением, социальным положением героев повести [Вяткина 2012а: 32–33]. Наличие в тексте безэквивалентной лексики создает национальный колорит: кибитка, бакшигелюнг, бурханы, хурул, нойон, зайсанг, Эрлик-хан и др.

В сюжете повести русские путешественники Снежин и Зерков, бывшие проездом в калмыцком улусе, знакомятся с жизнью и бытом степняков, что позволяет автору подчеркнуть разность европейской и азиатской культур. Самой Утбалле нелегко было вначале привыкнуть к кочевому укладу предков, она пыталась уйти из жизни, но затем, казалось, смирилась, когда ее выдали замуж за старого нойона. Встреча с Борисом Снежиным воскресила прежние чувства.

В развязке повести изображена расправа с неверной женой: народ сорвал с Утбаллы одежду, «разорвал на клочки полости, покрывающие ее жилище, опрокинул решетчатые стены, сундуки...» [Ган 1990: 64] и оставил одну в степи, а весь улус ушел на другое место кочевки. Любовь Утбаллы носит характер самопожертвования: спасая возлюбленного, она обрекает себя на смерть. В. Г. Белинский восхищался тем, что героиня «всем жертвует — даже жизнью, решаясь на страшную смерть <...>, чтобы доставить милому минуту упоения любовью... И Утбалла — эта очаровательная Калмычка — гибнет жертвою своей великодушной решимости...» [Белинский 1843: 9].

Важное место в повести занимают два предания, представленные Е. Ган как калмыцкие, они привлекаются ею в творческих целях и наделены писательницей опре-

деленными функциями в сюжете. Первое «предание степей» — о цветке, раскрывающемся ночью под лучами звезды, — создано автором по законам поэтики романтического произведения, с использованием иносказательного языка флористики, носит литературный характер, имеет сюжетобразующую и характерологическую функции (соотнесено с биографическим, культурным и духовным опытом героини) и призвано создать инациональный колорит повести: Утбалла с помощью цветка (мирабилис) призналась в любви Борису [Вяткина 2012б: 90–95]. Во втором предании — о калмыцкой княгине, полюбившей своего подданного, молодого зайсанга, и уговорившей его убить своего мужа, — на наш взгляд, фольклорное начало выражено явственнее. Об этой истории рассказал Борису его попутчик Зерков во время поездки в улус. Этот вставной рассказ имеет не только характерологическую функцию (героиня предания противопоставлена героине повести), но и

предваряет трагический финал произведения: в предании молодой зайсанг отказался от побега, организованного княгиней, чувствуя свою вину, а в повести Утбалла также отказалась от побега с Борисом, спасая его жизнь [Вяткина 2012в: 88–89]. Текст предания Д. Э. Басаев извлек из повести и поместил под названием «Пролитая кровь» в сборник калмыцких легенд и преданий «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 316–318], таким образом признав его фольклорным, а также привел в комментариях архивные документы, подтверждающие сведения, описанные в предании [Семь звезд 2004: 394].

Тяготение к изображению «чужого», необычного, экзотического, противопоставление цивилизации и природы, заинтересованное внимание к фольклору и этнографии — наиболее существенные типологические черты русского романтизма. «Восточная» повесть Е. Ган свидетельствует об органичности освоения инационального материала русской литературой.

Литература

- Басаев Д. Земля моя легендами богата // Известия Калмыкии. 2000. 21 сентября. С. 3.
- Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // Отечественные записки. 1843. Т. 31. С. 1–24.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Вяткина Е. А. «Этнографический романтизм» в повести Е. Ган «Утбалла» // Литература в движении эпох: межвузовский сборник научных трудов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 26–36.
- Вяткина Е. А. Калмыцкое предание в повести Елены Ган «Утбалла» // Проблемы межлитературного взаимодействия: сб. материалов I Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Якутск: Издатель дом СВФУ, 2012. С. 90–95.
- Вяткина Е. А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин: Мат-лы Всерос. науч. конф. М». Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. С. 87–89.
- Ган Е. А. Утбалла // Ган Е. А. Утбалла; Корженевская И. В. Девочка Царцаха. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 3–64.
- Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей-ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 42 с.
- Ляйцак В. «Женщина с могучей душой». Наблюдения над жизнью и творчеством Елены

- Андреевны Ган // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — первой трети XX века // сост. М. Ш. Файнштейн. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1995. Издат. дом «Герел». С. 59–72.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 255 с.
- Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган // Русская старина. Т. 51–52. Сентябрь-декабрь. СПб., 1886. С. 553–574.
- Польская Е. Утбалла. Калмыки в русской литературе // Советская Калмыкия. 1962. 14 апреля. С. 3.
- Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х гг. XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с.
- Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сизова М. И. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е. А. Ган: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 217 с.
- Ханинова Р. М. Что значит «Утбалла»? О символике цветов в повести Елены Ган // Известия Калмыкии. 2011. 20 августа. С. 3.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — начала XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Шорэ Э. Желание любить и страстное стремление к искусству (Е. А. Ган и ее рассказ «Идеал») // Филологические науки. 2000. № 3. С. 104–116.

References

- Basaev D. [My Land is Rich in Legends]. *Izvestia Kalmykii*. 2000. September 21. P. 3. (In Russ.)
- Belinsky V. G. [Works by Zeneida R-va]. *Domestic Bulletin*. 1843. Vol. 31. Pp. 1–24. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. [Rite Poetry of Kalmyks (System of Genres, Poetics)]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Gan E. A. [Utballa]. In: [Gan E. A. Utballa; Korzhenevskaya I. V. Girl Tsartsakha]. Elista: Kalm. Book Publ., 1990. Pp. 3–64. (In Russ.)
- Khaninova R. M. [What does “Utballa” mean? Concerning Symbolism of Flowers in the Novel by Elena Gan]. *Izvestiya Kalmykii*. 2011. August 20. P. 3. (In Russ.)
- Lagunova O. K. [Phenomenon of Creativity of Russian-language Nenets and Khant Writers of the last third of the 20th Century (E. Aipin, Yu. Wella, A. Nerkagi)]. Dr. Sc. thesis (Philology) abstract. St. Petersburg, 2008. 42 p. (In Russ.)
- Lyashchak V. [“Woman with a Mighty Soul”. Observations of the Life and Creative Work of Elena Andreevna Gan]. In: [Russian Female Writers and Literary Process in late XVIII – first third of XX cent.]. M. Sh. Feinstein (compl.). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1995. Gerel Publ. Pp. 59–72. (In Russ.)
- Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names (Semantics)]. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Nekrasova E. S. [Elena Andreevna Gan]. In: [Russian Old Times]. Vol. 51–52. September — December. St. Petersburg, 1886. Pp. 553–574. (In Russ.)
- Polskaya E. [Utballa. Kalmyks in Russian

- Literature]. *Soviet Kalmykia*. 1962. April 14. P. 3. (In Russ.)
- Savkina I. [Provincialists in Russian Literature (Female Prose of the 30–40s of the XIX century)]. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 p. (In Russ.)
- [Seven Stars. Kalmyk Tales and Legends]. D. E. Basaev (compl., comment., ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [Rites of Life Cycle of Kalmyks (XIX – early XXI cent.). Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)
- Shore E. [The Desire to Love and Passionate Desire for Art (E. A. Gan and her short story “Ideal”)]. *Philological Sciences*. 2000. No. 3. Pp. 104–116. (In Russ.)
- Sizova M. I. [Genre of a “Society Novel” in Russian Literature of 1830s: Works by E. A. Gan]. Cand. Sc. thesis (Philology). Moscow, 2007. 217 p. (In Russ.)
- Vyatkina E. A. [“Ethnographical Romanticism” in the Novel by E. Gan “Utballa”]. In: [Literature in the Movement of Epochs]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2012. Pp. 26–36. (In Russ.)
- Vyatkina E. A. [Kalmyk Legend in the Story by Elena Gan “Utballa”]. In: [Problems of Interliterary Interaction]. Conf. proc. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2012. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Vyatkina E. A. [Kalmyk Legend of Love in Elena Gan’s Novel “Utballa”]. In: [David Kugultinov, Poet, Philosopher, Citizen]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University Publ., 2012. Pp. 87–89. (In Russ.)

УДК 398.820+83-342+82-394
ББК 82.3 (2Рос)

**НОВЫЕ РЕСУРСЫ В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ:
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКИ СКАЗОЧНЫХ ТЕКСТОВ***

Т. Г. Басангова, А. А. Бурыкин

Как представляется из наблюдений над изданием фольклорных текстов, осуществленных в последние годы, книгоиздательская практика в применении к фольклору — по крайней мере в России — пережила свой пик 30–40 лет назад. Разнотипные издания от академических авторитетных собраний до сборников сказок для детей и разнообразных журнальных публикаций, от научных до дилетантских и ни на что не претендующих — остаются в научном обороте и подчас сохраняют единичные записи уникальных текстов. Даже подозрительные образцы фольклора, псевдофольклор в виде авторских сочинений и явные фальсификаты-подделки под традиционный фольклор с течением времени представляют интерес для исследователей. В отношении фольклора некоторых народов Сибири отечественная наука достигает того объема публикаций текстов, который был осуществлен 100 лет назад (см. например, издание юкагирского фольклора [Фольклор юкагиров 2005]), а для некоторых народов — например, для нивхов — этот уровень остается недостижимым. Поэтому специалисты по фольклору народов Сибири в своей работе при поисках текстов для характерологического или сравнительно-типологического анализа вынуждены учитывать все без исключения имеющиеся публикации по устному творчеству изучаемых народов, каталогизировать все имеющиеся тексты и обращаться к ним по мере возможности, несмотря на то, что большая часть таких публикаций рассеяна по фондам региональных библиотек (особенно материалы из региональных газет, как чукотские сказки из газеты «Советкэн Чукотка», выходившей с 1953 г.) и являющаяся труднодоступной для тех, кто работает в крупных научных центрах. С учетом того,

что возможности собрания образцов фольклора в полевых условиях становятся все более ограниченными, ценность печатных источников для исследований возрастает. Более того, некоторые специальные проблемы — например, влияние изданных текстов на устную традицию — вообще не поддаются разрешению без обращения к массовой печатной продукции минувших десятилетий, к популярным изданиям, периодике, школьным учебникам.

Электронные тестовые ресурсы, в частности, электронные библиотеки, делают намного доступнее все тексты, опубликованные в разное время, в самых разных местах и в самых различных изданиях. Образцы фольклора и научные труды по фольклору вплоть до недавнего времени в электронных ресурсах делят судьбу всех других книжных продуктов и в отношении этого материала специфика не особенно заметна — впрочем, эпические произведения, сказки и загадки, равно как и образцы других жанров, по представлению в электронной форме и присутствию в электронных библиотеках отстают и от русской и зарубежной классики, и от современных романов. Правда, мы имеем довольно много сайтов, посвященных сказкам — в Рунете их счет идет на десятки, встречаются специализированные сайты за рубежом, особенно в странах СНГ, однако, в основной своей массе эти сайты выполняют ту же функцию, какую выполняли в отечественной культуре издания сказок, рассчитанные на детей. Фольклор в отдельных жанрах — это касается не только сказок, но и эпоса, не выделяется в самостоятельные рубрики в большинстве электронных библиотек, и даже в таких ресурсах, как Библиотека Мошкова (www.lib.ru), собрания фольклорных текстов не

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №1314 080 001 а/р).

слишком репрезентативны и пока в лучшем случае могут играть вспомогательную роль в исследованиях нарративных форм устной словесности.

В этой ситуации современный фольклорист, заинтересованный в больших массивах материалов в электронной форме, не может не обращаться к сайтам, посвященным сказкам — в особенности, если его интересует историческая типология сюжетов или ареалы распространения сюжетов и мотивов, то есть то, что остро необходимо для комментирования фольклорных текстов в научных изданиях. Однако здесь исследователи сталкиваются с новой для них проблемой — жизнью самих сайтов как источника информации. Такие сайты то исчезают, то меняют свою локацию и адрес, то оказываются по тем или иным причинам недоступными, и даже обобщения и обзоры [Бурыкин 2008: 9–23], преследовавшие благую цель информировать коллег об источниках материалов, стремительно устаревают и ни один обзор не может высветить все сколько-нибудь перспективные электронные источники с перспективой на 2–3 года.

Другая проблема использования сказочных текстов в электронной форме связана с их паспортизацией, которая присутствует в сказочных собраниях в относительно редких случаях. Однако данная проблема довольно легко разрешима, поскольку источники текстов, особенно больших массивов текстов, легко определяются при сравнении составов электронных собраний текстов с известными сборниками сказок, представляющих определенную этническую традицию или тот или иной регион. В принципе практически всегда оказывается возможным установить печатный источник сказочных текстов с точностью до страниц книжного издания, однако это требуется не всегда — в наши дни часто достаточно адресовать коллег к тому сайту, откуда может быть извлечен изучаемый материал. Кроме того, в ресурсах Интернета встречается довольно много сборников сказок в форматах PDF и Djvu, заменяющих печатные издания.

Авторы данной статьи, как независимо друг от друга, так и в совместных публикациях и в работах с общими для них проблемами, неоднократно сталкивались с необходимостью обращаться к изучению больших массивов сказочных текстов, представляющих разные традиции народов одной этнической группы — монгольских или тун-

гусо-маньчжурских народов, или народов определенного региона — Восточная Сибирь, Центральная Азия, Алтай, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и т. п. С этой целью потребовалось не только обратиться к ресурсам фольклорных текстов, размещенным в Интернете, но и заняться их изучением и инвентаризацией, а также приступить к составлению собственного электронного собрания сказочных текстов.

Проект электронной библиотеки сказок народов мира, о котором авторы хотели бы сообщить в данной работе, вырос из приватного собрания сказок, представляющих смежные этнические традиции — в него первоначально входили сказки монголо-зычных народов, то есть монголов, бурят и калмыков, и сказки народов Восточной Сибири. В связи с тем, что научные интересы обоих авторов, отражаемые в индивидуальных и совместных публикациях, затрагивают историческую типологию сказочных сюжетов, создаваемое электронное собрание сказок постепенно разрасталось в географическом отношении, и сейчас его создатели собрали по существу все сказочные тексты, присутствующие в ресурсах Интернета на русском языке и представленные в редактируемых форматах. Это собрание в настоящий момент насчитывает около 17 тысяч текстов и постоянно пополняется.

Группировка сказок по этносам и регионам отвечает тем запросам, которые могут иметь специалисты по фольклору народов России. Для народов России и бывшего СССР в данной библиотеке отведены специальные разделы. Сказки народов зарубежных стран сгруппированы в разделы «Европейские сказки» (с классификацией по странам и народам), «Восточные сказки» (народы зарубежной Азии, для которых число опубликованных в русском переводе сказок не слишком велико), «Африканские сказки» (с классификацией по регионам, восходящей к печатным источникам текстов), «Австралийские сказки», «Сказки Океании», «Сказки и мифы американских индейцев». В самостоятельный раздел выделены притчи, относящиеся в основном к регионам Центральной Азии, Китая и Индии и соотносящиеся с буддийской повествовательной традицией. Данный раздел весьма важен для изучения сюжетов литератур народов Востока, равно как и для рассмотрения взаимовлияния книжной и фольклорной традиций народов, исповеду-

ющих ислам и буддизм, или находившихся под влиянием культуры этносов-представителей названных конфессий. Печатные книжные источники сказочных текстов для каждого региона и каждого народа легко определяются даже при отсутствии ссылок на соответствующие печатные издания.

Сферы использования электронного собрания сказок, подготовленного авторами к настоящему времени, оказываются самыми различными.

Во-первых, оно успешно заменяет и дополняет домашнюю библиотеку и является источником сказочных текстов, привлекаемых к исследованию.

Во-вторых, и это главное — электронная библиотека сказок позволяет вести систематический поиск сказочных текстов по определенным персонажам с социальным статусом и функциями (сирота, мачеха, дурак и т. п.), поиск объектов, определяющих пространственные координаты повествования (солнце, луна, звезды, земля и т. д.), поиск зооморфных персонажей (лиса, медведь, тигр, кукушка, кот и кошка, конь, попугай, павлин и т. п.), поиск наименований определенных предметов, формирующих сказочные мотивы (ковер, сума, лук и стрелы, копье и т. п.), поиск и классификацию текстов с определенными географическими, социальными и виртуальными локусами (море, горы, царство, подземный мир, небо). Понятно, что прямой поиск текстов по таким критериям в Интернете невозможен, и даже поисковые системы электронных библиотек, например, издаваемых на CD и DVD-дисках, в этом отношении неэффективны. При этом предметный поиск легко может быть ограничен определенной группой этнических традиций и каким-либо конкретным регионом, что осуществляется посредством настройки поисковой системы, выбором какой-либо поисковой программы, устанавливаемой на компьютер, или специальным выбором материала, временно размещаемого на компактном носителе (карте памяти или CD-диске).

К сожалению, не все фольклорные тексты, которые авторы проекта смогли разыскать для данной библиотеки, представлены в редактируемых форматах, позволяющих вести автоматический поиск. Тексты в форматах PDF и Djvu приходится изучать как обычные печатные издания, либо преобразовывать их в редактируемые форматы, однако наличие таких изданий в едином со-

брании намного повышает их доступность и создает удобство в работе с ними, давая возможность ссылаться на источники.

Собрание, составленное авторами, ни в коей мере не заменяет тех масштабных проектов по изучению фольклорных сюжетов и мотивов, которые предприняты в наши дни Ю. Е. Березкиным (это труды Ю. Е. Березкина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог», Сравнительная мифология», <http://postnauka.ru/author/berezkin>). Тем не менее, наше собрание текстов, несмотря на возможную неполноту, имеет ряд достоинств перед проектами-индексами: исследователь в любой момент может обратиться к полному тексту, содержащему интересующий его мотив, получает возможность в неограниченном объеме цитировать первоисточник, лежащий в собрании, может начинать сравнивать варианты текстов на предмет представленности в них данного мотива. Независимость от Интернета также является определенным достоинством разрабатываемого ресурса. Относительно небольшой объем библиотеки сказок, составленной нами (она в ближайшей перспективе уместится на DVD) позволяет разместить в ней в виде отдельного сегмента указатели сказочных сюжетов — такие, как указатель «Восточнославянская сказка. Сравнительный указатель сюжетов» и указатель Аарне-Томпсона в оригинале и в электронном переводе на русский язык, а также труды В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского, М. И. Стеблин-Каменского, Ю. И. Юдина и других фольклористов, занимавшихся исследованием сказки как фольклорного жанра. В таких условиях предметный поиск позволяет исследователю не только выявить необходимые тексты, но и войти в соответствующий указатель сюжетов, а также одновременно обратиться к работам своих предшественников. Таким образом, поиск материалов для сравнения текстов — то, на что у предшествующего поколения фольклористов-сказковедов уходили месяцы и годы — ныне занимает считанные минуты.

Из примеров использования электронной библиотеки для историко-типологического изучения сказочных текстов мы можем поделиться новыми результатами в отношении изучения широко распространенных сюжетов. Так, удалось собрать и сопоставить сказки о невесте и жене-лягушке

у народов Сибири, Юго-Восточной Азии и Европы [Бурыкин 2010: 73–83], а также детально рассмотреть в вариантах сказочный сюжет об отгадывающем загадки хитреце по имени Кузнечик или Сверчок. Изучение сказок народов Кавказа, персонажем которых является медведь, позволило выявить общие для кавказских народов и народов других регионов сказки о медведе, входящие в состав сюжетов животного эпоса, и наряду с этим выявить мифологические рассказы о союзе медведя и людей и браке медведя и женщины, хорошо известные по материалам фольклора народов Сибири [Бурыкин 1996]. Интересны результаты по сравнению сказок, сюжетом которых выступает рассказывание большого количества небылиц («72 небылицы» у калмыков, «70 небылиц» у бурят, «40 небылиц» у тюркских народов) [Басангова, Бурыкин 2009: 50–59].

Литература

- Басангова Т. Г., Бурыкин А. А. Возможности и перспективы историко-типологического изучения калмыцкого сказочного фольклора (параллели к сказке «72 небылицы») // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Ч. 2. Элиста, 2009. С. 50–59.
- Березкин Ю. Е. Аналитический каталог. [Электронный ресурс] // URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 30.09.2012).
- Березкин Ю. Е. Сравнительная мифология. ([Электронный ресурс] // URL: <http://postnauka.ru/author/berezkin> (дата обращения: 30.09.2012).
- Библиотека Мошкова. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ru> (дата обращения: 30.09.2012).
- Бурыкин А. А. Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири

и Северной Америки. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 60–89.

Бурыкин А. А. Сказка в ресурсах Интернета и перспективы сказковедения // Традиционная культура. Современный взгляд: проблемы и перспективы. Юдинские чтения–2008. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 15 февр. 2008 г.). Курск: КГУ, 2008. С. 9–23.

Бурыкин А. А. Русская сказка о царевне-лягушке и ее бурятская параллель // Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал «Монголын судлал — өөрчлөгдөн буй ертөнцөд. Хөгжлийн хэтийн төлөв» (Матер. междунар. науч. конф. «Монговедение в изменяющемся мире — перспективы развития», посв. 95-летию Н. О. Шаракшиновой) (г. Улаанбаатар, 14–18 апреля 2010 г.); МУБИС, Монгол судлалын сургуль. Улаанбаатар: Бемби сан хэвлэлийн газар, 2010. С. 73–83.

- Восточнославянская сказка. Сравнительный указатель сюжетов. М.: Наука. Ленинград. отд-е, 1979. 437 с.
- Фольклор юкагиров. Новосибирск: Наука, 2005. 598 с.

References

- Basangova T. G., Burykin A. A. [Possibilities and Perspectives of Historical-typological Studying of Kalmyk Fairy-tale Folklore (Parallels to the Fairy-tale “72 Tales of Lies”). In: [“United Kalmykia in United Russia: through Centuries to the Future”] Conf. proc. Part 2. Elista, 2009. Pp. 50–59. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. [Analytical Catalogue]. An Internet resource: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: September 30, 2012). (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. [Comparative mythology]. An Internet resource: <http://postnauka.ru/author/berezkin> (accessed: September 30, 2012). (In Russ.)
- Burykin A. A. [A Fairy Tale in Internet Resources and Prospects of Fairy Tale Studies]. In: [Traditional Culture. Modern View: Problems and Prospects]. Yudin’s Readings 2008. Conf. proc. (Kursk; February 15, 2008). Kursk: KSU, 2008. Pp. 9–23. (In Russ.)

- Burykin A. A. [Mythological Stories about the Bear among the Peoples of North-East Asia and North America]. In: [Systemic Studies of Interrelationship of Ancient Cultures of Siberia and North America]. Iss. 4. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS, 1996. Pp. 60–89. (In Russ.)
- Burykin A. A. [The Russian Fairy Tale about a Princess Frog and its Buryat Parallel]. In: [Mongolian Studies in a Changing World, Prospects for Development, dedicated to the 95th Anniversary of N. O. Sharakshinova]. Conf. proc. (Ulaanbaatar; April 14–18, 2010). Ulaanbaatar: Bembi Publ., 2010. Pp. 73–83. (In Russ.)
- [East Slavic Tale. Comparative Index of Plots]. Moscow: Nauka, 1979. 437 p. (In Russ.)
- [Folklore of Yukaghirs]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 598 p. (In Russ.)
- [Moshkov Library]. An Internet resource: <http://www.lib.ru> (accessed: September 30, 2012). (In Russ.)

УДК 398.22

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

О КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ, ЗАПИСАННЫХ В. Л. КОТВИЧЕМ

Д. В. Убушиева

В академических архивах разных стран сосредоточены богатейшие собрания ученых, в том числе исследователей фольклора. Одним из таких ученых является Владислав Людвигович Котвич, неоднократно бывавший в научных экспедициях по территории Калмыкии (1894, 1896, 1910, 1917 гг.) [Котвич Владислав Людвигович]. Подробные сведения о жизни и деятельности В. Л. Котвича освещены в работах И. К. Илишкина [Илишкин 1974], А. М. Решетова [Решетов 2003], Т. Ю. Евдокимовой, И. В. Кульганек [Евдокимова, Кульганек 2008] и др. Материалы о калмыках, собранные В. Л. Котвичем, хранятся в различных архивах нашей страны и за ее пределами. Несомненно, что большая часть научного архива ученого находится на родине ученого — в Польше, часть из которых содержится и в российских архивах.

Значительным вкладом В. Л. Котвича в работу по собиранию и изучению калмыцкого народного творчества, несомненно, является записанный под его руководством цикл калмыцкого эпоса «Джангара» рапсода Ээлян Овла [Jangyar 1910]. В. Л. Котвичем также были зафиксированы и опубликованы калмыцкие загадки и пословицы [Котвич 1905]. Данные записи и публикация освещены в работах Н. О. Очирова [Очиров 1967], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1967; 1972], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2004] и др.

В настоящее время в КИГИ РАН готовится к изданию том «Калмыцкие народные песни» Свода калмыцкого фольклора, и в разных архивах изыскиваются образцы данного жанра калмыцкого фольклора. Одной из задач Свода является широкое введение в научный оборот неизданных архивных материалов. Например, ценные материалы представлены в деле из Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук [НА КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 35], содержащем фотокопию калмыцких народных песен, записанных В. Л. Котвичем. Оригинальные материалы хранятся в Польской

академии наук в г. Кракове. Данный фотоматериал был привезен И. К. Илишкиным из научной командировки в Польскую Народную Республику в 1970-е гг. [Илишкин 1973: 207–213]. Как отмечает И. К. Илишкин, «кроме исторических материалов, в архиве академика В. Л. Котвича имеется фольклорный материал: калмыцкие сказки, пословицы и поговорки, рукописи отдельных глав эпоса „Джангар“, калмыcko-русский словарь, отдельные главы героических сказаний и др.» [Илишкин 1973: 212–213]. Для Научного архива КИГИ РАН в период командировки И. К. Илишкиным были сделаны копии с 536 страниц материалов из архива Польской академии наук.

Фотокопия, содержащаяся в упомянутом выше архивном деле, состоит из 27 листов. Материал озаглавлен «Калмыцкая народная сказка. Старинные народные калмыцкие песни В. Л. Котвича». На каждой странице оригинального документа присутствует печать Польской академии наук, датированная 1919 г. Все тексты даны в транскрипции на кириллице с применением дополнительных знаков для обозначения оригинальных букв.

При подробном изучении фотоматериала обнаружено, что в нем зафиксированы образцы разных жанров калмыцкого фольклора: калмыцкая бытовая сказка, текст которой занимает три с половиной страницы, тексты калмыцких песен и поговорок, которые следуют далее (последние образцы пронумерованы: №№ 1–10 — песни, № 11 — шесть единиц поговорок, №№ 12–21 — снова песни). Таким образом, материал содержит одну сказку, шесть поговорок и двадцать образцов песен.

Двадцать текстов калмыцких народных песен — это, в принципе, небольшое собрание, однако ценность материала состоит в том, что тематическая подборка песен В. Л. Котвича отражает существующую классификацию песенного жанра калмыцкого фольклора. Им зафиксированы 8 лирических, 3 исторических песни, 2 и 3 текста

песен, относящихся к свадебному обряду и рыболовному промыслу соответственно. Песни, связанные с обрядами проклятий и восхвалений, представлены по одному тексту, а также имеется один текст песни насмешливого характера.

Тексты песен №№ 3, 4, 6, 7, 8, 12, 14, 16, 17, 20 имеют небольшие комментарии разного рода. Так, например, образец № 4 обозначен как «Песня, имеющая отношение к сватовству», образцы №№ 3, 12, 17 имеют отметку «Не окончена».

Текст песни № 1 лирического содержания: девушка Кензяля машет дорожному человеку платком, расшитым узорами гвоздики (калм. *халимпр*).

Текст песни № 2 относится к жанру проклятия и состоит из двенадцати строк. В нем говорится о человеке по имени Матвей, которого просят покарать. Следующий образец песни (№ 3) принадлежит к противоположному проклятию жанру — восхвалению. В данной песне восхваляется зайсанг Манджи, однако перед текстом есть пометка, что в песне поется о зайсанге Эльзете Кокшиновиче Оргичкаеве.

Текст песни № 4 относится к свадебной обрядности.

Тексты песен №№ 5 и 6 — военно-исторические. № 5 — песня о нойоне Миитр, реальной исторической личности, участнике военных походов при Убаши-хане, № 6 — текст на известный сюжет калмыцкой песни «Француз с носом величиной в пядь» [Убушиева 2012; Басангова 2012: 74–75; Борлыкова 2012], описывающий события Отечественной войны 1812 г., в которой калмыки принимали участие [Максимов, Очиров 2012; Участие калмыков 2012].

Текст песни № 7 обозначен В. Л. Котвичем как «Песня, сложенная после возвращения в 1771 г. калмыков в Азию».

В. Л. Котвичем зафиксированы также тексты «ловецких» песен №№ 8, 9 и 10. Тексты по содержанию отражают промысловую, в частности рыболовецкую, деятельность калмыков. Песен содержат промысловую лексику: *һатлһн* 'переправа', *онһи* 'лодка', *жылкэрләд* 'идти под парусом', *һаштг* 'ванты', *гөлм* 'сети', *бакин* 'бакен', *көрм* 'пароход', 'судно', *мә* 'селёдка'.

В опубликованных материалах сходные по сюжету тексты песен обозначены как трудовые [Биткеев 1987: 42], хотя по содержанию это лирико-трудовые песни. Рыбаки поют о своей тяжелой работе, о своей тоске

по семьям и родственникам. «Знаток калмыцкого фольклора Ш. М. Налаев называет песни, исполнявшиеся рыбаками, *шүүгүлин дун* (букв. песни невода)» [Борджанова 2007: 474]. Исследователи Т. Г. Борджанова [Борджанова 2007] и Э. П. Бакаева [Бакаева 2009а; 2009б], рассматривавшие промысловую культуру калмыков и привлекавшие соответствующий песенный материал, подробно описывают обряды, связанные с рыболовством, отмечая древние корни этого промысла среди калмыков и их этнических предков — ойратов.

В архивных материалах текст песни № 12 посвящен девушке Хараика, № 13 — о девушке Кооку, № 14 — о человеке по имени Лиджи. Это песни с выраженным лирическим содержанием.

Текст песни № 15 является вариантом песни № 4, но по объему содержит на один куплет больше, чем в первом образце. Текст песни № 16 является версией песни № 12. Текст песни № 17 лирического содержания — о девушке Коокушк, которая не может определиться с выбором жениха. Текст данной песни довольно обширен (содержит 51 строку) и, тем не менее, отмечен автором рукописи как неоконченный.

Тексты песен №№ 18 и 19 лирического содержания, обе посвящены неизменному другу мужчины-калмыка — о коню.

Темы песен №№ 20 и 21 можно определить как произведения «на злобу дня». Время фиксации данных текстов предположительно — до 1919 г. В первой песне описываются пороки служителей калмыцких монастырей, проявлявшиеся в соблазнении невинных девушек. Во второй песне осмеивается зайсанг Басанг, которого в насмешливой форме сравнивают с девушкой.

Хотя фотокопия данного материала не предоставляет сведений об информантах, месте записи, способе фиксации песен¹, все же небольшого объема «песенник» В. Л. Котвича ценен для фольклористов. В содержательном плане тексты песен представляют исторические события, связь песен с обрядовыми циклами, лирическое выражение чувств, особое отношение мужчин-калмыков к коням, а также — в песнях насмешливого характера — отображают факты из жизни. Представленные в архив-

¹ Возможно, более подробное изучение документов В. Л. Котвича, хранящихся в Польской академии наук, восполнило бы данные недочеты.

ном деле песни, собранные В. Л. Котвичем, дают еще и ценный материал для текстологического анализа. В подборке представлены, во-первых, два варианта одной песни, во-вторых, две версии одной песни,

что послужит материалом для дальнейших сравнительных исследований фольклорных текстов. В-третьих, обращают на себя внимание тексты песен, отражающие промысловую культуру калмыков.

Источник

Научный архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 35.

Литература

- Бакаева Э. П. Добуддийская обрядность и реликты почитания животных // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009а. С. 201–217.
- Бакаева Э.П. Речная тематика в верованиях и ритуалах калмыков: древние представления о пространстве и проблема прародины // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. научн. конф. Ч.1. Элиста: НПП «Джангар», 2009б. С. 297–301.
- Басангова Т. Г. Калмыцкие песни об Отечественной войне 1812 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 73–77.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Борлыкова Б. Х. Из истории записи изучения старинной калмыцкой народной песни «Сөм хамрта парнцс» // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–14 сент. 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 238–241.
- Биткеев Н. Ц. Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 141 с.
- Евдокимова Т. Ю., Кульганек И. В. Страницы истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете // Монголика-VIII: сб. ст. СПб.: Петербург. Вост-е, 2008. С.12–27.
- Илишкин И. К. Отчет о поездке в Польскую народную Республику // Ученые записки. Вып. XI. Сер. филол. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 207–213.
- Илишкин И. К. Владислав Людвигович Котвич и калмыковедение (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы алтаистики и монголоведения. Мат-лы. Всесоюз. конф. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 15–25.

Sources

[The Scientific Archive of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS]. Fund 8. Invent. 1. Un. 35. (In Russ.)

References

- Bakaeva E. P. [Pre-Buddhist Ritualism and Relics of Animal Worship]. In: [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vol. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009a. Pp. 201–217. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [River Subjects in Beliefs and Rituals of Kalmyks: Ancient Ideas about Space and a Problem of a Primordial Homeland]. In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries to the Future]. Conf. proc. Part 1. Elista: Dzhangar, 2009b. Pp. 297–301. (In Russ.)
- Basangova T. G. [Kalmyk Songs about the Patriotic War of 1812]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 2. Pp. 73–77. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Folk Song Poetry]. Elista: Kalm. Book Publ., 1987. 141 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. [Rite Poetry of the Kalmyks (System of Genres, Poetics)]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh. [From the History of Recording the Study of the Ancient Kalmyk Folk Song “Söm Hamrt Parns”]. In: [Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812]. Conf. proc. (Elista; September 11–14, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 238–241. (In Russ.)
- Dzhangar: Taki Julaa qaani üldel Tangsag Bumba qaani ači Üjüng aldar qaani kübüün üyeyin öñčin Jangyariyin arban bölög. Storyteller Eelian Ovla. N. Ochirov (rec.). V. L. Kotvich

(publ.). St. Petersburg, 1910. 336 p. (In Old Kalm. Script)

- Evdokimova T. Yu., Kulganek I. V. [Pages of History of Mongolian Studies in Saint-Petersburg State University]. *Mongolika*. 2008. Iss. 8. Pp.12–27. (In Russ.)
- Ilshkin I. K. [Vladislav Ludvigovich Kotvich and Kalmykian Studies (to the 100th anniversary of his birth)]. In: [Problems of Altaic and Mongol Studies]. Conf. proc. Iss. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 15–25. (In Russ.)
- Ilshkin I. K. [Report on the Visit to the Polish People’s Republic]. *Bulletin of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Iss. XI. Ser. Philology. Elista, 1973. Pp. 207–213. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [From the Editors]. In: [V. L. Kotvich. Kalmyk Riddles and Proverbs]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1972. Pp. 4. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [Great Dzhangarchy Eelian Ovla]. Bulletin. Iss. 5. Ser. Philology. Elista: Repub. Print. shop, 1967. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Kotvich V. L. [Kalmyk Riddles and Proverbs]. St. Petersburg: Oriental Languages Department of St. Petersburg University Publ., 1905. 111 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Ochirov N. O. [Concerning the Record of the Original of “Dzhangar”]. Bulletin. Iss. 5. Ser. Philology. Elista: Repub. Print. shop, 1967. Pp. 52–54. (In Russ.)
- [Participation of the Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista: Dzhangar, 2012. 537 p. (In Russ.)

УДК 37.013.42:37.06
ББК Ч 400.51+Ч465+Ч420.051

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОЕКТ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ

А. Б. Панькин

В современной образовательной практике существует несколько упрощенное представление о духовно-нравственном развитии личности. Основы духовного развития и нравственного воспитания личности, закладываемые в дошкольном возрасте, в семье, соответствуют ценностным ориентациям семьи, усваиваются у старших. В школьные и студенческие годы все внимание сосредотачивается на физическом и интеллектуальном развитии, на подготовке к сдаче ЕГЭ, а духовно-нравственное развитие остается без внимания.

Проблеме формирования личности в аспекте духовно-нравственной безопасности в настоящее время уделяется внимание в целом ряде публикаций, однако в контексте этнокультурной коннотации образования данная проблема рассматривается недостаточно и требует дальнейшего исследования. В этой связи особую значимость представляет изучение организационно-педагогических основ формирования духовно-нравственной безопасности развивающейся личности в процессе интеграции этнокультурных констант как сквозных этнокультурных тем в содержании образования.

В условиях современного дефицита морали в обществе, оскудения нравственной сферы личности безнравственность становится реальной угрозой безопасности общественных и личностных процессов, проявляется в социальной дезадаптации молодежи, отражающейся в их девиантном поведении, низком уровне мотивированности образовательной и трудовой деятельности. Молодежь отчуждается от основных традиционных этнических ценностей, подрываются корни исторической памяти народа и его духовной культуры, что приводит к необратимым негативным духовно-нравственным результатам.

Современное снижение нравственного уровня общества, угроза разрушения этнической самобытности, особенно в связи с интенсивными миграционными процессами, обусловили усиление внимания гуманитарных и общественных наук к проблемам этнокультуры, языка, к условиям «культуры жизнеобеспечения».

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации 2000 года понятие «духовно-нравственная безопасность России» раскрывается как специфическая составная часть национальной безопасности, определяющая состояние личности, общества и власти, обеспечивающая их нормальное сосуществование и функционирование в условиях созидательного культурно-цивилизационного развития в рамках национального образа жизни. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает обеспечение доступа к национальным и культурным ценностям, сохранение и популяризацию культурного наследия народов России, располагающих множеством традиционных практик, направленных на раскрытие духовного потенциала личности в любом возрасте. «Нравственность не может не быть национальной; качества: честность, правдивость, трудолюбие, доброжелательность — это общие схемы нравственной деятельности. Их содержание всегда наполняется национально» [Колесов 2007: 122].

Социально-педагогические аспекты отношения к нравственности предполагают прежде всего заботу о безопасности личности. Предмет исследования педагогики включает защиту и сохранение этнокультурных традиций, формирование политики духовного и нравственного воспитания детей.

Под нравственностью (моралью) в رایхожем смысле обычно понимаются прави-

ла, «определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [Словарь русского языка 1978: 384], особая форма общественного сознания, социальный способ существования человека среди людей. В. И. Даль отмечает, что «нравственность — мораль, хорошее поведение и вообще поведение» [Даль 1994: 148]. Нравственность — понятие многоаспектное: это и особая форма общественного сознания, и социальный способ существования, деятельности согласно своей совести, и личностная характеристика, формирующаяся на основе морали.

Нравственная рефлексия, т. е. размышление о нравственности, о нравственных нормах, может осуществляться только на уровне *сознания*. Поведение индивида нравственно, когда он принимает, одобряет нравственные нормы, живет в соответствии с ними. Моральные нормы у представителей большей части общества проявляются как совесть, «сама себя судящая моральная способность суждения» [Кант 1908: 196]. Разрушение совести приводит к снижению способностей, подрывает и разрушает нравственную память (фундамент интеллекта). «Монолит ума без цемента совести распадается на фрагменты (блоки). До времени эти блоки могут оставаться весьма крупными. Поэтому глубинное разрушение способностей к подлинному творчеству, связанных с духовно-нравственным состоянием, может происходить в латентной (скрытой) форме» [Слободчиков 2005–2006].

Моральные нормы индивида сосредоточены в той части личности, которая носит название суперэго или надличностного идеала (находится над эго, частью личности, с которой индивид наиболее полно себя идентифицирует). У И. Канта этот феномен обозначен как нравственный императив [Бутазова 2003: 7], как внутреннее, исходящее из совести повеление. Философ выделил три аспекта нравственного императива: «всегда поступать так, чтобы твой поступок мог стать нравственным образцом для всех»¹; «не делать другим ничего такого», что он «не хотел бы претерпеть со стороны других»²; человек не должен «рассматривать и использовать других людей как

средство достижения собственных целей»³ [Кант 1908: 196].

Суперэго (надличностный идеал, нравственный императив), формируется после того, как оформится эго (в период от 3 до 6 лет). Те мысли и знания, которые он приобретает до наступления половой зрелости, в целом гораздо более значимы, чем то, чему он учится впоследствии [Шопенгауэр 2011: 723].

Эго формируется благодаря тому, что родители начинают предъявлять ребенку определенные требования и знакомить его с традициями той культуры, к которой принадлежит семья. З. Фрейд считал, что главный мотивирующий фактор при этом — страх наказания, но сильнее всего — страх потери родительской любви. Ребенок добивается родительской любви даже в ущерб удовлетворению других потребностей. Он вынужден признать, что то, что доставляет ему удовольствие, может вызывать недовольство других людей — родителей, чья любовь важна для него. Перед ним возникает первая моральная проблема — необходимость совмещения своих и чужих интересов. Но оказывается, что если действовать скрытно, утаивать или извращать неприятные факты, то можно избежать и наказания, и утраты родительской любви. В зависимости от реакции родителей интересы закрепляются или отвергаются ребенком в дальнейшем. Это еще не нравственность, но уже источник морального поведения, так как представляет собой попытку считаться с другими людьми [Юрасова 2008: 184]. Ребенок находит определенный баланс между удовлетворением собственных потребностей и желаниями других людей, а со временем моральные нормы могут стать и внутренними убеждениями.

Основополагающим качеством человека является его духовность, понимаемая как «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» [Толковый словарь русского языка 2001: 239], осознаваемая как свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными, стремление к неким высшим целям индивидуального и общественного развития в соответствии с нравственными нормами, позволяющими жить

¹ Данное требование, сформулированное И. Кантом, является основным требованием, предъявляемым к учителю.

² Это — «золотое правило» педагогики.

³ Т. е. не манипулировать людьми даже ради самых высоких и общественно-значимых целей.

и оперировать вечными ценностями; духовность взаимосвязана с одухотворенностью, т. е. состоянием вдохновения, творчества, высшим достоянием человеческой души, сердцевиной личности.

Духовный человек — это нравственный человек, приобщенный к ценностям мировой культуры, к основам культуры поведения, человек с развитым национальным самосознанием, ответственный за будущее своего народа, знающий свои истоки, язык и культуру своего народа. Это человек со здоровым чувством национальной гордости и развитым национальным сознанием, гражданин и патриот, ответственный за порученное дело, за судьбы других, за будущее страны. Потеря национальной гордости непременно сопровождается потерей и человеческого достоинства, что неминуемо приводит к падению нравов, к духовному оскудению. «Народ без народности — тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность» (Ушинский 1948: 161).

У всех народов имелись свои духовные практики, направленные на формирование морали и раскрытие духовного потенциала молодежи, преследующие цель познания себя и трансформации эго. Так, в йогических практиках духовное развитие считается невозможным без пранаямы, асан, чтения мантр, концентрации, медитации и других проверенных опытным путем практик [Шри Ауробиндо 2011: 53].

Современный исследователь условно выделяет в духовном развитии человека несколько этапов: «момент зачатия ребенка (чем выше духовное развитие родителей, взаимная любовь, любовь к ребенку, тем более сильный энергетический импульс они передают зарождающейся жизни, воплощающейся душе); период до рождения, когда формируется физический, психический, духовный, энергетический потенциал; момент рождения — встреча ребенка с миром, формирование их взаимоотношений; у некоторых на протяжении всей жизни духовное развитие тормозится обществом и системой воспитания вследствие того, что все усилия направляются на его умственное развитие; единение с душой, высшим «Я», наступает у тех, кто сильно стремится к совершенствованию» [Корнеев 2012: 310].

Одним из путей повышения духовно-нравственного потенциала обучения и вос-

питания детей в школе является развитие этнокультурной основы образования, включающейся в приобщении к традициям и ценностям этнокультуры, имеющим целостный характер и представляющим собой сложную систему взаимосвязанных элементов — нравственных норм, ценностей, идеалов, являющихся регуляторами поведения человека.

В основание духовно-нравственной сферы личности ложится этический опыт, формируемый в недрах семьи, и основанный на воспитании чувства гордости и уважения к своей семье, потребности в заботе о членах своей семьи. Основой же духовного развития личности являются «душа народа», его культура и традиции, готовность служить людям и Отечеству. Развитие этого компонента — этнокультурной составной духовно-нравственной сферы личности — способно наполнить ее жизнь нравственным смыслом, стать средством «самозащиты».

Основной задачей в формировании личности ребенка является формирование у него способности переживать те или иные чувства, вызванные различными действиями и поступками, собственными и чужими, оценка их в связи с освоенными представлениями и понятиями о нормах морали.

В стандартах нового поколения основной концептуальной идеей становится формирование духовно-нравственной личности. Для этого необходима учебно-воспитательная работа, специально нацеленная на освоение детьми принципов духовной нравственности. Целенаправленное формирование духовно-нравственного сознания, выработка чувств, навыков и привычек духовно-нравственного поведения учащихся требуют такой организации учебно-воспитательного процесса, которая позволяет учитывать возрастные и индивидуальные особенности, условия жизни обучаемого, а также влияние окружающего этносоциума.

К 2013 г. этнокультурную тематику стали активно включать в учебный процесс. Многие темы этнокультурного содержания изучаются на протяжении определенного, но ограниченного, промежутка времени, и исключаются из учебного материала, подлежащего активной проработке. К сожалению, имеющиеся программы учебных дисциплин, учебные курсы родного языка и литературы не учитывают современные языковые реалии и предназначены для обучения детей — носителей родного языка.

Как известно, учебники, учебные пособия, рабочие тетради по родному языку и литературе не переиздаются или издаются малыми тиражами.

Вновь издаваемые учебные программы, учебники, УМК отличаются новыми подходами, но в целом малоэффективны, т. к. подготовлены без учета единой концепции, поскольку большинство авторов учебников — учителя-практики, не имеющие научной подготовки. Отсутствие же единой концептуальной составляющей заставляет региональных авторов либо насыщать их незначительным содержанием, либо усложнять материал учебников, вследствие чего теряется очень многое, в том числе и нравственность.

Нынешнее многообразие подходов к школьному обучению приводит к возникновению новых учебных предметов, но их многочисленность приводит к сокращению часов, отведенных на изучение других предметов, к формальному проведению уроков по ним, и в конечном итоге ведет к разрушению системы образования. А между тем содержание основных учебных дисциплин можно было бы интегрировать в базовое содержание образования, не претендуя на время, которое выделяется на изучение других учебных дисциплин.

Таким образом, в современных условиях единственным принципом воспроизводства и развития этнокультурного опыта становится принцип этнокультурной коннотации (англ. connotation — добавочное значение, окраска, окрашенность, дополнительное содержание слова [Ахманова 1969: 203]) содержания образования, основная идея которой заключается в том, что, согласно концепции «центральной зоны культуры», в каждой этнической культуре имеется стержень — центральная тема культуры этноса, выражающаяся в системе этнических констант как основе его этнической картины мира [Shils 1961: 41].

Этнокультурная коннотация заключается в выделении и подчеркивании, сохранении и развитии этнических констант, присутствующих во всех компонентах образовательной системы, обеспечивающих формирование соответствующей этнической картины мира, этнического самосознания и мышления, развивающих в ребенке уверенность в своих способностях [Панькин 2009: 337].

Образование становится каналом передачи и воспроизводства единой для этни-

ческой общности картины мира и развития ее составляющих, структурных элементов центральной темы культуры этноса — системы этнических констант — через их систематическое использование в повседневной педагогической практике посредством этнокультурной коннотации содержания образования. Педагогические практики передачи и воспроизводства обеспечивают сохранение этнических констант центральной культурной темы этноса, эмоциональное развитие личности в условиях многоязычия и поликультурности, включение в действие глубинных процессов, генетически связанных с особенностями психологии народа, и выведение этих процессов на современный уровень; таким образом, содержание образования способно создать систему выхода из духовного кризиса.

Содержание образования в аспекте этнокультурной коннотации формируется в виде систематически присутствующей в учебном процессе сквозной этнокультурной темы — однотемного по содержанию учебного материала, относящегося к какой-либо из важнейших сфер этнокультурного опыта, к какой-либо из этнических констант, в зависимости от того, к какому культурному ареалу принадлежат учащиеся, с опорой на их этнокультурный опыт.

Образовательные системы, реализующие принцип этнокультурной коннотации содержания образования, ориентированы на обеспечение полноценного базового образования по федеральным стандартам и приобщение детей к родному языку, культуре, истории, традициям, духовным ценностям, обеспечивают уважение ценностей собственной культуры, а также ценностей других народов.

Этнокультурная коннотация содержания образования способствует реализации в повседневной образовательной практике системы безопасности этнических меньшинств и их языков и преследует следующие цели: передача детям самобытности культуры меньшинства, к которому они принадлежат, восприятие ими установок и содержания этой культуры; поощрение интереса к проблемам этнического меньшинства у детей, принадлежащих к группе этнического большинства, и, таким образом, создание климата терпимости и взаимопонимания в группе на раннем этапе развития детей; пробуждение у взрослых людей и подростков чувства верности и предан-

ности своему родному языку и культуре, воспитание у них динамичного осознания отношений между культурами меньшинства и большинства; обеспечение доступа к культуре меньшинства для всех людей, которые, обладая иным родным языком, чем у группы меньшинства, желают получить доступ к нему и культуре, которую он выражает, даже если это происходит по чисто практическим причинам [Резолюция о языках и культурах ... 1994: 22].

Сквозные этнокультурные темы вводятся в самом начале обучения и продолжают-ся на протяжении всего учебного периода, проходят через весь курс обучения, что позволяет учителю неоднократно возвращаться к тематически однородному учебному материалу (с различной степенью интенсивности, обрабатываемости и по принципу концентрического нарастания трудностей). Подобные темы преемственно связаны между собой и составляют ядро содержания образования всего учебного курса.

Важнейшими задачами становятся отбор, выявление принципов и разработка рекомендаций по эффективной организации содержания образования как сквозной этнокультурной темы на основе учебного концентризма. Учебный процесс представляет собой движение от центра к центру, обеспечивает организацию «сквозной этнокультурной темы», позволяет ученику на определенный промежуток времени «погружаться» в этнокультурный учебный центр.

Для формирования этнокультурного содержания образования, в соответствии с учебным планом, этнические константы центральной темы культуры этноса конотируются в программы, учебники, электронные учебники, учебные пособия, книги для чтения, хрестоматии, рабочие тетради и другие материалы.

В наших публикациях отмечалось, что этническими константами, структурными элементами центральной культурной темы калмыцкого этноса являются родной язык и письменность, фольклор и эпос «Джангар», духовные ценности и духовная культура, традиционная «культура жизнеобеспечения», история и культура родного края [Панькин 2009: 325], будучи сквозными этнокультурными темами и объектами коннотации в содержании образования для создающегося нового поколения учебно-методических комплексов в системе образования Республики Калмыкия.

В целях реализации концепции этнокультурной коннотации в содержании образования в Калмыцком государственном университете в 2012 г. рассмотрен и утвержден проект «Этнокультурная коннотация содержания образования», реализуемый созданным научно-образовательным центром «Багш» («Учитель») имени академика Г. Н. Волкова.

Основными направлениями деятельности НОЦ «Багш» являются:

- организация кластера научно-образовательного партнерства «школа — вуз — НИИ» с образовательными учреждениями Министерства образования, культуры и науки РК, Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Телекомпанией «Сэн цаг»;
- формирование нового поколения учителей-исследователей, авторов учебников с этнокультурным содержанием образования;
- подготовка педагогов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук);
- подготовка и издание комплекса монографий, учебных пособий и учебников с этнокультурным содержанием образования, основанных на Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС);
- подготовка и проведение научно-педагогических конференций по проблемам формирования духовно-нравственной основы содержания образования.

При этом предполагаются взаимодействия при определении перспективных учителей — будущих аспирантов; при организации и проведении научно-педагогических семинаров в районах Республики Калмыкия; обмен учебной и иной видеопродукцией с телекомпаниями Монголии, Бурятии, Китая и других стран; подготовка учебно-методических материалов для образовательных учреждений Республики Калмыкия; проведение совместных научных исследований в области педагогики, опытно-экспериментальных и иных работ по актуальным направлениям, представляющим взаимный интерес; проведение научно-исследовательских и научно-методических работ в рамках реализации проекта «Этнокультурная коннотация содержания образования».

В современных условиях единственным принципом, обеспечивающим духовно-нравственную безопасность личности, является принцип этнокультурной коннотации содержания образования, реализация которого возможна в определенных организационно-педагогических условиях. В рамках реализации определенного выше проекта нами предложена следующая схема: аспиранты по предложенным темам, содержание которых связано с анализом этнических констант как сквозных этнокультурных тем, изучаемых на определенных образовательных ступенях, занимаются ис-

следованиями, результаты которых получают квалификационную оценку; на основе диссертаций издаются монографии; диссертации и монографии становятся, в соответствии с учебным планом, основой учебных пособий, книг для чтения, хрестоматий и методических материалов для соответствующих классов различных образовательных ступеней; авторы учебных пособий объединяются в творческие коллективы, создают учебники, электронные учебники с этнокультурно коннотированным содержанием образования по соответствующим учебным предметам.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 571 с.
- Бутазова А. Ю. Идеи нравственного воспитания в рациональной этике И. Канта. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград: ВГПУ: Перемена, 2003. 21 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА-Книж. клуб, 1998. 1024 с.
- Кант И. Религия в пределах только разума. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1908. 214 с.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербург. Востоковед., 2006. 624 с.
- Корнеев С. С. Духовное и интеллектуальное развитие в структуре интегральной личности // *European Social Science Journal*. 2012. № 7 (23). Р. 305–314.
- Панькин А. Б. Этнокультурная коннотация образования. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009. 380 с.
- Резолюция о языках и культурах региональных и этнических меньшинств в Европейском сообществе (Резолюция Кюйперса) // *Языковые права этнических меньшинств в сфере образования: сборник материалов / авт., пер. и сост. Г. В. Хруслов. М.: ИНПО, 1994. С. 20–35.*
- Слободчиков В. И. Духовно-нравственное становление и развитие человека // *Диалог*

- отечественных светской и церковной образовательных традиций / [Электронный ресурс] // URL: http://www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2005-2006/txt/slobodchikov.php. (дата обращения 11.01.2013).
- Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 12-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1978. 846 с.
- Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г. Н. Складневской. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 944 с.
- Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. 655 с.
- Шопенгауэр А. Собрание сочинений: Мир как воля и представление; О четвероюм корне закона достаточного основания (пер. с нем.). М.: Престиж Бук, 2011. 1032 с.
- Шри Ауробиндо. Письма о йоге (кн. 1) М.: ООО Изд-во «София», 2011. 381 с.
- Юрасова Е. Н. Динамика и механизмы формирования нравственности с позиций психоанализа // *Нравственность для XXI века / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.*
- Shils E. Centre and Periphery // *The Logic of Personal Knowledge: Essays / ed. by M. Polanyi. London: Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 39–84.*

References

- Akhmanova O. S. [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: ComKniga, 2007. 571 p. (In Russ.)
- Butazova A. Yu. [Ideas of Moral Education in Rational Ethics of I. Kant]. Cand. Sc. thesis (Pedagogics) abstract. Volgograd, 2003. 21 p. (In Russ.)
- Dahl V. I. [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: TERRA Book Club, 1998. 1024 p. (In Russ.)
- [Dictionary of the Russian Language]. N. Yu. Shvedova (ed.). 12th ed. Moscow: Rus. yaz., 1978. 846 p. (In Russ.)
- [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language. Linguistic Changes in late XX Century]. Institute of Linguistic Research of the RAS. G. N. Sklyarevskaya (ed.). Moscow: Astrel, 2001. 944 p. (In Russ.)
- Kant I. [Religion within Reason only]. St. Petersburg: V. I. Yakovenko Publ., 1908. 214 p. (In Russ.)
- Kolesov V. V. [Russian Mentality in Language and Text]. St. Petersburg: Peterburg.Vostokoved, 2006. 624 p. (In Russ.)
- Korneenkov S. S. [Spiritual and Intellectual Development in the Structure of an Integral Personality]. *European Social Science Journal*. 2012. No. 7 (23). Pp. 305–314. (In Russ.)
- Pankin A. B. [Ethnocultural Connotation of Education. Elista: Kalmyk State University, 2009. 380 p. (In Russ.)

- [Resolution on Languages and Cultures of Regional and Ethnic Minorities in the European Community (Cuypers Resolution)]. In: [Linguistic Rights of Ethnic Minorities in Education]. G. V. Khruslov (transl., compl.). M.: INPO, 1994. Pp. 20–35. (In Russ.)
- Schopenhauer A. [Collection of Works: Peace as a Will and Representation; Concerning the four Roots of the Law of Sufficient Foundation]. Moscow: Prestige Book, 2011. 1032 p. (In Russ.)
- Shils E. Centre and Periphery // *The Logic of Personal Knowledge: Essays / ed. by M. Polanyi. London: Routledge & Kegan Paul, 1961. Pp. 39–84. (In Eng.)*
- Shri Aurobindo. [Letters on Yoga]. Book 1. Moscow: Sofia Publ., 2011. 381 p. (In Russ.)
- Slobodchikov V. I. [Spiritual and Moral Formation and Development of a Person]. In: [Dialog of Russian Secular and Church Educational Traditions]. An Internet resource: http://www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2005-2006/txt/slobodchikov.php. (accessed: January 11, 2013). (In Russ.)
- Ushinsky K. D. [Collection of Wprks]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: RSFSR Acad. Of Pedag. Sciences Publ., 1948. 655 p. (In Russ.)
- Yurasova E. N. [Dynamics and Mechanisms of Morality Formation from the Point of View of Psychoanalysis]. In: [Morality for the XXI Century]. Yu. M. Antonyan (ed.). Moscow: Aspect Press, 2008. 288 p. (In Russ.)

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КРИТЕРИЕВ И ПРИЗНАКОВ***А. Б. Панькин, Х. Э. Шургучиев*

С принятием «Декларации принципов толерантности» 16 ноября 1995 года в Париже государствами-членами ЮНЕСКО, в том числе Россией, в отечественный политический лексикон вошло понятие «толерантность». Под толерантностью, как правило, понимается уважительное и терпимое отношение к людям другой культуры, способность найти конструктивное решение, не прибегая к конфликту, с сохранением своей индивидуальности. Понятие толерантности связало в одно целое основные положения современной демократии, включающей такие принципы, как равенство народов, сотрудничество, взаимоуважение, признание ценностей всех народов.

Проблема толерантности анализировалась в ряде исследований. В научной литературе рассмотрены общеполитические и социокультурные вопросы толерантности, предложены различные теоретико-методологические подходы к созданию психологии и педагогики этнотолерантности, проведен анализ формирования толерантности как педагогической компетенции. Проблема этнической толерантности анализируется учеными в контексте изучения этнической идентичности, в связи с поиском фундаментальных условий взаимопонимания в обществе.

Воспитание толерантности сегодня является одной из приоритетных задач национальной образовательной политики. Несомненная важность воспитания толерантного поколения отражена в признании такового одним из условий стабильного существования и развития общества. Несмотря на достаточно острую научную и публицистическую полемику относительно понятия и признаков толерантности в научном контексте, она заняла одно из центральных мест во многих научных дисциплинах, став актуальной темой теоретических размышлений, а также прикладных разработок в ряде гуманитарных наук, включая педагогику.

Как сформировать толерантную личность? Какими целями, задачами, методами и инструментами образовательной системы необходимо руководствоваться педагогу для формирования толерантности как свойства личности обучаемого? Как справедливо отмечено Д. А. Леонтьевым, сложность, комплексность и межпредметность толерантности является заметным барьером для любых прикладных работ [Леонтьев 2009: 5]. Одна из главных трудностей в изучении толерантности состоит в том, что среди представителей социальных наук отсутствует единство в понимании сущности этого феномена, а исследовательская традиция не дает однозначных ответов на вопросы о признаках или характерных чертах проявления толерантности личностью или коллективом.

Так, при попытке дать научное обоснование толерантности как профессионально важного личностного качества определенные затруднения возникают в связи с тем, что данное понятие используется в самых разных областях знания: философии, этике, политике, теологии, медицине, психологии, педагогике. Термин «толерантность» восходит к латинскому глаголу *tolero* — ‘нести, держать’; ‘переносить, сохранять, кормить, оставаться’ (исходное значение глагола *tolero* — ‘нести, держать в руках какую-нибудь вещь’, от лат. *toleratio* — ‘умение переносить, терпеливость’) [Латинско-русский словарь 1976: 1017]. Следовательно, жизнь во всех своих проявлениях требует от нас усилий и умения «выносить», страдать, терпеть. Все это — наша «выносливость» по отношению к неблагоприятному внешнему воздействию, терпеливость.

Одним из значений понятия «толерантность» является «терпимость», и такое понимание толерантности, сформировавшееся еще в XIX в., зачастую встречается и в современных словарях. Тем не менее, сложно согласиться с тем, что в современном российском обществе с его существу-

ющими глубокими национальными проблемами следует формировать в молодых гражданах именно чувство «терпимости». Как справедливо в связи с этим отмечает В. И. Самохвалова, такое одностороннее понимание «толерантности» подразумевает, что «терпимость», как правило, должны проявлять более слабые субъекты человеческих отношений, ущемленные в своих правах, а более сильные могут выражать свою толерантность как «милосердие» и «снисхождение» [Самохвалова 2008].

Представляется, что адекватное определение толерантности может быть дано при следующих условиях. Во-первых, должны быть обозначены содержательные рамки этого понятия (которые могут быть выражены через систему признаков), во-вторых, обязательно должно быть определено качество обозначаемого им явления. Только при этих условиях можно рекомендовать, как и в каком направлении работать педагогу по формированию толерантной личности обучающегося.

В современной науке существуют различные понимания толерантности. Толерантность связывают с антагонизмом в межличностном взаимодействии [Валитова 1996], с отрицанием, неприятием, негативными эмоциями [Yovel 1993], с оценочностью, которая понимается многими как необходимый признак толерантности [Лекторский 1997]. Ученые также считают, что толерантность необходимо осмыслить как непреходящую ценность мира и справедливости. Именно толерантность способна выступить дефиницией, сохраняющей, транслирующей и передающей социокультурную идентичность человека от исторической эпохи к новой эпохе перехода, от поколения к поколению, от себя внешнего к себе внутренне свободному [Дементьева 2007].

Философ В. А. Лекторский предлагает свое видение концепта «толерантность» через четыре возможных способа его проявления: «толерантность как безразличие», «толерантность как невозможность взаимопонимания», «толерантность как снисхождение» и, наконец, «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог», который позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога [Лекторский 1997: 46–54]. На этот подход к толерантности и указывает автор в качестве

желательного для современной ситуации.

К одной из центральных проблем в определении смысла и содержания толерантности относится вопрос о том, где проходят границы «терпимости» и приемлемо ли толерантное отношение, например, к проявлениям национального или религиозного экстремизма, фашизма или иным культурным и национальным «различиям», которые несут угрозу для настоящего или будущего миропорядка? На наш взгляд, терпимость по отношению к террористам и убийцам невозможна и неоправданна. Н. Н. Федотова определяет толерантность в аспекте ее мирной конструктивной направленности и готовности к диалогу: это признание легитимности законных и не расходящихся с моралью интересов другого и открытость по отношению к его опыту, готовность к диалогу и к расширению собственного опыта в этом случае [Федотова 2004: 5–28].

Таким образом, толерантность как качество личности может и должна иметь определенные нравственные границы. В. И. Самохвалова справедливо отмечает, что «есть сферы, где понятие «толерантности» вообще неприменимо». Например, толерантность в области чести будет просто бесчестьем, толерантность в области истины становится ложью. Нельзя быть толерантным к преступлениям, точно так же неприемлема, например, толерантность на войне [Самохвалова 2008].

При определении смысла и содержательных компонентов толерантности возникает еще одна проблема, привлекающая современных исследователей. Она заключается в определении объекта, характеризующего в качестве толерантного, иначе говоря, толерантность — это свойство личности (индивида) или коллектива, сообщества, нации, государства? Д. А. Леонтьев усматривает проблему и в другом ее аспекте: если толерантность — свойство личности, то является ли данное свойство обобщающей характеристикой (т. е. толерантный человек способен к активному диалогу в любом межгрупповом общении) или оно избирательно проявляется по отношению к тем или иным объектам (т. е. проявления толерантности специфичны по отношению к разным объектам) [Леонтьев 2009].

Рассматривая толерантность как свойство личности, исследователи (в основном, представители психологии) выделяют различные признаки «терпимости», проявля-

ющей, как правило, в поведении индивида. По мнению Д. А. Леонтьева, толерантность — это форма отношения к иному, отличающемуся, к разнообразному, к тому, что не совпадает как с индивидуальными особенностями, так и с привычными для определенной личности формами культуры [Леонтьев 2009: 12–13]. «Толерантность — это норма ценности отличий другого человека и поддержка этих отличий» [Победа 2007: 26]. Сущность толерантности — требование уважать права других («иных») быть такими, каковы они есть, не допускать причинения им вреда [Риздон 2001: 16]. К структурным компонентам толерантности Г. У. Солдатова относит психологическую устойчивость, систему позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, систему личностных и групповых ценностей [Солдатова 1998]. В. А. Лекторский связывает толерантность с установкой «на независимость, автономность индивида, его личную ответственность за свои убеждения и поступки, недопустимость силового навязывания каких бы то ни было идей, сколь бы хорошими эти идеи не представлялись» [Лекторский 1997: 48]. С. Л. Братченко определяет толерантность как способность различать и признавать границы особого рода (нравственные, правовые, психологические) и умение конструктивно действовать в «пограничных» ситуациях, разрешать противоречия, согласовывать позиции, сотрудничать [Братченко 1999: 137].

В представлении В. И. Самохваловой механизмы толерантности «объективно и необходимо должны быть встроены в сам генетический код человека». В процессе эволюции у человека, как и у всего живого, — отмечает исследователь, — проявляются две разнонаправленные тенденции: стремление сохранить себя, поддерживая видовую устойчивость и постоянство, отвечающие за выживаемость, и умение изменить себя, чтобы приспособиться к конкретному изменению ситуации, также, в конечном счете, обеспечив выживаемость [Самохвалова 2008].

В целом, обобщая выводы исследователей, представляющих различные гуманитарные направления, можно прийти к выводу, что толерантность как качество личности, как свойство индивида проявляется в его умениях и способностях, во-первых, уважать и признавать самого себя как представителя определенной культуры,

определенной нации или другой общности; во-вторых, уважать права других, избегать конфликтов и уметь приспособиться к ситуации.

Психологические исследования, описанные в работе Д. А. Леонтьева, показали, что поведение человека и его толерантность / интолерантность к различным объектам (расе, полу, национальности, имущественному или социальному статусу) обусловлены рядом разнородных факторов, среди которых: личная позиция и склонности, система убеждений в данном обществе, индивидуальные внутренние барьеры. Так, повышение социальной напряженности вызывает рост неспецифического напряжения индивидов, распространение в обществе конфликтов и поисков «чужих». Все это в сочетании со слабостью внутренних барьеров личности находит выход в интолерантных действиях и проявлениях [Леонтьев 2009: 1].

Следовательно, педагогу при развитии толерантности как одной из компетенций обучающегося необходимо учитывать разносторонние, в том числе психологические, факторы — формирование позитивной самооценки, развитие таких качеств, как доброжелательность и эмпатия, укрепление автономии и самостоятельности ученика в отстаивании собственных нравственных позиций. В. В. Глебкин в этой связи отмечает, что понять и принять «Другого» как самого себя возможно через ознакомление учащихся со всем многообразием мировой культуры. В ходе обучения каждому необходимо уяснить, что твои ценности и представления о мире не носят онтологического характера, а заданы твоей культурой, опыт же других культур не просто интересен как экспонат в музее, но и значим для осознания собственной целостности [Глебкин 2000: 8–10].

Подобной точки зрения придерживается и В. А. Тишков, автор концепции «педагогики толерантности», которая должна транслироваться через сферу образования и культурной политики. Он отмечает, что школьники и студенты должны знать историю и географию геноцидов, расовых и этнических конфликтов, религиозных войн, при этом, однако, недопустима сакральная интерпретация только собственного народа или группы как пострадавшего в результате действий других народов. «Такая односторонняя проекция вызывает нетерпимость и вражду, ограничивает установ-

ки на межкультурные взаимодействия» [Тишков 2002: 28]. Педагогика толерантности, по мнению В. А. Тишкова, должна учить умению анализировать ситуацию, обстановку в группе, школе, классе и в семье, развивать способности к критическому самоанализу, предлагать конкретные способы реагировать на нетерпимость и нейтрализации ее [Тишков 1997: 272].

Возвращаясь к вопросу об индивидуальной и групповой толерантности, необходимо отметить, что признаки, характерные для толерантной личности, также применимы и для социальных образований, каковыми являются этносы, народы, нации. Безусловно, что тот или иной народ не есть собрание одинаковых людей. Их, конечно, объединяет множество факторов: условия жизни, особенности быта, культурные традиции. Вне группы люди различны и идентифицируют себя по-разному, имея в виду свои личностные характеристики, но, составляя группу, они идентифицируют себя как одно целое, в отличие от другой группы как другого целого.

Толерантность, на наш взгляд, присутствует в той или иной степени в любом жизнеспособном, нормально функционирующем обществе, так как именно такое общество способно противостоять факторам агрессии не только силой, но и сформированными в нем ценностными ориентациями — готовностью прийти на помощь, доброжелательностью и т. д. Не будем забывать об историческом опыте, отложившемся в национальных традициях и нравах, в различных моделях поведения, включенных в реальную систему отношений между людьми.

Однако в традиционном обществе интеграция внутри группы зачастую предполагает дезинтеграцию вовне, где враждебный образ «чужого» используется как средство сплочения «своих» [Дементьева 2011; Лысак, Наливайко 2011: 23–28]. Действительно, исторический опыт свидетельствует о том, что в целях воспитания «патриотизма», многими политиками понимаемого как осознание ценности только своей нации, только своего народа, происходит размывание традиционных ценностей, их изменение иногда на противоположные (вместо уважения всех наций — ненависть ко всем народам, кроме своего), что, безусловно, приводит к росту межконфессиональной и межэтнической напряженности.

Среди различных видов толерантности

различают национальную толерантность как общегосударственную форму, этническую толерантность как общественную форму по отношению к различным этническим группам, межнациональную толерантность как межгосударственную форму проявления этого феномена. В широком смысле этническая толерантность может рассматриваться как «гармония в многообразии», допускающая сосуществование различных социальных, экономических, политических и культурных интересов, воззрений, идеологий, гуманистической направленности внутри российского государства [Днепров 2011: 24].

Этническая толерантность проявляется по отношению к представителям других этносов. Она представляет собой особое умонастроение, жизненно-психологическую установку, позволяющую ценить другое национальное «они» равнозначно собственному «мы». Это — внутреннее преодоление нетерпимости и невосприимчивости «чужого» на уровне собственного менталитета, признание существования «чужой национальной правды», иного подхода к национальным проблемам [Ефимова 2010]. Следовательно, толерантность в общении между этносами отражает уровень культуры межнационального общения, является средством достижения межнационального согласия, показателем зрелости людей, их готовности к сотрудничеству.

Возможно определить некоторые основные признаки толерантности как социокультурного феномена и свойства личности:

- 1) толерантность является одной из основ современных международных отношений и одним из необходимых качеств современной личности;
- 2) толерантность является ценностью, обеспечивающей социокультурную идентичность этносов, составляет практические условия выживания и развития цивилизации, диалога и глубинного конструктивного взаимодействия разных культур;
- 3) толерантность может и должна иметь нравственные границы: нельзя быть толерантным к подлости, хамству, жестокости, предательству и т.п.
- 4) корни смысла толерантности лежат в «терпимости», но толерантность не сводится только к пассивному отстранению, а предполагает активные действия субъектов на пути к диалогу;

- 5) толерантность проявляется в деятельности и поведении человека или группы людей;
- 6) толерантность этническая как свойство личности находится в прямой зависимости от формирования позитивной этнической идентичности;
- 7) толерантность имеет некий начальный «естественный» уровень, с которого возможен переход на новый, целенаправленно заданный уровень.

Для понимания толерантности как свойства личности очень важно выработать достаточно полные и правильные критерии оценки сформированности этого качества или его отсутствия.

Педагоги и психологи предлагают различные подходы к определению критериев толерантности. По мнению Г. У. Солдатовой, к ним относятся следующие критерии: равноправие (равный доступ к социальным благам, к управленческим, образовательным и экономическим возможностям для всех людей, независимо от их пола, расы, национальности, религии, принадлежности к какой-либо другой группе); взаимоуважение членов группы или общества, доброжелательность и терпимое отношение к различным группам (инвалидам, беженцам и др.); равные возможности для участия в политической жизни всех членов общества; сохранение и развитие культурной самобытности и языков национальных меньшинств; охват событиями общественного характера, праздниками как можно большего количества людей, если это не противоречит их культурным традициям и религиозным верованиям; возможность следовать своим традициям для людей всех культур, представленных в данном обществе; свобода вероисповедания (при условии, что это не ущемляет права других членов общества); сотрудничество и солидарность в решении общих проблем; позитивная лексика в наиболее уязвимых сферах межэтнических, межрасовых отношений, в отношениях между полами [Солдатова 1998].

А. А. Погодина в качестве критериев толерантности выдвигает: устойчивость личности — сформированность социально-нравственных мотивов поведения личности в процессе взаимодействия с людьми иных этнических (социальных) общностей; эмпатию — способность к сопереживанию, адекватное представление о том, что проис-

ходит во внутреннем мире другого человека; дивергентность поведения — способность необычно решать обычные проблемы и задачи (ориентация на поиск нескольких вариантов решения); мобильность поведения — способность к быстрой смене стратегии или тактики с учетом складывающихся обстоятельств; социальную активность — готовность к взаимодействию в различных социальных межэтнических ситуациях с целью достижения поставленных целей и выстраивания конструктивных отношений в обществе [Погодина 2002: 4–7].

В. А. Лекторский, характеризуя такие личностные проявления, как равноправие, взаимоуважение личности и общества, доброжелательное и терпимое отношение к различным группам (инвалидам, беженцам, гомосексуалистам и т. д.), равные возможности для всех членов общества, сохранение и развитие культурной самобытности, возможность следовать своим традициям и взглядам, предлагает типологию толерантности, выделяя четыре ее типа: безразличие, невозможность взаимопонимания, снисходительность, расширение собственного опыта и критический диалог. Первые три типа автор относит к пассивной толерантности, последний — к активной [Лекторский 1997: 49].

Анализ изложенных выше подходов позволяет констатировать, что единства в понимании критериев проявления толерантности не существует. На наш взгляд, основные критерии этнической толерантности (то есть ее признаки, оценки, показатели) должны определяться, исходя из формулировки самого понятия «толерантность» как активной нравственной позиции и психологической готовности к терпимости во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культуры, нации, религии, социальной среды. Представляется, что наиболее полно и последовательно смысл этнотолерантности как свойства личности отражают критерии, сформулированные Г. В. Палаткиной:

- 1) уважительное отношение к языкам взаимодействующих; отсутствие обидных замечаний при допущении ошибок в речи; попытки выучить некоторые слова из другого языка;
- 2) четкое представление и умение объяснить то, что не существует плохих народов, могут встречаться только плохие люди;

- 3) деликатное отношение взаимодействующих друг к другу, при котором каждый прислушивается к желаниям другого, может высказать свое мнение; отсутствие «изгоев»;
- 4) стремление и четкая мотивация к изучению своей и других национальных культур; использование в обыденной жизни элементов своей и чужой культуры; желание участвовать в праздниках различных национальностей;
- 5) отсутствие любого вида подавления (насилия), предоставление возможности (при наличии желания) объяснять свои обычаи и веру без насаждения с любой стороны;
- 6) отношение между меньшинством и большинством, характеризующееся участием всех взаимодействующих во всех делах [Палаткина 2003: 214–215].

При изучении вопроса о воспитании толерантной личности, поведение которой отвечает сформулированным выше критериям и признакам толерантности, педагог сталкивается с рядом проблем как научно-теоретического, так и практического плана. Именно поэтому для педагога недостаточно, на наш взгляд, уяснить смысл и значение толерантности, но необходимо сформулировать педагогические критерии сформированности этого качества у обучаемых. Иначе говоря, необходимо разработать критерии толерантности, а также этнокультурной компетентности (последняя тесно связана с этнотолерантностью).

По мнению Т. В. Поштаревой, этнокультурная компетентность предполагает принятие индивидом культурного плюрализма, понимание последствий этнической нетерпимости. Для того чтобы не допускать возникновения вооруженных этнических конфликтов, необходимо знать источники, причины и закономерности их возникновения [Поштарева 2005: 5]. В этом случае этнокультурная компетентность предполагает готовность не только к познанию, но и, на уровне психики, готовность к принятию разнородных интересов и различных точек зрения этнических групп и их представителей.

Анализ различных педагогических подходов к формированию свойств личности позволил выделить педагогические критерии, позволяющие адекватно оценивать и описывать рассматриваемый феномен толерантности.

Дивергентность мышления — критерий, характеризующий широту умственного поиска, умение использовать отдаленные аналогии и ассоциации, находить нестандартные, оригинальные решения, преодолевать привычные шаблоны и устоявшиеся мнения. В оценке этнокультурной компетентности и толерантности дивергентность мышления предполагает разносторонний объем знаний обучающихся о своей этнической культуре и о культуре окружающих людей. Знание своего и иностранного языка, истории, традиций, обычаев, особенностей национального характера, возможно, национальной кухни, одежды, типа жилища, гендерных отношений и т. п. помогает человеку понять и «принять» культуру других этносов. Дивергентность мышления (его гибкость) помогает также обучающемуся формулировать альтернативные позиции в суждениях (например, при оценке этнических стереотипов), грамотно и аргументированно отстаивать собственную позицию толерантности. Широта кругозора дает возможность не ограничиваться особенностями только своей культуры, религии и т. п. Способность критически относиться к суждениям помогает избавиться от этнических стереотипов и сформулировать свое отношение к окружающему многонациональному миру.

Эмпатия — категория современной психологии, означающая способность человека представить себя на месте другого человека, понять чувства, желания, идеи и действия этого «другого»; положительно относиться к ближнему, испытывать сходные с ним чувства, понимать и принимать его актуальное эмоциональное состояние. Проявить эмпатию по отношению к собеседнику — значит посмотреть на ситуацию с его точки зрения, уметь «вслушаться» в его эмоциональное состояние. Как критерий этнотолерантности эмпатия включает в себя сформированную способность сопереживать представителям другой этнической культуры, проявлять сострадание, сочувствие, т. е. понимание, основанное на внутреннем желании услышать «другого».

Критерий **устойчивости** предполагает способность самостоятельно, т. е. в известной степени независимо от внешних влияний (моды, ситуации, традиции) ориентироваться в мире культуры и стремиться к культуротворческой деятельности. Устойчивость личности в межэтнических

взаимоотношениях означает доброжелательное, ровное, спокойное отношение к представителям различных этнических групп, основанное на собственных убеждениях.

Мобильность поведения и социальная активность — критерии, выделенные нами в содержании деятельностного компонента этнотолерантности, предполагают отражение в поведении обучаемого сформированных ценностей толерантного поведения. Это уважительное отношение к представителям другой национальности, выраженное в языке общения, на вербальном уровне, отсутствие любого вида подавления (насилия) и участие всех взаимодействующих во всех делах, использование в обыденной жизни элементов своей и чужой культуры; желание участвовать в праздниках различных национальностей и т.д. Мобильность поведения как критерий этнотолерантности характеризует автономное поведение человека, а социальная активность содержит характеристики, касающиеся межличностных взаимоотношений.

Обозначенные критерии позволяют, на наш взгляд, определить содержание этнокультурной компетентности и толерантности, которая может быть введена в содержание образования в форме пяти основных моделей национально-регионального/этнокультурного компонента: межпредметной, модульной, монопредметной, комплексной и дополняющей.

В целом толерантность можно охарактеризовать как сложное, концептуальное, многомерное и многозначное понятие, которое стало предметом исследования различных наук о человеке — философии, этики, истории, психологии, политологии, культуроло-

гии, педагогики. Анализ различных точек зрения позволяет определить толерантность как динамическое, интегральное нравственное качество личности, характеризующееся уважительным и терпимым отношением к людям другой национальности, религии, к их взглядам, обычаям, привычкам, социальному статусу, их поступкам и действиям, не приносящим вреда психическому и физическому здоровью; отмечающееся способностью находить конструктивное решение в спорных и конфликтных ситуациях, сохраняя при этом свою индивидуальность. Этническая толерантность является одним из видов толерантности, ее суть заключается в уважительном отношении к представителям другой национальности, стремлении понять другую национальную культуру, готовности к сотрудничеству и близкому диалогу с человеком другого этноса.

Формирование этнической толерантности как педагогическая задача — на наш взгляд, сложный, но в целом осуществимый процесс. Его необходимость обусловлена фиксируемой межнациональной напряженностью различной степени в современной России и в сегодняшнем мире. «Терпимое», толерантное отношение к представителям другой национальности, стремление понять и принять чужую культуру является сегодня одним из важнейших факторов развития и процветания страны. Грамотное педагогическое руководство воспитанием подрастающего поколения, в основу которого будут положены принципы гуманизма, поликультурности, толерантности, педагогического диалога в комплексном взаимодействии всех компонентов образовательной системы, смогут стать залогом безопасного развития не только России, но и мира в целом.

Литература

- Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). М.: Смысл, 1999. С. 137. 144 с.
- Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. М.: 1996. № 1. С. 33–37.
- Глебкин В. В. Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут НОМО INTELLEGENS // На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000. С. 8–10.

Дементьева С. В. Философские интерпретации толерантности // Открытая библиотека научных сборников по гуманитарным дисциплинам [электронный ресурс] // URL: <http://www.utopia.spb.ru> (дата обращения: 10.01.2013).

Днепров Т. П. Преодоление консервативно-либерального противостояния в отечественном образовании на основе национальной толерантности: дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2011. 435 с.

Ефимова Д. В. Толерантность как социокультурный феномен сохранения современ-

- ной цивилизации во всей ее полифонии // «Социосфера» [электронный ресурс] // URL: <http://www.sociosphere.ucos.ru> (дата обращения: 20.12.2012).
- Латинско-русский словарь / ред. Дворецкий И. Х. // 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
- Лекторский В. А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 3–4. С. 14–18.
- Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54.
- Лысак И. В., Наливайченко И. В. Патриотизм в современной России: изменение содержания и трудности формирования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 1. С. 23–26.
- Палаткина Г. В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 400 с.
- Победа Н. А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // СОЦИС. Социологические исследования. 2007. № 6. С. 13–28.
- Погодина А. А. Толерантность: Термин. Позиция. Смысл. Программа // История: прил. к газ. Первое сентября. 2002. Март (11). С. 4–7.
- Поштарева Т. В. Педагогические условия формирования этнокультурной компетентности и толерантности детей: Ставрополь, СКИПКРО, 2005. 112 с.
- Ризрдон Б. Э. Толерантность — дорога к миру! М.: Бонфи, 2001. 304 с.
- Самохвалова В. И. О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте [электронный ресурс] // URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5392-o-soderzhanii-ponyatiya-tolerantnost-v-sovremennom-kulturnom-kontekste.html (дата обращения: 21.01.2013).
- Тишков В. А. Очерки истории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
- Тишков В. А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Толерантность и культурная традиция: сб. ст. под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: РУДН, 2002. С. 9–31.
- Yovel Y. Tolerance as grace and as right // La tolerance aujourd'hui (Analyses philosophiques). Document de travail pour le XIX-e Congres mondial de philosophie (Moscou, 22–28 aout, 1993). UNESCO, Paris, 1993. P. 113–126.
- Федотова Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. 2004. № 4. С. 5–28.

References

- Bratchenko S. L. [Introduction to the Humanitarian Examination of Education (Psychological Aspects). Moscow: Smysl, 1999. P. 137. 144 p. (In Russ.)]
- Dementieva S. V. [Philosophical Interpretations of “Tolerance”]. In: [Open Library of Scientific Collections on Humanities]. An Internet resource: <http://www.utopia.spb.ru> (accessed: January 10, 2013). (In Russ.)]
- Dneprova T. P. [Overcoming the Conservative-liberal Confrontation in the Domestic Education on the Basis of National Tolerance]. Dr. Sc. thesis (Pedagogics). Tyumen, 2011. 435 p. (In Russ.)]
- Efimova D. V. [Tolerance as a Socio-cultural Phenomenon of Modern Civilization Preservation in all its Polyphony] In: [Sociosphere]. An Internet resource: <http://www.sociosphere.ucos.ru> (accessed: December 20, 2012). (In Russ.)]
- Fedotova N. N. [Tolerance as a Worldview and Instrumental Value]. *Philosophical Sciences*. 2004. No. 4. Pp. 5–28. (In Russ.)]
- Glebkina V. V. [Tolerance and the Problem of Understanding: Tolerant Consciousness as an Attribute of HOMO INTELLEGENS]. In: [On the Way to Tolerant Consciousness]. A. G. Asmolov (ed.). Moscow: Smysl, 2000. Pp. 8–10. (In Russ.)]
- [Latin-Russian Dictionary]. I. Kh. Dvoretzkiy. 2nd ed. Moscow: Rus. jaz., 1976. 1096 p. (In Russ.)]
- Lektorsky V. A. [About Tolerance]. *Philosophical Sciences*. 1997. No. 3–4. Pp. 14–18. (In Russ.)]
- Lektorsky V. A. [On Tolerance, Pluralism and Criticism]. *Issues of Philosophy*. 1997. No. 11. Pp. 46–54. (In Russ.)]
- Leontiev D. A. [To Operationalization of the Concept of “Tolerance”]. *Issues of Psychology*. 2009. No. 5. Pp. 3–16. (In Russ.)]
- Lysak I. V., Nalivaychenko I. V. [Patriotism in Modern Russia: Change of Content and Difficulties of Formation]. *Humanitarian and Socio-Economic Sciences*. 2011. No. 1. Pp. 23–26. (In Russ.)]
- Palatkina G. V. [Ethnopedagogical Factors of Multicultural Education]. Dr. Sc. thesis (Pedagogics). Moscow, 2003. 400 p. (In Russ.)]
- Pobed N. A. [Tolerance: Content Senses and Sociological Interpretation]. *SOCIS. Sociological Research*. 2007. No. 6. Pp. 13–28. (In Russ.)]
- Pogodina A. A. [Tolerance: Term. Position. Meaning. Program]. In: [History: appendix to newspaper The First of September]. 2002. March (11). Pp. 4–7. (In Russ.)]
- Poshtaryova T. V. [Pedagogical Conditions of Formation of Ethnocultural Competence and Tolerance of Children: Stavropol: Institute of Training of Educators, 2005. 112 p. (In Russ.)]
- Riardon B. E. [Tolerance is the Road to Peace!] Moscow: Bonfi, 2001. 304 p. (In Russ.)]
- Samokhvalova V. I. [Concerning the Content of the Concept Tolerance in the Modern Cultural Context]. An Internet resource: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5392-o-soderzhanii-ponyatiya-tolerantnost-v-sovremennom-kulturnom-kontekste.html (accessed: January 21, 2013). (In Russ.)]
- Tishkov V. A. [Essays on History and Politics of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy mir, 1997. 532 p. (In Russ.)]
- Tishkov V. A. [Tolerance and Accord in Transforming Societies]. In: [Tolerance and Cultural Tradition]. M. Yu. Martynova (ed.). Moscow: RUDN, 2002. Pp. 9–31. (In Russ.)]
- Valitova R. R. [Tolerance: a vice or virtue?]. *Bulletin of Moscow University*. Ser. 7. Philosophy. 1996. No. 1. Pp. 33–37. (In Russ.)]
- Yovel Y. Tolerance as grace and as right. *La tolerance aujourd'hui*. Conf. proc. (Moscow; August 22–28, 1993). Paris, 1993. P. 113–126. (In French)

К ВОПРОСУ О ПОДДЕРЖКЕ СУБЪЕКТНОСТИ В МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. В. Даржинова

Обновление образования во многом обусловлено его односторонностью, дисгармоничностью, когда вместо целостного культурного опыта учащиеся получают лишь совокупность сведений и знаний о фундаментальных основах природы и общества, которые, конечно же, необходимы образованному человеку. Однако не менее важно, какими ценностями и смыслами будет руководствоваться носитель этих сведений и знаний, поэтому, говоря о самостоятельности и субъектности индивида, мы подразумеваем развитие его способностей для разумного нравственно-целесообразного изменения действительности.

Проблема «персонификации» знания, превращения объективно-значимых ценностей в личностные смыслы обучаемого — по сути, проблема целостного образования, которое позволило бы человеку стать субъектом своей жизнедеятельности, своего целостного, «человеческого» (духовно-нравственного) развития, брать ответственность за себя и за мир, накапливать опыт осознания субъективной реальности и совершенствования самосознания.

Для решения данной проблемы необходимо, чтобы основу гуманитарной матрицы в образовательном учреждении составляла деятельность, способствующая становлению целостного образа мира и человека в нем и таким образом существенно повышающая интенсивность и качество освоения учебной программы. Музейная деятельность, осуществляемая в особой педагогической среде, в условиях свободного обмена мнениями, идеями, личностной включенности обучающихся в образовательный процесс, может способствовать тому, чтобы обучающиеся вписались в пространство культуры. При этом должны формироваться духовно-нравственные качества личности, которые и будут определять ее дальнейшую роль в обществе.

М. Б. Гнедовский пишет: «Музей способен дать человеку то, чего не могут обе-

спечить ни школа, ни книга, ни другие новейшие достижения цивилизации, — опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности. Не знание истории как совокупности умозрительных истин и сведений, но отношение к ней, личное отношение — вот что призван формировать музей <...>. Поэтому музей «сообщает знания» лишь по необходимости, лишь по той причине, что неведение (или невежество) не может служить основой ценностного переживания. Личностная позиция посетителя возможна лишь в том случае, если он с самого начала рассматривается как «субъект» музейно-образовательной деятельности, как носитель определенных культурных установок (обуславливающих его восприятие), имеющий свои интересы и склонности и обладающий правом самостоятельного отбора информации» [Гнедовский 1990: 18–19].

Если мы рассматриваем обучающегося с таких позиций, то, соответственно, должны находить формы диалога в работе с ним, признавая его право на свое восприятие музея, даже если оно не совпадает с мнением профессионала.

Таким образом, образовательное назначение музея заключается не только в приобщении индивида к культурно-историческому наследию, но и в обращении к его внутреннему миру, воображению, чувствам и эмоциям, т. е. в предоставлении возможности интерпретировать увиденное и услышанное по-своему. Приходя в музей, он должен оказаться в особой атмосфере, в которой (по определению Кеннета Хадсона) может найти «кратковременное убежище от агрессии, безобразия и шума внешнего мира» [цит. по: Юхневич 2001: 17]. Попадая в атмосферу музея, индивид менее всего хочет стать «объектом», которого обучают и воспитывают, но должен получить стимул

к размышлению или переживанию. Обучение будет иметь личностный смысл, если позволяет человеку обрести свою индивидуальность и неповторимость в сложном и противоречивом музейном мире.

Сегодня очевидно, что духовность человека не может автоматически формироваться через стереотипы, которые культивируются в обществе средствами массовой информации. Собственное внутреннее мироощущение личность должна выработать и выстрадать сама. Предоставляя индивиду возможность самому самоопределиться в мире культуры, мы предлагаем ему сделать осознанный выбор между добром и злом, благом на пользу общества и собственным эгоизмом, достоинством и унижением, насилием и толерантностью, созиданием и разрушением и так далее. В целях оказания помощи личности в этом сознательном выборе музеи образовательных учреждений должны осуществлять многообразные функции, реализовывать разнообразные программы, уделяя при этом главное внимание выполнению исторически присущих музеям функций сохранения и представления материальных памятников, имеющих историко-культурное значение. В меняющихся условиях музей превращается во все более открытую для общества систему, ориентированную на удовлетворение запросов индивида и организацию процессов его самопознания и самообразования.

При осуществлении музейной деятельности значимым является выбор методов, реализация которых направлена на развитие внутренней сферы личности, в том

числе метода использования конкретных жизненных ситуаций, актуализирующих ту или иную проблему. Оптимальным вариантом могут быть ситуации, созданные через систему творческих конструкторов различных уровней сложности (творческое задание, представление, целостный проект и др.). Личностно развивающие воспитательные ситуации должны обсуждаться всеми участниками музейной деятельности и стать средством закрепления у них мотива социально-ценностной деятельности.

Важная роль при этом отводится музейному педагогу, который выступает консультантом, экспертом, организатором обсуждений, подводящим итоги и формулирующим основные выводы, к которым приходят обучающиеся в ходе дискуссии. В таких условиях педагог должен учитывать все высказанные точки зрения и побуждать участников дискуссии к выявлению противоречий в оценках, логическому построению доказательств и совместным поискам истины. При этом он обязательно должен в своей работе опираться на инициативу участников дискуссии, на их пожелания. К педагогу предъявляется требование не просто учитывать их инициативу, а всячески ее поощрять и побуждать.

Включение музейной деятельности в содержание образовательного процесса весьма перспективно для саморазвития личности и понимания сущности воспитательного взаимодействия в этом процессе. Особенно важно, что в этой деятельности зарождается возможность для духовного самоопределения индивида.

Литература

Гнедовский М. Б. Музей и образование: Материалы для обсуждения. М.: Наука, 1990. 261 с.

Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей. Учебное пособие по музейной педагогике. М.: Изд-во РИК, 2001. 223 с.

References

Gnedovsky M. B. [The Museum and Education: Materials for Discussion]. Moscow: Nauka, 1990. 261 p. (In Russ.)

Yukhnovich M. Yu. [I will Take you to the Museum]. Moscow: RIK Publ., 2001. 223 p. (In Russ.)

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ЗАДАЧНОГО ПОДХОДА (на материале задач по генетике)

С. С. Джалсанова

Как известно, потенциал развития общества во многом определяется уровнем творческих способностей человека. Формирование уровня творческих способностей в свою очередь определяется образованием. Совершенствование содержания учебного процесса в средней школе может быть достигнуто путем создания педагогических технологий, способствующих творческому развитию личности учащегося, что может заложить основы творческого подхода в его последующей профессиональной деятельности.

В педагогической литературе нет однозначного мнения по определению путей формирования творческого мышления и деятельности учащихся. В процессе обучения при этом используют самые разные подходы, исследователи особенно выделяют системный подход [Всесвятский 1985; Комиссаров 1991 и др.] и деятельностный подход [Муртазин 1989; Мягкова и др. 1988; 1990] и т. д.

В настоящее время в школьном преподавании очевидно противоречие между относительно высоким уровнем теоретической подготовки учащихся и неспособностью использовать полученные ими знания для решения задач творческого уровня. Основной причиной этого является то, что в практике работы школ многие уроки не носят развивающего, проблемного характера и в основном приводят лишь к накоплению школьниками фактологических знаний и формированию способности выполнять учебные действия по известному алгоритму. В итоге даже учащиеся старших классов оказываются не готовыми к творческому поиску и накоплению опыта самостоятельной деятельности.

В данной работе делается попытка выявить роль задач в процессе формирования творческого мышления учащихся и обосновать эту роль в качестве самостоятельного методического подхода, определяемого нами как задачный подход (на основе задач по биологии).

На наш взгляд, задачный подход является одним из способов, все еще не получившим широкого распространения в биологии, хотя его значение в повышении познавательной активности и самостоятельности учащихся не вызывает сомнения. В процессе решения задач учащиеся восстанавливают имеющиеся у них знания, обращаются к жизненному опыту, привлекают знания по другим предметам. Задача всегда содержит неизвестное, поэтому побуждает учащихся к поиску, к творчеству.

В нашей работе задачи используются как для изучения различных теоретических вопросов, так и для установления связи теории с практикой. При этом задачи решаются как при изучении нового материала, так и при его закреплении и проверке знаний. Так, с решения задач можно начать изучение нового материала по генетике и тем самым пробудить интерес к нему. Решение задач по биологии непривычно для учащихся, поэтому они не всегда справляются с ними, и преподавателю на первых порах приходится оказывать им значительную помощь. Но после решения нескольких задач одного типа самостоятельность учащихся возрастает. В процессе решения задач учащиеся убеждаются в недостаточности своих знаний, в необходимости пополнить их. При этом они могут пользоваться учебной и другой литературой для восполнения пробелов в знаниях, необходимых для решения задач. Очень ценно, что учащиеся не только пополняют знания, но и применяют их, т. е. знания становятся действенными.

Эффективно использовать задачи для закрепления знаний. Решение двух–трех задач разного типа позволяет сосредоточить внимание на основных вопросах, изучаемых на занятии. В процессе решения задач не только закрепляется изученный материал, но и совершается переход знаний в умения. Особенно эффективно использование задач для проверки знаний. Это наиболее экономный и быстрый способ проверки знаний,

благодаря которому преподаватель может определить и оценить знания большого числа учащихся [Мягкова, Сивоглазов 1990].

Сложность применения методики решения задач, на наш взгляд, заключается в том, что по школьному биологическому циклу дисциплин задач разработано все еще мало. В качестве причин редкого использования задач в обучении биологии называют недостаток учебного времени. С указанной причиной трудно согласиться, так как решение задач методически можно использовать вместо устного изложения темы преподавателем.

В качестве одного из возможных способов формирования творческого мышления в нашей работе используются различные варианты решения творческих экспериментальных задач [Лиджиева, Джалсанова 2008]. В них основополагающим элементом выступает опыт творческой деятельности учащихся как непосредственно в учебном процессе (практические занятия), так и вне его (кружки, олимпиады и т. д.).

Важную роль в формировании и развитии творческого мышления может иметь система учебно-творческих задач. Решение таких задач связано с интеллектуально-личностными особенностями учащихся.

Исходя из опыта работы и теоретического обобщения, учебно-творческую задачу следует рассматривать как такую форму организации содержания учебного материала, при помощи которой педагогу удастся создать для учащихся творческую (проблемную) ситуацию, прямо или косвенно определить цель, условия и требования учебно-творческой деятельности, в процессе которой учащиеся активно овладевают знаниями, умениями, навыками, развивают свои творческие способности. Нами предпринята попытка классификации учебно-творческих задач с учетом творческих способностей учащихся и их нравственных качеств. При этом учебно-творческие задачи могут быть использованы для развития творческих способностей учащихся, диагностики, контроля и учета знаний учащихся. В основе рассматриваемой нами системы решения учебно-творческих задач лежит идея Д. Толлингеровой о проектировании умственного развития детей [Толлингерова, Голоушова, Канторкова 1994].

Приведем пример задачи по практическому приложению: «Птицевод подозревает, что некоторые из его виандоттов, имею-

щие розовидный гребень, гетерозиготны по гену, определяющему розовидную или простую форму гребня. Каким образом можно определить, которые из них действительно являются гетерозиготными?».

Задачи на решение проблемных задач и ситуаций требуют проявления таких характеристик творческого мышления, как гибкость и оригинальность. Приведем пример задачи подобного типа: «Так называемый бомбейский феномен состоит в том, что в семье, где отец имел I группу крови, а мать — III, родилась девочка с I группой. Она вышла замуж за мужчину со II группой крови, и у них родились две девочки: первая с IV группой, вторая — с I группой. Появление в третьем поколении девочки с IV группой крови от матери с I группой крови вызвало недоумение. Однако в литературе было описано несколько подобных случаев. Некоторые генетики склонны объяснить это явление редким эпистатическим геном, способным подавлять действие гена, определяющего группы крови по системе АВО. Принимая эту гипотезу: а) установите вероятные генотипы всех трех поколений, описанных в бомбейском феномене; б) определите вероятные группы крови у детей в семье второй дочери второго поколения, если она выйдет замуж за мужчину с IV группой крови, но гетерозиготного по редкому эпистатическому гену».

Мы рассматриваем ученика как субъекта познавательной деятельности, главного участника процесса решения задач. Нашей целью было построение такой системы функций задач, которая бы обеспечивала реализацию творческой деятельности субъекта в процессе решения задачи, направленной на развитие творческого мышления. В контексте исследования было определено многообразие функций задач, из которых уместно выделить следующие.

Мотивационная функция реализуется через занимательность задачной проблемной ситуации, которая мотивирует ученика для познавательной деятельности.

Реализация информационной функции обеспечивает расширение информационного поля ученика через новую информацию, которая содержится в условии задачи или которую ученик получает в процессе решения задачи с помощью различных источников информации. Данной функцией также обеспечивается систематизация, структурирование информации, выстраивание связей.

Исследовательская функция реализуется через формирование навыков, необходимых для поиска новых путей решения проблем, приобретение новых способностей к рефлексии.

Аналитико-синтетическая функция обеспечивает достраивание целостности или вычленение сути биологического объекта или явления, о котором идет речь в задаче, способствует формированию конструктивных умений.

Диагностическая функция обеспечивает выявление уровня способности решать задачи определенного класса.

Реализация мировоззренческой функции способствует формированию естествонаучной картины мира и мировоззрения ученика, обеспечивает систематизацию знаний, полученных на уроках по другим предметам. Эта функция предполагает включение полученного при решении задачи опыта и знаний в систему представлений о мире и путях его познания. «Мировоззрение — это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [Михайловский, Светов 1993].

В мировоззрении человека научная картина мира преобразуется под влиянием самостоятельной познавательной деятельности в систему выстраданных знаний, преломленных сквозь призму жизненного смысла, прошлого опыта человека, прошедших сквозь фильтр чувств, идеалов и ценностей, интегрированных и сформировавших установку — обусловленную прошлым опытом готовность действовать тем или иным образом.

По нашему мнению, реализация всех рассмотренных функций может быть осуществлена через задачи по генетике, решение которых предполагает целостную творческую деятельность. В нашей работе педагогическая система формирования творческого мышления школьников при решении задач по генетике включает мотивационно-ценностный, теоретико-аналитический и рефлексивно-проектный этапы.

Принято считать, что решение задачи по генетике обусловлено активной познавательной деятельностью учащихся.

Решение любой задачи по генетике должно строиться следующим образом. Сначала следует выяснить характер «общих соображений», которые должны основываться на методологических принципах генетики. Далее необходимо выяснить, какие фундаментальные биологические процессы и законы регламентируют рассматриваемые явления, и попытаться применить их не только для качественного, но и для количественного описания происходящих процессов.

По нашему мнению, кроме перечисленных этапов — поиска и выбора метода решения, анализа результатов процесса решения задачи и коррекцию этих результатов, — решение задач по генетике предполагает также мотивацию и рефлексии на каждом этапе. Это обусловлено представлением о решении задачи по данной дисциплине как целостной деятельности в «свернутом» виде. Задача учителя — обучить учащихся алгоритму действий в рамках этой деятельности.

Рассмотрим следующую задачу: «Мистер Смит приобрел у мистера Брауна быка для своего стада черно-пестрых голштин-фризов и получил среди 26 телят 6 красно-пестрых. До этого красно-пестрых животных в его стаде не было. Когда он потребовал возвращения денег, уплаченных за быка, мистер Браун признал частично свою ответственность, но заявил, что виновником является не один лишь бык. Как вы объясните появление красно-пестрых телят в этом случае? Не можете ли посоветовать, как использовать в стаде полученных красных телят, половина которых женского пола?».

Решение задачи начинается с процесса ее восприятия. При этом предмет деятельности, отраженный в ее содержании, превращается в явление психическое — образ задачи, отображение содержания в сознании, ее своеобразное «сканирование» ситуации: субъект деятельности осмысливает ситуацию, представленную в задаче. Можно рассматривать процесс восприятия задачи в качестве первого действия в работе модели восприятия, что соответствует мотивационно-ценностному этапу деятельности решения генетической задачи, определяющему дальнейшие действия учащихся. В зависимости от содержания задачи и ее структуры восприятие биологической проблемы в задаче каждым учеником

различно и зависит от его интересов и способностей. На этом этапе включаются ценностные мотивационные механизмы деятельности, устанавливаются связи между структурными элементами задачи, выясняется смысл непонятных терминов и понятий (информационная функция задачи). Происходит практическое «проживание» ситуаций, что также является формой развития творческого мышления. На этом этапе учитель, управляя процессом решения задачи, должен обратить внимание учащихся на ситуацию, представленную в задаче, на то новое, что они открыли для себя при знакомстве с содержанием задачи, на личностную значимость представленных в тексте задачи фактов и событий. Учащийся должен заинтересоваться и осознать значимость решения поставленной в задаче биологической проблемы. Так осуществляется мотивационная функция задачи.

Следующим шагом должен стать выбор биологической модели процесса или явления на том или ином методическом уровне, формулировка гипотезы решения задачи и осуществление решения (проверка гипотезы). Наиболее выражено здесь сказываются мировоззренческая и аналитико-синтетическая функции генетической задачи. На этом этапе дальнейшие действия ученика могли быть различными: 1) ученик формулирует для себя сразу все возможные гипотезы и осуществляет их проверку, стараясь на каждом этапе исключить максимальное число неверных шагов; 2) ученик формулирует для себя лишь одну гипотезу. Если при проверке она оказалась неверной, то он формулирует следующую гипотезу и тщательно ее проверяет.

На теоретико-аналитическом этапе выбора учеником способа решения происходит слияние внешней информации и внутренних представлений. Задача учителя — указать учащимся на многообразие способов мыслительной деятельности и на то, что каждый из них личностно значим и индивидуально своеобразен, поэтому каждый ученик может выбрать свой вариант пути решения. Так осуществляется исследовательская функция задачи по генетике. Деятельность учащегося по решению подобного типа задач состоит из действий, подчиненных сознательным целям, которые в свою очередь соотносены и управляются единой целью, направленной на решение проблемной ситуации, отраженной в задаче. Каждое действие реализуется

совокупностью определенных мыслительных операций.

Важным этапом учебной деятельности, при котором активизируются мыслительные действия, является рефлексия — процесс осознания субъектом своей деятельности (рефлексивно-проектный этап). Если при решении редуцированных задач роль рефлексии как осознания субъектом средств, оснований, существенных результатов своей деятельности сводится к соотносению этапов решения с существующими алгоритмами, и при этом уровень умственной самостоятельности близок к репродуктивному, то решение задач по генетике предполагает включение механизмов рефлексии на каждом этапе решения.

Процесс решения задачи по генетике предполагает осознание учащимся того, что он делает на каждом этапе решения, аргументацию и обоснование способа решения задачи.

Без понимания разных подходов в процессе своего обучения, механизмов познания и мыслительной деятельности учащиеся не смогут усвоить те знания, которые они добыли в процессе решения задачи по генетике. Рефлексия помогает ученикам формулировать полученные результаты, определять или переопределять цели дальнейшей работы, корректировать дальнейшие действия на основе рефлексивного осмысления индивидуальной деятельности. При этом происходит оценивание полноты решения задачи, качества и уровня методологии решения, делаются выводы и заключения. В личностном плане рефлексивная деятельность помогает ученику осознать свою индивидуальность, уникальность и возможности последующей профессиональной ориентации.

Деятельность по решению задач предполагает преобразование объекта (задач), но при этом происходит преобразование и субъекта. Рефлексия способствует развитию субъекта. Решение задач по генетике способствует развитию творческих способностей учащихся в большей степени, чем решение других учебных задач, еще и потому, что содержание задачи и процесс ее решения, основанный на реализации индивидуальных особенностей и интересов учащихся, способствуют активной рефлексии. Деятельность при решении задач по генетике нельзя было бы назвать продуктивной, если бы ученик не рефлексировал на каж-

дом этапе решения названных задач. Поэтому при решении задачи необходимо приучить ученика обосновывать каждое свое действие (в чем и состоит рефлексивная деятельность ученика), не упуская из виду биологического смысла выполняемых действий, не забывая о явлении, о котором идет речь.

Учителю необходимо владеть методом и рефлексивного управления учебной деятельностью, поскольку при решении задач по генетике требуется замена прямого управляющего воздействия на ученика

помощью в осмыслении тех оснований, из которых ученик сам может вывести свои решения.

Предложенная нами система развития творческого мышления посредством решения познавательных биологических задач способствует систематизации и обобщению знаний, формированию у учащихся нестандартного мышления, активизации мыслительной деятельности, развитию личности учащихся, их нравственному воспитанию, формированию исследовательских навыков.

Литература

- Всесвятский Б. В.* Системный подход к биологическому образованию в средней школе. М.: Просвещение, 1985. 144 с.
- Комиссаров Б. Д.* Методологические проблемы школьного биологического образования. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
- Лиджиева Н. Ц., Джалсанова С. С.* Основы генетики с использованием биологического эксперимента. Учебно-методические указания для студентов специальности 020201 «Биология». Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. 36 с.
- Муртазин Г. М.* Активные формы и методы обу-

- чения биологии. М.: Просвещение, 1989. 192 с.
- Мягкова А. Н., Бровкина Е. Т. и др.* Организация учебной деятельности школьников на уроках биологии. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Мягкова А. Н., Сивоглазов В. И.* Планирование учебного процесса по общей биологии: Учебно-методическое пособие для преподавателей сред. спец. учеб. заведений. М.: Высш. шк., 1990. 208 с.
- Толлингерова Д., Голоушова Д., Канторкова Г.* Психология проектирования умственного развития детей. Москва; Прага: Роспедгентство, 1994. 48 с.

References

- Komissarov B. D. [Methodological Problems of School Biological Education]. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 160 p. (In Russ.)
- Lidzhieva N. Ts., Dzhalsanova S. S. [Fundamentals of Genetics Through a Biological Experiment]. Elista: Kalmyk State University, 2008. 36 p. (In Russ.)
- Murtazin G. M. [Active Forms and Methods of Biology Teaching]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 192 p. (In Russ.)
- Myagkova A. N., Brovkina E. T. et al. [Organization of Educational Activity of Schoolchildren at

- Biology Lessons]. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p. (In Russ.)
- Myagkova A. N., Sivoglazov V. I. [Planning of the Educational Process in General Biology]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 208 p. (In Russ.)
- Tollingerova D., Goloushova D., Kantorkova G. [Psychology of Designing Intellectual Development of Children]. Moscow; Prague: Rospedagentstvo, 1994. 48 p. (In Russ.)
- Vsesvyatsky B. V. [Systemic Approach to Biological Education in the Secondary School]. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 144 p. (In Russ.)

УДК 371.381.2

ББК 77.04

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА УЧАЩИХСЯ В ХОДЕ ЗАНЯТИЙ КОВРОТКАЧЕСТВОМ

М. З. Эльдерова

Сегодня успешная деятельность любого человека во многом зависит от его готовности к преодолению различных жизненных ситуаций. Одним из эффективных средств развития личности, способной успешно справляться с таковыми ситуациями, является развитие творческих способностей детей как условие их самостоятельной осознанной деятельности, что может быть сформировано средствами декоративно-прикладного творчества в системе дополнительного образования. Занимаясь в объединениях дополнительного образования, дети учатся решать различные возникающие в процессе труда проблемы, творчески подходить к своему делу.

Задача педагога заключается не только в выявлении творческих способностей, эстетического вкуса и их развития у детей, но и в формировании целостного восприятия народного искусства как части культуры народа.

Для решения поставленной задачи педагоги дополнительного образования используют различные подходы: личностно-ориентированный, комплексный, ценностный и многие другие. На наш взгляд, большой потенциал в решении обозначенной проблемы заложен в системно-деятельностном подходе, который позволяет педагогу привлекать разнообразные приемы педагогического воздействия.

Следует отметить, что идеи педагогической поддержки детей в образовании содержатся в работах Я. А. Коменского, И. Г. Песталоцци, Э. Кей, К. Н. Вентцеля и многих других [см. Константинов, Медынский, Шабаетова 2001]. Однако базовые идеи современной педагогики поддержки были первоначально разработаны О. С. Газманом и получили развитие в рамках общего

и дополнительного образования в трудах Т. В. Анохиной, Н. Б. Крыловой и др. [Анохина, Крылова 1997: 108–113].

Системно-деятельностный подход предполагает модульную технологию обучения, которая требует от учащихся умения самостоятельно работать с предложенной информацией по индивидуальной учебной программе. Целью такого обучения является обучение самостоятельному включению в поиск, обеспечение гибкими, приспособленными к индивидуальным потребностям личности и уровню базовой подготовки технологическими подходами, в числе которых педагогическая поддержка. Технология поддержки должна войти в практику дополнительного образования как неотъемлемая часть открытого образовательного пространства на разных этапах обучения, как живое нравственное общение.

Исследователь О. С. Газман считает, что «технология педагогической поддержки — это совместное с ребенком определение его интересов, целей и возможностей и путей преодоления препятствий, мешающих ему сохранять человеческое достоинство и достигать позитивных результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни. Она должна включать несколько этапов: диагностический, поисковый, договорный, деятельностный, рефлексивный» [Газман 1995: 6–9].

С опорой на исследования О. С. Газмана нами разработана система педагогической поддержки развития художественно-творческих способностей школьников в студиях художественного ковроткачества в системе дополнительного образования Республики Калмыкия (табл. 1).

Таблица 1. Система педагогической поддержки развития художественно-творческих способностей школьника в процессе обучения ковроткачеству

Этап развития субъектной позиции	Этап педагогической поддержки	Содержание деятельности	Предполагаемый результат
1	2	3	4
I этап: первичное получение учебной информации, практического опыта, приобретаемых в процессе освоения художественного ковроткачества.	Диагностический	Экскурсии по детским объединениям декоративно-прикладного творчества; входные тесты, тренинги и упражнения на определение степени креативности, наличия художественно-творческих способностей; беседы с детьми о художественном ковроткачестве.	Формирование желания заниматься художественным ковроткачеством; вхождение в мир национального и общероссийского декоративно-прикладного искусства.
II этап: усвоение и обобщение полученных впечатлений, сведений, знаний; выбор значимых понятий, определений.	Поисковый	Знакомство с творчеством выпускников, педагога; экскурс в историю объединения; первые творческие пробы.	Выстраивание перспективы деятельности воспитанника в объединении; создание каждому ребенку ситуации успеха.
III этап: активная учебно-познавательная и творческая деятельность, появление устойчивого интереса к художественному ковроткачеству.	Договорной	Педагогическая инструментализация деятельности (авансирование, поощрение); выбор форм и способов представления результатов творческой деятельности; скрытая помощь ребенку (одобрение, доверие).	Самоопределение воспитанника в творческой деятельности; определение перспективы самореализации в индивидуальной и совместной деятельности; укрепление уверенности ребенка в себе, в своих силах и возможностях.
IV этап: проявление индивидуальных предпочтений, приоритетов, художественных взглядов и суждений, поиск способов самовыражения и самоопределения в творчестве.	Деятельностный	Открытые занятия, тематические дни и программы, участие в творческих конкурсах.	Самоопределение ребенка в собственной творческой деятельности с целью наивысшей самореализации и повышение своего творческого потенциала.
V этап: выделение ведущих видов художественно-творческой деятельности, рефлексия собственного творческого потенциала, самооценка, потребность в самообразовании и самосовершенствовании.	Рефлексивный	Подведение итогов учебного года; творческие отчеты воспитанников; планы на новый учебный год.	Творческий рост воспитанника, мотивация его к самообразованию и самосовершенствованию.

Школьники с большим увлечением занимаются практической работой, но утомляются при выполнении однообразной работы, поэтому каждое занятие состоит из организации разнообразных форм работы (графические зарисовки на бумаге, заготовка пряжи, оформление коврика, работа на компьютере для создания эскиза будущего ковра и т. п.). Большое значение в развитии творческого потенциала детей, расширении кругозора имеют экскурсии в музеи и посещение выставок декоративно-прикладного искусства, выезды на природу. Важное место отводится индивидуальной работе с детьми, хотя в некоторых случаях необходимо использовать формы коллективной работы, организуя соревнования между группами, что позволяет ускорить работу и улучшить ее качество.

Огромное значение в раскрытии способностей детей имеют самостоятельно выполненные работы, презентации — выставки и оценка их творчества, что, естественно, является стимулом к дальнейшим действиям.

Поощряя детей в поисках новых форм и средств выражения, художественного образа, проявления детской фантазии, изобре-

тательности, педагог должен предоставлять им больше самостоятельности. Вызванный у ребенка интерес к работе пробуждает в нем желание искать лучшие варианты. Он «погружается» в творческий материал. Создается художественно-проблемная ситуация, разрешая которую, ребенок закрепляет необходимые знания.

В современной педагогике трудовое и эстетическое воспитание должно рассматриваться как система педагогических воздействий, направленных на формирование у школьников положительного отношения к труду, вне которого невозможны формирование и становление личности, развитие всех ее способностей и задатков. Всякое успешное проявление сил и навыков сопровождается радостью, а радость успеха порождает интерес к делу.

Ковроткачество, в основе которого лежит девиз «Научись видеть прекрасное во всем, что тебя окружает», знакомит воспитанников с традиционной культурой народов России через развитие элементов творческого воображения на основе соотношения индивидуального и коллективного как созидательных начал, связанных с передачей культурных традиций народа.

Литература

- Анохина Т. В., Крылова Н. Б. Педагогическая поддержка, иная культура воспитания: три случая из опыта педагогической поддержки // Народное образование, 1997. № 3, С. 108–113.
Газман О. С. Педагогическая поддержка

детей в образовании как инновационная неувязка // Новейшие ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Инноватор, 1995. 58 с.

- Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаяева М. Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. 447 с.

References

- Anokhina T. V., Krylova N. B. [Pedagogical Support, Different Culture of Upbringing: Three Cases from the Experience of Pedagogical Support]. *Public Education*. 1997. No. 3. Pp. 108–113. (In Russ.)
Gazman O. S. [Pedagogical Support of Children

in Education as an Innovative Discrepancy]. In: [The Newest Values of Education: Ten Concepts and Essays]. Moscow: Innovator, 1995. 58 p. (In Russ.)

- Konstantinov N. A., Medynsky E. N., Shabayeva M. F. [History of Pedagogy]. Moscow: Prosveshchenie, 1982. 447 p. (In Russ.)

УДК 34
ББК 67.404.3

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К. В. Лиджеева

В настоящее время использование такого объекта интеллектуальных прав как географическое указание получило широкое применение, что зачастую вводит потребителей в заблуждение при приобретении тех или иных товаров и услуг. Сам термин «географическое указание» появился относительно недавно и стал применяться Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) впервые в качестве названия предмета нового договора, работа над которым велась в ВОИС в 70-х годах XX века. Первоначально ВОИС планировала что термин «географическое указание» будет использоваться в самом широком смысле и сможет охватить все названия и обозначения, которые указывали бы на место географического происхождения товара, вне зависимости от того, связаны ли особые качества товара с природными или человеческими факторами конкретного места его происхождения или же данное географическое название всего лишь указывает на место, где конкретный товар был произведен. Однако такой широкий охват одним и тем же термином «географическое указание» принципиально разных ситуаций не удалось реализовать в конкретном правовом определении, принятом в каком-либо международном соглашении [Нгуен Ван Чанг 2003: 6].

В этой связи можно констатировать, что хотя в рамках соглашений предоставлена охрана географическим указаниям на международном уровне, однако на национальном уровне данный вопрос не регламентируется, что представляется существенным пробелом в действующем законодательстве.

В статье 22 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — ТРИПС), принятого Всемирной торговой организацией (далее — ВТО) в ходе Уругвайского раунда много-

сторонних торговых переговоров 15 апреля 1994 г. в г. Марракеша содержится следующее определение: «географические указания представляют собой обозначения, которые определяют товар как происходящий с территории данной страны или региона, или местности на этой территории, при этом особое качество, репутация или другие характеристики товара главным образом определяются его географическим происхождением» [Соглашение по торговым аспектам 1994].

Систем охраны географических указаний несколько. Прежде всего, защита географических указаний осуществляется на основании Соглашения ТРИПС. В этом документе подчеркивается, что «охрана географических указаний очень важна, так как они идентифицируют товар как происходящий с территории государства или региона или местности на этой территории, определяют качество, репутацию или другие характеристики товара» [Соглашение по торговым аспектам 1994].

В отношении географических указаний «государства должны предусмотреть правовые меры для заинтересованных сторон для предотвращения использования любых средств при обозначении или презентации товара, которые указывают или вызывают ассоциацию, что этот товар происходит из географического района, отличного от настоящего места происхождения, таким образом, что вводят публику в заблуждение в отношении географического происхождения этого товара» [Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994], а также любого использования, что может быть расценено как недобросовестная конкуренция в пределах содержания ст. 10-бис Парижской конвенции [Парижская конвенция 1883].

В настоящее время член *ex officio*, если это допускается законодательством или в случае обращения заинтересованной стороны может правомерно отказать в регистрации товарного знака или признать таковую недействительной по той причине, что они не происходят с указанной территории, если использование географического указания в товарном знаке для таких товаров в этой стране вводит в заблуждение потребителей в отношении истинного места происхождения. Необходимо отметить, что дополнительная охрана предоставляется для географических указаний вин и других крепких спиртных напитков.

Если учесть, что наименование мест происхождения является более точным географическим указанием, то в отношении наименований мест происхождения применяются Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Парижская конвенция 1883] и Лиссабонское соглашение о защите указаний места происхождения изделий и их международной регистрации [Лиссабонское Соглашение 1958].

Кроме того, на международном уровне географические указания охраняются посредством взаимных соглашений между странами. Примером такого соглашения может служить Соглашение о мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний подписанное 4 июня 1999 г. в Минске¹. Соглашение принято в целях координации совместных действий по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний, а также фактов применения методов недобросовестной конкуренции.

Интересной представляется также позиция Роспатента, высказанная в Рекомендациях по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений [Приказ Роспатента 2001]. В этом документе предусмотрено, что введение в заблуждение может быть достигнуто путем использования иностранных слов в обозначении, что при некоторых обстоятельствах воспринимается потребителем через ассоциацию как географическое указание. Вероятность возникновения

такой ассоциации тем выше, чем выше репутация географического объекта, язык которого использован, как производителя тех или иных товаров.

К сожалению, некоторые исследователи утверждают, что охрану географическому указанию предоставлять нецелесообразно ввиду схожести данного понятия с наименованием мест происхождения. По мнению А. В. Степановой такая позиция ошибочна, поскольку «географическое указание – это указание на то, что данный продукт происходит из определенного региона. Например, «Сделано в России», а в то время как наименование места происхождения — это более точное географическое указание. Наименование страны, населенного пункта, местности или другого географического объекта, используется для обозначения товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями или людскими факторами либо природными условиями и людскими факторами» [Степанова, Котельников, Лиджеева 2007].

Наименование места происхождения товара может быть зарегистрировано только в отношении товара с особыми свойствами, которые отличают этот товар от аналогичных товаров местом производства, что должно быть обусловлено характерными для данного объекта климатическими, геологическими или иными природными условиями, наличием в географическом объекте исходного сырья и т.д. Например, в отношении минеральных вод «Нарзан», «Сарова». Особые свойства могут быть обусловлены и наличием в данном месте конкретных людей, обладающих определенными знаниями, которые передаются из поколения в поколение, к примеру «Вологодское кружево». В то же время особые свойства могут быть обусловлены и природными условиями и людскими факторами одновременно. Например, «Абрау-Дюрсо» (вино), «Будеевски Будвар» (пиво), что не является определяющим у географического указания [Степанова Лиджеева 2007].

Полагаем, что географические указания представляют собой самостоятельное средство индивидуализации, которое идентифицирует товар или услугу как происходящую из определенной страны, региона или места.

Правовое признание и охрана географических указаний в рамках национально-

¹ Соглашение подписали Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Грузия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Украина.

го законодательства должны представлять всеобщий интерес, так как они передают потребителям важную информацию о географическом указании товаров и услуг. Надлежащее использование географических указаний позволяет принять решение о покупке и часто является основным при принятии данного решения. Неправильное или неправомерное использование географических указаний может ввести потребителя в

заблуждение относительно географического места происхождения товара или услуги, что может повлечь убытки.

Кроме того, неправомерное использование географического указания может привести к приобретению неправомерных преимуществ над конкурентами, включая тех, кто работает в данном географическом районе, которые потеряют своих покупателей, а также свое доброе имя, связанное с таким указанием.

Источники и литература

- Лиссабонское соглашение* о защите указаний места происхождения изделий и их международной регистрации от 31 октября 1958 г. // Информационно-правовой портал «Гарант», 2013.
- Нгуен Ван Чанг. Географические указания как объекты правовой охраны во Вьетнаме и в России: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2003. 34 с.
- Парижская конвенция* по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. // Информационно-правовой портал «Гарант», 2013.
- Приказ Роспатента* от 23 марта 2001 г. № 39 «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» // Информационно-правовой портал «Гарант», 2013.

References

- [Agreement on Measures to Prevent and Suppress the Use of False Trademarks and Geographical Indications on June 4, 1999. (Minsk)]. In: [Legal Information Portal "Garant"], 2013. (In Russ.)
- [Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, WTO, Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations of April 15, 1994. (Marrakech)]. In: [Legal Information Portal "Garant"], 2013. (In Russ.)
- [Lisbon Agreement for the Protection of Indications of Origin of Products and their International Registration dated October 31, 1958]. In: [Legal Information Portal "Garant"], 2013. (In Russ.)
- Nguyen Van Chang. [Geographical Indications as Objects of Legal Protection in Vietnam

Соглашение о мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний от 4 июня 1999 г. (г. Минск). // Информационно-правовой портал «Гарант», 2013.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров от 15 апреля 1994 г. (г. Марракеш) // Информационно-правовой портал «Гарант», 2013.

Степанова А. В., Котельников Н.В., Лиджеева К.В. Интеллектуальные права: вопросы правоприменения. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 152 с.

Степанова А. В., Лиджеева К.В. О классификации объектов интеллектуальных прав // Вестник Калмыцкого университета. 2007. № 4. С. 45–50.

and Russia]. Cand.Sc.thesis (law) abstract. Moscow, 2003. 34 p. (In Russ.)

[Order of Rospatent dated March 23, 2001 No. 39 "On Approval of Recommendations on Certain Issues of Examination of Declared Designations"]. In: [Legal Information Portal "Garant"], 2013. (In Russ.)

[Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883]. In: [Legal Information Portal "Garant"], 2013. (In Russ.)

Stepanova A. V., Kotelnikov N. V., Lidzheeva K. V. [Intellectual Rights: Issues of Law Enforcement]. Elista: Dzhangar, 2007. 152 p. (In Russ.)

Stepanova A. V., Lidzheeva K. V. [Concerning Classification of the Objects of the Intellectual Rights]. *Bulletin of Kalmyk University*. 2007. No. 4. Pp. 45–50. (In Russ.)

УДК 347.08

ББК 67.404

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

Г. Л. Рубеко

В настоящее время Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) предусматривает три организационно-правовые формы хозяйственных обществ — общество с ограниченной ответственностью (ООО), общество с дополнительной ответственностью и акционерное общество (АО). Система хозяйственных обществ неизменна с момента принятия и вступления в силу ГК РФ. Степень распространения хозяйственных обществ заметно отличается в зависимости от формы ответственности. Наиболее распространенной формой является общество с ограниченной ответственностью (около 3,5 миллионов). Далее следует акционерное общество (около 170 тыс.) [www.nalog.ru]. При этом, как правило, акционерные общества характеризуются более высоким размером уставного капитала. Наименее используемой формой является общество с дополнительной ответственностью. Распространение ООО и АО объяснимо ограниченной имущественной ответственностью их участников, относительно небольшим размером уставного капитала. Для ООО характерно также отсутствие обязанности раскрывать информацию о его деятельности. Кроме того, в связи с тем, что доля ООО не является ценной бумагой, отсутствует формализация при ее размещении. «Непопулярность» обществ с дополнительной ответственностью связана с отсутствием детального правового регулирования, возможностью привлечения дополнительной ответственности его участников. По нашему мнению, здесь сказывается и отсутствие традиций существования подобных обществ в России.

Рассмотрим основные признаки хозяйственных обществ по ныне действующему законодательству.

Обществом с ограниченной ответственностью признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное обще-

ство, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества (ст. 2 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Акционерным обществом признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу (часть 1 статьи 2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО).

Обществом с дополнительной ответственностью признается общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники такого общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам своим имуществом в одинаковом для всех кратном размере к стоимости их долей, определенном уставом общества (п.1 ст. 95 ГК РФ).

Хозяйственные общества относятся к коммерческим организациям. Обозначим их отличия от других коммерческих организаций.

Хозяйственные общества отграничиваются от унитарных предприятий по тем основаниям, что они являются собственниками своего имущества, а имущество государственных и муниципальных унитарных предприятий принадлежит им на праве хозяйственного ведения и оперативного управления, собственниками их имущества выступают государственные или муниципальные образования.

От хозяйственных товариществ хозяйственные общества отличаются тем, что в товариществах их участники — товарищи

несут солидарно субсидиарную ответственность по обязательствам товарищества, чего нет в хозяйственных обществах. Кроме того, в товариществах весьма важен личный момент, что не характерно для обществ. Последние характеризуются как объединения капиталов, где участие носит в основном имущественный характер.

Отличия хозяйственных обществ от производственных кооперативов заключаются в следующем.

- 1) Хозяйственные общества, как уже указывалось, представляют объединения капиталов, где не требуется обязательного личного участия участников, тогда как в производственном кооперативе его члены обязаны лично участвовать в трудовой деятельности;
- 2) члены производственного кооператива обязаны нести субсидиарную ответственность по его обязательствам в размере, предусмотренном законодательством и уставом производственного кооператива.

Различия между акционерным обществом и обществом с ограниченной ответственностью сводятся к следующему.

- 1) Уставный капитал акционерных обществ делится на акции, а обществ с ограниченной ответственностью — на вклады их участников, — что является важнейшим критерием различия между этими видами коммерческих организаций;
- 2) в акционерных обществах более сложной является структура управления;
- 3) в акционерных обществах права акционеров, владеющих акциями одного и того же вида, одинаковы. Иначе обстоит дело в обществе с ограниченной ответственностью, где, по решению его участников, могут устанавливаться дополнительные права и обязанности как для всех, так и для отдельных участников.

Особенностью акционерных обществ является и их деление на типы. Согласно ст. 7 Закона об АО акционерные общества подразделяются на закрытые и открытые.

Отличия между этими типами могут быть распределены на две группы. К первой могут быть отнесены те отличия, которые характеризуют сущностную специфику каждого из типов. Условно их можно обозначить как «природные» отличия. Без них выделение типов АО утратило бы всякий смысл.

К таковым относят следующие:

- 1) По способу размещения акций. Акции открытого общества могут размещаться путем открытой подписки среди заранее не определенного круга лиц. Акции же закрытого общества могут распространяться лишь среди учредителей или иного заранее определенного круга лиц;
- 1) акционеры открытого общества могут по своему усмотрению свободно распоряжаться принадлежащими им акциями. В законе об АО подчеркивается, что в открытом обществе не допускается установления преимущественного права акционеров и общества на приобретение акций, отчуждаемых акционерами этих обществ. Напротив, в закрытых обществах другие акционеры, а в случаях, предусмотренных в уставе, и само общество, имеют преимущественное право на приобретение продаваемых акций. Необходимо учитывать, что это право распространяется только на случаи возмездного отчуждения акций.

Другая группа отличий устанавливается во многом по усмотрению законодателя. При этом нормы, устанавливающие эти отличия, могут им изменяться в зависимости от существующих социально-экономических условий.

Сюда можно отнести следующие отличия:

- 1) по минимальному размеру уставного капитала. В закрытом обществе он составляет 100 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ). В открытом обществе — 1000 МРОТ;
- 1) по количеству акционеров. В закрытом обществе число акционеров не может превышать 50. Необходимо отметить, что некоторые общества могут создаваться только как открытые. Это, в частности, общества, учредителями которых выступают государство или муниципальные образования;
- 1) в зависимости от обязательности раскрытия информации о деятельности общества. Так, открытое общество обязано раскрывать информацию, предусмотренную п.1 ст. 92 Закона об АО. В частности, необходимо публиковать:
 - годовой отчет общества, годовую бухгалтерскую отчетность;
 - проспект эмиссии акций общества в случаях, предусмотренных правовыми актами РФ;

- сообщение о проведении общего собрания акционеров в порядке, предусмотренном Законом об АО;
- иные сведения, определенные федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг.

Для закрытых обществ подобной обязанности не установлено, за исключением случаев публичного размещения им облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг.

Помимо этих юридически обязательных отличий между типами обществ, есть отличия, хотя и имеющие юридическую природу, но обусловленные больше экономическими мотивами. В частности, это касается использования в конкретных обществах той или иной модели управления [Могилевский 2001: 172–180; Рубеко 2006, 2007: 28–30].

Хотелось бы отметить, что выделение в российском законодательстве двух типов обществ вызывает серьезные сомнения. Так, закрытое общество, особенно после внесения в 2009 г. изменений в Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью», имеет очень много сходств с обществом с ограниченной ответственностью. Имеющееся же отличие (закрытое акционерное общество выпускает акции), скорее, снижает привлекательность закрытых обществ.

Еще больше вопросов вызывает выделение в качестве вида закрытых акционерных обществ так называемых «народных предприятий» (акционерных обществ работников).

Правовое регулирование деятельности народных предприятий осуществляется Федеральным законом от 19 июля 1998 г. «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)».

Следует подчеркнуть, что данный закон представляет попытку перенести на российскую почву существующую в ряде стран практику привлечения работников акционерных обществ к их управлению. Например, в США действует ряд программ по привлечению работников к управлению корпорациями (в частности, можно назвать программу ESOP). В Федеративной Республике Германии существует целый блок законов, регламентирующих привлечение работников к управлению предприятием. В отечественной же доктрине неоднозначно относятся к данному виду акционерных

обществ. Ряд ученых негативно высказываются о существовании данного вида акционерных обществ. В частности, они указывают на неудачность наименования данной формы (народное предприятие). Указывается на смешение в рамках народных предприятий элементов хозяйственных обществ и товариществ и производственных кооперативов. Кроме того, отмечается, что народные предприятия являются дополнительной формой юридического лица, не предусмотренной Гражданским кодексом Российской Федерации, что недопустимо [Гражданское право 2005: 301–303; Ломакин 2005: 52–59; Поваров 2009: 89]. Другие ученые в целом положительно высказываются о существовании данного вида акционерных обществ [Зинченко, Шапсугов, Корх 1999: 152–154]. Более того, они считают, что народное предприятие можно сделать обобщающей формой, которая может быть дифференцирована на государственные предприятия, акционерные общества работников, производственные кооперативы и т. п. [Зинченко, Шапсугов, Корх 199: 152–154].

На наш взгляд, в целом расценивая как положительную попытку привлечения работников к управлению акционерными обществами, можно отметить, что закон о народных предприятиях с этой задачей не справился.

В частности, можно согласиться с учеными, которые выделяют недостатки вышеуказанного закона. От себя добавим, что нормы об управлении народными предприятиями сформулированы крайне неудачно [Рубеко 2007: 33, 105, 106]. Указанные недостатки обусловили редкое использование этого вида обществ в Российской Федерации.

Поэтому полагаем, что данный закон должен быть отменен, а законодателю стоит подумать над иными механизмами наделения работников акциями и привлечением их к управлению обществом. Так, это может быть установление квот для работников в органах акционерных обществ (совет директоров, правление), более широкое создание в обществах фондов акционирования работников общества, предоставление налоговых льгот акционерным обществам, в которых определенная часть акций принадлежит работникам и др.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости реформирования законодательства, регулирующего деятельность хо-

зяйственных обществ. В связи с этим есть смысл отойти в будущем от деления обществ на типы. Особенности же правового режима следует, на наш взгляд, установить в зависимости от того, размещает ли общество свои акции по открытой подписке или нет. Это могут быть, в частности, отличия по размеру уставного капитала, по системе органов и т. п.

В проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах, утвержденном решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 16 марта 2009 г., так же предлагалось отказаться от искусственного выделения типов акционерных обществ. Это нашло отражение в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью, четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект) [www.consultant plus.ru], где не проводится деление акционерных обществ на типы. Правда, предусматривается выделение так называемых публичных обществ. В Проекте установлены повышенные требования к уставному капиталу таких обществ, предусматривается возможность проведения ими открытой подписки на акции, а также обращения их на фондовой бирже и т. п. Такой подход законодателя позволяет провести параллели с зарубежным законодательством. Аналогичные нормы относительно подобных требований к обществам, обращающимся к публичной подписке, предусмотрены в законодательстве Германии, Франции и других стран. А наименование таких обществ имеет прообраз в английском праве, где существуют публичные компании, которые обладают примерно такими же признаками, которыми предлагается наделить российские публичные акционерные общества. В Проекте более не предусмотрено создание хозяйственных обществ в форме обществ с дополнительной ответственностью. Учитывая нераспространенность данной формы, такой подход следует считать правильным.

В Проекте также установлены новые классификационные критерии деления юридических лиц. Акционерные общества как разновидность хозяйственных обществ предполагается отнести к так называемым корпоративным юридическим лицам. Су-

щественно изменится и законодательство, регулирующее деятельность хозяйственных обществ. Проект предусматривает принятие единого закона, посвященного хозяйственным обществам. При этом данный Закон не будет предусматривать возможности создания акционерных обществ работников (народных предприятий).

Необходимо, однако, отметить, что принятие Проекта ГК задерживается. Первоначально планировалось, что он вступит в силу с 1 января 2012 г. В дальнейшем сроки принятия Проекта неоднократно отодвигались. Это объясняется тем, что некоторые положения Проекта вызвали ожесточенные дискуссии в среде ученых и практиков. Если брать нормы о юридических лицах, то, главным образом, это более касалось размера уставного капитала для хозяйственных обществ и порядка государственной регистрации юридических лиц. В итоге было решено, что изменения и дополнения в Гражданский кодекс будут приниматься по частям. В результате 30 декабря 2012 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Данный закон, кроме прочего, внес изменения и в систему коммерческих организаций. Была введена новая организационно-правовая форма — крестьянское (фермерское) хозяйство. Изменения, касающиеся хозяйственных обществ, содержатся в так называемом «втором пакете» поправок к Гражданскому кодексу.

Указанные обстоятельства отодвинули во времени принятие Федерального закона о хозяйственных обществах. Однако с учетом того, что данный закон со временем будет принят, хотелось бы высказать ряд соображений по его содержанию. Прежде всего, данный закон должен сочетать как общие нормы, относящиеся ко всем хозяйственным обществам, так и нормы, регулирующие деятельность отдельных их видов. Общими нормами могли бы регулироваться корпоративное управление, права участников, вопросы создания и прекращения обществ. Специальные нормы могут касаться, в частности, размера уставного капитала, порядка его оплаты, особенностей совершения отдельных сделок и др.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на детальное регулирование деятельности хозяйственных

обществ, законодательство в этой части нуждается в совершенствовании. И в скором времени следует ожидать изменений в

законодательстве, регулирующем деятельность хозяйственных обществ.

Источники

- Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- Федеральный закон от 26 декабря 1995 года «Об акционерных обществах»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.
- Федеральный закон от 8 февраля 1998 года «Об обществах с ограниченной ответственностью»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
- Федеральный закон от 19 июля 1998 года «Об особенностях правового положения акционерных обществах работников (народных предприятий)»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 30. Ст. 3611.
- Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью, четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant-plus.ru> (дата обращения: 21.04.2011).

Sources

- [The Civil Code of the Russian Federation. Part 1] In: [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1994. No. 32. Art. 3301. (In Russ.)
- [The Federal Law. December 26, 1995 "On Joint Stock Companies"]. In: [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996. No. 1. Art. 1. (In Russ.)
- [The Federal Law. February 8, 1998 "On Limited Liability Companies"]. In: [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1998. No. 7. Art. 785. (In Russ.)
- [The Federal Law. July 19, 1998 "On Peculiarities of Legal Status of Joint-Stock Companies of Employees (People's Enterprises)"]. In: [Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 30. Art. 3611. (In Russ.)
- [Information about Legal Entities Included in the Unified State Register of Legal Entities]. An Internet resource: <http://www.nalog.ru> (accessed: February 12, 2013). (In Russ.)
- [The Project of the Federal Law "On the Introduction of Changes in Parts one, two, three, four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as in Separate Legislative Acts of the Russian Federation". An Internet resource: [ЕГРЮЛ \[Электронный ресурс\] // URL: <http://www.nalog.ru> \(дата обращения: 12.02.2013\).](http://www.</p>
</div>
<div data-bbox=)

Литература

- Гражданское право. Учебник. Том I* / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2005. 720 с.
- Зинченко С. А., Шапсугов Д. Ю., Корх С. Э.* Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. 200 с.
- Ломакин Д. В.* Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. 221 с.
- Могилевский С. Д.* Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект. М.: Дело, 2001. 360 с.
- Поваров Ю. С.* Акционерное право. М.: Юрайт, 2009. 660 с.
- Рубеко Г. Л.* Проблемы ответственности лиц, занимающих должности в органах управления акционерных обществ // Право и государство: Теория и практика. 2006. № 5. С. 86–90.
- Рубеко Г. Л.* Правовой статус органов управления акционерных обществ. М.: Статут, 2007.

consultantplus.ru (accessed: April 21, 2011). (In Russ.)

References

- [Civil Law]. Vol. I. E. A. Sukhanov (ed). Moscow: Statut, 2005. 720 p. (In Russ.)
- Lomakin D. V. [Essays on the Theory of Joint Stock Law and Practice of Applying Joint Stock Law]. Moscow: Statut, 2005. 221 p. (In Russ.)
- Mogilevsky S. D. [Management Bodies of Economic Companies: Legal Aspect. Moscow: Delo, 2001. 360 p. (In Russ.)
- Povarov Yu. S. [Joint-Stock Law]. Moscow: Yurayt, 2009. 660 p. (In Russ.)
- Rubeko G. L. [Problems of Responsibility of Persons Occupying Positions in Bodies of Management of Joint-Stock Companies]. *Law and State: Theory and Practice*. 2006. No. 5. Pp. 86–90. (In Russ.)
- Rubeko G. L. [Legal Status of the Bodies of Management of Joint-Stock Companies]. Moscow: Statut, 2007. 190 p. (In Russ.)
- Zinchenko S. A., Shapsugov D. Yu., Korkh S. E. [Entrepreneurship and Status of its Subjects in Modern Russian Law]. Rostov-on-Don: North Caucasus Acad. of State Service Publ., 1999. 200 p. (In Russ.)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМУ АКТУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Д. А. Ольдеева*

В период 1995–2011 гг. в результате террористических актов в России погибли десятки тысяч человек; причинен огромный материальный и моральный ущерб, постоянно возрастали затраты федеральных органов государственной власти на ликвидацию последствий террористических актов. К сожалению, за последние полтора года ситуация резко ухудшилась из-за насильственные посягательства на представителей власти, особенно на работников правоохранительных органов, которые обрели системный характер [Ольдеева 2011: 128].

В целях противодействия насилию и исключения совершения акций, нарушающих общественное спокойствие и устрашающих население, государством принят ряд мер организационно-практического характера. Так, в ст. 1 Федерального закона «О противодействии терроризму» указано, что «правовую основу противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти» [Федеральный закон 2006]. Среди перечисленных нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с терроризмом, важнейшее место занимает уголовное законодательство.

Российское законодательство впервые установило уголовную ответственность за терроризм Федеральным законом от 1 июля 1994 г. (ст. 213³ УК РСФСР). Данная норма послужила реакцией государства на последствия социально-политического кризиса общественного развития, когда отдельные лица или группы лиц своими противоправными действиями оказывали влияние на

принятие уполномоченными на то лицами организационно-управленческих решений.

Уголовный кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 января 1997 г., в ст. 205 сохранил ответственность за терроризм. Однако впоследствии были внесены изменения, установившие ответственность за террористический акт. На наш взгляд, данная позиция более чем верна, так как конкретизирует указанный состав преступления, устанавливая уголовную ответственность не за опасное социальное явление как таковое, а за отдельно взятое общественно опасное деяние.

В настоящее время Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму» в п. 3 ст. 3 содержит определение террористического акта, которое повторяется в диспозиции ст. 205 УК РФ. Статья 205 УК РФ предусматривает ответственность за совершение террористического акта. Безусловно, диспозиция данной нормы этимологически связана с таким понятием, как терроризм. Энциклопедический словарь следующим образом определяет сущность террора: «Террор (от лат. «*terro*» — страх, ужас) — политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (вплоть до физического уничтожения)» [Ожегов, Шведова 1999: 944].

В словаре-справочнике «Уголовное право» давалось определение терроризма в качестве состава преступления по действующему УК РФ, до вступления в силу изменений данной статьи: «Терроризм — преступление против общественной безопасности, которое выражается в совершении взрыва, поджога или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами

власти, а также в угрозе совершения указанных действий в тех же целях (ч. 1 ст. 205 УК РФ)» [Лесниевски-Костарева 2000: 349].

Основным непосредственным объектом террористического акта являются общественные отношения и интересы по охране и поддержанию безопасного и стабильного существования общества. Вследствие того, что любой террористический акт должен создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также при угрозе совершения указанных действий в тех же целях (ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации), дополнительными непосредственными объектами террористического акта являются жизнь и здоровье людей, а также отношения собственности, поскольку особенность объекта заключается в том, что безопасные условия существования общества слагаются из безопасности и неприкосновенности каждого члена общества, его имущества, нормальной и безопасной деятельности государственных и общественных институтов.

А. И. Чучаев полагает, что выделение дополнительного объекта в данном составе преступления является излишним: «Спорной видится позиция некоторых авторов, выделяющих дополнительный объект у рассматриваемого состава преступления (жизнь, здоровье личности, отношения собственности, нормальная деятельность организаций, предприятий) [Уголовное право 2009: 378]. Состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства (основной непосредственный объект) в первую очередь предполагает обеспечение защиты жизни, здоровья личности, отношений собственности, нормальной деятельности организаций и т.д.» [Чучаев, Грачева, Задоян 2010: 12].

Перечень дополнительных объектов террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 205 УК РФ), а также (ч. 3 ст. 205 УК РФ), умышленное причинение смерти человеку, может дополняться и другими общественными отношениями в зависимости от того, какого рода тяжкие последствия повлекло за собой совершение

террористического акта или угроза его совершения [Ольдеева 2011: 36].

На наш взгляд, террористический акт характеризуется полиобъектностью, в том числе наличием таких дополнительных непосредственных объектов, как жизнь, здоровье личности, имущественные отношения, поскольку потерпевшими при террористическом акте могут быть представители органов власти, международных организаций и другие граждане, не наделенные указанными полномочиями [Дьяков 2009: 101].

Объективная сторона терроризма может выражаться не только в разовых действиях (поджог, взрыв, разрушение здания, заражение местности), но и в продолжаемых деяниях, состоящих из ряда взаимосвязанных посягательств на жизнь, здоровье, имущество, объединенных общим умыслом и целью запугать население. Например, террористы организуют погромы, сопровождаемые убийствами и насилием среди населения, групповые вооруженные нападения и массовые убийства с применением таких орудий, средств и методов, которые явно предназначены для устрашения жителей и возбуждения паники.

В теории уголовного права существует мнение, что взрыв, поджог или иные действия — это способы совершения деяния [Уголовное право 2009: 379]. Такая позиция вряд ли может быть поддержанна, поскольку она, с одной стороны, не основана на законе, а с другой стороны, недостаточно мотивированна, так как подобные действия в качестве способов совершения деяния в законе исчерпывающе не определены.

Опасность как признак объективной стороны террористического акта должна содержать в себе реальные предпосылки тех последствий, которые названы в уголовном законе — реальной возможности гибели людей, значительного материального ущерба и иных равнозначных последствий.

Опасность гибели людей означает, в соответствии со ст. 205 УК РФ, гибель одного человека и реальную возможность гибели других людей. Опасность причинения значительного имущественного ущерба как следствие террористического акта является оценочным понятием. В связи с этим в литературе нередко высказывались критические замечания по поводу применения оценочного термина [Мальцев 1998: 104–105]. Действительно, употребляемый термин никак не способствует стабильности следствен-

ной и судебной практики, а в итоге позволит работникам правоохранительных органов манипулировать показателями, характеризующими рост либо снижение случаев терроризма, следовательно, и его раскрываемости. Диспозиция ст. 205 УК РФ, а также диспозиции статей о преступлениях террористической направленности содержание значительного ущерба не раскрывают. В связи с этим следует обратиться к примечанию к ст. 158 УК РФ, в соответствии с п. 2 которой значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения гражданина, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей. На наш взгляд, вряд ли следует ставить знак равенства между причиненным значительным ущербом от преступлений, предусмотренных ст. 158–160 УК РФ, и значительным ущербом, заложенным в диспозицию ст. 205 УК РФ.

Под опасностью наступления иных общественно опасных последствий, на наш взгляд, стоит понимать последствия, находящиеся в одном ряду с возможной гибелью людей, причинением значительного имущественного ущерба, а также отвечающие целям террористического акта: длительная остановка транспорта, блокирование аэропортов, зданий правоохранительных органов, срыв работы учреждений, предприятий, создание паники, беспорядков среди значительных групп населения и т.д.

Следующим признаком объективной стороны террористического акта является цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Указанный признак можно определить и как политизацию совершенного деяния. Диапазон требований в русле указанной цели может быть весьма широким: отделение какого-либо региона от состава России, выселение лиц какой-либо национальности из конкретной местности, требование выпустить из мест лишения свободы определенную группу преступников, изменить законодательные акты или подзаконные правовые нормы в интересах преступного элемента и т.п. [Дьяков 2009: 101]. Цель оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями состоит в намерении виновного принудить их к отказу от совершения действия либо, наоборот, к выполнению незаконных или невыгодных действий в пользу террористов. Отсутствие названной цели исключает квалификацию

содеянного по ст. 205 УК. Положительные эмоции вызывает и сокращение обязательных целей, преследуемых преступниками при совершении террористического акта. В.ч.1 ст.205 УК РФ «устрашение населения» превратилось в объективную категорию, присущую взрыву, поджогу или иным действиям, составляющим террористический акт [Бадушева 2010: 44]

В качестве следующего признака, несмотря на отсутствие прямого указания в диспозиции рассматриваемой статьи, отметим публичность совершаемых деяний. Иные преступления, в ряде случаев даже схожие по объективной стороне с террористическим актом, как, например, убийство, совершенное общеопасным способом, не претендуют на широкое освещение содеянного. Терроризм же без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. Терроризм сегодня — это, бесспорно, форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие. Поэтому, когда правоохранительные органы на практике имеют дело с общеопасными деяниями неясной этимологии, то чем больше неясностей, тем меньше вероятность, что это террористические акции.

Вторая форма действия при совершении террористического акта характеризуется угрозой совершения перечисленных в диспозиции действий. В уголовном праве под угрозой понимают психическое насилие, которое характеризуется решимостью совершить действие, направленное на причинение вреда благу другого и реальностью, то есть способностью угрозы вызвать убеждение в возможности ее осуществления. При этом угроза должна быть реальной, а форма ее выражения может быть самой разнообразной (устной, письменной). Следовательно, под угрозой в ч. 1 ст. 205 УК РФ следует понимать прямое высказывание о намерении совершить террористический акт, исходящее от лица, готовящего его совершение. Так как целью угрозы является устрашение людей либо воздействие на органы власти, данное преступление считается оконченным с момента его совершения. При этом не имеет значения, намеревались ли привести угрозу в исполнение в действительности.

Справедливости ради стоит отметить, что применение насилия и возможность его применения — это разные понятия. Так, Д. М. Генкин видит различие «в том, что

при угрозе наступления зла возможно и вероятно, при насилии зло уже имеет место» [Генкин 1950: 288]. В связи с этим в науке уголовного права появились разногласия при определении степени общественной опасности угрозы насилием и физического насилия. На наш взгляд, как совершение террористического акта, так и угроза его совершения обладают одинаковой общественной опасностью.

Таким образом, анализ уголовно-правовых мер противодействия теракту

позволяет сделать вывод: в диспозиции нормы ст. 205 УК РФ наличествует значительное количество оценочных признаков. Именно оценочные признаки Уголовного закона являются одними из главных обстоятельств, препятствующих единообразному применению самого уголовного законодательства. Решение данного вопроса возможно лишь на основе глубокого и системного анализа уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за террористический акт.

Источники

Федеральный закон “О противодействии терроризму” от 16 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. Федерального закона от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Литература

Бадусева Д.А. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против общественной безопасности, связанных с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти. // Юристы-Правоведы. 2010. № 1 (38). С. 44–46.

Генкин Д.М. Советское гражданское право: в 2 тт. М.: Госюриздат, 1950. Т. 1. 288 с.

Дьяков С.В. Преступления против основ кон-

ституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2009. 101 с.

Лесниевски-Костарева Т.А. Уголовное право: Словарь-справочник. М.: Норма, 2000. 432 с.

Мальцев В.В. Терроризм: Проблема уголовно-правового регулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 104–105.

Ожегов С.И., Шведова Н.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 943 с.

Ольдеева Д.А. Преступления террористической направленности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 135 с.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: «ИНФРА-М», 2009. 379 с.

Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности: учебно-практическое пособие. М.: «Проспект», 2010. 84 с.

Sources

[The Criminal Code of the Russian Federation. June 13, 1996. No. 63-FZ (as amended by Federal Law of July 28, 2012 No. 141-FZ)]. An Internet resource. Reference Legal System “Consultant Plus.” (In Russ.)

[The Federal Law “On Combating Terrorism”. March 16, 2006. No. 35-FZ (as amended by the Federal Law of November 8, 2011. No. 309-FZ)]. An Internet resource. Reference Legal System “Consultant Plus”. (In Russ.)

References

Badusheva D. A. [Improvement of Criminal and Legal Measures of Fighting Crimes against Public Security Related to Intimidation of the Population and Influence on Decision Making by the Authorities.] *Jurist-Pravoved.* 2010. No. 1 (38). Pp. 44–46. (In Russ.)

Chuchaev A. I., Gracheva Y. V., Zadoyan A. A. [Crimes against Public Security]. Moscow: Prospect, 2010. 84 p. (In Russ.)

[Criminal Law of the Russian Federation. Special

Part]. L.V. Inogamova-Khegay, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev (ed.). Moscow: INFRA-M, 2009. 379 p. (In Russ.)

Dyakov S. V. [Crimes against the Basis of the Constitutional System and State Security: Criminal-legal and Criminological Research]. St. Petersburg: Yurid. center “Press”, 2009. 101 p. (In Russ.)

Genkin D. M. [Soviet Civil Law]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Gosuryzdat, 1950. 288 p. (In Russ.)

Lesniewski-Kostareva T. A. [Criminal Law: Dictionary and Reference Book]. Moscow: Norma, 2000. 432 p. (In Russ.)

Maltsev V. V. [Terrorism: The Problem of Criminal Law Regulation]. *State and Law.* 1998. No. 8. Pp. 104–105. (In Russ.)

Oldeeva D. A. [Crimes of Terrorist Orientation: Criminal-legal Characteristics and Qualification Issues]. Elista: Dzhangar, 2011. 135 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. I. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 943 p. (In Russ.)

УДК 338.43.02
ББК 66

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАК СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА*

О. Б. Дорджиева

Проблема формирования социально-экономических условий устойчивого развития сельских территорий (далее — УРСТ) является одной из приоритетных и значимых в исследовании динамики соотношения глобального и национального в развитии России и оптимизации участия страны в процессах региональной и глобальной интеграции. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

По данным государственной статистики, сельская местность занимает две трети площади Российской Федерации — 5 691,8 тыс. кв. км, где проживает 39,9 млн. чел., что составляет 27 процентов от общей численности населения. Из 17 075 тыс. км² территории страны 12 108 тыс. км² приходится на сельские муниципальные образования. Согласно результатам мониторинга Министерства регионального развития РФ, по состоянию на 15 апреля 2011 г. местное управление осуществляется на территориях 23 363 местными образованиями, из них 18 954 — сельские поселения, 1 825 — муниципальные районы. В таких депрессивных регионах, как Республика Калмыкия, все 13 муниципальных районов являются сельскими, и это свидетельствует о том, что доля сельских муниципалитетов составляет значительное большинство. При этом общее количество муниципальных образований (далее — МО) сокращается в результате продолжающегося процесса оптимизации территориальной организации МСУ в РФ за счет сокращения общего количества сельских поселений посредством преобразования МО в форму объединения поселений [Сборник...2011: 86].

Закономерным результатом такого процесса является сокращение бюджетных рас-

ходов на эту территорию и усиление процессов депопуляции сельской местности. За 2001–2011 гг. численность сельского населения в России сократилась на 1,8 млн. чел., естественная убыль составила 1,9 млн., миграционный отток — 1 млн. чел. [Национальный доклад... 2012: 29].

Современные концепции устойчивого развития предполагают следующие трактовки понятий «развитие» и «устойчивое развитие». Развитие — это неограниченное повышение благосостояния всех людей при сохранении качества окружающей среды. Устойчивое развитие предполагает экономический рост как необходимый, но ограниченный пределами хозяйственной емкости биосферы процесс [Мягков 2001: 7].

Методологические подходы к трактовке данных понятий нашли отражение в официальных документах, регулирующих развитие сельских территорий. Согласно Концепции перехода РФ к устойчивому развитию (утверждена Указом Президента России от 01.04.96 № 440), в России под устойчивым развитием понимается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс общества <...> В этом смысле устойчивое развитие характеризуется экономической эффективностью, экологической безопасностью и социальной справедливостью» [Концепция...1996].

В утвержденной распоряжением Правительства РФ № 2136-Р от 30.11.2010 «Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г.» [Концепция...2010] обозначены цели, принципы и задачи, разработаны направления, предложены механизмы и определены эта-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Архаизм и модернизация: синергетическое взаимодействие в условиях устойчивого развития сельских территорий» (№ 13-06-00803).

пы реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий. В реализуемой сегодня «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» один из четырех разделов посвящен повышению качества и уровня жизни сельского населения. Вместе с тем мониторинг современного состояния сельской территории свидетельствует о наличии системных проблем и противоречивых тенденциях, наметившихся в развитии села. Продолжается ежегодное сокращение площади сельскохозяйственных угодий. Уменьшение за период с 1990 по 2010 гг. составило 1947,6 тыс. га. Сокращение площади земель, используемых под пашню, составило более 10,9 млн. га [Научные...2011: 38].

Общий объем импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2010 г. увеличился по сравнению с 2000 г. в 4,9 раза и составил 36,4 % к стоимости валовой продукции сельского хозяйства. Доля инвестиций в сельское хозяйство за 1990–2010 гг. сократилась с 17,8 % до 3,3 % от общего объема инвестиций в основной капитал России. При этом коэффициент обновления и выбытия основных фондов за 1990–2010 гг. понизился с 7,0 % до 0,7 % [Основные...2011: 30–31]. Заработная плата в сельском хозяйстве остается на последнем месте среди всех отраслей, при этом значительна доля работников, у которых оплата труда ниже законодательно установленного минимального размера. Продолжает увеличиваться разрыв между селом и городом по объему среднедушевых располагаемых ресурсов домохозяйств. На село приходится 40 % бедных в России [Социальное...2011: 109].

Анализ данных процессов особо значим с позиций укрепления геополитического положения страны, поскольку именно сельские территории продуцируют общественные блага, представляющие обеспечение территориального контроля в воспроизводстве традиционной культуры, ландшафта и способствующие созданию условий для удовлетворения социально-духовных и рекреационных потребностей общества.

Поиск типов, форм, направлений модернизации сельской территории с целью создания условий для ее устойчивого развития является системной проблемой, поскольку она содержит все характерные признаки

проблем такого типа: слабая структурированность, конфликтность, неопределенность, неоднозначность, наличие риска, многоаспектность, комплексность, саморазрешимость, эволюционность.

Слабая структурированность проблемы заключается в том, что она содержит как количественные, так и качественные элементы. Невозможно определить однозначно оптимальный набор средств воздействия на процесс развития сельской территории. Но вместе с тем обоснование подходов к решению данной проблемы может быть усилено при применении количественных методов в изучении факторов, влияющих как на отдельные составляющие этого процесса, так и на процесс в целом.

Конфликтность проблемы заключается прежде всего в том, что двигателем прогресса является не творческий потенциал изобретателей, а борьба государств, корпораций, предпринимателей за выживание. При этом идеология упомянутой борьбы не приемлет каких-либо ограничений ради интересов далеких потомков. В то же время сельская местная община в России — исторически сложившаяся совокупность этносов, носителей особой культуры, определяемая типом природопользования. Жизнеспособность этноса выражается в смене поколений, связанных памятью о прошлом и заботой о будущем. При наличии разного рода отрицательных воздействий усиливаются риски ухудшения «социального климата» местной общины, выражающиеся в утрате традиционных ценностей общинности, братства, взаимопомощи, собственной культуры ради личного обогащения.

Наличие множества сторон, участвующих в процессе развития и отстаивающих свои интересы, несовершенство механизма разрешения противоречий между интересами местных, региональных, федеральных органов власти, бизнеса, населения — все это, безусловно, влияет на тренд развития сельской территории. Существует противоречие между стремлением власти к сбалансированному развитию территорий и ограниченными возможностями для практической реализации этого стремления. Изменения в проводимой экономической, социальной, аграрной, региональной политике, когда в качестве объекта воздействия выступают и отдельные элементы, и составные части сельской территории как социально-экономической системы, не только

вливают на конфликтность проблемы, но и усиливают ее неопределенность.

Неопределенность проблемы состоит в том, что не выявлен полный набор сущностей, составляющих структуру социально-экономической системы (далее — СЭС), имеющей в качестве носителя сельскую территорию. Определение состава сущностей затруднено в силу неравномерности, разнородности как самого состава СЭС, так и состояния развития каждой ее составной части [Дорджиева 2008: 9–22]. Отсутствует жестко детерминированная связь между внешней средой и состоянием самой системы (СЭС).

Неоднозначность проблемы проявляется в возможности нескольких вариантов решения. Альтернативные подходы имеют место не только при подборе мер и механизмов реализации концептуальных стратегий развития территорий. Логические аргументы приводят авторы, отстаивающие позицию по смене парадигмы развития от борьбы с бедностью к парадигме развития точек роста, по смене ориентиров от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса, населения [Калугина, Фадеева 2007: 337–340]. Но если две трети населения этой территории проживают за чертой бедности, а вся произведенная добавленная стоимость вывозится, присваивается, используется далеко за пределами этой территории, какой должна быть политика развития?

Наличие риска заключается в том, что различные участники процесса развития территорий имеют свои собственные интересы и стремления, осуществление которых само по себе формирует противодействующие процессы. Возможно и оппортунистическое поведение различных участников процесса.

Многоаспектность проблемы определяется сложным характером сущности сельской территории, которая определяется ее полифункциональностью (экономика, рекреация, социальный контроль за территорией, воспроизводство населения), многопрофильностью сельской экономики, многоукладностью аграрного производства, высокими стандартами жизни населения, неурбанистическим образом жизни. Поиск подходов к решению проблем УРСТ затрагивает вопросы не только экономического, но и социального, экологического,

этнокультурного развития. Упрощение проблемы за счет игнорирования какого-либо из этих направлений может привести к принятию ошибочного решения, при этом рассмотрение всех сторон проблемы может привести к потере ее обзримости и невозможности принятия взвешенного и верного решения.

Комплексность проблемы состоит в том, что она затрагивает различные отрасли не только экономики, но и социологии, биологии, природопользования, экологии и прочих наук, и при этом ни одна из них не может предложить единственный эффективный способ целостного решения проблемы. Необходимо применение широкого спектра научных методов для изучения различных существенных аспектов данной проблемы, в частности, количественной оценки нравственного, психического, физического здоровья сельского сообщества в контексте сохранения этносов. Не менее важным при поиске оптимального варианта решения проблемы является экономическая оценка сельских ценностей, имеющих характеристики уникальности, неопределенности, необратимости.

Саморазрешимость проблемы состоит в способности ее разрешаться естественным образом, т. е. без использования научно обоснованных рекомендаций. Но при этом велика вероятность того, что последствия саморазрешения будут негативными и деструктивными, сопровождающимися усилением процессов деградации земель сельскохозяйственного назначения, маргинализации сельского населения депрессивных территорий, истощением биоклиматического потенциала отдельных территорий, углублением межрегиональных диспропорций и т. д.

Эволюционность проблемы заключается в том, что процессы, связанные с развитием сельских территорий, носят инерционный характер. Сельское хозяйство, основная отрасль реального сектора экономики, определяющая уклад жизни сельского населения, является достаточно консервативной. Эволюционное развитие любого общества носит прогрессивный характер, обеспечивает его воспроизводство, а значит, и существование. Модернизационные процессы в этом плане являются необходимыми элементами современного развития, но в то же время отражаются на состоянии элементов данной системы с длительным лагом.

Изучение депрессионных процессов в динамике как отдельных элементов, так и СЭС в целом позволит определить и исключить или нивелировать влияние негативно воздействующих факторов.

Системный характер проблемы заключается в том, что данная система определяется составом и структурой сущностей СЭС — сельской территории, эволюцией внешней среды как последовательности подавления и новообразования составляющих ее сущностей и отношений между ними. Изменение состояния сущностей во взаимодействии со внешней средой позволяет вве-

сти в рассмотрение критерий в форме общественного блага, продуцируемого СЭС. При этом устойчивое развитие СЭС представляет собой монотонный процесс возрастания общественного блага.

Не только понимание сути и содержания признаков устойчивого сельского развития, но и их анализ и учет при разработке инструментов и моделей государственного регулирования данного процесса являются неотъемлемым условием достижения устойчивости с соблюдением правил экономической эффективности, социальной справедливости и национальных интересов безопасности.

Литература

- Дорджиева О. Б.* Концепция устойчивого развития сельских территорий как основа региональной аграрной политики. М.: Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики, 2008. 272 с.
- Калугина З. И., Фадеева О. П.* От государственного патернализма к саморазвитию: контуры концепции сельского развития. Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова: «Энцикл. рос. деревень», 2007. 655 с.
- Концепция* перехода РФ к устойчивому развитию: утв. указом Президента России № 440 от 01.04.1996 г. [электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 1996 г., № 15 ст. 1572 // URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=00_00&issid=1996015000&docid=2262 (дата обращения 19.02.2012).
- Концепция* устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г.: утв. расп. Правительства РФ № 2136-р от 30.11.2010 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77>.

htm (дата обращения: 19.02.2012).

- Мягков С. М.* Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИИ ПИ экологии города, 2001. 190 с.
- Научные Юзвешинские чтения* — Международная конференция. Декларация тысячелетия ООН спустя десять лет: итоги и перспективы. М.: Изд-во Информиздат, 2011. 432 с.
- Национальный доклад* «О ходе и результатах реализации в 2011 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» [электронный ресурс] // URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/297.htm> (дата обращения: 15.11.2012).
- Основные* показатели сельского хозяйства России в 2010 г. М.: Росстат, 2011. 68 с.
- Сборник* материалов 11 Всероссийского Форума сельских поселений. М.: Изд-во «Оффешина», 2011. 96 с.
- Социальное* положение и уровень жизни населения России. 2010. М.: Росстат, 2011. 235 с.

References

- [The 11th All-Russian Forum of Rural Settlements]. Conf. proc. Moscow: Offeshchina, 2011. 96 p. (In Russ.)
- Dordzhieva O. B. [The Concept of Sustainable Development of Rural Areas as a Basis for Regional Agrarian Policy]. Moscow: All-Russian Agricultural Research and Informatics Probl., 2008. 272 p. (In Russ.)
- Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. [From State Paternalism to Self-development: the Contours of Rural Development Concept. Multifunctionality of Agriculture and Sustainable Development of Rural Areas]. Moscow: Institute of Agrarian Issue and Information Technologies: Encyclopedia of ros. villages, 2007. 655 p. (In Russ.)
- [Main Indicators of Russian Agriculture in 2010]. Moscow: Rosstat, 2011. 68 p. (In Russ.)
- Myagkov S. M. [Social Ecology: Ethnocultural Basis of Sustainable Development. Moscow: Research Institute of City Ecology, 2001. 190 p. (In Russ.)
- [The National Report “On the Progress and Results of the Implementation in 2011 of the State Program of Agricultural Development and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets for 2008–2012”]. An Internet resource: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/297.htm> (accessed: November 15, 2012). (In Russ.)
- [The Scientific Yuzvishin Readings. International Conference. United Nations Millennium Declaration ten Years Later: Results and Prospects. Moscow: Informazdat, 2011. 432 p. (In Russ.)
- [Social Situation and Living Standards of the Russian Population. 2010]. Moscow: Rosstat, 2011. 235 p. (In Russ.)
- [The Concept of Sustainable Development of Rural Areas of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by the Government of the Russian Federation No. 2136-r on 30.11.2010. An Internet resource: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm> (accessed: February 19, 2012). (In Russ.)
- [The Concept of Transition of the Russian Federation to Sustainable Development: Approved by Decree of the President of Russia No. 440 o? 01.04.1996?? t. 01.04.1996]. In: [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996. No. 15. Art. 1572. An Internet resource. http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=00_00&issid=1996015000&docid=2262 (accessed: February 19, 2012). (In Russ.)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РЕМОНТНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКОГО АГРОСЕРВИСА

Г. Я. Казакова

Вопрос эффективности системы ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса является актуальным на протяжении нескольких десятилетий. Существенный вклад в разработку научно-методической базы решения организационно-экономических вопросов этой отрасли внесли А. В. Алферьев [1984; 1987; 1990; и др. 1992], Д. С. Буклагин [Инновационная деятельность в АПК 2010], Ю. А. Конкин [1978; 1988], Л. Ф. Кормаков [Кормаков, Казакова 2010], Л. С. Орсик [Кормаков, Орсик 2006], В. И. Черноиванов [Техническое обслуживание 2003], А. В. Шпилько и В. И. Драгайцев [Шпилько, Драгайцев 2001] и другие ученые. В то же время недостаточно полно освещены вопросы материальной основы для обеспечения стабильной работы в предприятиях ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса.

Материальная основа стабильной работы, устойчивого положения предприятий ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса определяется тем, как соответствуют их организационная структура и технологический уровень условиям и задачам аграрного производства на конкурентном рынке.

В последние годы в регионах появляются новые предприятия ремонтно-технического агросервиса, которые вступают в конкурентную борьбу. На первый взгляд, конкуренция автоматически решит проблему демополизации вторичного рынка сельскохозяйственной техники. Однако на деле период роста числа ремонтных предприятий и их конкуренции не будет продолжительным в силу ряда обстоятельств [Проблемы технического сервиса в АПК России 2005: 309].

Потребность сельских производителей территориального АПК (районного или областного) в технике, включая восстановленную, и в ремонтно-технических услугах достаточно стабильна. Она зависит, главным образом, от таких слабо изменяющихся во

времени первичных факторов, как площадь сельхозугодий и структура сельскохозяйственного производства. Поэтому чем больше поставщиков новой и восстановленной техники, производителей ремонтно-технических услуг будет действовать на рынке, тем меньше должен быть размер каждого из них. Но ведь известно, что при прочих равных условиях себестоимость услуги, в том числе ремонтно-технической или снабженческой, а, следовательно, и ее цена находятся в обратной зависимости от масштаба производства [Методика экономической оценки технологий и машин в сельском хозяйстве 2010: 146]. Эта зависимость выражается степенной функцией вида:

$$Y = a + vX^{-c} \text{ руб/ед., где}$$

Y — себестоимость единицы услуги;

X — годовая производственная программа агросервисного предприятия;

a, v, c — константы, которые зависят от специализации предприятия, особенностей организации и технологии производства, других параметров.

График этой зависимости приведен на рис. 1. Как видно из графика, если на рынке услуг будет действовать только одно крупное ремонтно-техническое или снабженческое предприятие — абсолютный монополист с годовой производственной программой (X_1), равной суммарной потребности в услугах, то себестоимость единицы услуги будет самой низкой — Y_1 . При появлении второго предприятия годовая производственная программа каждого из них сократится в среднем в два раза ($X_2 = 0,5 X_1$), а себестоимость возрастет до значения $Y_2 = 1,8Y_1$. Если же на рынке будут действовать, скажем, четыре предприятия, то годовая программа каждого из них сократится в среднем в четыре раза ($X_4 = 0,25 X_1$), а себестоимость услуги возрастет в 3,2 раза ($Y_4 = 3,2Y_1$) [Кормаков, Орсик 2006: 268].

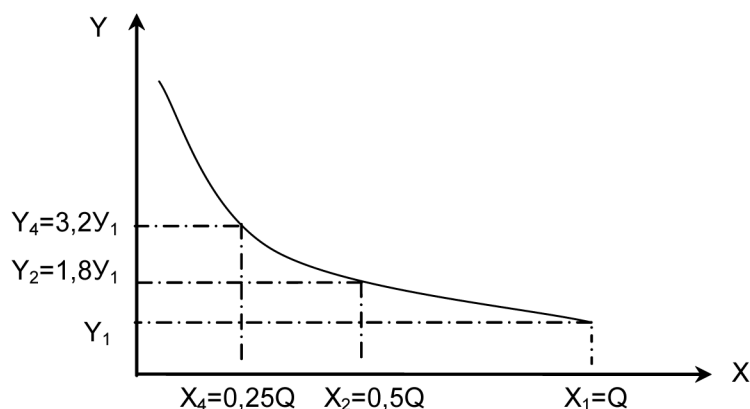

Рис. 1. *Зависимость себестоимости услуги (Y) от мощности (X) агросервисного предприятия*

Таким образом, с увеличением числа производителей ремонтно-технических и торгово-технических услуг создаются предпосылки к зарождению их конкуренции и к снижению в связи с этим тарифов на услуги. Однако их снижение ограничивается средней себестоимостью услуг, оказываемых мелкими предприятиями, а она может существенно превысить себестоимость услуг крупного предприятия-монополиста. Поэтому не исключено, что на монопольном рынке тарифы на ремонтно-технические и снабженческие услуги будут ниже, чем на конкурентном.

Как видно, демонополизировать территориальные вторичные рынки техники и ремонтно-технических услуг путем увеличения числа действующих на них ремонтно-технических и торгово-технических предприятий нужно с большой осторожностью. Это целесообразно лишь до тех пор, пока снижение мощности каждого из них не приведет к резкому возрастанию себестоимости услуг. Если снижение мощности произойдет, то снизить торговые наценки и тарифы до приемлемого уровня под влиянием конкуренции не удастся. К тому же надо иметь в виду, что на мелких, технически плохо оснащенных предприятиях трудно обеспечить высокое качество полнокомплектных и других сложных ремонтных работ.

В связи с тем, что снижение мощности агросервисного предприятия сопровождается прогрессивным ростом себестоимости услуг, мелкие ремонтно-обслуживающие и торгово-снабженческие предприятия в процессе конкурентной борьбы будут вытеснены с рынка более крупными предприятиями. И на региональном, а, тем более,

на районном рынке восстановленной сельскохозяйственной техники и ремонтно-технических услуг в конце концов останется примерно 4–5 конкурентоспособных предприятий. Таким образом, региональный вторичный рынок сельскохозяйственной техники по-прежнему будет монопольным, в лучшем случае — олигопольным. Немногие действующие на нем ремонтно-технические и торгово-технические предприятия предпочтут не вести конкурентную борьбу, а договориться о сферах влияния, о контролируемых сегментах рынка и о едином, устраивающем каждого из них, уровне цен и тарифов.

Возникает вопрос, а не следует ли государству в целях сохранения конкурентной среды на региональных вторичных рынках сельскохозяйственной техники, обеспечения высокого качества восстановленной техники и ремонтно-технических услуг, приемлемых для сельских производителей цен и тарифов, экономически поддерживать мелкие предприятия ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса? Ответ на этот вопрос вытекает из того, что любой региональный АПК можно и нужно рассматривать как целостную, интегрированную воспроизводственную систему, каждый участник которой должен быть нацелен на высокие конечные результаты совместного производства. Но в этом случае функциональный параллелизм и конкуренция дилеров и ремонтных предприятий, входящих в районные звенья АПК и действующих в границах одного и того же территориального рынка, представляет собой, в сущности, противоборство разных цехов или участков одного и того же заво-

да по производству сельскохозяйственной продукции под названием «региональный АПК». Разумеется, организация на таком заводе нескольких однопрофильных цехов и их конкуренция не оправдана ни с экономической, ни с организационной точек зрения.

В нецелесообразности развития сети конкурирующих друг с другом мелких предприятий ремонтно-технического агросервиса также убеждает тот факт, что производственные мощности созданных еще в советское время крупных ремонтных предприятий загружены сейчас профильными работами только на 10–30%.

Изложенные выше суждения подводят к выводу о том, что целесообразно не развивать сеть мелких предприятий, а принять меры по увеличению загрузки уже действующих, провести их технологическую модернизацию. Именно в таком направлении, на наш взгляд, должна строиться государственная политика и стратегия в сфере ремонтно-технического агросервиса. Должно быть налажено массовое и серийное производство современного, не устаревшего морально станочного, диагностического и ремонтно-технологического оборудования.

Очевидно, что перспективы формирования конкурентной среды и возможности конкуренции как инструмента саморегулирования вторичного рынка сельскохозяйственной техники достаточно неопределенны и ограничены. Данный фактор диктует необходимость введения в действие правовых, организационных и экономических ограничителей хозяйственной и коммерческой самостоятельности предприятий торгово-снабженческого и ремонтно-технического агросервиса, которые занимают доминирующее положение на вторичных рынках сельскохозяйственной техники в региональных АПК.

Возможно предположить, что одна из наиболее эффективных мер по гармонизации целей и интересов производителей, поставщиков и потребителей восстановленной техники и ремонтно-технических услуг — преобразование нынешних акционерных снабженческих и ремонтно-технических предприятий АПК в сельскохозяйственные потребительские (обслуживающие) кооперативы. Однако подобная реструктуризация организационно-правовых форм названных предприятий будет представлять собой новый передел собствен-

ности, который без добровольного согласия трудовых коллективов будет неконституционным и встретит сопротивление с их стороны — тем более, если не будут полностью компенсированы вызванные реструктуризацией финансовые потери акционеров. В обозримой перспективе на это нельзя рассчитывать: у подавляющего большинства сельских производителей ныне отсутствуют необходимые средства для выкупа всего пакета акций действующих агросервисных предприятий, а также средства для создания новых кооперативных предприятий, оснащенных современным технологическим оборудованием.

Инвесторами кооперативных начинаний в сфере купли-продажи и ремонта техники могли бы стать различного рода негосударственные структуры, которые контролируют региональные и межрегиональные рынки сельскохозяйственной продукции и материально-технических ресурсов для села (машин, запасных частей, нефтепродуктов, минеральных удобрений и др.). Но подобные структуры не заинтересованы участвовать в создании кооперативных обслуживающих предприятий на паях с сельскими товаропроизводителями по двум основным причинам.

Первая причина — отсутствие твердых гарантий того, что средства, вложенные в уставный капитал таких предприятий, окупятся и станут приносить прибыль. Вторая причина — существенное ограничение возможности проводить самостоятельную политику в отношении дилеров, ремонтно-технических предприятий и других пайщиков. Ведь инвестор-пайщик, в отличие от инвестора-акционера, вложив в уставный капитал кооперативного предприятия больше любого другого учредителя, все равно имеет только один голос.

Названными причинами во многом объясняется то, что кооперативные ремонтно-технические и снабженческие предприятия АПК составляют незначительную долю, максимум 10–15 процентов. Но можно полагать, что по мере количественного роста экономически состоятельных сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств будет развиваться сеть дилеров и ремонтно-технических предприятий, созданных на основе сельскохозяйственной кооперации. Об этом свидетельствует опыт стран с развитым сельским хозяйством [Кормаков, Казакова 2010: 107].

Кооперативные начинания сельскохозяйственных предприятий и фермеров в сфере торгово-снабженческого и ремонтно-технического агросервиса могли бы получить экономическую поддержку со стороны государства. Однако пока нет оснований рассчитывать на то, что такая поддержка будет столь масштабной, что позволит решить проблему сельскохозяйственной потребительской кооперации в этой сфере.

Низкий уровень оснащенности предприятий ремонтно-технического агросервиса современным технологическим оборудованием — одна из важных причин неудовлетворительного качества и высокой стоимости ремонта сельскохозяйственной техники. Как результат — нежелание сельскохозяйственных предприятий восстанавливать технику на ремонтных предприятиях. По оценкам экспертов, более 90% ремонтных работ сейчас выполняется собственными силами хозяйств [Кузьмин 2009: 204].

Хозяйства предпочитают выполнять даже сложные виды ремонта в собственных мастерских, уровень технологической оснащенности которых значительно ниже, чем подобный уровень специализированных ремонтных заводов и ремонтно-технических предприятий. Поэтому в настоящее время хозяйства не выполняют многие предусмотренные технологическими регламентами ремонтные операции, а если выполняют, то примитивными способами. Используются дешевые низкачественные детали, ремонтные материалы и т. д.

Из-за несоблюдения технологических требований и низкой оплаты труда фактические затраты хозяйств на ремонт техники собственными силами в 1,5–2 раза ниже нормативных. Последствия такой «экономии» очевидны: это дальнейшее интенсивное старение и сокращение численности и ухудшение технического состояния машинно-тракторного парка. Если продолжать следовать по этому пути, не будет обеспечено даже простое воспроизводство машинно-тракторного парка хозяйств, не говоря уже о расширенном его воспроизводстве.

Анализируя состояние ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса, можно отметить и положительные тенденции, к примеру, расширение сети не относящихся к АПК промышленных предприятий, занимающихся модернизацией и восстановлением сельскохозяйственной техники. Эти предприятия стали серьезны-

ми конкурентами традиционным ремонтным предприятиям АПК. Располагая достаточно хорошей технологической базой и квалифицированными кадрами, используя при модернизации машин узлы, агрегаты и детали ведущих зарубежных фирм, они дают стопроцентную гарантию, что после ремонта и модернизации ресурс работоспособности машины будет полностью восстановлен, а ее цена не превысит 40–50% цены новой [Прогноз развития 2006: 205].

Положительной тенденцией последних лет является также создание фирменных технических центров. Технические центры имеют все крупные отечественные заводы сельскохозяйственного и тракторного машиностроения. Фирменные технические центры созданы в основном на базе снабженческих и ремонтных предприятий АПК. Заводы сельскохозяйственной техники при создании своих технических центров предъявляют высокие требования к претендентам на эту роль. Тем самым стимулируется высокое качество торговых и ремонтно-технических услуг, восстановленной техническим центром техники. Ведущие зарубежные фирмы сельскохозяйственного машиностроения тоже создают в России свои технические центры, одним из которых является фирменный центр фирмы Джон Дир, созданный в Краснодарском крае [Шпилько, Драгайцев и др. 2001: 346].

В некоторых региональных АПК принимаются меры по совершенствованию организационно-производственной структуры и улучшению деятельности ремонтных предприятий. В качестве примера можно привести АПК Краснодарского края, ремонтная продукция которого становится все более популярной у сельхозпроизводителей других регионов, и, в частности, в нашей республике, где собственные ремзаводы в кризисные 1990 годы перестали работать и пока не восстановлены.

Анализ состояния системы ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса, ее недостатков и положительных тенденций позволяет прогнозировать, что в ближайшие годы эта система должна развиваться и совершенствоваться по следующим основным направлениям:

1. Технико-технологическая модернизация предприятий ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса, оснащение их современным диагностическим и ремонтно-технологическим оборудованием и

инструментами, переход на прогрессивные технологии ремонта машин и их агрегатов, восстановления изношенных деталей.

2. Совершенствование организационно-производственной структуры ремонтно-технического и торгово-технического агро-сервиса, активизация и совершенствование

маркетинговой деятельности.

3. Вовлечение в ремонтно-технический и торгово-технический бизнес сельских производителей, их экономическая интеграция с предприятиями по ремонту и торговле сельскохозяйственной техникой регионального и районного масштаба.

Литература

- Алферьев В. П. Повышение эффективности материально-технического снабжения сельского хозяйства. М.: Экономика, 1984. 104 с.
- Алферьев В. П. Организация материально-технического снабжения АПК в новых условиях хозяйствования. М.: Агропромиздат, 1987. 224 с.
- Алферьев В. П. Проблемы обеспечения АПК средствами производства. М.: ВНИЭСХ Всесоюз. агропром. науч.-техн. об-во, 1990. 52 с.
- Алферьев В. П., Тарасов Ф. А., Шилова В. М. Формирование и развитие рынка средств производства для агропромышленного комплекса: аналитический обзор. М.: Информатротех, 1992. 29 с.
- Проблемы технического сервиса в АПК России. М.: ГОСНИТИ, 2005. 309 с.
- Методика экономической оценки технологий и машин в сельском хозяйстве. М.: ВНИИЭСХ, 2010. 146 с.
- Инновационная деятельность в АПК: состояние, проблемы, перспективы / В. Ф. Федоренко, Д. С. Буклагин, Э. Л. Аронов. М.: Росинформагротех, 2010. 279 с.
- Конкин Ю. А. Практикум по экономике ремонта сельскохозяйственной техники. Изд. 3-е,

перераб. и доп. М.: Агропромиздат, 1988. 167 с.

- Конкин Ю. А. Экономика ремонта сельскохозяйственной техники. М.: Колос, 1978. 382 с.
- Кормаков Л. Ф., Казакова Г. Я. Вторичный рынок сельскохозяйственной техники. Актуальные проблемы и пути их решения. М.: ООО «НИКПЦ Восход-А», 2010. 152 с.
- Кормаков Л. Ф., Орси́к Л. С. Прогнозирование рынка сельскохозяйственной техники: методология и практика. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. 268 с.
- Кузьмин В. Н., Гольяпин В. Я. Анализ рынка и эффективность российской и зарубежной сельскохозяйственной техники. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. 204 с.
- Прогноз развития рынка сельскохозяйственной техники в 2006–2015 гг. Отчет о НИР. М.: ВНИЭТУСХ, 2006. 205 с.
- Техническое обслуживание и ремонт машин в сельском хозяйстве / под ред. В. И. Черноиванова. М.: Челябинск: ГОСНИТИ, ЧГАУ, 2003. 992 с.
- Шпилько А. В., Драга́йцев В. И. и др. Экономическая эффективность механизации сельскохозяйственного производства. М.: РАСХН, 2001. 346 с.

References

- Alferiev V. P., Tarasov F. A., Shilova V. M. [Formation and Development of the Market of Means of Production for Agroindustrial Complex: Analytical Review]. Moscow: Informagrotekh, 1992. 29 p. (In Russ.)
- Alferiev V. P. [Improving the Efficiency of Agricultural Logistics]. Moscow: Ekonomika, 1984. 104 p. (In Russ.)
- Alferiev V. P. [Organization of Logistical Supply of Agricultural Complex in New Economic Conditions]. Moscow: Agropromizdat, 1987. 224 p. (In Russ.)
- Alferiev V. P. [Problems of Supply of the Agroindustrial Complex with Production Means]. Moscow: Institute of Agricultural Economics, 1990. 52 p. (In Russ.)
- [Innovative Activity in Agriculture: State, Problems, Prospects]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2010. 279 p. (In Russ.)
- Konkin Yu. A. [Economics of the Agricultural Machinery Repair]. Moscow: Kolos, 1978. 382 p. (In Russ.)
- Konkin Yu. A. [Workshop on the Economics of Repair of Agricultural Machinery]. 3rd ed. Moscow: Agropromizdat, 1988. 167 p. (In Russ.)
- Kormakov L. F., Kazakova G. Ya. [Secondary Market of Agricultural Machinery. Actual Problems and Ways of their Solution]. Moscow: Voskhod-A, 2010. 152 p. (In Russ.)

- Kormakov L. F., Orsik L. S. [Market Forecasting of Agricultural Machinery: Methodology and Practice. Moscow: Rosinformagrotekh, 2006. 268 p. (In Russ.)
- Kuzmin V. N., Golyapin V. Ya. [Market Analysis and Efficiency of Russian and Foreign Agricultural Machinery]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2009. 204 p. (In Russ.)
- [Market Development Forecast for Agricultural Machinery in 2006–2015. Report on Research and Development]. Moscow: Russian Research Institute of Economics, Labour and Management in Agriculture, 2006. 205 p. (In Russ.)
- [Methods of Economic Evaluation of Technologies and Machines in Agriculture]. Moscow: Russian Research Institute of Agricultural Economics, 2010. 146 p. (In Russ.)
- [Problems of Technical Service in the Agricultural Complex of Russia]. Moscow: Russian Research Technological Institute of Technical Maintenance, 2005. 309 p. (In Russ.)
- Shpilko A. V., Dragaytsev V. I. et al. [Economic Efficiency of Mechanization of Agricultural Production]. Moscow: Russian Acad. of Agricultural Sciences, 2001. 346 p. (In Russ.)
- [Technical Maintenance and Repair of Machines in Agriculture]. V. I. Chernov (ed.). Moscow, Chelyabinsk: Russian Research Technological Institute of Technical Maintenance, Chelyabinsk Agricultural University, 2003. 992 p. (In Russ.)

УДК 336.025
ББК 65.05

**РЕЗЕРВЫ РОСТА ПРОИЗВОДСТВА
В ОТРАСЛИ ЖИВОТНОВОДСТВА
(на примере ОАО «Сарпа» Республики Калмыкия)**

Б. Б. Мувев, Б. Э. Эвиева, Б. Д. Мувев

Сложившаяся в России ситуация, обусловленная прежде всего происшедшими изменениями в экономической и политической системах, формах собственности, трансформацией межличностных и производственных отношений в трудовых коллективах и одновременно вступлением в международный рынок (ВТО) чревата как большими возможностями, так и серьезными угрозами для каждого предприятия и самой устойчивости его существования, внося значительную степень неопределенности в положение рабочих и управленческого персонала.

Анализ финансового состояния предприятия в такой ситуации приобретает особую значимость: он позволяет обобщить и реализовать целый спектр вопросов адаптации предприятия к новым условиям, учесть влияние факторов роста производства в построении системы выживания в условиях конкуренции и угрозы банкротства.

Практика деятельности организаций свидетельствует, что содержание ее анализа в разные периоды и на разных уровнях управленческой деятельности может отличаться, но оно, по мнению С. Н. Князева, непременно должно включать следующие моменты: «Объективную оценку эффективности деятельности по качеству исполнения и достигнутым результатам; научное обоснование планируемых мероприятий, системы их реализации и контроля над исполнением; выявление внутренних резервов, изучение и обобщение положительного опыта для последующего распространения; критическое осмысление выдвигаемых стратегических задач и тактики их реализации» [Князев 2002: 70].

Исзукаемая проблема достаточно широко рассматривается отечественными учеными и практиками. К сожалению, абсолютное большинство руководителей сельскохозяйственных предприятий республики видят финансовое состояние предприятия

через призму лишь одного показателя — чистой прибыли. Вместе с тем имеется много фактов, когда от основной деятельности хозяйство оказывается в убытке, а в итоговых отчетах отражается чистая прибыль, и, наоборот, хозяйство получает прибыль от основной деятельности, а, согласно итоговым отчетам, подсчитывает убытки. Такой метод хозяйствования встречался в период планового производства (до 1991 г.), в нем был заинтересован определенный круг руководителей времен массовой приватизации государственной собственности (с 1991 г.). Подобная ситуация сложилась внутри системы (государства), и система не регулировала в достаточной мере рыночный механизм управления финансами. Иными словами, формы и методы управления производством, их структура, анализ и форма отчетности показывали видимость совершенствования, а на деле оставались прежними, как и 20–30 лет назад.

За годы своего существования ОАО «Сарпа» применяло почти все организационно-правовые формы хозяйствования: совхоз — ГУП — РГУП — РГУП ПЗ — ФГУП — ФГУП ПЗ — СПК — ОАО.

Акционерная форма управления для крупных предприятий является достижением человеческой цивилизации и вершиной в области управления в условиях рынка на уровне конкретного предприятия. На наш взгляд, ОАО «Сарпа» в поисках лучшей формы управления в условиях рынка потеряло почти 20 лет, которые обошлись хозяйству очень дорого. Прежде всего это выразилось в сокращении численности населения и запоздалой реализации социальных проблем поселков, сокращении в три раза поголовья животных, уменьшении объема производства, отсутствии собственной перерабатывающей базы и в целом в слабой степени предприимчивости, являющейся непременным условием развития акционерных обществ. В 1989 г. в хозяйстве насчи-

тивалось около 80 тыс. голов племенных овец, более 5 тыс. голов крупного рогатого скота калмыцкой породы и около 1 тыс. голов лошадей. Обработывалось около 4 тыс. га пашни [Годовой отчет 1989]. Во все времена хозяйство обходилось собственными кадрами. Условия хозяйствования были и остаются сложными: удаленность от районного центра и городов (100—230 км), отсутствие асфальтированной дороги и водных источников для населения, слабая социальная инфраструктура.

ОАО «Сарпа» изначально специализируется на выращивании племенного молодняка крупного рогатого скота калмыцкой породы, а также на выращивании племенного овцеголовья грозненской породы. В структуре товарной продукции, согласно средним показателям за 5 лет, продукция животноводства составляет около 95%, в том числе продукция от крупного рогатого скота — 39,8%, от овец — 53,5%. Растениеводство является дополнительной отраслью, обеспечивающей животноводство кормами; в структуре товарной продукции оно отсутствует из-за отсутствия реализации [Годовые отчеты 2008–2012]. Это связано с неблагоприятными погодными условиями, наблюдавшимися за рассматриваемый период в данной зоне. Так, например, в 2005 и последующие годы полностью были списаны площади, засеянные озимой рожью и яровыми культурами. В связи с нехваткой грубых кормов для общественного поголовья администрация хозяйства вынуждена была произвести их закупку на стороне.

Любое сельскохозяйственное предприятие в Республике Калмыкия специализируется по двум отраслям — растениеводству и животноводству. Чтобы предприятие было устойчивым в отношении платежеспособности, необходимо добиваться постоянной рентабельности этих отраслей. В ОАО «Сарпа» отрасль растениеводства за последние 20 лет убыточна, животноводство испытывает трудности из-за отсутствия стабильной собственной кормовой базы, поэтому платежеспособность хозяйства подвергается риску.

Проведенный нами анализ деятельности ОАО «Сарпа» за 2008–2012 гг. позволяет предложить следующие рекомендации по вопросу о путях достижения хозяйством устойчивой платежеспособности. Предлагаемые меры апробированы в практике работы как данного хозяйства, так и других

хозяйств республики с аналогичными природно-климатическими и почвенными условиями.

Может сложиться мнение, что ОАО «Сарпа» не занималось земледелием, поскольку вопрос об обеспечении грубыми кормами является довольно сложным. Вместе с тем известно, что в 60–70-х гг. в хозяйстве производились зерно, грубые и сочные корма, закладывались силос и сенаж. Многие рабочие (механизаторы и животноводы) данного хозяйства, сегодня достигшие пенсионного возраста, в 1960–1965 гг. участвовали в закладке силоса и сенажа курганным способом. В эти и последующие годы хозяйство обеспечивало общественное поголовье в 100–120 тыс. условных голов овец грубыми кормами в полном объеме и частично — фуражным зерном [Годовые отчеты 1985–1990 гг.].

Для получения результатов, достигавшихся хозяйством в прошлом в области растениеводства, на наш взгляд, следует в ближайшие 3–4 года добиться производства собственных грубых кормов в достаточном объеме, а производство собственного фуражного зерна производить в объеме потребности для маточного поголовья животных на зимний период и период получения молодняка. Для этого необходимо принять следующие организационные меры.

Во-первых, необходимо вести земледелие на научной и испытанной практикой основе: посев производить только по черным парам, применять районированные сорта семян, соблюдать технологию подготовки почвы и семян под посев, технологию и сроки посева, уборки урожая. При этом, на наш взгляд, большое значение имеет оставление черных паров на летнее время.

Во-вторых, необходимо создать три долгосрочные кооперированные арендные бригады: по производству зерновых культур, по производству кормовых культур на пашне, по улучшению сенокосов и заготовке естественных кормов на богаре. Для создаваемых бригад разработать условия по поддержке их финансового становления на ближайшие три года, обеспечить подбор и подготовку руководителей бригад, трактористов по специальным агрономическим основам выращивания зерновых и кормовых культур, а также улучшению естественных пастбищ и сенокосов.

В-третьих, все отрасли хозяйства и растениеводство в первую очередь, необхо-

димо перевести на внутривладельческий расчет, а заработную плату специалистов поставить в зависимость от рентабельности работы отрасли. В этих целях разработать для реализации продукции растениеводства животноводческим бригадам систему внутривладельческих цен. Эти меры позволят в кратчайшие сроки поднять культуру земледелия, и тем самым поднять эффективность отрасли.

Животноводство в ОАО «Сарпа» являлось и продолжает оставаться главной отраслью, обеспечивающей жизнедеятельность и благополучие хозяйства. На протяжении своего существования с 1936 г. хозяйство всегда входило в десятку лучших хозяйств республики благодаря успешному развитию животноводства. Однако, признавая опыт успешного хозяйствования ОАО «Сарпа», следует обратить внимание на упущенные возможности, использование которых позволит значительно улучшить финансовое состояние (повысить платежеспособность и финансовую устойчивость) хозяйства.

Главным фактором повышения эффективности животноводства, а следовательно, роста финансового состояния хозяйства, является продуктивность животных. К показателям продуктивности относятся: выход молодняка на 100 маток, выход мяса на одну голову маточного поголовья животных, среднесуточный вес и среднесуточный привес скота. При анализе уровня продуктивности в Республике Калмыкия в последние годы большее внимание уделялось первому показателю, по которому хозяйства республики имеют неплохие результаты. Так, в ОАО «Сарпа» в течение ряда лет продуктивность, согласно данному показателю, составляет 100 ягнят на 100 маток и более 90 телят на 100 голов коров и нетелей. В то же время «узким местом» является показатель среднесуточного веса животных и выхода мяса на одну голову маточного поголовья. В табл. 1 отражены показатели итогов деятельности ОАО «Сарпа» по данным годовой отчетности хозяйства за последние 5 лет [Годовые отчеты 2008–2012].

Таблица 1. *Некоторые показатели эффективности отрасли*

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	В среднем за 5 лет
1. Среднесуточный вес, кг: – КРС	222	231	200	198	226	215
– Овец	36,3	36,3	32,0	37	34	35,1
2. Продажа мяса в расчете на 1 гол. маточного поголовья, кг: – КРС	236	209	184	179	188	199
– Овец	36,7	35,3	35,4	36,5	38	36,4
3. Получение молодняка в расчете на 100 маток, голов: – телят	93	92	99	91	91	93,2
– ягнят	100,4	100,2	100,5	101	100	100,6
4. Наличие в структуре стада: – коров и нетел. (в %)	54	66	61	61	63	61
– овцематок (в %)	58	80	57	60	57,6	62,4

Из таблицы видно, что в среднем за 5 лет в хозяйстве весьма низки показатели среднесдаточного веса скота на мясо: не более 215 кг для крупного рогатого скота, не более 35,1 кг — для овцы. Среднесдаточный вес крупного рогатого скота должен в норме составлять не менее 370 кг, овец — не менее 42–43 кг. Увеличение среднесдаточного веса КРС и овец до требуемого показателя позволит значительно улучшить финансовое состояние хозяйства. Для этого необходимо уделять особое внимание среднесуточному привесу животных, который является основным фактором роста среднесдаточного веса. Практическими мерами роста привеса являются организация откорма животных, использование простых, практически испытанных, самых дешевых способов откорма. Суть последних сводится к построению откормочных площадок полуоткрытого типа с наружной кормушкой для раздачи грубых и концентрированных кормов и внутренним курганом из навоза самих животных. На таких площадках 3–4 человека могут откармливать по 200–250 голов КРС. В целях эффективного откорма разрабатываются специальные условия оплаты труда рабочих (в зависимости от привеса скота) и взаиморасчеты с поставщиками скота на откорм.

Эффективность ведения животноводства также оценивают по показателю продажи мяса на одну голову маточной численности животных. Это объясняется тем, что только маточное поголовье обеспечивает воспроизводство стада и тем самым влияет на эффективность отрасли животноводства. Следует заметить, что такой показатель пока не стал критерием оценки эффективности отрасли животноводства в республике. Из таблицы видно, что этот показатель, как и показатель среднесдаточного веса скота по ОАО «Сарпа», очень низок по сравнению с нормативными показателями. Так, например, на одну голову маточного поголовья КРС в среднем за 5 лет продано 199 кг говядины [Годовые отчеты 2008–2012] при нормативе не менее 330 кг, а на одну голову овцематок — 36,4 кг баранины [Годовые отчеты 2008–2012] при нормативе 38–40 кг. Как видим, данный показатель связан со среднесуточным привесом животных. Следовательно, создание откормочных площадок и организация их эффективной работы должны стать основными направлениями работы в данной отрасли.

Приведенные показатели продуктивности во многом определяются структурой маточного состава поголовья животных. Для эффективного воспроизводства последнего в структуре стада должно быть не менее 65% коров и нетелей, а также овцематок. Лишь при такой структуре стада не только обеспечивается быстрое воспроизводство и обновление стада, но и создаются условия для устойчивого роста производства мяса, а следовательно, роста эффективности отрасли. Из приведенных данных следует, что в ОАО «Сарпа» в структуре стада рост числа коров и нетелей составил в среднем за 5 лет 61%, а овец — 62,4%.

Предлагая практические меры повышения эффективности в животноводстве, П. Д. Бакаев обращает внимание на необходимость ускоренного ввода в основное стадо телок и ярок и создания возможности быстрой оборачиваемости и ежегодного обновления до 25% маточного поголовья [Бакаев 2006: 200].

Упущения, выявленные при анализе приведенных материалов по деятельности ОАО «Сарпа» за последние 5 лет, характерны, как свидетельствует наш опыт, практически для всех хозяйств республики. Следовательно, как и у ОАО «Сарпа», у хозяйств еще есть достаточно резервов роста отрасли животноводства, и, следовательно, повышения платежеспособности и финансовой устойчивости хозяйства.

В настоящее время в условиях вступления нашей страны в ВТО назрела настоятельная необходимость максимального использования возможностями внутренних резервов и реального проведения системной модернизации предприятия. Задачи модернизации зачастую сводят лишь к вопросам научно-технического и технологического развития. Это означает, что восприятие курса на модернизацию понимается как чисто техническое и инструментальное действие. Вопросы технического и технологического развития, бесспорно, важны, и они по праву относятся к задачам модернизации, но сама она к ним не сводима. Все усилия по модернизации направлены на максимальное и эффективное использование имеющихся резервов производства, на поиск новых, более дешевых вариантов технологии производства. Именно в этом направлении необходимо развивать хозяйство и укреплять его коллектив, так как он является истинным двигателем подлинной, всесторонней и системной модернизации.

Источники

Годовые отчеты совхоза «Сарпа» за 1985–1990 гг.
Годовые отчеты ОАО «Сарпа» за 2008–2012 гг.

Литература

Бакаев П. Д. Анализ истории земельных отношений (XIX и XX столетия). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 278 с.
Князев С. Н. Управление: искусство, наука, практика. Минск: Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2002. 512 с.

Sources

[Annual Reports of “Sarpa” State Farm for 1985–1990]. (In Russ.)
[Annual Reports of ОАО “Sarpa” for the years 2008–2012]. (In Russ.)

References

Bakaev P. D. [Analysis of History of Land Relations (XIX and XX cent.)]. Elista: Dzhangar, 2006. 278 p. (In Russ.)
Knyazev S. N. [Management: Art, Science, Practice]. Minsk: Armita-Marketing, Management, 2002. 512 p. (In Russ.)

УДК 316.354:351/354
ББК 60.54

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ*

Л. В. Намруева

В общественных науках и социальной практике современной России все более актуализируется тема модернизации, что объясняется стремлением достичь высокого общемирового уровня развития. В общероссийском контексте с позиции социологии развития модернизацию определяют как «скоординированные в масштабах государства усилия, направленные на преодоление отсталости страны и вывод ее на качественно новый уровень развития» [цит. по: Когай 2012: 522]. Модернизация при этом представляет собой «комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач», которые стоят перед российскими регионами в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков [Лапин 2011: 4]. Член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, руководитель Программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», поясняет, что «социокультурная модернизация означает формирование и утверждение в повседневной жизни совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, а их реализация обеспечивается соответствующими социальными институтами и структурами; это исторически развивающаяся предпосылка и необходимая составляющая каждой из двух стадий модернизации как комплексного цивилизационного процесса. Индустриальная модернизация означает создание и развитие промышленности как новой основы экономики (новой — по сравнению с аграрной экономикой традиционных обществ), где создается большая часть ВВП страны; вместе с соответствующим этапом социокультурной составляющей она образует первую стадию модернизации как комплексного цивилизационного процесса, результатом которой стало возникновение современного общества (modernity), экономический базис которого составлял капитализм.

Информационно-когнитивная модернизация означает переход к информационному обществу, основанному на знаниях и понимании (признании), которые в качестве социального капитала становятся главными источниками роста ВВП страны; опираясь на достижения модернизации, включая новейшие, она отвечает современному этапу социокультурной составляющей и образует вторую, качественно более высокую стадию модернизации как комплексного цивилизационного процесса» [Лапин 2012а: 6].

При анализе модернизационного развития России важно учитывать и социокультурные факторы, что в свою очередь позволяет обратиться к одному из главных аспектов исследования российского общества — к специфике регионального развития. Впрочем, тема социокультурной основы для решения модернизационных задач государства продолжает оставаться второстепенной. Последнее можно объяснить тем, что управленцы, экономисты, практики, ведущие учет, анализ изменений в результате модернизационных процессов, в большей степени нуждаются в количественной информации. А нематериальную (духовную) культуру, ценностную, мотивационную сферы невозможно измерить в цифрах, хотя, используя данные по ним, можно глубоко и объективно анализировать современные социальные явления.

Учеными-гуманитариями Республики Калмыкия за последние годы проделана определенная работа по изучению социокультурной модернизации Калмыкии. Философ В. Н. Бадмаев, рассматривая современную техногенную цивилизацию, заведенную в «устойчивый» тупик «инновационного транса», отмечает, что этнокультурные детерминанты, исторически выверенные «народные технологии» могут стать основой этноэкономики, отвечающей современным вызовам [Бадмаев 2012]. Социолог

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-13-08001/а(р).

Л. В. Намруева исследует влияние модернизационных процессов на изменение идентичности и этнической культуры калмыков [Намруева 2009]. Политолог Л. В. Куканова считает важным этнокультурным фактором, влияющим на ход проводимой модернизации, национальное самосознание [Куканова 2000]. Основная мысль, объединяющая калмыцких ученых, заключается в необходимости совмещения этнокультурных традиций с задачами экономического развития. При этом следует отметить, что комплексные измерения состояния и динамики модернизации в республике, которые необходимы для анализа и общественного контроля за осуществлением стратегии модернизации практически отсутствуют. Между тем, именно они «позволяют оценить многие параметры социальной структуры с точки зрения модернизационного развития, открытость населения инновациям, наличие подготовленных кадров, миграционные потоки молодых поколений людей (реальные и проективные), социальное самочувствие, безопасность среды проживания и т. д.» [Беляева 2012: 28].

В измерении модернизации российские ученые используют инструментарий, разработанный в Центре исследований модернизации Академии наук КНР (ЦИМ АН КНР). Методика измерения первичной модернизации (далее — ПМ) учитывает три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную и когнитивную (знаниевую) [Лапин 2012б]. Они операционализированы с помощью десяти индикаторов. Из них четыре экономических индикатора определяют долю лиц, занятых в сельском хозяйстве, к общему числу занятых, долю добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, долю добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, ВВП на душу населения. Четыре социальных индикатора определяют долю городского населения во всем населении, число врачей на 1 000 человек, младенческую смертность на 1 000 родившихся, ожидаемую продолжительность жизни. Два индикатора знаний выявляют уровень грамотности среди взрослых и долю студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22 лет [Лапин 2012б].

Значения вторичной модернизации (далее — ВМ) определяются для четырех областей: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. Для каждой стадии определяются четы-

ре фазы: начало, рост, зрелость, переход к следующей стадии. Идентификация с той или иной фазой осуществляется с помощью структурных индикаторов, стандартные значения которых учитывают 200-летнюю историю индустриальных стран. Введен также интегрированный индекс (далее — ИИ) модернизации, включающий 12 индикаторов, большинство которых заимствованы из методик измерения двух стадий. С помощью этого индекса измеряется совокупный уровень обеих стадий модернизации [Лапин 2012б].

Н. И. Лапин отмечает, что «для России особую актуальность имеет проблема разрывов между условиями жизни населения разных, подчас соседних регионов, а также в целом 2–4-кратного отставания условий жизни россиян от развитых стран того мегарегиона, который можно назвать: *Европа и вся Россия*. Эта проблема — вызов современной России, ответ на который и должна дать модернизация страны в первой трети XXI в. Острота задач, стоящих перед властными структурами (политическими и в сфере бизнеса), определяется тем, что теперь жители многих регионов России сравнивают ключевые параметры своей жизни с жизнью в других регионах и странах, в итоге они по-своему действуют: адаптируются или протестуют, деградируют или эмигрируют в другие регионы и страны, более благоприятные для жизни» [Лапин 2012а].

Анализ социокультурных измерений модернизации в России свидетельствует о неравномерности развития разных локальностей, фиксирует различия между центром и периферией. Исследователи отмечают, что различия по уровню первичной модернизации между регионами находятся в интервале 89–100 баллов; при этом по ПМ-уровню выделяются три группы регионов: *высокий* (97–100 баллов) — 40 регионов; *средний* (93–96) — 33 региона; *низкий* (87–92) — 10 регионов. В 2000–2010 гг. большинство регионов страны повысили уровень индексов вторичной модернизации. Но, как и во многих странах, различия между регионами значительны, подчас контрастны: перепады от 47 до 107 баллов. Это породило многоуровневую ВМ-иерархию регионов [Лапин 2012б].

Исследовательская группа Н. И. Лапина отмечает, что существующие в регионах проблемы во многом блокируют их модернизацию, обрекая на стагнацию. В целом Россия еще не вошла в фазу перехода ко вторичной модернизации. Ученые счита-

ют, что препятствует этому переходу относительно высокая занятость в сельском хозяйстве [Лапин 2012а: 9]. На наш взгляд, подобная точка зрения небесспорна, так как пример Китая показывает, что данный фактор не является препятствием в развитии модернизационных процессов.

Первой и главной экономической реформой в Китае стала аграрная реформа. В 1978 г. 82 % населения Китая проживало в сельской местности. Э. И. Рысаева отмечает, что аграрная реформа началась с перехода от неэффективной системы «народных коммун» к «системе ответственности домохозяйств» (фермерство). Уже к 1984 г. в 97 % китайских сельских поселений земля была распределена среди домохозяйств по долгосрочным договорам аренды. В 2006 г. был отменен налог на землю, и землепользование для фермеров стало бесплатным. Правительство одновременно повысило закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию (например, на зерно — на 50 %), что, естественно, привело к росту доходов сельского населения. В 1999 г. Китай уже полностью обеспечивал себя сельскохозяйственной продукцией [Рысаева 2012: 452].

Одной из стержневых составляющих экономической политики российского государства является аграрный сектор. В ближайшие 5 лет страна должна вернуть статус великой аграрной державы, обеспечить независимость по основным видам продовольствия, стать крупнейшим в мире поставщиком продуктов питания. Республика Калмыкия — одно из важных звеньев реализации этих амбициозных планов, она может поставлять продукты питания, прежде всего животноводческую продукцию высоких экологических стандартов не только на российский, но и на мировой рынок. О перспективах развития животноводства свидетельствует и общемировая статистика.

По опубликованным в докладе Института глобальных наблюдений «Состояние планеты — 2006» данным, почти 2 млрд человек во всем мире ежедневно употребляют в пищу мясо. В животноводстве занято около 600 млн работников. Примерно для 200 млн человек пастбищное скотоводство является единственным источником средств существования. В настоящее время 30 % потребностей населения Земли в пище удовлетворяется за счет животноводства [см.: Бадмаев 2012: 106]. В докладе «Мировое животноводство — 2011», подготовленном Продовольственной и сельскохо-

зяйственной Организацией Объединенных Наций (ФАО), утверждается, что к 2050 г. потребление мяса вырастет примерно на 73 %. Ежедневное потребление по сравнению с текущими показателями увеличится на 58 %. Большая часть будущего спроса на продукцию животноводства будет обеспечиваться интенсивным животноводством большого масштаба [см.: Бадмаев 2012: 106]. Следовательно, аграрным регионам необходимо модернизировать свое производство, так как потребность в сельскохозяйственной продукции не уменьшается.

На реализацию этих задач ориентирована политика модернизации Республики Калмыкия, в которой агропромышленный сектор может и должен вывести республику на новые рубежи развития. Один из них направлен на создание сырьевой базы для гигантов продовольственной индустрии, мясопромышленных комбинатов, на продвижение конкурентной продукции, брендированного продукта — «мраморное мясо Калмыкии» [Обращение Главы РК 2012].

Результаты исследований, проведенных Центром изучения социокультурных измерений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН), позволяют оценить динамику социокультурных процессов в российских регионах, характер их модернизации. Остановимся на отдельных показателях модернизации в регионах Южного федерального округа (ЮФО). В целом регионы ЮФО относятся к группе регионов, вступивших в фазу первичной модернизации и наличием некоторых элементов вторичной модернизации. С учетом особенностей и общего уровня модернизации ЮФО фаза его первичной модернизации может быть определена как ПМ-фаза «зрелость» (со значением 3,0). В двух регионах ЮФО фазы первичной модернизации находятся гораздо ниже: фаза Республики Адыгея определяется как «рост» (со значением 2,5), фаза Республики Калмыкия находится в начальной стадии (со значением 1,5) [Лапин 2012б].

Измерения вторичной модернизации демонстрируют скромные достижения округа. В среднем показатель индекса вторичной модернизации на 2010 г. — 59. ЮФО находится на более низкой позиции, чем срединный уровень вторичной модернизации. Только один регион — Ростовская область — имеет срединный уровень ВМ. Республика Калмыкия показывает низкий уровень ВМ. Оценка фазовых значений вторичной модернизации ЮФО свидетельствует о том, что округ пре-

имущественно проявляет показатели стадии зрелости ВМ (со значением 0,5). Индекс интегрированной модернизации немногим превышает отметку 50, составляя 57 (для сравнения — среднероссийский уровень составляет 62) [Лапин 2012б]. Округ еще не вошел в переходную фазу, однако все более приближается к ней. Применительно к южнороссийским регионам справедливы выводы Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г., в котором отмечено, что «...рост человеческого потенциала России недостаточен для ускорения диффузии инноваций, создания условий для конкуренции регионов и городов за инвестиции и человеческий капитал, повышение мобильности населения. Модернизация и российское пространство все еще далеки друг от друга» [Модернизация и развитие 2011: 139].

Регионы России находятся на разных уровнях первичной и вторичной модернизации, располагая разными социальными ресурсами для перехода на следующий уровень. Как подчеркивает Л. А. Беляева, «сегодня снижение качества человеческого и культурного капитала создает реальные риски для слабо и средне развитых регионов, которые могут закрепить за собой место аутсайдеров в будущем модернизационном развитии страны» [Беляева 2012: 25]. Республика Калмыкия занимает последние позиции по степени вовлеченности регионов России в процессы модернизации, ее уровень ВМ (вторичной модернизации) низкий, в то время как средний российский уровень (83 субъекта) — выше среднего. Общую картину модернизации региона отражают следующие показатели. Индекс первичной модернизации (ПМ) Калмыкии составляет 87, а индекс ПМ России — 99. Индекс ВМ Калмыкии равен 47, что гораздо ниже ВМ страны (72) [Лапин 2012б]. Как видим, данные параметры заметно ниже среднероссийских. Низкий уровень социокультурных параметров образует предпосылки неустойчивости социальной стабильности, дальнейшей миграции квалифицированной части населения республики в более благоприятные для жизни регионы страны.

Модернизация страны невозможна без модернизации ее регионов. В силу разных обстоятельств регионы-лидеры продвигаются намного дальше регионов-аутсайдеров. В настоящее время в достаточной мере исследованы модернизационные процессы в развитых регионах страны, однако вовлеченность в эти процессы дотационных, слабо развитых в ин-

дустриальном отношении территорий не изучается столь же всесторонне и глубоко как региональными исследователями, так и учеными из федеральных научных центров.

Каковы перспективы регионов-аутсайдеров, каково состояние модернизационных процессов в таких аграрных регионах, как Республика Калмыкия, к тому же имеющих самобытную культурную специфику? Факторами, затрудняющими ход модернизации, на наш взгляд, являются сильная зависимость региона от центра, десятилетиями нерешаемые проблемы политического управления, социальной защищенности граждан. Нельзя не согласиться с мнением социологов, полагающих, что чрезмерная централизация в системе социального управления, недостаточная маневренность в среднем и низовом звене, превалирование эмоционально-волевых и организационно-принудительных мер, а не экономических и правовых, негативно сказываются на развитии модернизационных процессов. Это ограничивает проявление творческой инициативы индивидов и групп, что вызвано еще и низким уровнем компетенции должностных лиц [Юсупов 2012: 759].

Модернизация, являясь многоуровневым и многоплановым процессом, направлена на обновление всех сфер социальной жизни, от ее реализации во многом будет зависеть дальнейшая судьба России, ее место в мире Л. А. Беляева отмечает: «Россия — это страна предельно не похожих регионов, и в каждом из них необходима своя стратегия модернизации. Большая протяженность страны, малая подвижность основной части населения, склонность к эксклюзии и архаизации составляют отличительные черты общества. Модернизация должна учитывать не только экономический потенциал региона, но и его социокультурные особенности и ресурсы» [Беляева 2012: 27]. Основная цель модернизации — социальное благополучие в обществе. Отсюда следует, что она должна быть сфокусирована на улучшение социальной жизни и социальной структуры, отдавая приоритет повышению качества жизни, социальной трансформации и повышению гражданской ответственности [Обзорный доклад 2011].

Среди «главных вопросов, которые необходимо решать в первую очередь для осуществления задач модернизации как в российских масштабах, так и в масштабах каждого из регионов страны», — ученый из Тывы назвал «совмещение культурных

традиций проживающих в них народов с задачами модернизации» [Ламажаа 2012]. Подобное «совмещение» можно рассмотреть на примере одного из самобытных регионов России — Республики Калмыкия, где при реализации задач модернизации стремятся использовать культурный потенциал, систему социальных связей и институтов калмыцкой культуры, что позволит осовременить общество, вписать его в планы российского развития, и в то же время сохранить его этническую специфику.

Безусловно, органам власти предстоит большая работа по решению задач совершенствования способов модернизации, снижения возможных рисков. Эта рабо-

та должна строиться на основе научного анализа реального состояния республики. Региональный аспект в сочетании с социокультурным чрезвычайно важен в модернизационных процессах, так как мобилизация инновационного потенциала в обществе, мобилизация сознания и поведения не могут не затрагивать проблемы особенностей национальных стереотипов, поведенческих установок, традиций. Предстоит добиваться и совершенствования системы социального управления, демократизации общественной жизни, умелого сочетания традиционных и современных ценностей, общественных и индивидуально-групповых интересов.

Литература

- Бадмаев В. Н. Философия хозяйства: хозяйственная культура калмыцкого этноса // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 2 (14). С. 100–106.
- Беляева Л. А. Напряжения социального пространства в России и в ее регионах и проблемы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. мат-лов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 окт. 2012 г.). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 24–38.
- Куканова Л. В. Республика Калмыкия: этнокультурные факторы модернизации общества // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2000. № 1. С. 173–186.
- Когай Е. А. Тенденции и перспективы модернизации регионов Центрального Черноземья // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [электронный ресурс]: Мат-лы IV Очеред. Всерос. социолог. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. М.: РОС, 2012. 1. ([электронный ресурс] CD ROM. С. 522–529).
- Ламажаа Ч. К. Задачи модернизации и этнокультурные традиции населения Тувы // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Мат-лы IV Очеред. Всерос. социолог. конгресса. М.: РОС, 2012. С. 571–574. [Электронный ресурс] // 1 CD ROM.
- Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.
- [Лапин 2012a] — Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. мат-лов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 22–25 окт. 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6–23.
- [Лапин 2012б] — Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Мат-лы IV Очеред. Всерос. социолог. конгресса. М.: РОС, 2012. С. 577–594. ([электронный ресурс] // 1 CD ROM).
- Модернизация и развитие человеческого потенциала / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. 146 с.
- Намруева Л. В. Этническая культура калмыков в условиях модернизации // Единая Калмыкия в единой России: через века к будущему. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2009. Ч. 2. С. 450–456.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ., под общ. ред. Н. И. Лапина / предисл. Н. И. Лапин, Г. И. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
- Обращение Главы Республики Калмыкия А. Орлова к депутатам Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия // Аргументы Калмыкии. 2012. 26 декабря. № 3.
- Рысаева Э. И. Китайская модель модернизации и ее особенности // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. мат-лов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 октября 2012 г.). / ИСПИИ РБ. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 472 с. С. 450–454.
- Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 166 с.
- Юсупов М. М. Социокультурное измерение модернизации региона // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие ([электронный ресурс] 1 CD ROM): Мат-лы IV Очеред. Всерос. социолог. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. М.: РОС, 2012. С. 757–760.
- Evolution of Russia and its Regions” (Ufa; October 22–25, 2012). Ufa: Bashkortostan Acad. of Sciences, Gilem, 2012. Pp. 6–23. (In Russ.)
- Lapin N. I. [Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization]. *Sociological Studies*. 2011. No. 9. Pp. 3–18. (In Russ.)
- Lapin N. I. [Modernization in the World, its State in the Regions of Russia]. In: [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Conf. proc. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. Pp. 577–594. An Internet resource. 1 CD ROM. (In Russ.)
- [Modernization and Development of the Human Potential]. A. A. Auzan and S. N. Bobylev (ed.). Moscow: United Nations Development Programme in Russian Federation, 2011. 146 p. (In Russ.)
- Namrueva L. V. [Ethnic Culture of Kalmyks under Modernization] In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries to the Future]. Conf. proc. Part 2. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 450–456. (In Russ.)
- [Review Report on Modernization in the World and China (2001–2010)]. N. I. Lapin (transl.). N. I. Lapin, G. I. Tosunyan (ed.). Moscow: Ves Mir, 2011. 256 p. (In Russ.)
- Rysaeva E. I. [Chinese Model of Modernization and its Features]. In: [Problems of Modernization in Sociocultural Portraits of Russian Regions]. Conf. proc. based on the programme “Sociocultural Evolution of Russia and its Regions” (Ufa; October 22–25, 2012). Ufa: Bashkortostan Acad. of Sciences, Gilem, 2012. 472 c. Pp. 450–454. (In Russ.)
- Yusupov M. M. [Socio-cultural Dimension of Regional Modernization]. In: [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. An Internet resource. 1 CD ROM. Conf. proc. Russian Society of Sociologists. Institute of Sociology of the RAS. Bashkortostan Acad. of Sciences. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. Pp. 757–760. (In Russ.)

References

- [Appeal of the Head of the Republic of Kalmykia A. Orlov to the Deputies of the People’s Khural (Parliament) of the Republic of Kalmykia]. *Arguments of Kalmykia*. 2012. 26 December. No. 3. (In Russ.)
- Badmaev V. N. [Philosophy of Economy: Economic Culture of Kalmyk Ethnos]. *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 2 (14). Pp. 100–106. (In Russ.)
- Belyaeva L. A. [Tensions of the Social Space in Russia and its Regions and the Problems of Modernization]. In: [Problems of Modernization in Socio-cultural Portraits of the Russian Regions]. Conf. proc. based on the programme “Sociocultural Evolution of Russia and its Regions” (Ufa; October 22–25, 2012). Ufa: Bashkortostan Acad. of Sciences, Gilem, 2012. Pp. 24–38. (In Russ.)
- Fedotova V. G. [Good Society]. Moscow: Progress-Tradition, 2005. 166 p. (In Russ.)
- Kogay E. A. [Trends and Prospects for Modernization of the Central Chernozem Region]. In: [Sociology and society: Global Challenges and Regional Development]. Conf. proc. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. 1. An Internet resource. CD ROM. P. 522–529. (In Russ.)
- Kukanova L. V. [Republic of Kalmykia: Ethnocultural Factors of Society Modernization]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Socio-Economic and Legal Studies*. 2000. No. 1. Pp. 173–186. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. [Problems of Modernization and Ethnocultural Traditions of the Population of Tuva]. In: [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Conf. proc. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. Pp. 571–574. An Internet resource. 1 CD ROM. (In Russ.)
- Lapin N. I. [Modernization in the World, its State in the Regions of Russia]. In: [Problems of Modernization in Socio-cultural Portraits of Russian Regions]. Conf. proc. “Sociocultural

УДК 314.9

ББК 60.7

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева

Экономическое развитие и социальное благополучие страны определяются не только природными богатствами, но и человеческими ресурсами. В связи с этим одним из важнейших факторов социально-экономического развития регионов являются их демографический и трудовой ресурсы. Поскольку на региональном уровне непосредственно осуществляется процесс воспроизводства человека, регионы становятся главной организующей силой, управляющей развитием демографического и трудового потенциалов.

Согласно определению Большого энциклопедического словаря, потенциал в широком смысле обозначает источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области (напр., экономический потенциал) [Большой энциклопедический словарь 2000]. Термин «потенциал» в различных трактовках получил широкое распространение в моделях биологических, социальных и экономических наук. Начиная с середины XIX — начала XX в. в научный оборот были введены различные смыслы термина, отражающие разные аспекты демографической системы [Фаузер 2010: 105].

Демографический потенциал характеризует возможности воспроизводства населения и развития человека. К настоящему времени предложено несколько формулировок понятия демографического потенциала, в которых отражено влияние различных факторов на возможности воспроизводства населения. В основном исследователи рассматривают жизненные потенциалы (жизненный потенциал — по Л. Хершу, потенциал роста — по П. Венсану, инерция демографического роста — по Н. Кейфицу, репродуктивный потенциал — по Р. А. Фишеру и др.), каждый из которых характеризует влияние определенного демографического фак-

тора [Сукнева 2011: 14]. Согласно определению Н. К. Габдрахманова и В. А. Рубцова, демографический потенциал территории — это совокупность человеческих ресурсов территории, сформированных в условиях существующей демографической ситуации, которые могут быть использованы в развитии территории с учетом демографической обстановки [Габдрахманов, Рубцов 2012: 147].

Факторами формирования демографического потенциала выступают численность населения, определяемая демографическими процессами, демографическая структура и демографическое поведение. Как отмечает С. А. Сукнева, концепция рассмотрения поведенческого фактора в качестве одного из основных, наряду с численностью населения и структурным фактором, является принципиально новым в определении демографического потенциала. Миграция также является значимым фактором с точки зрения не только потерь населения, но и в аспекте демографического потенциала. Масштабы и темпы нарастания внутрирегиональной сельско-городской миграции сокращают демографический потенциал сельского населения республики. Миграция снижает демографический потенциал тех районов, откуда происходит выбывание, снижая численность и ухудшая структурные и качественные характеристики населения [Сукнева 2011: 15].

Трудовой потенциал представляет собой совокупную рабочую силу и совокупную общественную способность населения к труду. Как экономическая категория, трудовой потенциал отражает производственные отношения в связи с воспроизводством психофизиологических, квалификационных, духовных и социальных качеств трудоспособного населения. С количественной стороны трудовой потенциал представляет собой запасы труда, которые определяются общей численностью трудовых ресурсов, их половозрастной структурой, образователь-

ным уровнем и возможностями их использования. Трудовые ресурсы региона — это часть населения страны, которая обладает физическими и духовными способностями к труду и представляет собой действующую и потенциальную рабочую силу.

Фактически к трудовым ресурсам относятся население в трудоспособном возрасте — мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 16 до 55 лет (за исключением неработающих инвалидов труда и войны I и II групп и неработающих мужчин и женщин трудоспособного возраста, получающих пенсии по старости на льготных условиях), а также население старше и моложе трудоспособного возраста, занятое в общественном производстве.

Трудовые ресурсы как страны, так и региона могут быть охарактеризованы следующими параметрами: образовательный уровень, отражающий долю лиц с начальным, средним, средним специальным и высшим образованием; профессионально-квалификационная структура, характеризующая трудовые ресурсы по видам деятельности, профессиям, специальностям и уровню квалификации; половозрастная структура, отражающая соотношение возрастных и дифференцированных по полу групп; социаль-

но-экономическая неоднородность работающих, связанная со сложностью труда у тех или иных групп (неквалифицированный, квалифицированный и высококвалифицированный труд; для руководителей — работа в высшем, среднем, низшем звеньях).

Проблема изучения трудового и демографического потенциалов Республики Калмыкия затрагивалась в ряде работ региональных исследователей: были предприняты оценка рождаемости и репродуктивного поведения населения региона [Балинова 2010], изучение представлений молодежи о семье и браке [Нусхаева 2012], анализ миграции молодежи [Намруева 2011] и др.

Рассмотрим общие характеристики демографического потенциала Республики Калмыкия. По данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 г., численность постоянного населения Республики Калмыкия составила 289481 человек. По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения уменьшилась на 2 929 человек. За период между переписями населения 1989 и 2002 гг. численность населения сократилась на 30,2 тыс. чел. Начиная с 1992 г. отмечается ежегодное сокращение численности населения республики [Состав населения... 2010: 3].

Таблица 1. Численность населения Республики Калмыкия с 2002 по 2010 гг.

Годы	Численность населения на начало года (тыс. чел.)	Городское население (тыс. чел.)	Сельское население (тыс. чел.)
2002	292,4	129,5	162,9
2003	291,8	129,3	162,5
2004	290,6	128,1	161,7
2005	289,9	128,1	161,8
2006	288,7	127,5	161,2
2007	287,2	127,0	160,2
2008	285,5	126,5	159,0
2009	284,0	126,3	157,7
2010	283,2	126,3	156,9

По мнению специалистов, современная демографическая ситуация в республике и перспективы во многом определяются характером развития процессов народонаселения в прошлом. Демографическая история республики, как и в целом всей страны, существенно осложнена социальными катаклизмами, которые серьезно повлияли на динамику численности и нарушили дальнейший ход демографических процессов. Многомиллионные потери населения, вы-

званные снижением рождаемости и ростом смертности в военные годы и годы репрессий, чрезвычайно деформировали возрастную структуру страны и привели к провалам в возрастно-половой структуре населения, которые влияют на динамику населения и будут еще влиять в следующих десятилетиях. Так называемое «демографическое эхо войны» проявляется в том, что поколение людей военных лет (1942–1945) и поколения их детей (середина 1960 гг.), внуков

(1990 гг.) и т. д. имеют относительно малую численность [Состав населения... 2010: 4].

Вместе с тем показатели демографического развития республики свидетельствуют не только о зависимости перемен в составе населения от событий прошлого, но и о тесной их взаимосвязи с процессами естественного движения населения.

Рост и сокращение численности населения имеют два источника: естественный и миграционный прирост или убыль населения. До конца 1980 гг. в республике наблюдалось увеличение численности населения

в основном за счет естественного прироста. Влияние миграционного прироста, происшедшего в 1950–1960 гг. XX в., постепенно уменьшилось. Как было сказано выше, начиная с 1992 г. отмечается ежегодное сокращение численности населения, которое обусловлено тем, что снижающийся естественный прирост не перекрывает миграционную убыль населения республики. Тенденции все возрастающей миграции населения негативно сказываются на демографическом потенциале региона.

Таблица 2. Изменение численности населения по компонентам

Годы	Население на начало года	Изменения за год			Население на конец года
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	
2003	291 850	– 1224	437	– 1661	290 626
2004	290 626	– 745	739	– 1484	289 881
2005	289 881	– 1206	438	– 1644	288 675
2006	288 675	– 1476	613	– 2089	287 199
2007	287 199	– 1658	1 005	– 2663	285 541
2008	285 541	– 1540	1 378	– 2918	284 001
2009	284 001	– 835	1 155	– 1990	283 166

Представленная таблица отражает взаимосвязанные процессы: а) естественный прирост не перекрывает миграционную убыль населения; б) общий прирост населения имеет отрицательную динамику.

Самой острой проблемой современного демографического развития России является высокий уровень смертности населения. Рассмотрим количество умерших по годам [Республика Калмыкия... 2010: 33.].

Таблица 3. Количество умерших по годам

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего умерших	3 357	3 637	3 437	3 184	3 350	3 207	3 141	2 976	3 115

Представленные в таблице 3 данные фиксируют нестабильную динамику изменения численности умерших, при этом процент умерших колеблется от 1 % до 3 % от всего населения Калмыкии.

Многие специалисты отмечают, что переход к рыночной экономике еще более обнажил существующие проблемы. Накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье на протяжении предыдущих десятилетий в сочетании со снижением жизненного уровня населения в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, с недоступностью высокоэффективных

средств лечения для большинства населения, с экологическим неблагополучием и ростом преступности усугубили потери населения в связи со смертностью.

Как было отмечено выше, репродуктивное поведение является одним из факторов, обеспечивающих демографический потенциал. Новые социально-экономические условия жизни привели к трансформации традиционных репродуктивных установок и ценностей. Н. В. Балинова объясняет изменение репродуктивного поведения молодых людей тем фактом, что у молодежи формируются новые типы такого поведения, которые связаны с изменением стиля и образа

жизни. Важным фактором, ограничивающим число детей в семье, явилось, по мнению автора, восприятие рождения детей как «помехи» на пути к достижению определенных целей (профессиональных, карьерных), реализации себя в различных сторонах жизнедеятельности [Балинова 2010: 34]. Резкое изменение социально-экономических условий, сложности адаптации населения к изменяющимся условиям жизнедеятельности, а также связанная с ними ускорившаяся трансформация ценностных ориентаций, безусловно, оказали влияние на семью и саму динамику рождаемости.

Рассмотрим основные характеристики трудового потенциала. Возрастная структура — важный фактор, от которого за-

висит естественный прирост населения. В Республике Калмыкия произошли заметные изменения в возрастной структуре населения. Снижение рождаемости в 1990-х гг., сокращение продолжительности жизни, рост смертности привели к сокращению общей численности населения и усилению процесса его старения. При численном сокращении поколения людей младше трудоспособного возраста происходит процесс увеличения поколения людей старше трудоспособного возраста. Тенденция старения населения со временем будет нарастать, так как в последние годы происходит процесс сокращения трудоспособного населения — наиболее экономически активной части общества.

Таблица 4. Возрастной состав населения Республики Калмыкия

Годы	Численность населения в возрасте					
	младше трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	человек	доля в общей численности	человек	доля в общей численности	человек	доля в общей численности
1959	63 645	34,4	103 157	55,8	18 055	9,8
1970	105 999	40,5	128 704	49,2	26 873	10,3
1979	93 149	31,6	172 364	58,5	28 749	9,8
1989	103 798	32,2	183 717	56,9	35 063	10,9
2002	72 462	24,8	177 146	60,6	42 773	14,6
2003	71 823	24,6	177 611	60,9	42 416	14,5
2004	68 568	23,6	180 363	62,1	41 695	14,3
2005	66 016	22,8	182 296	62,9	41 569	14,3
2006	63 556	22,0	183 700	63,6	41 419	14,4
2007	61 403	21,4	183 994	64,1	41 802	14,5
2008	60 014	21,0	183 121	64,1	42 406	14,9
2009	59 200	20,9	181 584	63,9	43 217	15,2
2010	58 889	20,8	179 561	63,4	44 716	15,8

Ежегодное падение числа родившихся в 1990-е гг. сказалось прежде всего на детском населении, уменьшение которого в свою очередь определило общее сокращение численности населения республики. Численность населения моложе трудоспособного возраста, как и всего населения республики, сокращается по причине смертности населения и миграции. Уровень смертности населения в возрасте 0–15 лет в 1990 гг. и в начале 2000 гг. колеблется от 1 до 2 человек на 1 000 населения соответствующего возраста и зависит от уровня младенческой смертности. В 2009 г. смертность населения в возрасте моложе трудоспособного составила 1,3 умерших на 1 000 населения соответствующего возраста.

Численность населения трудоспособного возраста за период между переписями (1989–2002 гг.) сократилась, но удельный вес ее вырос с 56,9 до 60,6 %. По результатам переписи 2010 г., численность населения в трудоспособном возрасте несколько увеличилась, так как трудоспособного возраста достигли родившиеся в конце 1980 гг. Однако численное пополнение трудовых ресурсов в период между переписями (2002–2010 гг.) за счет смены поколений не могло компенсировать потерь в связи с возросшим числом умерших в трудоспособном возрасте и убылью населения в трудоспособном возрасте за счет миграции.

Таблица 5. Прирост (снижение) населения в трудоспособном возрасте

Годы	Всего	В том числе за счет:		
		замещения поколений	миграционного прироста (убыли)	умерших в трудоспособном возрасте
1990–2001	–5 176	33 895	–26 829	12 242
2003	2 752	5 076	–1 202	1 122
2004	1 933	4 160	–1 113	1 114
2005	1 404	3 788	–1 247	1 137
2006	294	2 994	–1 620	1 080
2007	–873	2 315	–2 191	997
2008	–1 537	1 769	–2 319	987
2009	–2 023	507	1 529	1 001

Важно отметить, что в начале 2000-х гг. при росте численности населения в трудоспособном возрасте негативное влияние на формирование трудовых ресурсов оказывают высокая смертность мужчин данной возрастной категории и миграционный отток трудоспособного населения. Динамика показателей мужской сверхсмертности (отношение возрастного коэффициента смертности мужчин к возрастному коэффициенту смертности женщин) за последние 20 лет свидетельствует о том, что разница между мужской и женской смертностью в трудоспособном возрасте колеблется от 3,1 до 4,6 раз. В 2009 г. уровень смертности населения в трудоспособном возрасте составил 5,7 умерших на 1 000 человек населения трудоспособного возраста, в том числе 9,3 умерших мужчин и 2,1 умерших женщин на 1000 населения соответствующего возраста и пола.

Несмотря на вступление в трудоспособный возраст молодежи, родившейся в 1980

гг., начался процесс старения трудовых ресурсов. Если в 1989 г. удельный вес лиц в возрасте старше 35 лет составлял 41,7 % от численности населения трудоспособного возраста, то в 2002 г. он увеличился до 54, %, а на начало 2010 г. составил 52 %.

Средний возраст населения в трудоспособном возрасте на начало 2010 г. составил 36,3 года, в том числе среди мужчин — 37, женщин — 35,6 года. Тенденция старения населения влечет за собой существенное изменение социально-демографической структуры населения республики и влияет на демографическую нагрузку трудоспособного населения. «С 2009 г. отмечается рост показателя демографической нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным, а с 2007 г. — рост показателя демографической нагрузки трудоспособного населения населением пенсионного возраста» [Развитие демографических ... 2010: 17].

Таблица 6. Демографическая нагрузка трудоспособного населения

Годы	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится населения в нетрудоспособном возрасте			В % к общей нагрузке нагрузка населения в возрасте	
	всего	младше трудоспособного	старше трудоспособного	младше трудоспособного	старше трудоспособного
2002	650,5	409,1	241,4	62,9	37,1
2003	643,2	404,4	238,8	62,9	37,1
2004	611,3	380,1	231,2	62,2	37,8
2005	590,2	362,2	228,0	61,4	38,6
2006	571,5	346,0	225,5	60,5	39,5
2007	560,9	333,7	227,2	59,5	40,5
2008	559,3	327,7	231,6	58,6	41,4
2009	564,0	326,0	238,0	57,8	42,2
2010	577,0	328,0	249,0	56,8	43,2

При анализе данных таблицы выявляется динамика возрастания численности населения старше трудоспособного возраста. В 2002 г. оно составляло 241,4 человека на 1 000, а в 2010 г. — 249 человек на 1 000 населения. Сокращение трудоспособной части населения негативно сказывается на трудовом потенциале республики. Но количественная оценка трудовых ресурсов не

исчерпывается оценкой численности части трудоспособного населения. Необходимо учитывать качественную оценку трудовых ресурсов, т. е. уровень профессионализма, образование, экономическую активность и т. д.

Следующая закономерность усматривается в сокращении численности экономически активного населения.

Таблица 7. *Численность экономически активного населения*

	2007	2008	2009	2010	2011
Экономически активное население — всего, тыс. чел.	142,9	147,7	146,2	143,6	143,5
женщины	70,1	72,0	70,0	69,5	69,8
мужчины	72,8	75,7	76,2	74,1	73,7
в том числе:					
занятые в экономике — всего	122,4	124,0	121,9	122,1	123,1
женщины	61,0	62,4	60,3	60,5	61,9
мужчины	61,4	61,6	61,6	61,6	61,3
безработные — всего	20,5	23,7	24,3	21,5	20,4
женщины	9,1	9,5	9,8	9,0	8,0
мужчины	11,4	14,2	14,6	12,5	12,4

По данным, представленным в таблице 7, выявляется достаточно выраженное сокращение численности мужчин в составе экономически активного населения. При этом число мужчин, занятых в экономике, уменьшается с одновременным увеличением их численности среди безработного населения.

Анализируя демографические процессы в Калмыкии, необходимо особое внимание уделить миграционным процессам, играющим важную роль в изменении численности населения региона. Поскольку республика продолжает терять население трудоспособного возраста вследствие миграционных процессов, региональными исследователями была предпринята попытка выявить основные тенденции миграционного поведения молодого поколения региона.

В связи с этим рассмотрим результаты исследования, проведенного Л. В. Намруевой в 2010 г. В анкетном опросе приняло участие 283 респондента, среди них 67 человек в возрасте до 20 лет и 119 человек в возрасте 20–29 лет. Большинство опрошенных молодых людей были студентами очного и заочного обучения местных филиалов московских вузов. Большая часть опрошенных (более 70 %) на вопрос «Возникает ли у вас желание выехать за пределы республики?»

дала положительные ответы. Только 18,6 % респондентов не имеют желание покинуть территорию республики, 9 % опрошенных первой группы (до 20 лет) и 7,6 % опрошенных второй группы (20–29 лет) изъявили желание переехать в соседние регионы, 28,4 % и 32,8 %, соответственно, выразили стремление перебраться в столицу Российской Федерации. У 41,8 % и 37,0 % молодых людей двух рассматриваемых групп имеется желание выехать за пределы России. Полученные данные убедительно показывают, что трудовая миграция в республике неслучайно стала молодежным явлением, так как именно среди молодых людей высок уровень мотивации к выезду за пределы родной республики. Открытый вопрос анкеты позволил выяснить, какие страны являются наиболее привлекательными: 30 % опрошенных молодых людей мечтают выехать в европейские страны, 20 % — в США, 15 % — в азиатские страны (Китай, Японию) [Намруева 2011: 88].

Кроме трудовых мигрантов, численность тех, кто безвозвратно покидает регион, пополняет учащаяся молодежь. Ежегодно сотни абитуриентов из Калмыкии поступают в столичные вузы, по окончании которых они не планируют возвращаться в родную республику. Нельзя не согласиться

с Л. В. Намруевой в том, что умная и талантливая молодежь не находит на родине ни возможности, ни условий для самореализации, профессиональной карьеры, обеспечения подобного уровня жизни. «Утечка мозгов» приводит к обеднению генофонда нации, и потому социально-политические меры для сокращения масштабов миграции в молодом поколении являются актуальной задачей [Намруева 2011: 90].

Проведенный анализ позволяет констатировать следующее.

1. Трудовой, демографический потенциал республики формируется на фоне значительных изменений демографической структуры населения, обусловленных сокращением его численности и старения.
2. Высокий уровень миграции, увеличение численности в группах населения пенсионного возраста, преждевременная смертность усиливают демографическую нагрузку на группу населения трудоспособного возраста и негативно влияют на трудовой потенциал населения республики.
3. Количественные потери демографиче-

ского и трудового потенциала обусловлены высоким уровнем миграции экономически активного населения республики в экономически благоприятные регионы.

В связи с этим для укрепления демографического потенциала региона приоритетными направлениями должны стать следующие: улучшение здоровья населения; снижение потерь от предотвратимой смертности мужского населения; улучшение экологической обстановки; создание благоприятных условий для реализации уже имеющейся потребности в детях и ее повышения с целью достижения массового расширенного воспроизводства семьи; сокращение безвозвратной миграции и регулирование миграции внутри республики через улучшение социально-экономических условий проживания (прежде всего в сельской местности); обеспечение занятости сельского населения путем создания новых рабочих мест и привлечения сельских жителей на объекты крупных инвестиционных проектов на территории республики вахтовым методом, решение проблем количественной и качественной обеспеченности жильем.

Литература

- Балинова Н. В. Калмыки: антропологический портрет. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 144 с.
- Большой энциклопедический словарь. 2000. [электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/241690> (дата обращения: 04.02.2013)
- Габдрахманов Н. К., Рубцов В. А. Демографический потенциал Республики Татарстан: анализ, оценка, территориальные различия // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып 1. С. 145–155.
- Намруева Л. В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере Калмыкии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 87–92.
- Нусхаева Б. Б. Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 100–104.
- Развитие демографических процессов в Респу-

блике Калмыкия в 2009 г. Аналитическая записка. Федеральная служба государственной статистики Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РК. Элиста, 2010. 37 с.

Республика Калмыкия. Стат. ежегодник. 2010: Стат. сб. / Калмыкиастат. Элиста: Террит. орган Федеральной службы гос. статистики по РК. 2010. 323 с.

Состав населения Республики Калмыкия по полу и возрасту в 2009 г. Аналитическая записка. Федеральная служба государственной статистики Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РК. Элиста, 2010. 30 с.

Сукнева С. А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона (на примере Республики Саха (Якутия)): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 43 с.

Фаузер В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра. УрО РАН, 2010. № 1. С. 105–111.

References

- Balinova N. V. [Kalmyks: Anthropological Portrait]. Elista: Dzhangar, 2010. 144 p. (In Russ.)
- [Development of Demographic Processes in the Republic of Kalmykia in 2009. Analytical Note. Federal State Statistics Service in the Republic of Kalmykia]. Elista, 2010. 37 p. (In Russ.)
- Fauzer V. V. [Assessment of Demographic and Labor Potential of the Komi Republic]. *Bulletin of Komi Scientific Center of the RAS*. 2010. No. 1. Pp. 105–111. (In Russ.)
- Gabdrakhmanov N. K., Rubtsov V. A. [Demographic Potential of the Republic of Tatarstan: Analysis, Estimation, Territorial Differences]. *Bulletin of Udmurt University*. 2012. Iss. 1. Pp. 145–155. (In Russ.)
- [Large Encyclopedic Dictionary]. 2000. An Internet resource: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/241690> (accessed: February 4, 2013). (In Russ.)
- Namrueva L. V. [Influence of Youth Migration on Preservation of Ethnicity (on the Example

of Kalmykia)]. *Bulletin of Russian University of Peoples' Friendship*. Ser. Sociology. 2011. No. 2. Pp. 87–92. (In Russ.)

Nuskhayeva B. B. [Ideas of Youth of the Republic of Kalmykia about Family and Marriage]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 1. Pp. 100–104. (In Russ.)

[Population Composition of the Republic of Kalmykia by Gender and Age in 2009. Analytical Note. Federal State Statistics Service in RK]. Elista, 2010. 30 p. (In Russ.)

[Republic of Kalmykia]. Stat. Yearbook. 2010. Kalmykiyastat. Elista: Federal State Statistics Service of the Republic of Kalmykia, 2010. 323 p. (In Russ.)

Sukneva S. A. [Demographic Potential of the Population Reproduction in the Northern Region (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Dr. Sc. thesis (Economics) abstract. Moscow, 2011. 43 p. (In Russ.)

УДК 2 (23/28)
ББК Ю 0/8 87

О ДИХОТОМИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ РАЗУМА (из истории европейской философской мысли)

О. В. Усалко

Одно из самых поразительных различий между конституционными демократиями и тираниями нашего времени имеет отношение к определенным свойствам разума. В конституционных демократиях люди склонны мыслить категориями дихотомий — веры и разума, церкви и государства, личного и общественного, исполнительного и законодательного. Они самопроизвольно осторожны в концептуальной унификации, и их осторожность направлена на разделенные силы и ограниченные претензии. В тираниях, особенно в идеологических и тоталитарных, люди склонны игнорировать или отвергать подобные дихотомии. Охарактеризованные свойства концептуальной унификации направлены на концентрированную власть и непроверяемые претензии, которые ведут к ужасам, характерным для режимов тирании.

Святой Августин — величайший пример дихотомического свойства разума и родоначальник европейского дихотомического мышления новой эры; Локк, Монтескье и Берк были лишь его наследниками. И хотя он так же важен в развитии современного общества, как любая фигура классической политической философии, он часто демонстрирует религиозную нетерпимость. Тем не менее, он не был чужд умеренности и терпимости.

Дихотомии Августина известны. Некоторые относятся к объективному миру: империя и церковь, история и эсхатология, эра язычества и эра христианства. Другие относятся к разуму. Они включают как субъективное понимание времени Августином, так и объективное, явленное в его попытках установить верховенство истины христианского учения, включающего веру и разум.

В наследии Августина есть и другие дихотомии. В самом центре его круга идей находятся антитезы, относящиеся к свобо-

де, — например, свобода и закон, свобода и милость. Одной из важнейших является дихотомия универсальности и уникальности. Первой присуще принятие того, что Бог и мораль могут быть в некотором роде познаны через рациональные категории, доступные всем людям, — вторая выражена центральной идеей, что Бог не познаваем полностью, но лишь одними понятиями общего рода, явленными Богом, Богом Авраама, Исаака и Иакова, который воплотился в Иисусе Христе. Над всеми другими дихотомиями находится антитезис Града Господня и Земного Града [Августин 1991: 230].

Августин привычно воздерживается от объединения воспринимаемых как антитезы социальных институтов, ментальных способностей, временных периодов и т. д. Он даже делает акцент на полярностях и напряжениях, усматривая ограниченность в интеллектуальных операциях, распятых между самоанализом и исследованием, между разумом и верой. Если бы мы не были охвачены грехом, свобода просто была бы эквивалентом праведности, не противоречила бы моральным законам, не зависела бы от каждого проявления божественного милосердия. И если бы мы были безгрешны, мы бы существовали в абсолютном единстве божественной уникальности и универсальности.

Оба полюса полностью легитимны, хотя и не обязательно равны по достоинству или логическому рангу. Легитимно, например, придерживаться и веры и разума, хотя вера по рангу выше разума, если иметь в виду достижение понимания и упорядочения жизни. Отсюда следует, что дихотомии — это не просто упрямые факты. В некоторой степени они являются нормами, и изучение этих норм неотъемлемо для сбалансированного понимания мира людей и управления человеческой жизнью. Дихотомия церкви

и государства — это институты человеческой мудрости, признаваемые издревле, и игнорирование этого принципа подвергает общество опасности хаоса. Также как определение выводов веры и разума привело бы к путанице. Игнорирование дихотомий подрывает цивилизованную жизнь. Различия и балансы, которые лежат в основе цивилизованного человеческого порядка насильно стираются, следствием чего является разрушение гуманистических традиций.

Простого здравого смысла недостаточно для рассмотрения дихотомий. Даже цивилизация греков была серьезно расколота несовершенными дихотомиями, вместе с недостаточностью стремления к единству. Платон признал, что есть вопросы, на которые философ не мог ответить без помощи Божественного откровения, на получение которого сам он не претендовал. В «Федоне» Платона Симмий признается Сократу в том, как сложно достичь уверенности насчет участи души после смерти. Он говорил, что мудрец должен взять лучшую и неопровержимую из человеческих теорий и позволить ей служить плотом, на котором он будет плыть по жизни, если он сможет найти какое-либо слово Бога, которое будет его вести более уверенно и безопасно [Платон 1994: 40]. Все это трагично описано Платоном в «Республике» — идеале одновременно духовно вдохновляемом и политически пугающем. Познание и уважение дихотомий, таким образом, зависит от большего, чем благопристойность, которая воздерживается от жестоких проектов унификации.

Неполноценность разума была иначе выражена Кантом, который заявлял, что в демонстрации некомпетентности разума для достижения умозрительной уверенности в вопросах, касающихся Бога, свободы и бессмертия, он оставлял место вере. Кант крайне минимизировал масштаб теоретического разума, и его концепция веры может свестись к христианской ортодоксии, но можно согласиться с его тезисом, что признанием лимитов ума мы можем лучше оценить нужду в вере [Асмус 2005: 73].

Определенные формы экзистенциализма настаивают на том, что реальность допустима только через субъективность. Позитивизм же утверждает, что реальность доступна только через объективность. Современность кажется полярностью ума и веры, полярность трагичная для начала

современного периода в сопоставлении с Ренессансом и Реформацией. И триста лет спустя неспособность современного интеллекта держать разум и веру в балансе была драматизирована Гегелем и Кьеркегором. Кьеркегор, частично реагируя на Гегеля, поставил гуманность в зависимость от веры и веру в неповиновение разуму [Быховский 1975: 58].

Когда мы изучаем внешний мир ради сходных примеров краха дихотомий, мы понимаем, что иным словом для такого краха является «идолопоклонство». Вокруг нас вместо дихотомий мы видим политических идолов. Больше нет напряжения между духовными и земными властями, а общество находится одновременно под духовной и земной властью одного хозяина, одного вдохновленного лидера, одной законной партии. Люди — не члены одновременно двух, более или менее противоречивых обществ, одного, ориентированного к вечности, и другого — устремленного к земле. Все являются членами одного общества — возможно, социального класса, предназначенного историей идеально продемонстрировать интересы всего человечества, возможно, государства, мнимо служащего идее превосходства расы.

Государство, возможно, является главным идиолом современного человека. Такие категории, как раса или класс, смутны и неосвязаемы. Они нуждаются в твердом воплощении, которое предоставляет государство. Сходным образом идеологизированный лидер или партия нуждаются в аппарате власти, который также предоставляется государством. Но государство никогда не является слугой богов. В своей идее необъятной власти, вездесущности и бессмертности оно самое пленительное из всех идолов.

Один из самых решительных стимулов для развития современного понимания зародился на закате античности вместе с возвышением христианской церкви, которая релятивизировала государство. Больше нельзя было сказать, что человек был только «политическим животным». Самый очаровательный из всех идолов был понижен до статуса слуги — слуги христианской жизни, с точки зрения Августина и средневековья. Если бы эта релятивизация не появилась, стабильная свобода не была бы достигнута. Но такая релятивизация имеет смысл только в контексте дихотомий. Вот почему упадок дихотомий привел к возвышению

абсолютного государства и, как следствие, отказу от свободы.

Божественный центр августинианской вселенной поддерживал двойную независимость человеческой жизни. Одним аспектом этой независимости была идея божественного провидения. Бог во всех деталях руководил раскрытием событий человеческой жизни. Но божественное руководство не было принудительным, по крайней мере, в идеале это не так, что дает нам второй аспект божественной независимости, по Августину. Бог требовал от людей добровольного подчинения и признания Его правления. Праведный человек, член Града Господня был тем, чья жизнь фокусирова-

лась через любовь вселенского правителя, который гарантировал, что кажущийся хаос истории является порядком.

В современном мире верховная власть Бога в двух своих аспектах практически исчезла из умов людей. Идея о том, что любое событие в истории и каждая мелочь человеческой жизни происходит по воле Божьей, для светского разума стала не убедительной. С исчезновением из современных умов исторической верховной власти Бога другой аспект, который сохранялся через любовь к Богу, также исчез. Идеи милосердия природы, высказанные в трудах Августина, едва постижимы для светских умов XXI века.

Литература

Августин А. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеев. М.: «Ренессанс», СП ИВО Сид, 1991. 488 с.
Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 439 с.

Быховский Б. Э. Кьеркегор. (1813–1855). М.: Мысль, 1972. 240 с.
Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1990–1994. Т. 2. 1993. 528 с.

References

Asmus V. F. Immanuel Kant. Moscow: Vysshaya shkola, 2005. 439 p. (In Russ.)
Augustine A. [Confession]. M. E. Sergeenko (transl.). Moscow: Renaissance, 1991. 488 p. (In Russ.)

Bykhovsky B. E. [Kierkegaard (1813–1855)]. Moscow: Mysl, 1972. 240 p. (In Russ.)
Plato. [Collected Works]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1993. 528 p. (In Russ.)

УДК 294.321
ББК 86.3

БУДДИЙСКИЙ ФАКТОР В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ*

М. С. Уланов

В силу своего уникального геополитического и геокультурного положения Юг России исторически выделялся высокой интенсивностью этнокультурных и межкультурных контактов на протяжении всей своей многовековой истории. В качестве важной особенности культурного пространства Юга России многие исследователи отмечают его пограничность. Термином «пограничные культуры» обычно обозначают целостные культурные пространства, исторически сложившиеся на рубежах между различными крупными цивилизациями и включающие в себя многие их элементы. К пограничным метакультурам (или цивилизациям) часто относят ибероамериканскую, балкано-дунайскую, магрибскую, а также культуры бассейнов Аму-Дарьи и Меконга. Понятие «пограничные культуры» возникло в рамках «пограничьеведения» как научного направления, возникшего в США на рубеже 1980–1990 гг. Возникнув как попытка осмысления опыта мексикано-американского культурного взаимодействия, «пограничьеведение» превратилось в значительную междисциплинарную область научных исследований.

Специфическими позитивными особенностями пограничных культур (цивилизаций) являются такие качества, как предрасположенность к коэволюции, способность вбирать в себя различные компоненты иных культур, мирное сосуществование и взаимообогащение различных этносов и конфессий. Кроме того, пограничные культуры, обладая свойствами полиморфности, лабильности, терпимости, предрасположенности к творческому восприятию «чужих» культурных ценностей. Народы, представляющие пограничные культуры, благодаря данным качествам часто играли роль своеобразных «мостов» между различными культурами и цивилизациями. Пограничное культурное пространство яв-

ляется и зоной амбивалентностей, где понятия «свое» и «чужое» парадоксально пересекаются. «Понятие границы, — отмечал Ю. М. Лотман, — двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимно прилегающим семиосферам. Граница би- и полилингвистична. Граница <...> трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиосферу, оставаясь, однако, инородными» [Лотман 2000: 262].

Одним из основных терминов, используемых в «пограничьеведении», является понятие транскультурации. Термин «транскультурация» впервые был введен кубинским антропологом Фернандо Ортисом для описания сложных феноменов взаимодействия различных компонентов в культуре Кубы [Ortiz 1995]. Понятие транскультурации подразумевает существование не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур, курсирование между ними. Транскультурация предполагает также особое состояние культурной потусторонности, характеризующееся пребыванием не там и не здесь — или и там, и здесь (например: ни Запад и ни Восток, или — и Запад, и Восток). Транскультурация всегда строится на культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза и слияния. Культуры встречаются, но не сливаются, сохраняя свое право на самобытность. Транскультурация не стирает различий между культурами и цивилизациями, но, напротив, привлекает к ним внимание, основывая на них творческий процесс созидания новых смыслов. [Тлостанова 2011: 138]. Термин «транскультурация» «может применяться по отношению к различным явлениям, подвергаться переосмыслению и даже менять

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00047 «Буддизм на Запад (социально-философский аспект)».

свое значение в зависимости от контекста, однако несомненно, что он всегда связан с категориями асимметрии, динамизма, борьбы, сложности и творчества, но никогда не подразумевает полное смешение до неразличимости культурных явлений» [Вейнберг 2004: 99].

В данном контексте транскультурное пространство Юга России представляет собой не только сферу сосуществования различных этнических культур, некий «религиозно-культурный синкретизм» и «этнический эклектизм», но и возможность их диалогического взаимодействия. Для транскультурного пространства Юга России характерен богатый опыт межкультурной коммуникации проживающих здесь народов. Транскультурность представляет собой важнейшую составляющую социокультурного бытия Юга России.

Особое место в транскультурном пространстве Юга России занимают буддизм и буддийская культура. Буддизм на Юге России традиционно распространен у калмыков, которые исторически были расселены почти по всему региону. В начале XVII в. предки калмыков — ойраты, совершив трансконтинентальный (позже ставший и транскультурным) переход из Азии в Европу, добровольно вошли в состав Российского государства. «Феноменальность» позиционирования калмыков, которые, будучи классическим восточным (по антропологии, менталитету, языку, религии, культуре) народом, проживают в Европе на границе между большим христианским миром, с одной стороны, и мусульманским — с другой, может быть рассмотрена в контексте транскультурной теории [Бадмаев 2012: 34].

Важной тенденцией развития современного социокультурного пространства Юга России является подвижность населения. В результате этого растет число буддистов, выехавших за пределы ареалов традиционного распространения буддизма, т.е. расселенных «в диаспоре». Несмотря на то, что основными центрами миграции калмыцких буддистов стали такие крупные города, как Москва и Санкт-Петербург, калмыцкие общины есть во многих регионах Юга России. В сложных условиях инокультурного окружения буддизм выступает как важный консолидирующий фактор.

Интересно, что калмыцкие эмигранты сыграли важную роль в распространении буддизма в Европе и Америке. Так, напри-

мер, распространение буддизма на территории Северной Америки связано с именем калмыцкого ламы Геше Вангьяла — первого учителя тибетского буддизма в США, который был одним из последних монахов, посланных в начале XX в. учиться в Тибет из Калмыкии.

Следует отметить, что одновременно с «национальной» тенденцией развития буддизма в современном социокультурном пространстве Юга России существует и другое направление, которое можно условно назвать «глобализированным» буддизмом. «Глобализированный» буддизм сегодня широко распространен на Западе. Он более свободен от сложившихся локальных культурных традиций, хотя и не порывает с ними полностью. Феномен «глобализированного» буддизма объясняется гибкостью и прагматизмом буддизма.

Распространение «глобализированного» буддизма в социокультурном пространстве Юга России во многом схоже с подобным процессом на Западе. Однако здесь есть и некоторые отличия. Так, на Западе распространение буддизма проходило в трех направлениях: через образование монастырей и эмигрантских сообществ; через активизацию исследовательской деятельности в области буддологии в университетах; через создание центров медитации или дхарма-центров для западных последователей. В России «глобализированный» буддизм распространяется главным образом через дхарма-центры. Верующие-неофиты, входящие в подобные общины, не имея возможности полностью посвятить себя буддизму, активно занимаются самообразованием, периодически посещают лекции своих духовных наставников.

Отличительной особенностью буддийских неофитов Юга России является высокая религиозная активность, акцент на медитационную практику. Если среди традиционных буддистов значительная часть верующих отличается низкой религиозной активностью, то в неофитской среде подобные случаи достаточно редки. Российские буддисты-неофиты представляют собой преимущественно практикующих верующих, т.е. верующих имеющих высокую или среднюю религиозную активность.

На современном этапе исторического развития калмыцкого народа происходит возрождение буддийской культуры. Процесс возрождения буддизма в транскульту-

турном пространстве Юга России носит в основном конструктивный характер и актуализируется в условиях формирования единой общероссийской идентичности. Буддийская община как активная и созидательная социокультурная сила, имеющая значительный нравственный, интеллектуальный и социальный потенциал, богатую историю и традиции, играет сегодня важную роль в создании общероссийской евразийской идентичности, интеграции социокультурного пространства России, укреплении межрелигиозных и межэтнических отношений в государстве.

Духовный лидер буддистов Его Святейшество Далай-лама XIV, демонстрируя широту открытого межконфессионального общения внутри буддийского мира, выступает с тех же позиций и по отношению к другим религиям, одним из первых открыв двери личностному пространству межрелигиозного диалога, идущего «от сердца», а не «от протокола» [Далай-лама XIV 2012: 92].

Одной из главных причин гармоничного включения буддизма в транскультурное пространство Юга России является толерантность этой религии. Принципы свободного индивидуального спроса и выбора в определенном смысле были и остаются отличительной особенностью буддизма. В этом смысле «навязывание» идей с позиций буддийских догматов оценивалось как преступление и насилие над личностью. Терпимость к чужим культурным и религиозным ценностям, способность ассимилировать все лучшее, что было создано другими цивилизациями, отсутствие претензий на исключительность, открытость широкому межконфессиональному диалогу привлекали и продолжают привлекать к буддизму интерес во всем мире.

Сегодня буддийское духовенство постоянно подчеркивает необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества с Русской Православной Церковью по всем важным проблемам общественно-политической и культурной жизни страны, поддерживая, в частности, негативную позицию православного духовенства по отношению к новым, нетрадиционным для социокультурного пространства России сектам восточного и западного происхождения.

Конструктивные отношения сложились у буддийских организаций Юга России и с представителями ислама и иудаизма. Так, в 2001 г., когда талибами были унич-

тожены всемирно известные статуи Будды (III–V вв. н. э.), представители мусульманского духовенства выразили свое резко отрицательное отношение к акту вандализма. Еврейские же религиозные общины поддерживают буддийские организации Калмыкии в вопросе о визите в нашу страну Его Святейшества Далай-ламы XIV.

В то же время перед буддийским сообществом Юга России стоят несколько важных проблем. Так, например, в Калмыкии возникают горячие споры о путях развития религии между приверженцами «чистого», или классического, буддизма и его национальной формы, сложившейся на основе синкретизма. Проповедническая деятельность тибетских учителей способствовала распространению буддийского учения среди образованного круга верующих. Для новых адептов буддизма важным стало соблюдение канонов этой древней мировой религии, которым иногда противоречат традиционные калмыцкие обряды, проистекающие из ранних верований. Существование калмыцких обычаев, в частности, принесение в жертву животных, которые противоречат основным принципам учения Будды, осуждаются тибетскими ламами и многими верующими. Сохранение жертвоприношений животными в обрядности отдельных хурулов сторонники обновленного буддизма рассматривают как возрождение шаманизма. Тем не менее, для определенной части калмыков древняя обрядность — символ этнической специфики, часть культуры калмыцкого народа, и отказ от нее равнозначен негативному отношению к народным традициям [Бакаева 2004: 35].

Еще одной проблемой является низкая информированность многих жителей Юга России о специфике буддийской культуры. Так, хотя в российских средствах массовой информации иногда и рассказывается о буддизме, он привлекает внимание главным образом своей определенной «экзотичностью» и необычностью для рядового обывателя. При восприятии буддизма достаточно существенную роль еще играют стереотипы, основанные на отображении реалий буддийского мира в терминах европоцентристской и христианопоцентристской традиций («окультизм», «пессимизм» и т. д.). Большая часть статей и репортажей о буддизме посвящена его истории или современному положению за рубежом. Освещение же местного варианта данной религии

средствами массовой информации связано в основном с национальными праздниками калмыков.

Говоря о политической активности буддистов, необходимо отметить, что уровень политической самоидентификации российских (в том числе калмыцких) буддистов достаточно высок. Так, согласно опросам Исследовательского центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН, идейно-политическая самоидентификация российских буддистов наиболее высока среди представителей всех религий страны. Исследование показало, что респонденты во всех исследованных конфессиональных группах не склонны идентифицировать себя с каким-либо конкретным политическим движением или партией. Во всяком случае, из большинства религиозно-мировоззренческих групп подобный ответ дали не менее половины опрошенных — от 50 до 74 процентов. Исключение составили лишь буддисты, где доля «нейтральных» ответов — только 34,3 процента [Мчедлов 2006: 106].

Возможно, это связано с тем, что во второй половине XX в. отношение многих буддийских деятелей к общественно-политической деятельности изменилось. Так, например, Далай-лама XIV считает ошибочным мнение о том, что «нравственный человек должен воздерживаться от занятия политикой, так как в политике отсутству-

ют этические и моральные принципы. Подобный подход, — пишет духовный лидер буддистов, — является неверным, потому что политика, которая лишена этики, более не приносит выгоду человеку и его сообществу, а жизнь без моральных принципов делает человека не многим отличающимся от зверя» [Далай-лама XIV 2004: 133–134].

В то же время на сегодняшний день у российских буддистов отсутствует объединяющая политическая идеология. Такой идеологией вряд ли может стать западничество, буддийский фундаментализм или национализм. Наиболее близка и естественна российскому буддисту, на наш взгляд, именно евразийская идея, дополненная и переработанная с учетом современных реалий и требований.

В заключение хотелось бы отметить и тот факт, что само наличие буддизма как своеобразной третьей силы в транскультурном пространстве Юга России является важным фактором единства Российского государства, поскольку биполярное состояние опаснее для единства, нежели полицентричное состояние. Об этом свидетельствует общая теория конфликта, в соответствии с которой всякое приближение к биполярности чревато угрозой распада единства. Таким образом, в современном транскультурном пространстве Юга России буддизм, на наш взгляд, обладает значительным потенциалом толерантности.

Литература

- Бадмаев В. Н. Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. 80 с.
- Бакаева Э. П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и «посвященные») // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 23–38.
- Вейнберг Л. Латиноамериканская эссеистика и идея транскulturации // Латинская Америка. 2004. № 6. С. 98–105.
- Далай-лама XIV — без политики. «Азия нуждается в Западе, а Запад нуждается в Азии». Разговор Далай-ламы XIV с журналом «Полис» // Полис, 2012. № 5. С. 87–95.

- Далай-лама XIV. Ответственность и добросердечие. СПб.: Нартанг, 2004. 176 с.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Мчедлов М. Религиозная идентичность и социальные предпочтения // Свободная мысль. № 4. 2006. С. 101–115.
- Тлостанова М. В. Транскulturация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Том V. С. 126–149.
- Ortiz F. Cuban Counterpoint. Tobacco and Sugar. Durham; London: DUKE UNIVERSITY PRESS, 1995. 313 p.

References

- Badmaev V. N. [National Identity in the Multicultural Space of Southern Russia]. Elista: Kalmyk State University, 2012. 80 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [Concerning Features of Modern Religious Situation in Kalmykia (Buddhism and “Devoted”)]. *Ethnographic Review*. 2004. No. 3. Pp. 23–38. (In Russ.)
- [Dalai Lama XIV without Politics. “Asia Needs the West, and the West Needs Asia”. *Polis*. 2012. No. 5. Pp. 87–95. (In Russ.)
- Dalai Lama XIV. [Responsibility and Good-heartedness]. St. Petersburg: Nartang, 2004. 176 p. (In Russ.)

- Lotman Yu. M. [Semiosphere]. St. Petersburg: Art, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Mchedlov M. [Religious Identity and Social Preferences]. *Free Thought*. No. 4. 2006. Pp. 101–115. (In Russ.)
- Ortiz F. Cuban Counterpoint. Tobacco and Sugar. Durham; London: DUKE UNIVERSITY PRESS, 1995. 313 p. (In Eng.)
- Tlostanova M. V. [Transculture as a Model of Sociocultural Dynamics and the Problem of Multiple Identification]. *Issues of Social Theory*. 2011. Vol. V. Pp. 126–149. (In Russ.)
- Weinberg L. [Latin American Essay and Idea of Transculture]. *Latin America*. 2004. No. 6. Pp. 98–105. (In Russ.)

УДК 130.2

ББК 71

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОГО ЭТНОСА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Е. Тюмидова

Понятие «ментальность» является одним из самых сложных в современных гуманитарных науках, но при этом играет существенную роль в междисциплинарном взаимодействии и активно используется психологами, этнологами, философами, социологами. Как известно, первыми в изучении вопросов национального менталитета и ментальности индивида стали основатели школы «Анналов» — известные французские ученые, сторонники культурно-антропологического и историко-психологического подходов в общественном знании (М. Блок, Л. Февр и др.). Они считали необходимым более глубокий и детальный анализ способа мышления, мировосприятия, присущего изучаемой эпохе, по выражению Блока, «в точном и последнем смысле, — сознания людей. Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность» [Блок 1973: 83]. Переход от истории «рассказывающей» к истории «интерпретирующей» трактовалось ими как революционное явление в гуманитарных науках. Введение понятия «ментальность» в оборот именно культурно-исторических исследований сыграло важную методологическую роль. Человеческое прошлое стало изучаться не только с внешней стороны, историки и культурологи заглянули в прошлое как бы «изнутри», пытаясь окинуть эпоху субъективным взглядом самих людей изучаемого периода [Февр 1991: 536].

Таким образом, благодаря развитию «истории ментальностей» произошла переориентация науки с изучения «истории звезд и героев» на «историю масс», «историю рядовых людей». Если до этого духовная культура представлялась историкам как совокупность неких, часто не связанных друг с другом философских, религиозных, этических, эстетических доктрин и идеологий, сформулированных интеллектуальной элитой или отдельными мыслителями, то

с середины XX в. исследование духовного мира исторических эпох дополнилось громадным пластом народного коллективного сознания.

Формирование ментальности — процесс, складывающийся веками. На него оказывают влияние географические, климатические, религиозные, языковые и другие факторы. Ментальность выступает как устойчивый структурный элемент, не склонный к быстрым изменениям, что и делает ее основой повседневной культуры любого человеческого сообщества. Приведем в этой связи слова известного испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, очень тонко описывающего чувство этнической ментальности: «Я знаю, что где-то глубоко внутри меня, в потаенных закутках моей души и сердца идет незаметный, ни на секунду не прерываемый труд: все, что дает мне мир, искажается на испанский лад. Я знаю, что свобода ума и чувств, которой я вроде бы обладаю, ...лишь видимость. Дротик, летящий к цели, конечно же, полагает, что движется по своему усмотрению, и сам наметил себе цель. Однако кинула его чья-то рука... Таков и я — ...дротик, брошенный древней рукой моего народа» [Цит. по: Волкогонова, Татаренко 2001: 149]. При этом, если образы коллективного бессознательного применимы для всей человеческой культуры в целом, являясь универсальными для любой эпохи и любого народа, то ментальные установки обладают своей исторической и национальной спецификой.

В данном контексте обратимся к социально-философскому анализу ментальности калмыцкого этноса. Следует отметить, что одной из важных задач изучения ментальности калмыцкого этноса является раскрытие сущностных, глубинных особенностей мировосприятия и поведения народа и объяснение их через его историю и культуру. Функция объяснения тех или иных специфических черт культуры и ментальности этноса играет важную роль — ведь только то,

что понято и осмыслено человеком, может быть принято им или отвергнуто.

Современный этап развития этнологической науки Калмыкии характеризуется созданием серьезной теоретической и фактографической базы, что требует осмысления культуры этноса в целом. Изучение ментальности калмыков в какой-то мере является шагом на пути решения данной задачи. Большое значение имеют исследования современных ученых, отражающие те или иные черты ментальности калмыков, их идентичности [Имкенова 1992], этнического сознания [Четырова 2002; Бичеев 2005], этнофилософии [Бадмаев, Манджиев, Уланов 2012].

Целостное осмысление проблемы ментальности калмыцкого этноса важно для исследования его современной самоидентификации, а также для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. Выявление целостной картины ментальности калмыцкого народа становится насущной необходимостью в наше время. Обращение к менталитету калмыцкого этноса позволяет отчетливее осознать сущность и своеобразие культуры калмыков, ибо национальные культуры в конечном итоге есть не что иное, как внешнее проявление скрытой внутренней сущности — ментальности этносов и наций.

Как известно, калмыки — потомки кочевников, ойратов. Истоки ойратской самобытной культуры уходят своими корнями в историю древних народов Центральной Азии, Тибета и Индии. В начале XVII в. калмыки, совершив трансконтинентальный переход из Азии в Европу, добровольно вошли в состав Российского государства, заселив степи Южного Предуралья, Поволжья и Северного Кавказа. В результате было образовано Калмыцкое ханство, в границах которого сложилась особая монголоязычная народность на ойратской этнической основе — «улан залата хальмг». Учет данного историко-культурного контекста особенно важен для исследования формирования ментальности калмыцкого этноса.

Отличительные особенности образа жизни калмыков объясняются уникальным географическим положением территории, особенностью природного ландшафта, продолжительной, насыщенной событиями историей заселения и освоения региона, длительным и многогранным взаимодействием самобытных культур, этносов и кон-

фессий, участием территории в географическом разделении труда, специализацией в рамках хозяйственного комплекса страны, культурным, образовательным, квалификационным уровнем населения и другими факторами. Жизнь на перекрестке миграционных путей, длительное совместное проживание представителей множества культур и конфессий Юга России способствовали укреплению таких качеств, как веротерпимость, уважение соседей, толерантность, открытость. Под длительным воздействием такого конгломерата разноплановых и разнородных причин сложился уникальный образ жизни, воплотившийся в особенностях поведения и специфических особенностях калмыцкой ментальности.

Очевидно, что в основе калмыцкой культуры и ментальности лежит древняя буддийская традиция, вобравшая в себя и элементы языческих представлений. Поэтому духовное ядро калмыцкой культуры имеет дуалистический характер. Эта двойственность прослеживается во многих слоях и сферах культуры и почти во все периоды развития. Как в православие органично вплелись языческие празднества, традиции и обычаи (колядки, масленица и т. д.), так и в религиозной системе калмыков сохранились добуддийские обряды и верования, такие например, как поклонение Цаган аав — Белому старцу, обряд освящения родной земли и др.

Таким образом, ментальность калмыцкого этноса характеризуется, с одной стороны, буддийскими религиозно-философскими чертами, а с другой — основывается на народно-этических принципах, например, нүл (,отрицательный поступок'), килнц (,грех'), йор (,примета') и др.

Буддизм получил широкое распространение среди ойратов и калмыков во многом потому, что оказался близок их менталитету. «Сама жизнь кочевника на просторах бескрайней степи, где мало что отвлекает внимание, способствовала формированию созерцательного и космического сознания, свойственного буддизму... Свободолюбивым кочевникам была близка мягкая буддийская религия, которая не устанавливала жесткого регулятора образа мышления и поведения, тем более что буддизм не стал полностью отвергать привычные культы и обряды, а лишь ассимилировал их, наполнив новым содержанием» [Уланов 2009: 91].

В целом буддизм, буддийская культура и этика способствовали формированию у калмыков нового типа личности, сочетающей в себе, наряду с суровостью, воинственностью (объективно обусловленной кочевым образом жизни, участием в конфликтах и войнах, связанных с борьбой за территорию и т. д.), и такие черты характера, как открытость, терпимость, доброжелательность, при сохранении собственного достоинства. Толерантность к иным культурам, миролюбие, способность воспринять все лучшее, что было создано другими духовными традициями, отсутствие претензий на исключительность — это те свойства буддизма, которые обусловили установление калмыками добрососедских отношений с соседними, православными и мусульманскими народами.

Анализ религиозных оснований ментальности калмыков показывает, что она во многом определялась евразийскими особенностями российской цивилизации и имела синкретический характер. При этом необходимо отметить, что буддизм все же являлся доминирующим элементом в религиозно-мифологическом сознании калмыков. Принятие буддизма тибетского образца стало тем поворотным пунктом, который во многом определил всю дальнейшую историю калмыков и формирование менталитета калмыцкого этноса. Буддизм стал важным средством самоидентификации для калмыцкого этноса в инокультурном и иноконфессиональном окружении. Он стал точкой отсчета для всей системы ценностей, на которой уже формировались формы политической жизни, право, образование, этико-эстетические взгляды, искусство и литература.

Особым образом ментальность калмыка прослеживается в его концепции жизни, которая вбирает в себя буддийскую философию и народные философско-этические

представления. Для воссоздания целостной национальной картины мира необходимо понять основополагающие принципы и категории, на которых строится эта концепция жизни, представленная в фольклоре и воссоздаваемая в литературе. В национальном образе (картине) мира калмыков, представляется оригинальная концепция жизни, которая создается религиозными буддийскими философскими и народно-этическими представлениями. Буддийская философская концепция бытия, основанная на реинкарнации существа, призванной к преобразованию кармы посредством преодоления страданий, родила в культуре народа представления о *заян* — *судьбе*, предопределенности человеческой жизни [Бадмаев, Манджиев, Уланов: 62–63].

Судьба в сознании монгольских народов, — отмечает Г. Ц. Пюрбеев, — в их мифологии, фольклоре, религии (шаманство и буддизм в форме ламаизма), традиционной культуре в целом воспринимается фаталистически как категория, отражающая представление о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей [Пюрбеев 1999: 212]. Понимание судьбы занимает важное место в традиционной культуре калмыков, присутствуя в их мифологии, религии, фольклоре, литературе, в этнофилософской системе.

Таким образом, определенные, присущие калмыцкому этносу явления — традиционный тип хозяйствования (скотоводство), кочевой (номадический) образ жизни, религиозные верования — сформировали его ментальность, уникальную систему особого этнософского мировоззрения. Изучение феномена ментальности калмыков в социально-философском ракурсе имеет существенное значение и призвано способствовать глубокому рассмотрению культурной и исторической идентичности калмыцкого этноса.

Литература

- Бадмаев В. Н., Манджиев Н. Ц., Уланов М. С. Духовная культура калмыцкого этноса (Опыт этнофилософского исследования). Элиста: КалмГУ, 2012. 156 с.
- Бичеев Б. А. Дети Неба — Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2005. 200 с.

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. Е. М. Лысенко. (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1973. 233 с.
- Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 140–166.
- Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1999. 92 с.

Пюрбеев Г. Ц. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Солнцева. М.: Современ. писатель, 1999. С. 211–219.

Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: КалмГУ, 2009. 236 с.

Февр Л. Бои за историю. Пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова. Статья

А. Я. Гуревича. Комментар. Д. Э. Харитоновича (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1991. 635 с.

Четырова Л. Б. Кто ты, друг степей калмык? (К вопросу о способах этнической идентификации) // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. Элиста: КалмГУ, 2002. С. 66–68.

References

Badmaev V. N., Manzhiev N. C., Ulanov M. S. [Spiritual Culture of the Kalmyk Ethnicity (Experience of Ethnophilosophical Research). Elista: Kalmyk State University, 2012. 156 p. (In Russ.)

Bicheev B. A. [Children of Heaven — Blue Wolves. Mythological and Religious Foundations of Ethnic Consciousness of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk State University, 2005. 200 p. (In Russ.)

Block M. [Apology of History, or Craft of a Historian]. E. M. Lysenko (transl.). Monuments of Historical Thought. Moscow: Nauka, 1973. 233 p. (In Russ.)

Chetyrova L. B. [Who are you, Kalmyk Friend of the Steppes? (Concerning Methods of Ethnic Identification)]. In: [Material and Spiritual Foundations of the Kalmyk Statehood within Russia (to the 360th anniversary of the birth of Ayuka Khan]. Conf. proc. Part 2. Elista:

Kalmyk State University, 2002. Pp. 66–68. (In Russ.)

Fevr L. [Battles for History]. A. Bobovich, M. A. Bobovich, Yu. N. Stefanov (transl.); A. Y. Gurevich (art.); D. E. Kharitonovich (comment.). Monuments of Historical Thought. Moscow: Nauka, 1991. 635 p. (In Russ.)

Imkenova A. B. [Ethnic Identity of the Kalmyks]. Elista: Kalm. Book Publ., 1999. 92 p. (In Russ.)

Pyurbeyev G. Ts. [The Concept of Fate in the Culture of Mongolian Peoples]. In: [General and Eastern Linguistics]. Devoted to the 70th anniversary of V. M. Solntsev. Moscow: Sovrem. pisatel, 1999. Pp. 211–219. (In Russ.)

Ulanov M. S. [Buddhism in the Social and Cultural Space of Russia]. Elista: Kalmyk State University, 2009. 236 p. (In Russ.)

Volkogonova O. D., Tatarenko I. V. Ethnic [Identification of Russians or Temptation by Nationalism]. *Mir*. 2001. No. 2. Pp. 140–166. (In Russ.)

УДК 130.2
ББК 71**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ:
КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ****В. Н. Бадмаев, Н. Н. Сангаджиева*

Противоречие универсальных глобальных ценностей и потребности сохранить свою самобытность составляет содержание и определяет направление социальных изменений в нашем глобализирующемся мире. Это противоречие можно определить как столкновение идентичностей. В условиях новых социальных связей, выстраивающихся в рамках глобальных информационно-коммуникационных сетей, происходит усиление первичной идентичности, т.е. тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно описываются как традиционалистские (национальная культура, религиозные ценности и др.). При этом, если ранее обращение к традиционалистским ценностям расценивалось как противостояние модернизации, то теперь первичная идентичность приобретает качественно иные характеристики. Традиционные установки переосмысливаются и адаптируются к новой социальной реальности, которая характеризуется открытостью и нелинейностью развития. В частности, это относится к религиозным ценностям, возрождение интереса к которым отражает потребность человека в устойчивых этических и нравственных ориентирах. Акцентируя национальные чувства, религиозные ценности, люди демонстрируют самим себе и другим целостность своего сознания и поведения, отторжение нарушающих его «чуждых» влияний, прочность своих связей с традиционной общностью. Следует отметить, что нередко это ведет к явлениям агрессивного национализма и религиозного фундаментализма.

Религия выступает одним из важнейших факторов формирования и определения идентичности. Причем возрождение религии создает основу для идентификации в сопричастности общности, выходящей далеко за рамки национальных границ, — для объединения цивилизаций. Религии под

воздействием глобализации выходят за пределы своих изначальных национально-географических границ, то есть, «сталкиваясь» с процессами глобализации, они также претерпевают определенные изменения в своем развитии. Мировые религии нельзя воспринимать только как некие консервативные и неизменные факты истории. Это феномены, находящиеся в развитии и по-своему отвечающие на вызовы времени и реалий.

По сути своей религия тяготеет к традиционным формам социальной жизни. В то же время ситуация складывается так, что религия может быть «прочитана» в модерном и постмодерном ключе. Поэтому необходим анализ контактов религии с глобальной культурой и того, как она может вписаться в эту культуру в качестве объединяющего, а не порождающего новые конфликты начала. Изучение этих процессов имеет важное значение для выстраивания диалога между религиями, культурами, народами в современном глобализирующемся мире. Отметим, что обращение к роли религии в определении идентичности означает поиск тех форм духовного опыта, которые генерируют адекватные изменениям социальные практики и позволяют найти выход из кризиса идентичности, соединяя ее с определенной рациональностью. Опасность возникает тогда, когда скорость перемен в жизни превосходит скорость нашей к ним адаптации, когда события опережают наше понимание их.

В данной ситуации ценности и истины религиозных культур должны быть прочитаны не только в рамках классически канонических подходов и, естественно, не с позиций фундаментализма, а в контексте глобального диалога цивилизаций, на языке современной культуры и философии. В условиях стремительно меняющейся социальной реальности перспективным представляется обращение к такому дискурсу

* Статья подготовлена в рамках государственного задания № 804 Министерства образования и науки РФ по проекту «Буддизм в транскультурном пространстве Юга России»

религиозно-культурной идентичности, который придал бы индивиду, социуму целостность и ценностную укорененность, помог бы преодолеть столкновение идентичностей традиционного, современного и постмодерного обществ, «расколотость», «гибридность», «пограничность» современных идентичностей.

В условиях нового вызова современному обществу особое значение приобретает вечный вопрос о мире: каковы новые формы или способы сосуществования людей различных культур и конфессий. Сегодняшняя картина межрелигиозных отношений в мире сложна и неоднозначна, насыщена противоречивыми тенденциями и факторами. В заметно большей степени современная ситуация характеризуется обострением всевозможных конфликтов на религиозной почве. Все это происходит на фоне глобальных миграционных процессов, когда к прежним ареалам межрелигиозных контактов добавляются новые.

Современный мир, связанный глобальной взаимной зависимостью, нуждается в новом подходе к анализу культурного и религиозного многообразия и перспектив налаживания межконфессионального и межкультурного диалога. В условиях принятия множественной и динамичной идентичности в обществе дискутируются следующие вопросы: в какой мере между нами допустимы различия? Насколько схожими мы должны быть? Ведь признание множественной самобытности влечет за собой серьезную трансформацию общественного сознания.

Возможен ли в таком случае глобальный диалог между цивилизациями и культурами? Одной из самых главных границ, отделяющих одну цивилизацию от другой, является религия. Даже в рамках одной христианской религии достаточно трудно наладить диалог между ее разными ветвями — православием, протестантизмом и католицизмом. Неужели человечество ожидает сценарий «столкновения цивилизаций»?

С другой стороны, сегодня, когда интеграция, миграция и глобализация способствуют установлению все более тесных отношений между различными расами, культурами, народами, говорить о религиозной исключительности или о делении мира по цивилизационно-религиозному принципу было бы не совсем правильным. У одного и того же человека может быть множество са-

мых разных идентичностей (язык, культура, религия, этнос, гражданство, человечество). И, когда под сомнение ставится разнообразие идентичностей, отрицается какой-либо образ жизни, когда существует угроза фундаментальной свободе выбора, неизбежными становятся конфликты.

Современный религиозный диалог понимается как некий императив, требующий концептуальной разработки и институционального оформления. В связи с этим интерес вызывает позиция крупного протестантского теолога и философа Пауля Тиллиха (1886–1965), одним из первых попытавшегося систематически рассмотреть диалог религий как понятие и как проблему. Обобщая свой большой опыт наблюдения межрелигиозных контактов, в 1962 г. он выпустил монографию по данной проблеме «Христианство и встреча мировых религий», в которой сформулирован свод принципов межрелигиозного диалога, ставший известным и влиятельным под именем «платформы Тиллиха»: «Диалог между представителями разных религий основывается на ряде допущений. Во-первых, предполагается, что оба участника признают ценность религиозных основ другой стороны <...> так что оба они признают важность диалога. Во-вторых, предполагается, что каждый из участников способен уверенно отстаивать собственные религиозные позиции, так что диалог представляет собой серьезное противопоставление мнений. В-третьих, предполагается наличие общей основы, которая делает возможным как диалог, так и столкновение. В-четвертых, предполагается открытость обеих сторон для критики собственных религиозных основ. Если все эти условия соблюдаются, <...> такая встреча двух или нескольких религий может быть очень плодотворной, и если диалог продолжится, он даже способен привести к историческим последствиям» [Тиллих 1995: 425].

Следует отметить, что межрелигиозный диалог, при всей своей актуальности и востребованности, остается по-прежнему малоисследованным феноменом. В целом можно констатировать, что и в понимании семантики «диалога религий», и в осмыслении его задач царят неопределенность и неясность, а многие специалисты вообще относятся скептически к самой его возможности.

Интересная и глубокая схема двух моделей религиозного диалога предложена российским философом С.С.Хоружим [Хоружий]. Согласно этой схеме, формализованный и регламентированный диалог может направляться лишь к выявлению «общего знаменателя», суммы всех положений, разделяемых всеми сторонами диалога. Подобное выявление почвы всеобщего согласия способно содействовать примирению в случае конфликта, но оно принципиально исключает из пространства диалога все своеобразие, все характерные отличия его участников, а тем самым — и всю индивидуальную глубину их миров, стихию их подлинной религиозной жизни. Наряду с этой моделью религиозного диалога существует и другая, основанная на ином типе коммуникации. В институционализированном диалоге практикуется формализованная коммуникация структур, или, используя компьютерную лексику, «общение протоколов». Альтернативная же модель основывается на личном общении, у которого коммуникационные свойства радикально иные: здесь, в частности, пространство диалога намного шире, в него включаются и все индивидуальные особенности сторон, так что последние могут выразить себя гораздо полней.

Признание культурно-специфических особенностей оппонента создает предпосылки уважительного отношения к «другому», благоприятствует диалогу. Осознание причин, различающих культуры, верования, позволяет устранить препятствия на пути вступления в диалог. Онтологическим же основанием для его ведения может стать выявление моментов общности. Вряд ли люди бывают прямо и полностью противоположны друг другу. Если они отличаются в чем-то одном, то непременно сходятся в другом.

Таким образом, можно говорить о необходимости выработки определенных установок, процедур, то есть того, что можно назвать «культурой диалога», когда приходит понимание самостоятельной ценности процесса диалога. Известный литературовед и философ М.М. Бахтин считал, что «диалог» — корень и основание для всех определений человеческого бытия: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [Бахтин 1979: 294]. «Культура

диалога» необходима для предотвращения тенденций взаимной нетерпимости и агрессивности в межконфессиональных отношениях. Диалог между культурами и религиями подразумевает «обмен пониманием», а не «обмен непониманием», который ведет к конфликту.

В современном динамично меняющемся мире происходит смещение, стирание граней, разделявших некогда «своих» от «чужих». Категория «мы» обретает более широкий смысл. Характеристики, когда-то казавшиеся «чужими», становятся более привычными и знакомыми. Осознание многообразия культур, конфессий, идентичностей не как угрозы, а как реальности мира должно послужить преодолению барьеров во имя диалога между цивилизациями. Ставшее аксиоматичным деление на «мы — другие» уже не является столь категоричным, поскольку может допускать и иные, промежуточные, переходные характеристики, связанные со взаимодействием, разнообразием и множественностью культур.

Это означает, что прежние культурные стереотипы, доминировавшие в сознании народов и обществ на протяжении тысячелетий и препятствовавшие диалогу между ними, начинают изменяться. Как следствие религии получают новое измерение. В данной ситуации жесткое разграничение между религиями уже не отвечает вызовам времени. Более того, оно становится не только непродуктивным, но и (принимая во внимание политизацию религий), абсолютно вредным. Актуальным становится понимание религии в контексте определенных культур (взаимодействующих между собой или же нет). По мысли М.Абусеитовой, «такое «наполнение» религии подразумевает, с одной стороны, что религии всегда должны учитывать культурный контекст. Это приводит к тому, что в одном и том же культурном контексте религии неизбежно должны взаимодействовать между собой. С другой стороны, и в различных культурных контекстах религии (особенно мировые религии, «разбросанные» по всему земному шару) потенциально играют связующую роль между культурами» [Абусеитова 2011: 31]. Такое понимание «культурной погруженности и контекстуальности» религии выводит осмысление диалога и взаимодействия религий на новый философский уровень.

Тема диалога приобретает новое звуча-

ние в контексте теории транскulturации. Транскulturация подразумевает включение не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур, курсирование между ними и особое состояние культурной потусторонности — не там и не здесь или и там, и здесь, в зависимости от индивидуального переживания этого состояния. Транскulturация, по мнению М. В. Тлостановой, основывается на «культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, но не сливаются, сохраняя свое право на „непрозрачность“» [Цит. по: Философский дискурс ... 2008: 17]. При этом «непрозрачности» могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в различные «кросскультурные узоры и букеты».

Человечество находится в такой ситуации, когда различные цивилизации долж-

ны научиться жить рядом в мире, учась друг у друга, взаимно обогащая жизнь. Отсутствие диалога может привести к непониманию, напряженности, столкновениям. Международный порядок, основанный на диалоге, является самой надежной мерой предупреждения столкновения цивилизаций. Диалог возможен лишь между теми, кто способен преодолеть узкий горизонт своей идентичности, подняться над ним, включившись тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений. В нем участвуют те, кто, осознав свою индивидуальность, не похожую на другие, одновременно осознает и свою связь с другими. Диалог существует ради установления этой связи, ради достижения взаимного согласия между людьми, народами. В нашем стремительно меняющемся мире диалог религий, культур необходим для поддержания единого общечивилизационного поля, общечеловеческого пространства.

Литература

Абусейтова М. Восток–Запад: диалог религий и культур в современном мире // Мировые религии в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе. СПб.: Санкт-Петербург. отдел. Рос. ин-та культурологии / Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2011. С. 28–37.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 317 с.

Тиллих П. Христианство и встреча мировых религий // Тиллих П. Теология культуры. М.: Изд-во «Юрист», 1995. С. 396–441.

Философский дискурс в контексте кросскультурного взаимодействия. М.: РУДН, 2008. 340 с.

Хоружий С. С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания [электронный ресурс]. URL: [http:// synergia-isa.ru/uploads/2009/09...interelig_rus.doc](http://synergia-isa.ru/uploads/2009/09...interelig_rus.doc) (дата обращения: 27.08.2012).

References

Abuseitova M. [East-West: Dialogue of Religions and Cultures in the Modern World]. In: [World Religions in the Context of Contemporary Culture: New Prospects for Dialogue and Mutual Understanding. Christianity and Islam in the Context of Contemporary Culture: New Prospects for Dialogue and Mutual Understanding in the Russian Federation and Eastern Europe, Central Asia and the Caucasus]. St. Petersburg: Russian Institute of Culturology, Blitz, 2011. Pp. 28–37. (In Russ.)

Bakhtin M. M. [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sov. Russia, 1979. 317 p. (In Russ.)

Khoruzhiy S. S. [Dialogue of Religions: Historical Experience and Fundamental Grounds]. An Internet resource: [http:// synergia-isa.ru/uploads/2009/09...interelig_rus.doc](http://synergia-isa.ru/uploads/2009/09...interelig_rus.doc) (accessed: August 27, 2012). (In Russ.)

[Philosophical Discourse in the Context of Cross-cultural Interaction]. Moscow: RUDN, 2008. 340 p. (In Russ.)

Tillikh P. [Christianity and Meeting of World Religions]. In: Tillikh P. [Theology of Culture]. Moscow: Yurist, 1995. Pp. 396–441. (In Russ.)

УДК 631.6. 02
ББК 28.080.1

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ОРОСИТЕЛЬНЫХ ВОД В КАЛМЫКИИ

А. Г. Кадаева

Запасы пресной воды на Земле ограничены (особенно в аридных регионах), поэтому требуется реализация жесткой программы, связанной со строгим нормированием, рациональным и комплексным использованием, защитой от загрязнений с использованием современных ресурсосберегающих технологий и экологосистемных подходов и принципов.

Все эти проблемы актуальны и для Республики Калмыкия, территория которой

является самой засушливой в юго-восточной части Российской Федерации. Главным потребителем воды является мелиоративная отрасль. На территории республики функционируют пять крупных обводнительно-оросительных систем (ООС): Черноземельская, Калмыцко-Астраханская, Право-Егорлыкская, Сарпинская и Каспийская. Общая площадь земель в настоящее время составляет около 122 тыс. га (см. рис. 1).

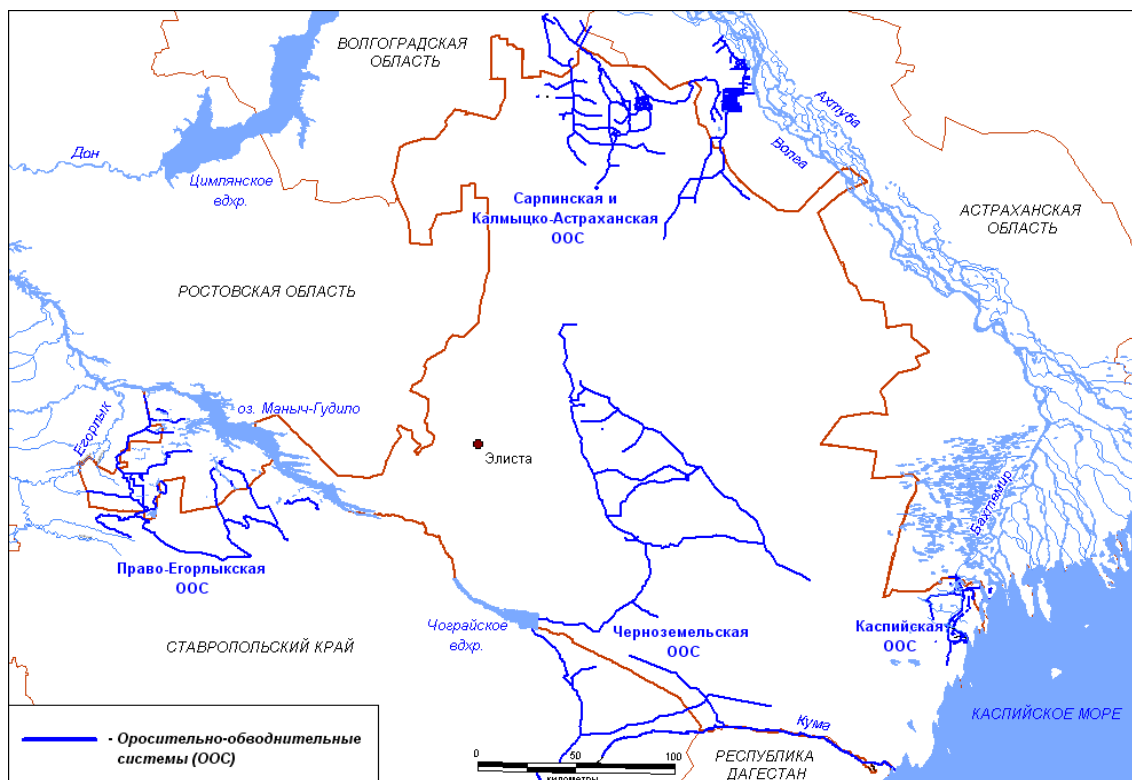

Рис. 1. *Схема обводнительно-оросительных систем Калмыкии* (сост. Буваев).

Почвенно-мелиоративные и инженерно-гидрологические условия в большинстве районов Калмыкии характеризуются повышенной сложностью и сопровождаются рядом негативных явлений в процессе орошения (засоление, осолонцевание,

подщелачивание), приводящих к снижению урожайности, загрязнению почв и ухудшению качества сельскохозяйственной продуктивности. Более 70 % земель находится в удовлетворительном эколого-мелиоративном состоянии, однако к каче-

ству поливных вод должны предъявляться довольно жесткие требования, так как большинство негативных явлений вызываются или усиливаются именно поливными водами низкого, качества, как по степени минерализации, так и по ионному составу. Качественный состав поливной воды является важнейшим показателем устойчивости экологической системы. В Калмыкии же из 54 тыс. га регулярно орошаемых зе-

мель около половины поливается водой не-удовлетворительного как по общей минерализации, так и по химическому составу качества. Особенно это проявляется в безводных районах, где для производства растениеводческой продукции используются воды местных водоемов, пополняемые за счет местного стока и дренажно-сбросных минерализованных вод с рисовых оросительных систем [Богданов 1997: 76].

Годовой лимит водоподачи в Республику Калмыкия из внешних источников

№ п/п	Наименование обводнительно-оросительных систем и групповых водопроводов	Водоисточник	Лимиты водоподачи в республику, млн/м ³
1.	Калмыцко-Астраханская	р. Волга	117,9
2.	Право-Егорлыкская	р. Кубань	93,0
3.	Сарпинская	р. Волга	456,9
4.	Черноземельская	р. Терек, Кума	536,9
5.	Каспийская	р. Волга	48,8
Итого:			1 253,5

Важным показателем оросительных вод является общее содержание солей. На Право-Егорлыкской обводнительно-оросительной системе (ПЕООС) минерализация варьируется в пределах 0,5–2,0 гр/л, гидрохимический состав преимущественно сульфатно-гидрокарбонатно-натриевый, сульфатно-хлоридно-натриевый [Информационный бюллетень 2006: 57]. Источником питания системы, построенной в 1959 г., является р. Кубань. Расположена в западной (степной) зоне республики, которая входит в округ Ставропольской возвышенности (в Егорлык-Манычском районе). Данная зона характеризуется плоско-равнинным рельефом, засушливым климатом (коэффициентом увлажнения 0,44, суммой осадков 350–430 мм, испаряемостью — 970 мм), обеспеченностью теплом выше среднего (сумма активных температур 3375 °С).

Орошаемые земли занимают 2,4 % от площади пашни, на которых в основном возделываются кормовые и овощные культуры со следующей структурой посевных площадей: одно-, многолетние травы — 25–35 %, овощи — 30–35 %, зерновые — 15–20 %, кукуруза на силос — 10–20 %, бахчевые — 10–15 % и около 1 % — плодово-ягодные культуры, что соответствует рекомендациям по системе агропромышленного комплекса Республики Калмыкия. Орошение

в степной зоне позволяет поднять урожайность зерновых до 4,5–5,5 т/га, в 1,5–2 раза повысить урожайность овощных культур. Что касается кормовых культур, то в благоприятные по погодным условиям годы урожайность их на поливе мало отличается от богарных условий.

На Каспийской обводнительно-оросительной системе (КООС) содержание солей варьируется от 0,36 до 0,70 г/л, состав гидрокарбонатно-сульфатно-кальциевый. Вода в КООС хорошего и удовлетворительного качества. Район, введенный в эксплуатацию в 1961–1962 гг., представляет собой плоскую аккумулятивную равнину с выделяющимися возвышенностями (так называемыми буграми Бэра). Почвенный покров в прибрежной полосе (20 км) представлен аллювиальными слаборазвитыми и иловато-глинистыми (маршевыми) супесчаными и песчаными, а в более глубинной части — бурыми полупустынными легкосуглинистыми и супесчаными почвами, а также песками. Основными водоисточниками КООС являются река Бахтемир (правый рукав реки Волги) и Каспийское море. До середины 1990 гг. орошаемые земли КООС (общая площадь которых составляет 2,2 тыс. га, в том числе 1,2 тыс. га регулярного орошения) интенсивно использовались. На них возделывались овощные, бахчевые и кор-

мовые культуры. Однако начавшийся катастрофический подъем уровня Каспийского моря привел к подтоплению прибрежной полосы площадью более 200 тыс. га, и в результате данная оросительная система практически была выведена из эксплуатации. В настоящее время рассматриваются проекты строительства орошаемых участков общей площадью свыше 6 тыс. га в глубине территории Лаганского района с подпиткой от речных и морских вод. Существующий лимит забора волжской воды (48 млн м³) и практически безграничные запасы морской воды позволяют расширять площади орошаемых земель в данном регионе, являющемся зоной товарного овощеводства и бахчеводства [Адьяев и др. 2006: 177].

Сарпинская (СООС) и Калмыцко-Астраханская (КАООС) системы расположены в восточной природно-сельскохозяйственной зоне Калмыкии, в ее северо-восточной части, на светло-каштановых и бурых полупустынных почвах в комплексе с солонцами. Вместе они занимают второе место после Черноземельской ООС по площади орошаемых земель среди обводнительно-оросительных систем республики. В настоящее время площадь орошаемых земель в зоне деятельности этих систем насчитывает 22,1 тыс. га: (10,2 тыс. га регулярного, 11,8 тыс. га лиманного и 0,1 тыс. га инициативного орошения), что составляет 4,8 % от общей площади пашни или 1,1 % от площади сельхозугодий; орошаемые земли используются для развития рисоводства и кормопроизводства. Вода имеет минерализацию 0,36–0,48 г/л и относится к первому классу. Вода Черноморского водохранилища, являющаяся основным источником орошения Калмыцко-Астраханской обводнительно-оросительной системы (КАООС), также относится к первому классу. Эти системы проектировались и использовались в основном как рисовые. Однако за последние годы доля риса в севооборотах и производство риса-сырца несколько снизились по причинам экономического и экологического характера. Воды, используемые для орошения из озера Сарпа, имеют минерализацию от 2,6

до 6,0 г/л, хлоридно-сульфатно-натриевый состав и характеризуются неудовлетворительным качеством.

Источником водозабора Черноземельской обводнительно-оросительной системы (ЧООС) является Чограйское водохранилище, имеющее сульфатно-натриево-кальциевый состав и минерализацию от 1,0 до 1,4 г/л. По мере прохождения воды по магистральному каналу наблюдается постепенное увеличение минерализации до 1,3–1,9 г/л. Зона деятельности ЧООС находится на стыке трех почвенно-географических зон: сухостепной, полупустынной и пустынной в пределах почвенно-мелиоративной области «Черные Земли», которая занимает до 40% территории республики. На этой самой засушливой зоне на территории республики богарное земледелие практически невозможно, за исключением крайней ее западной части, где отдельные хозяйства Ики-Бурульского и Приютненского районов получают относительно неплохие урожаи зерновых культур. Воды с одинаковой минерализацией, но отличающиеся соотношением ионов, могут иметь различную степень пригодности для орошения. Ирригационные коэффициенты, согласно В. А. Приклонскому и Ф. Ф. Лаптеву, показывают, что воды по опасности засоления изменяются от удовлетворительного до неудовлетворительного.

Почти все воды оросительных систем Калмыкии характеризуются опасностью натриевого осолонцевания. Исключением являются воды, поступающие на СООС и КООС из бассейна реки Волга. Следуя классификации А. Н. Костякова, вода с содержанием не более 0,4 г/л до 1 г/л требует осторожного подхода с учетом всего комплекса ее использования. При содержании солей более 3 г/л, независимо от соотношения ионов воды, допустимо ее ограниченное применение для орошения на хорошо проницаемых супесчаных почвах и при реализации комплекса мелиоративных мероприятий при ведении специальных севооборотов из более солонцеватоустойчивых культур.

Литература

Адьяев С. Б., Дедова Э. Б., Сазанов М. А. Комплексное использование водных ресурсов Республики Калмыкия. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 200 с.
Богданов В. П. Экономика водного хозяйства

Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 252 с.

Информационный бюллетень Состояние водных ресурсов Республики Калмыкия. Элиста: Федерал. агентство водн. ресурсов, 2006. 155 с.

References

Adiyayev S. B., Dedova E. B., Sazanov M. A. [Integrated Water Resources Usage in the Republic of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2006. 200 p. (In Russ.)
Bogdanov V. P. [Economy of Water Management

in Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 1997. 252 p. (In Russ.)

[Information Bulletin. The State of Water Resources of the Republic of Kalmykia]. Elista: Federal Agency for Water Resources of the Republic of Kalmykia, 2006. 155 p. (In Russ.)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ

Л. Н. Ташнинова, Д. А. Буваев

В истории изучения природной среды Калмыкии можно выделить три основных периода специальных исследований Калмыцкой степи:

1860–1868 гг. Кумо-Манычская экспедиция;

1948–1955 гг. Прикаспийская экспедиция МГУ;

1978–1985 гг. Проведение специальных исследовательских работ государственным научно-исследовательским и производственным центром «Природа».

Исследовательские работы каждого периода проводились в Калмыцкой степи с целью изучения природных ресурсов региона и максимально эффективного хозяйственного использования. По материалам исследований была сформирована информационная и картографическая база, ставшая современной научной основой Прикаспийского региона.

Кумо-Манычская экспедиция 1860–1868 гг.

На середину XIX века, несмотря на большой объем исследовательских работ на огромном пространстве от Дона до Терека, сведения по Калмыцкой степи в основном были разрозненные, поверхностные. Правительство Российской Империи не имело подробной информации для хозяйственного освоения степи. Идея соединения Каспийского и Азовского морей прямым водным сообщением, имевшая многочисленных сторонников и противников потребовала подробного рассмотрения этого проекта и стала одной из главных причин организации экспедиции. По материалам исследовательских работ за период 1836–1858 гг., был составлен сводный доклад по планированию хозяйственного освоения Калмыцкой степи, представленный 29 октября 1859 года министром финансов императору Александру II. В докладе на рассмотрение были предложены «...работы по устройству

сообщения морей Каспийского с Азовским по рекам Манычу и Куме, не представляя достаточных ручательств в успехе, потребовали бы огромных издержек, не соответствующих пользе предприятия; результаты же произведенных исследований этой мало известной местности могут быть полезны как для составления соображений к орошению края, так и способствовать к его заселению» [Костенков 1868].

Резолюция императора на докладе гласила: «...предположение об устройстве непосредственного водяного сообщения Каспийского моря с Азовским оставить без последствий, сообщив Министру Государственных Имуществ о результатах исследований ложбины Маныча на случай его соображений к орошению и заселению того края» [Костенков 1868].

Таким образом, работы по устройству водного сообщения между Каспийским и Азовским морями высочайшим повелением поставлены были под сомнение как экономически нецелесообразные. Однако правительство не отказывалось проводить исследовательские работы в Калмыцкой степи с целью дальнейшей ее интеграции в общероссийское экономическое пространство. Запланированной в 1859 году экспедиции следовало уделить основное внимание природным условиям Калмыцкой степи в целом и Кумо-Манычской впадине в частности.

Основные цели и задачи, поставленные перед экспедицией:

закладка новых путей сообщения для связи Царицынско-Ставропольского и Кизлярско-Астраханского трактов, топографическая съемка и подробное описание, как действующих трактов, так и пролагаемых;

выбор удобных мест для заселения трактов;

поиск подземных источников пресных вод; возможность устройства запруд для сбора родниковых, снеговых и дождевых вод;

астрономические определения пунктов геодезической триангуляции для точного картирования местности;

научные изыскания по различным направлениям: этнографии, геогнозии, естественной истории и других [Костенков, 1868].

Инженерами-топографами за два года работ в полевых условиях Калмыкии были проведены точнейшие астрономические измерения и топографическая съемка местности, ставшие впоследствии картографической основой региона. Впервые были созда-

ны тематические карты Калмыцкой степи: геологическая карта (автор — Н. Барбот-де-Марни, корпус Горных инженеров, 1860–1862 гг., рис. 1), карта обозначения разного рода почв (автор — Вильберг, департамент сельского хозяйства, 1861 г.), карта хозяйственного распределения земель (автор — И. Крыжин, 1864 г.), «План русла Маныча от марки, через водораздел восточного и западного Манычей, до устья реки Хулва» (авторы — Автократов, И. Крыжин, Межевой корпус, 1861 г.) [Костенков 1868].

Рис. 1. Маршруты Кумо-Манычской экспедиции по Калмыцкой степи в 1860–1861 гг.

Точность исчисленных координат на указанных картах такова, что они без проблем интегрируются в компьютерные географические информационные системы (ГИС), что и было использовано при составлении данной работы. Географическое позиционирование всех тематических карт экспедиции, составленных в Пулковской системе координат, выполнено в проекции Гаусса-Крюгера (система координат 1942 г.).

В 1930-е годы по Кумо-Манычской впадине вновь планировалось сооружение канала, для соединения Каспийского и Азовского морей (проект был прерван войной). В послевоенный период от идеи постройки канала опять отказались, в 1969–1973 гг. построено Чограйское водохранилище для водоснабжения Элисты и Черноземельской оросительно-обводнительной системы.

Таким образом, «Статистическо-хозяйственное описание... 1868 г.» можно по праву назвать первой ГИС Калмыцкой степи. Поселения, заложенные по результатам работ, существуют в настоящее время по автодороге А-154 Астрахань — Элиста — Ставрополь, по местным дорогам Улан-Хол — Комсомольский — Сладкий Артезиан.

Прикаспийская экспедиция 1948–1955 гг.

Комплексные исследования Прикаспийской экспедиции географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова проводились, с небольшими перерывами, с 1948 по 1955 гг.

Интерес к региону со стороны ведущей научной организации страны был связан с проведением крупных гидромелиоративных мероприятий по обводнению и орошению пустынно-степных и пойменных земель Прикаспийской низменности, Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги. Данная задача включала исследование естественных кормовых угодий и земельного фонда для восстановления в регионе пастбищного животноводства, а также возможности введения новых форм хозяйствования, ранее не характерных для степи. Итогом многолетних исследований экспедиций МГУ стали «Труды Прикаспийской экспедиции. 1957». Материалы этой исследовательской работы легли в основу научного планирования хозяйства Калмыкии, а именно были:

установлены основные природные зоны северного Прикаспия, ставшие основой современного природного районирования;

изучены почвы, растительные и кормовые ресурсы региона;

обследованы земли всех хозяйств Калмыцкой степи, пригодные для посевов различных культур, т.е. для земледелия;

заложены основы для гидромелиоративных мероприятий по обводнению и орошению Калмыкии.

Государственные планы по гидромелиорации были реализованы в 1960–1980 гг. Во всех природных зонах Калмыкии построены пять оросительно-обводнительных систем, общей протяженностью более 2000 км. Заложены стационарные животноводческие стоянки, специализированные фермы, новые населенные пункты и объекты инфраструктуры, что привело к резкому увеличению грунтовых дорог. Согласно природному районированию и составу почв проведена массовая распашка земель. В западной части Калмыкии и на Ергенинской возвышенности основными посевными культурами стали зерновые и подсолнечниковые, в северных районах получило развитие рисоводство, на Черных землях выращивались в основном кормовые травы для скота.

В послевоенное время, после ликвидации Калмыцкой АССР и раздела ее территории между соседними областями, Черные земли Калмыкии, ранее используемые только как отгонные зимние пастбища, стали использоваться новыми хозяйствами круглогодично, без учета возможности пастбищ к самовосстановлению. Например, скот на пастбищах выпасали даже из Закавказских республик [Ташнинова, Богун 2007]. Аналогичные процессы проходили на Кизлярских пастбищах Дагестана. Необходимо отметить изменение общей климатической обстановки в северном полушарии в первой половине XX в.: высокое обводнение 1910–1929 гг. сменилось тепло-сухим периодом 1930–1940 гг., по силе проявления расценено как вековым [Кривенко 2010].

Чрезмерная нагрузка на земли, неустойчивые к антропогенному воздействию, в совокупности с засушливостью климата, явились причиной сильнейших эрозионных процессов и деградации почвенного покрова западного Прикаспия в 1960–1990 гг. [Зонн 1995, Очирова и др. 2006].

Проведенные исследования Прикаспийской экспедиции 1948–1955 гг. по целям и

задачам совпадают с целями и задачам Ку-мо-Маньчской экспедиции 1860–1868 гг. Изучение состояния почв, пастбищ на них и поиск источников питьевой воды или обводнение степи — за столетие основные приоритеты в освоении Калмыцкой степи не изменились. Принципиальное различие произошло по итогам исследований: материалы Прикаспийской экспедиции заложили начало «коренного преобразования» природной среды, что полностью нарушило традиционный хозяйственный уклад, характерный для всех народов, проживавших в Калмыцкой степи.

Исследовательские работы ГНИиПЦ «Природа» (1978–1985 гг.)

Комплексное изучение природных ресурсов Калмыкии и создание картографического сборника с применением материалов дистанционного зондирования Земли (далее ДЗЗ) было инициировано и осуществлено на основании решения Обкома КПСС и Совета Министров Калмыцкой АССР.

В 1978 г. был утвержден Научно-технический проект работ, разработанный в Государственном научно-исследовательском и производственном центре «Природа».

Необходимость данных работ определялась поиском новых природных ресурсов для народного хозяйства. Определяющим профилем промышленного производства в регионе стала разведка и добыча углеводородного сырья (далее УВС) — нефти и газа. Для его осуществления в 1978–1980 гг. был выполнен большой объем фотографических съемок из космоса, получены разномасштабные спектрозональные фотоснимки всей территории Калмыкии, в том числе районов, прилегающих к акватории Каспийского моря. Работы по созданию сборника включали сбор и обработку экспедиционных материалов, разработку специальной легенды к каждой карте, дешифрирование снимков и их проверку в полевых условиях, проведение полигонных экспериментов (на территории Калмыкии были оборудованы специальные эталонные участки для тренировки космонавтов по дешифрированию наземных объектов из космоса), составление макетов карт и др.

Одновременно, традиционными методами, велись исследования состояния пастбищных угодий, почвенного покрова и источников водоснабжения Калмыкии. Особенно актуальным решение этих задач

стало в связи с пиком эрозионных процессов (называемые также «процессами опустынивания») и постепенным засолением почв водами из сбросных коллекторов.

Основные результаты комплексного изучения природных ресурсов Калмыцкой АССР с применением материалов ДЗЗ были отражены в серии «Природные ресурсы Калмыцкой АССР», состоящей из десяти карт [Серия... 1985] и межведомственном сборнике научных трудов [Исследования..., 1987].

Составлены следующие тематические карты: «Калмыцкая АССР из космоса», «Тектоника», «Современные вертикальные движения земной коры», «Нефтегеологическое районирование», «Перспективы нефтегазоносности», «Геоморфология», «Почвенные ресурсы», «Проявление эрозионных процессов», «Природные кормовые угодья», «Районирование природных кормовых угодий», «Современное состояние и использование земельных ресурсов».

Картографическая серия являлась информационной базой для принятия решений республиканского планирования хозяйства. На ее основе осуществлялась разработка Генеральной схемы размещения производительных сил для дальнейшего строительства народнохозяйственных объектов республики, разработки рациональных систем использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

К основным научно-практическим достижениям разработанных карт отнесем то, что были:

«Установлены перспективные районы на поиск нефти и газа. Некоторые из выявленных по снимкам структур прошли проверку геофизическими и буровыми работами, что способствовало открытию месторождений, имеющих промышленное значение» [Серия 1985].

Комментарий: Акватория Северного Прикаспия, а также Калмыкия и западный Казахстан, рассматривались как перспективные общесоюзные базы УВС, способные постепенно заменять истощающиеся месторождения западной Сибири. Высокое качество УВС региона и низкая себестоимость его добычи по сравнению с северными месторождениями, дающие большой экономический эффект, было оценено при государственном планировании.

«Уточнены площади земельных угодий и мелиоративного фонда, эродированных,

развеваемых и засоленных почв. Рекомендована оптимальная система мелиоративных мероприятий в Прикаспийском районе. Четко ограничены районы заготовки страховых запасов кормов, выявлены динамические тенденции изменения окультуренных земель, что давало возможность наметить рациональные пути их использования, охраны и рекультивации» [Серия 1985].

Комментарий: В настоящее время в Калмыкии заготовка собственных кормовых ресурсов с поливных полей практически прекращена. Большая часть оборудования поливных станций демонтирована и сдана на пункты приема металла, часть используется не по прямому назначению (ограждения, водостоки и т. п.).

«Очень эффективно использована космическая информация для целей исследования водных ресурсов Прикаспийского региона, регистрации процессов эрозии, дефляции и засоления почв. Составлена карта древней долины р. Волги, перспективной на поиск линз пресных вод. Проведенные буровые работы подтвердили снижение затрат на разведочные работы» [Серия 1985], (рис. 2).

Комментарий: Калмыцкая степь всегда испытывала дефицит питьевой воды. Большая часть артезианских скважин, пробуренных в тот период, эксплуатируется до сих пор. В настоящее время, несмотря на разрабатываемые варианты водоснабжения республики и г. Элиста, вопрос с питьевой водой является крайне актуальным.

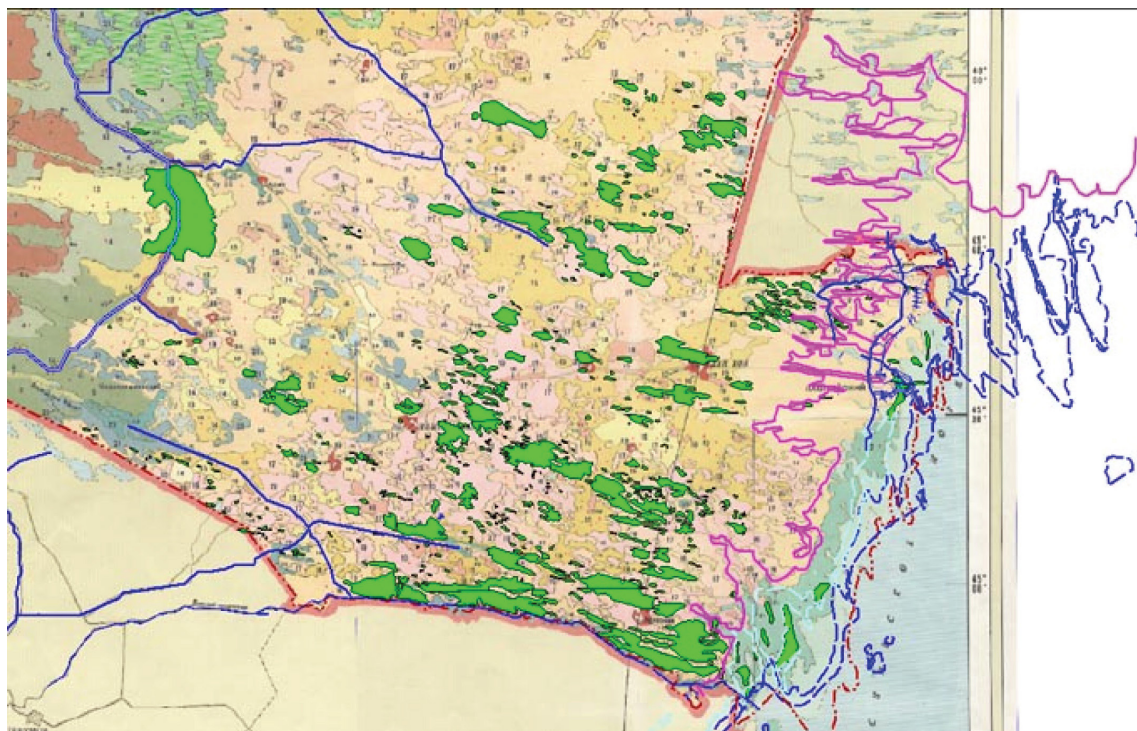

Рис. 2. Разница размеров открытых песков в 1948 и 1985 гг.
Фрагмент «Карты эрозионных процессов Калмыкии».

Комментарий к рисунку 2. Изменение площади открытых песков на участке Черных земель Калмыкии площадью более 16.000 кв. км за 30-летний период составило:

1948–1955 гг. Открытые пески 1850 кв. км. (11,6%).

1985 г. Сильно развеваемые территории с подвижными песками, грядово-барханные пески, грядово-барханные пески с солончаками, вблизи населенных пунктов и кошар

4200 кв. км. (26,3%) [Ташнинова, Бузаев 2009, 2012].

Комплексное применение материалов ДЗЗ с научно-исследовательскими работами предшествующих периодов позволило получить превосходную картографическую основу, позволяющую вести научные разработки на десятки лет вперед. Несмотря на то, что после издания карт прошло более 30 (так как работы начались с 1978 г.), сведения, содержащиеся в специальной карто-

графической основе, отнюдь не потеряли актуальность. В настоящее время все тематические карты оцифрованы, приведены в единую географическую проекцию и являются частью ГИС состояния природной сре-

ды Калмыкии. Таким образом, серию можно по праву рассматривать как собственно информационную систему, разработанную еще в период 1978–1985 гг.

Литература

- Зонн С. В. Опустынивание природных ресурсов аграрного производства Калмыкии за последние 70 лет и меры борьбы с ним // Биота и природная среда Калмыкии. М.: ООО «Каркис», 1995. С. 19–52.
- Исследования природных ресурсов Калмыцкой АССР с использованием материалов космического фотографирования. // Межведомственный тематический сборник научных трудов. М.: ЦНИИГАиК ГУГК СССР, 1987. 172 с
- Костенков К. И. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб., 1868. 177 с.
- Кривенко В. Г. Природная циклика нашей планеты // М.: Вестник РАН, 2010. №3. С. 25–29.
- Очирова Н. Г., Омакаева Э. У., Ташнинова Л. Н., Богун Н. М., Санджиева А. Г., Намруева Л. В., Курепина Н. Л., Розен Л. В. Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии. Элиста. АОР «НПП «Джангар», 2006. 112 с.
- Серия тематических карт «Природные ресурсы Калмыцкой АССР». Масштаб 1:500000. М.: ГУГК СМ СССР, 1985.
- Ташнинова Л. Н., Богун Н. М. Изучение пастбищных земель Калмыкии: история и современность // Материалы международной

научной конференции «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая». Элиста: КИГИ РАН, 2007. с.

- Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А. Геоинформационный мониторинг пастбищных земель северо-западного Прикаспия // Проблемы региональной экологии. М.: ИД «Камертон», 2009. №5. С. 290–294.
- Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А., Богун Н. М. Комплексные исследования природной среды долины реки Кума в пределах Калмыкии // Современное состояние и технологии мониторинга аридных и семиаридных экосистем юга России. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 174–188.
- Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А. Черные земли Калмыкии: комплексные исследования и разработка ГИС // Геология, география и глобальная энергия, Астрахань: АГУ, 2012. №4. С. 150–164
- Труды Прикаспийской экспедиции. Экономическая география западной части Прикаспийской низменности. Под редакцией Глазовской М. А., Ракитникова А. И., Саушкина Ю. Г. М.: МГУ, 1957. 139 с.
- Труды Прикаспийской экспедиции. Растительность и кормовые ресурсы западной части Прикаспийской низменности. Под редакцией Воронова А. Г. М.: МГУ, 1957. 314 с.

References

- Kostenkov K. I. [Statistical and Economic Description of the Kalmyk Steppe in the Astrakhan Province. According to the Research of the Kumo-Manych Expedition]. St. Petersburg, 1868. 177 p. (In Russ.)
- Krivenko V. G. [Natural Cyclic of our Planet]. *Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences*. 2010. No. 3. Pp. 25–29. (In Russ.)
- Ochirova N. G., Omakaeva E. U., Tashninova L. N., Bogun N. M., Sandzhieva A. G., Namrueva L. V., Kurepina N. L., Rozen L. V. [Traditional Nature Management and Steppe Ecosystems of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2006. 112 p. (In Russ.)
- [Proceedings of the Caspian Expedition. Vegetation and Forage Resources in the Western Part of the Caspian Lowland]. A. G. Voronov (ed.). Moscow, 1957. 314 p. (In Russ.)
- [Research of Natural Resources of the Kalmykia ASSR Using Space Photographic Materials]. Moscow: USSR Institute of Geodesy, Aerial Survey and Cartography, 1987. 172 p. (In Russ.)
- [Series of Thematic Maps “Natural Resources of Kalmyk ASSR”]. Scale 1:500000. Moscow: USSR Geodesy and Cartography, 1985. (In Russ.)
- Tashninova L. N., Bogun N. M. [Study of Pastures of Kalmykia: History and Modernity]. In: [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China] Conf. proc. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2007. (In Russ.)
- Tashninova L. N., Buvaev D. A. [Black Lands of Kalmykia: Complex Research and Development of GIS]. *Geology, Geography and Global Energy*. 2012. No. 4. Pp. 150–164. (In Russ.)
- Tashninova L. N., Buvaev D. A., Bogun N. M. [Complex Research of Natural Environment of the Kuma River Valley within the Limits of Kalmykia]. In: [Modern Condition and Technologies of Monitoring of Arid and Semi-arid Ecosystems of the South of Russia]. Rostov-on-Don: Southern Scient. Center of the RAS, 2010. Pp. 174–188. (In Russ.)
- Tashninova, L. N., Buvaev D. A. [Geoinformational Monitoring of the Pastures of the North-West Caspian region]. *Problems of Regional Ecology*. Moscow: Kamerton, 2009. No. 5. Pp. 290–294. (In Russ.)
- Works of the Caspian Expedition. Economic Geography of the Western Caspian Lowland]. M. A. Glazovskaya, A. I. Rakitnikov, Yu. G. M. Saushkin (ed.). Moscow, 1957. 139 p. (In Russ.)
- Zonn S. V. [Desertification of Natural Resources of Agrarian Production in Kalmykia in the last 70 years and Measures to Combat it]. In: [Biota and Natural Environment of Kalmykia]. Moscow: Karkis, 1995. Pp. 19–52.

**«БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПЛАТА» НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ
ЗА АДАПТАЦИЮ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ОПУСТЫНИВАНИЯ***Э. Б. Габунцина*

Все более актуальными становятся сегодня вопросы выживания людей в экстремальных условиях опустынивания. Население Прикаспийского региона — это жители тех мест, где деградация земель, опустынивание произошло под влиянием стремительной антропогенной деятельности в течение последних десятилетий. Поэтому за столь короткий период у населения не смогли сформироваться морфологические и физиологические качества, адаптивные для существования в таких условиях, и люди вынуждены платить «биосоциальную плату» за адаптацию, болея чаще и тяжелее, чем в других регионах, и зачастую умирая раньше срока. Во многом это связано с ухудшением экологической обстановки и значительным снижением на фоне этих неблагоприятных факторов иммунной защиты человеческого организма.

Целью данной статьи является медико-социальный анализ состояния здоровья населения Прикаспийского региона, проживающего в условиях засухи и антропогенного опустынивания. Важность этого вопроса объясняется недостаточностью сведений по адаптации населения и зависимости его здоровья от экстремальных условий проживания на опустыненных территориях.

В пустыне организм человека получает извне более 300 ккал/час тепла. При таких условиях для удаления каждой лишней калории требуется расход значительного количества воды, что способствует дегидратации организма. При температуре выше 40 °С ветер не только не охлаждает организм, но и увеличивает конвективное поступление тепла, в результате чего процесс обезвоживания ускоряется. При повышении температуры тела на 2–3° отмечаются функции нарушения деятельности сердечно-сосудистой системы и снижение работоспособности, теплосодержание при этом может достигать 80 ккал/м², что находится на границе допустимого. Потери жидкости с потом при температуре воздуха 38 ° до-

стигают 300 гр/час и с дальнейшим повышением температуры на каждые 0,5° увеличиваются на 20 гр/час, при тяжелой физической нагрузке общие потери жидкости за сутки могут превысить 10–12 л. При водопотерях более 10 % веса тела появляются синдромы водного истощения: нарушается зрение и слух, затрудняется речь, угнетается моторика желудочно-кишечного тракта, снижается кислотность желудочного сока, тормозится его секреция. Суточная потребность человека в питьевой воде в условиях выполнения легкой физической работы при обычной температуре воздуха составляет в среднем 2,5 л. При температуре 39–40° и низкой влажности в условиях опустыненных земель потребность в воде составляет 6–6,5 л. Постоянное переполнение желудка водой вызывает рефлекторную работу потовых желез, ввиду чего увеличивается доля малоэффективного потоотделения. Наполненный желудок поднимает диафрагму и уменьшает жизненную емкость легких.

Массивное всасывание воды через кишечник значительно разбавляет кровь, число эритроцитов в 1 мм³ снижается, качество крови как переносчика кислорода ухудшается, а увеличенный объем циркулирующей крови создает добавочную нагрузку на сердечно-сосудистую систему и почки. Временная перегрузка мышц водой выводит их из оптимальных условий работы, развивается быстрое утомление, возможны судороги. Пищеварение при избыточном питье ухудшается, так как уменьшается концентрация пищевых ферментов. При недостаточном действии пищевых ферментов пища становится питательной средой для микробов, токсины которых опасны для человека. Избыточное питье приводит к увеличенному выведению через почки и потовые железы ряда ценных веществ, в том числе поваренной соли [Квартовкина 1998].

Кроме повышенной солнечной радиации и температуры, неблагоприятным фактором является сухость воздуха, которая

ведет к высыханию слизистых оболочек верхних дыхательных путей и носа, возникновению субатрофических процессов. Кожа становится дряблой, язык сухим, глаза западают, артериальное давление падает, пульс учащается, внимание, точность и координация движений ослабевают, теряется вес. При повышенной температуре окружающей среды потеря веса в 3–4 кг ведет к снижению работоспособности, при потере 5–7 кг наступает изнеможение человеческого организма.

В Республике Калмыкия, из российских регионов наиболее подверженной процессам опустынивания, по данным медицинской статистики, значительно выше среднероссийского уровня следующие виды заболеваемости населения (на 100 000 населения): хронический бронхит — в 2,3 раза; болезни крови — в 1,9; нефрит — в 2,5; почек — в 1,5; язва желудка — в 3,3; новообразования — в 1,8; тиреотоксикоз с зобом — в 3 раза [Протасов, 1999].

В очаге опустынивания Прикаспийского региона — Черноземельском районе Калмыкии (пос. Кумской и пос. Комсомольский) — Минздравом Республики Калмыкия в 1996–1998 гг. проводились исследования состояния здоровья в целом, в том числе функции щитовидной железы у 93 детей в возрасте 4–16 лет: I степень гиперплазии (доброкачественное новообразование) щитовидной железы выявлена у 43,02 % детей; II степень — у 44,08 %; III степень — у 12,9 %. Поражение щитовидной железы отмечено преимущественно в пре- и пубертатном периодах. У половины исследуемых наблюдалось эутиреоидное состояние (состояние, при котором функция щитовидной железы не нарушена), у другой половины — гипопункция щитовидной железы (недостаточная секреция тиреоидных гормонов).

При оценке состояния здоровья детей выявлено значительное распространение хронической очаговой инфекции носоглотки (16,2 %), кариеса (5,4 %), нарушенной осанки (5,5 %), гипохромной анемии (3,2 %), задержки полового и физического развития (16,2 %), дисфункция яичников (3,2 %), туберкулезной интоксикации (4,3 %), нарушения зрения (9,8 %), аллергических заболеваний (3,3 %), неврологических заболеваний (3,2 %), кожных заболеваний (4,4 %). Отклонения со стороны сердечно-сосудистой

системы обнаружены у 25,2 % исследуемых детей. К клинически здоровым — первой группе здоровья, отнесено лишь 11,9 % детей. Вторая группа здоровья установлена у 30,1 %, к третьей группе здоровья отнесены все дети с увеличением щитовидной железы, а также 55 % детей, страдающих хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта. К четвертой группе здоровья отнесены трое больных с врожденным пороком сердца и к пятой группе — один инвалид детства с катарактой обоих глаз.

Исследования, проведенные медиками показывают, что на данной территории распространена тиреоидная патология и сопутствующие ей соматические заболевания, т. е. территория Черных земель Калмыкии является эндемичной по зобу.

Данные анализы показали, что в целом по Калмыкии отмечается негативная тенденция роста общей заболеваемости населения на 10,9 % у детей до 14 лет в 2000 г. по сравнению с уровнем 1998 г. Это увеличение происходит за счет роста болезней: органов дыхания на 17,9 %, органов пищеварения — на 16,2 %, мочеполовой системы — на 49,2 %, костно-мышечной системы — на 37,7 %, врожденных аномалий развития — в 2,2 раза, системы кровообращения — на 58,2 %, туберкулеза на — 12,1 %.

У подростков (старше 14 лет) за этот же период отмечен рост болезней эндокринной системы на 80,8 %, новообразований — на 78,8 %, болезней крови и кроветворных органов — на 36,8 %, болезней органов дыхания — на 17,8 %, болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани — на 10 %, туберкулеза — на 88,3 % [Тепкенкиева 1998]. Самый высокий показатель заболеваний по основным классам болезней наблюдается у детей Калмыкии по болезням органов дыхания: их доля достаточно высока (более 60 %) [Нусхаева, 2011].

Эпидемиологическую обстановку по туберкулезу в Калмыкии можно охарактеризовать как крайне неблагоприятную. Причинами распространения этого заболевания, помимо прочих факторов, являются процессы, непосредственно связанные с опустыниванием и в целом с экологической ситуацией. Вот как выглядит картина заболеваемости туберкулезом в Калмыкии сравнительно со средними показателями в целом по стране и Поволжского экономического района России (табл. 1).

*Таблица 1. Заболеваемость населения туберкулезом
(выявление больных установленным диагнозом в расчете на 10000 чел.)*

Регион	1980	1985	1990	1994
Российская Федерация	47,4	45,2	34,2	48,2
Поволжский район	50,0	49,8	35,2	45,7
Астраханская область	45,2	34,2	30,6	47,2
Республика Калмыкия	89,2	74,5	54,2	65,6

Выявление больных со впервые установленным диагнозом показал, что заболеваемость населения туберкулезом в Калмыкии на протяжении многих лет в среднем почти в два раза выше показателей по России.

Анализ состояния здоровья населения в районах Прикаспия, охваченных опустыниванием, показал также неблагоприятную картину смертности по основным классам причин (табл. 2).

*Таблица 2. Анализ смертности населения
Прикаспийского региона по основным классам причин*

Года	Число зарегис- триро- ванных случаев	В том числе по основным классам причин						
		болезни системы кровооб- ращения	новооб- разова- ний	инфек- ционных и парази- тарных болезней	болезни органов дыхания	болезни органов пищева- рения	от неслучай- ных случаев	Про- чие
Волгоградская область								
1995	39 054	23 601	6 260	658	1 445	1 078	4 560	1 452
% к итогу	100,0	60,4	16,0	1,7	3,7	2,8	11,7	3,7
1999	41 614	24 886	6 010	856	1 620	1 286	5 210	1 746
% к итогу	100,0	59,8	14,4	2,0	3,9	3,2	12,5	4,2
Астраханская область								
1995	13 868	6 725	2 157	383	438	374	1 969	1 822
% к итогу	100,0	48,5	15,5	2,8	3,2	2,7	14,2	13,2
1999	13 932	6 858	2 001	564	448	396	1 982	1 683
% к итогу	100,0	49,2	14,4	4,0	3,2	2,8	14,2	12,2
Республика Калмыкия								
1995	3359	1 038	437	88	144	120	639	893
% к итогу	100,0	30,9	13,0	2,6	4,3	3,6	19,0	26,6
1999	3356	1 289	426	102	131	131	553	724
% к итогу	100,0	38,4	12,7	3,0	3,9	3,9	16,5	21,6
Республика Дагестан								
1995	16 297	7 985	1 532	668	1923	782	1 548	1 859
% к итогу	100,0	49,0	9,4	4,1	11,8	4,8	9,5	11,4
1999	15 900	7 393	1 653	747	2114	445	1854	1694
% к итогу	100,0	46,5	10,4	4,7	13,3	2,8	11,6	10,7

Анализ смертности населения Прикаспийского региона по основным классам причин показывает, что лидирующей группой заболеваний являются заболевания системы кровообращения, от которых регистрируется достаточно высокий процент смертности. По другим классам причин значительных различий не выявлено.

Анализ заболеваемости населения на территории двух районов Волгоградской области, с разнящейся экологической ситуа-

цией (по данным Л. К. Квартовкиной [1998]) показал, что число больных детей в возрасте до 14 лет многократно превышает этот показатель, например, в Клетском районе области, подверженном только водной эрозии, где не регистрируются процессы опустынивания. Здесь обращает на себя внимание высокий уровень заболеваемости органов дыхания, что, несомненно, связано с большой запыленностью атмосферы, вызванной дефляционными процессами (табл. 3).

Таблица 3. Заболеваемость детей до 14 лет в районах с неблагоприятной экологической ситуацией Волгоградской области

Класс болезни	Палласовский район, где регистрируется опустынивание (население 43 000 чел.)	Клетский район, где регистрируется водная эрозия (население 18 000 чел.)
Общая заболеваемость	14 192	2 540
в том числе:		
Крови	697	4
Органов дыхания	7 001	1 405
Органов пищеварения	864	198
Мочеполовых путей	629	29
Кожи и подкожной клетчатки	1 333	201

Таким образом, опустынивание, вызывая ряд негативных экологических, социально-экономических потрясений в виде ухудшения здоровья, снижения доходов и уровня жизни населения, уменьшения количества рабочих мест, роста социальной напряжен-

ности приводит к серьезным последствиям. Люди вынуждены менять место жительства или заплатить биосоциальную плату за адаптацию в экстремальных условиях проживания, что резко сокращает продолжительность их жизни [Габуншина, 2002].

Литература

Габуншина Э. Б. Адаптивное лесоаграрное природопользование в российском Прикаспии (на примере Республики Калмыкии): автореф. дис. ... д-ра с/х наук. Элиста, 2002. 49 с.
Квартовкина Л. К. Медико-социальные проблемы жизни населения на территориях, подверженных опустыниванию // Восстановление и использование эродированных земель: Сб. междунар. курсов ЮНЕП/ЦМП/ВНИ-АЛМИ. М.; Волгоград, 1998. С. 254–264.
Нусхаева Б. Б. Дети Республики Калмыкия: социологический анализ // Качество жизни как

фактор формирования гражданского общества. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 226–228.

Протасов В. Ф. Экология, здоровье и охрана окружающей среды в России. М., 1999. 72 с.

Тепкенкиева Э. Э. Состояние здоровья детей и функциональная активность щитовидной железы в Черноземельском районе Республики Калмыкия // Республика Калмыкия на пути к устойчивому развитию. Т. 3. Элиста, 1998. С. 100–101.

References

Gabunshina E. B. [Adaptive Forest-agrarian Nature Management in the Russian Caspian Sea Region (on the Example of the Republic of Kalmykia)]. Dr. Sc. thesis (Agriculture) abstract. Elista, 2002. 49 p. (In Russ.)
Kvartovkina L. K. [Medico-social Problems of Life of the Population in the Territories Exposed to Desertification]. In: [Restoration and Use of Eroded Lands]. United Nations Environment Programme. Preventive Medicine Center. Russian Research Institute of Agricultural Amelioration. Moscow; Volgograd, 1998. Pp. 254–264. (In Russ.)

Nuskhaeva B. B. [Children of the Republic of Kalmykia: Sociological Analysis]. In: [Quality of Life as a Factor of Civil Society Formation]. Conf. proc. Volgograd: Volgograd Academy of State Service Publ., 2011. Pp. 226–228. (In Russ.)

Protasov V. F. [Ecology, Health and Environment Protection in Russia]. Moscow, 1999. 72 p. (In Russ.)

Tepkenkieva E. E. [Children's Health State and Functional Activity of the Thyroid Gland in the Chernozemelsk District of the Republic of Kalmykia]. In: [Republic of Kalmykia on the Way to Sustainable Development]. Vol. 3. Elista, 1998. Pp. 100–101. (In Russ.)

Зорин А. В. Рец. на: *Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии*. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“, 2012. 224 с.

В бурной и трагической истории двадцатого века нашей страны разгром центров буддийской культуры занимает особое место. Пожалуй, ни одной из традиционных религий России (при всех огромных жертвах, понесенных христианскими церквями, исламом, иудаизмом) не было нанесено столь же мощного урона, связанного с уничтожением подавляющего большинства храмовых сооружений, книг, культовой утвари, не говоря уже о носителях буддийского знания — глубоко образованных в религиозном отношении ламах, а в случае с Калмыкией — и значительной части мирян, безжалостно вырванных из родной земли и отправленных в ссылку в далекий суровый край.

При всей противоречивости и сложности нынешнего этапа развития Российской Федерации, одним из объединяющих общество факторов служит «собираание камней» — попытка бережного и умного восстановления тех драгоценных явлений большой российской культуры, которые не были полностью утрачены за годы варварского отношения общества к историческому наследию собственной страны и которые ныне могли бы обеспечить естественную, а не навязанную сверху, связь времен. Собираание и учет сведений о буддийских книгах, сохранившихся в государственных и частных собраниях, является одним из важнейших направлений такой работы применительно к традиционной буддийской культуре России.

Рассматриваемое издание, ставшее результатом большой экспедиционной, археографической, архивной работы, безусловно, вносит существенную лепту в воссоздание исторической памяти калмыцкого народа. В связи с этим особенно важным является то обстоятельство, что автором издания введены в научный оборот сведения о многочисленных частных коллекциях буддийских книг, выявленных им в ходе исследования.

Работа состоит из двух разделов. Первый раздел, теоретический, содержит основные сведения об истории калмыцкой /ойратской книжной культуры, начиная с тру-

дов знаменитого Зая-пандиты (1599–1662) и кончая сочинениями калмыцких лам конца XIX — середины XX в.; сюда же включены сведения об основных современных собраниях буддийских книг на территории Калмыкии, о наиболее распространенных в Калмыкии буддийских текстах (таких, как «Алмазная сутра», «Сутра о злословии», «Сутра об Амитаюсе», различные молитвы, гимны, дхарани и т. д.), о некоторых особенностях рукописных и ксилографических изданий, проанализированных автором.

Раздел хорошо структурирован, информация изложена компактно и вместе с тем достаточно полно. Особенно интересны сведения о буддийских текстах, записанных в переложении на кириллицу (с. 48–53), учитывая, что «калмыцкие буддийские тексты на кириллице до сих пор не выступали объектом исследования буддологов. Более того, в исследованиях литературного наследия калмыков вообще нет сведений о том, что в XX в. буддийские тексты имели хождение не только в традиционной фиксации на ойратском „ясном письме“, но и в записи на одной из разновидностей кириллицы, использовавшейся в ходе реформирования графики калмыцкого языка» (с. 48).

Очень важным для восстановления исторических реалий (в том числе генеалогических изысканий) представляется и другой вывод автора, касающийся функционирования «Алмазной сутры» в дореволюционной Калмыкии: «..., „Алмазная сутра“ являлась своего рода аналогом современных метрик (свидетельств о рождении). Необходимость регулярного чтения „Алмазной сутры“ в условиях незнания тибетского языка простыми верующими обуславливала обращение в родовой хурул для ее „оживления“ (калм. *амрулһн*), т. е. прочтения служителем культа. Направленность чтения на членов рода определила необходимость включения в текст рукописи имен всех его членов. Таким образом, семейный список „Алмазной сутры“ превращался в исторический документ, в котором фиксировались сведения о членах одной семьи, нескольких поколений семьи и даже целого рода» (с. 32).

При общей положительной оценке раздела хотелось бы указать, в порядке научной дискуссии, и на немногочисленные недостатки или спорные моменты, содержащиеся в нем.

1. На наш взгляд, некоторые отсылки к трудам коллег излишни или неубедительны. Так, говоря о концепции «пустоты», автор ссылается на небольшую статью Б. И. Кузнецова, изданную в далеком уже 1980-м г. (с. 18). Во-первых, эту работу сложно назвать актуальной в сфере исследований философской проблематики буддизма, во вторых, сама по себе констатация того факта, что упомянутая концепция получила разработку в рамках учения о Праджняпарамите, на наш взгляд, является общим местом, не требующим особого подтверждения. Если таковое все же требуется, то лучше было бы сослаться на научные работы последних лет.

2. Несколько сомнителен перевод названия сборника из пяти сутр, посвященных богиням группы «панча-ракша», как «Пять покровителей» (с. 15) и тем более «Пять покровителей (или гениев-хранителей)» (с. 19). Из этого названия не следует, что речь идет именно о *богинях* (следовательно, покровительницах, защитницах), и совсем неуместным кажется термин «гений-хранитель», имеющий вполне конкретное религиозоведческое наполнение. Кажется ошибочным определение текста «Стотысячной Праджняпарамиты» (тиб. «Юм») как «собрания сочинений, составляющих раздел Ганджура» (с. 37). Также представляется сомнительным утверждение, что Зая-пандита достиг «самой высокой в тибетской системе образования ученой степени *пандита*» (с. 13), ибо последний термин, насколько нам известно, никогда не имел технического значения ученой степени, выступая в роли почетного титула.

3. При всем уважении к историческому наследию ойратского / калмыцкого народов едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что литература, переведенная Зая-пандитой и его учениками с тибетского языка, «свидетельствует о высокой степени *просвещенности общества* ([курсив мой. — З. А.] с. 22). Поскольку речь идет о средневековом традиционном обществе, то, как

нам кажется, подобный тезис едва ли может быть доказан.

Второй раздел книги представляет собой каталог тибетских и ойратских книг, хранящихся в 39 государственных и частных коллекциях на территории Республики Калмыкия. Следует заметить, что это краткий каталог: в нем содержится только самая основная информация о книгах, включая название (на тибетском или ойратском языках и в переводе на русский), указание на тип издания, количество листов, размер листов (к сожалению, эта важнейшая информация порой отсутствует), в некоторых случаях размер «зеркала», количество строк и др. Каждая статья каталога, посвященная тому или иному тексту, дополнена ссылками на статьи об аналогичных изданиях в других каталогах коллекций тибетских и монгольских книг (что, вероятно, призвано компенсировать наличие более подробного описания рассмотренных экземпляров), а также перекрестными ссылками на аналогичные сочинения в рамках данного каталога. Сложно сказать, достаточно ли информативными могут быть эти сведения для исследователя. Этот трудный вопрос касается общих принципов каталогизации рукописных коллекций в условиях цифровой революции. Они, безусловно, требуют широкого научного обсуждения с участием ученых Бурятии, Калмыкии, Москвы, Санкт-Петербурга, Тувы. Как бы то ни было, изданный каталог является наиболее полным сводом информации об имеющихся в Калмыкии книгах на тибетском и ойратском языках и может быть использован в дальнейшем для создания еще более масштабных баз данных о старых буддийских книгах в России и в мире.

Каталог, разумеется, снабжен всеми необходимыми индексами. Особо следует отметить работу автора по переводу названий сочинений на русский язык. Это непростой труд, который требует больших усилий и широкой эрудиции в области буддийских сочинений и наук. Как мне кажется, автор достойно справился с этой задачей, отдельные же неточности вполне простительны (в частности, сочинение «Сто восемь имен Тары» переведено как «108 признаков Тары», хотя речь в нем идет именно об именах и эпитетах этой богини).

Дорджиев М. Э. Рец. на: *Босчаева З. Н., Босчаев С. Н. Формула малого предпринимательства как основы развития регионов*. М.: Экономика, 2012. 254 с.

В последние годы издается немало научных публикаций по проблемам малого бизнеса и региональной экономики. В вышедшей недавно в свет монографии профессора З. Н. Босчаевой в соавторстве с предпринимателем С. Н. Босчаевым «Формула малого предпринимательства как основы развития регионов» (М.: Экономика, 2012) предпринята попытка системного анализа экономических явлений и понятий с учетом современных реалий. Авторы дают характеристику феномену малого бизнеса, определяют его роль в экономике и анализируют основные факторы, благоприятствующие его развитию в регионах РФ. С учетом накопленного опыта предпринимательства за прошедший период перехода страны к рыночной экономике предложен системный подход к процессам ценообразования и налогообложения деятельности производителей. В работе рассмотрены пути усовершенствования бухгалтерского учета расходов в производстве. Авторы предлагают также модели определения себестоимости единицы продукции в таких сферах, как производство услуг и производство вещественных форм продуктов.

Структура и архитектура монографии вполне логичны, оправданы и подчинены решению поставленных задач. В первой главе «Социально-экономическая роль малого предпринимательства в российской и мировой экономике» раскрываются теоретические и методологические аспекты развития малого бизнеса, дается характеристика феномена малого бизнеса, раскрывается суть и классификация его типов. В разделе «Этапы становления малого предпринимательства в России» дан краткий и емкий обзор эволюции становления малого бизнеса в России на протяжении более трехсот лет. Содержание раздела, наряду с другими положительными сторонами, имеет важное познавательное значение для изучения истории народного хозяйства.

Во второй главе работы авторы анализируют статистические материалы и определяют состояние социально-экономического развития Республики Калмыкия за период с 1990 по 2010 гг. Анализ динамики развития малого бизнеса в регионе Калмыкия позволил выявить основные причины рез-

кого колебания экономических показателей субъектов малого предпринимательства в отдельные периоды. В монографии наглядно (что отражено в составленных таблицах и графиках) показано, как развитие республики влияет на уровень и качество жизни населения.

Большое внимание уделено расчету макроэкономических показателей республики. С учетом вывода о том, что действующие макроэкономические показатели искажают фактическую картину производства в стране, на примере региона Калмыкия предложена новая системная методика оценки эффективности деятельности страны и регионов. С помощью показателей «Совокупный общественный продукт» и «Национальный доход» (для страны в целом), а также «Региональный совокупный продукт» и «Региональный доход» дана оценка экономического развития Республики Калмыкия. При этом особое внимание уделяется анализу состояния субъектов малого бизнеса в торговой, строительной и сельскохозяйственной отраслях. В разделе «Анализ основных экономических показателей субъектов малого предпринимательства в республике» на основе анализа разработанных показателей вскрываются глубинные причины и проблемы развития малого бизнеса не только в республике, но и в стране. Достаточно аргументированно авторы подошли и к поиску путей совершенствования государственной поддержки, законодательной базы и способов преодоления бюрократических «препон».

В третьей главе показано место малого бизнеса в экономике и в системе рыночного хозяйства страны. Для благоприятного развития малого предпринимательства в стране предложены новый механизм ценообразования и новая система расчета стоимости товаров. В работе представлены также основные факторы прироста производства и доходов производителей и определен новый принцип эффективного распределения доходов. Авторы приводят обоснованные аргументы и утверждают, что сегодня необходимо строгое соблюдение «принципа эквивалентности обмена» и «закона стоимости» как основных законов рыночного обмена товарных и денежных масс. По мне-

нию авторов, эти основополагающие принципы в настоящее время не соблюдаются во всем мире, и данная тенденция должна быть преодолена.

Большое внимание в работе уделено проблемам взаимоотношения производителей с обществом или государством. Этот аспект анализируется через призму совершенствования системы налогообложения, бюджетной системы и методов ведения бухгалтерского учета. На наш взгляд, привлекательно в этом плане предложение о зачислении налога на добавленную стоимость в бюджеты регионов страны, который авторы предлагают оставлять на местах изъятия. Внедрение данного предложения в должной мере способствовало бы выравниванию уровней экономического роста многих регионов, имевших низкий стартовый уровень при переходе к рыночной экономике в силу исторически сложившегося разделения труда в стране и являющихся до сих пор высокототационными регионами.

Таким образом, исследование, проведенное в рецензируемой монографии, позволило авторам убедительно показать

роль малого бизнеса в развитии страны и ее регионов и внести интересные предложения в решение главной задачи производителей — удовлетворении общества и каждого его члена в материальных и иных благах. На наш взгляд, авторам монографии удалось выявить многие болевые точки в развитии малого бизнеса как в Республике Калмыкия, так и в стране в целом. В работе сделан справедливый вывод о том, что решение многих задач зависит от комплексного совершенствования налогообложения в стране и упорядочения механизмов ценообразования.

Монография представляет собой серьезное, законченное научное исследование, логически обоснованное и наполненное большим иллюстративным материалом, который строго и в полной мере подчинен достижению поставленной авторами цели. Рецензируемое издание отличается высоким научным и методологическим уровнем и представляет значительный интерес как для ученых, аспирантов, магистрантов, студентов, так и для практических работников.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИГИ РАН

Народный учитель (К 100-летию со дня рождения С. А. Кензеева) / отв. ред. Н. Г. Очирова; КИГИ РАН. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 250 с.: илл. (Серия «Калмыцкая интеллигенция»).

Книга посвящена жизни и деятельности одного из ярких представителей калмыцкой интеллигенции XX в., талантливого педагога, литературного критика Санджи Алексеевича Кензеева (1913–1983). Его судьба тесно связана с важнейшими историческими событиями прошлого столетия. Ветеран Ве-

ликой Отечественной войны, подвижник народного просвещения С. А. Кензеев прожил интересную, насыщенную делами жизнь. Издание содержит воспоминания известных деятелей науки, образования и культуры, родных и друзей, многочисленных учеников и последователей педагога. В сборнике опубликованы работы из научно-педагогического наследия С. А. Кензеева, материалы из архива и фотодокументы. Издание предназначается для широкого круга читателей, специалистов, учителей и студентов.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КИГИ РАН

В преддверии празднования Дня российской науки 7 февраля 2013 г. проведено **расширенное заседание Ученого совета КИГИ РАН**, посвященное Дню российской науки и 70-летию со дня рождения известного ученого, историка-краеведа, Заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия Ивана Васильевича Борисенко. В заседании приняли участие ученые КИГИ РАН, преподаватели КГУ, представители творческой интеллигенции и СМИ. С докладом о жизни и деятельности И. В. Борисенко выступил кандидат исторических наук В. П. Санчилов, который отметил, что «имя известного ученого Калмыкии, историка-краеведа Ивана Васильевича Борисенко хорошо знакомо многим жителям нашей республики. Он получил признание как превосходный знаток культуры, истории, этнографии и других сторон жизни населения дореволюционной Калмыкии. И. В. Борисенко внес весомый вклад в развитие науки региона и по праву считается одним из ведущих ученых Калмыкии второй половины XX века». По итогам работы Ученого совета было принято решение об издании сборника научных статей И. В. Борисенко.

В работе конференции, **посвященной 100-летию со дня рождения известного педагога, Заслуженного учителя Калмыкии Санджи Алексеевича Кензеева (25 марта 2013 г.)**, приняли участие ученые КИГИ РАН, преподаватели и студенты Элистинского педагогического колледжа,

представители Министерства образования, культуры и науки Республики Калмыкия, родственники С. А. Кензеева, представители СМИ. С. А. Кензеев — автор учебников и методической литературы по калмыцкому языку, внесший значительный вклад в развитие народного образования и педагогической науки Калмыкии.

15 апреля 2013 г. состоялся «Круглый стол», посвященный 75-летию со дня рождения известного ученого, этнолога, доктора исторических наук Геннадия Очировича Авляева. В работе «Круглого стола» приняли участие ученые КИГИ РАН, преподаватели КГУ, родственники Г. О. Авляева. С научными докладами выступили д.и.н. Э. П. Бакаева, к.ф.н. Э. У. Омакаева, к.и.н. В. В. Батыров, к.и.н. В. П. Санчилов, д. филос. н. Б. А. Бичеев, к.соц. н. Л. В. Намруева и др. Участниками «Круглого стола» отмечалось, что Г. О. Авляев внес значимый вклад в изучение этнографии калмыцкого народа. Работы ученого по происхождению и этнической истории калмыков IX–XVIII вв., в том числе по этническому составу и истории расселения, хорошо известны специалистам-монголоведам и тюркологам не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Материалы более двадцатилетней экспедиционной работы, полевых выездов по республике нашли широкое отражение в научных трудах ученого.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИГИ РАН

С 24 по 31 января 2013 г. в Калмыкии побывала делегация Увс аймака Монголии. В составе делегации были члены монгольской общественной организации «Тод номын гэрэл» («Свет ясного письма») и сотрудники телеканала «МВС» Увс аймака. Руководитель делегации — зам. председателя Парламента Увс аймака, директор телеканала «МВС» Дэмбээгийн Мягмарсүрэн.

Целью визита монгольской делегации являлось дальнейшее развитие двусторонних связей в области культуры, образования и науки. В рамках реализации Соглашения о сотрудничестве КИГИ РАН с монгольской общественной организацией «Тод номын гэрэл» («Свет ясного письма») были проведены встречи с коллективом Института и обсуждены вопросы планирования совместных мероприятий.

Монгольскую делегацию приняли Глава Республики Калмыкия А. М. Орлов, заместитель Председателя Правительства РК — Министр образования, культуры и науки РК Л. Б. Васильева. Гости побывали в Яшкульском районе Республики Калмыкия, где встретились с руководством района, с интересом ознакомились с жизнью животноводов. Состоялись также встречи с преподавателями и студентами Калмыцкого государственного университета, учащимися МОУ «Национальная гимназия», коллективами ФГУП ВГТРК ГТРК «Калмыкия», редакции газеты «Хальмг үнн».

20 февраля 2013 г. в КИГИ РАН была делегация ученых — представителей

монгольской общественной организации по изучению истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл» («Свет ясного письма»). Делегацию из Монголии в составе 6 человек возглавлял заведующий кафедрой Монгольского государственного педагогического университета Надмидын Сухэбатор, ознакомивший коллег из КИГИ РАН с новейшими результатами деятельности организации «Тод номын гэрэл» и перспективами ее развития. Так, в 2014 г. общественная организация планирует открыть Центр ойратских исследований в городе Улангом, где компактно проживают ойраты Монголии. В рамках встречи обсуждены дальнейшие перспективы двухстороннего сотрудничества и взаимодействия на 2013–2014 гг. Так, достигнута договоренность, что в Монголии в переводе на монгольский язык будут опубликованы книга А. В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» и специальный выпуск сборника статей ученых КИГИ РАН в серии «Biblioteca Oiratica», издаваемой монгольской организацией. Ряд книг, посвященных результатам проведенных ранее научных экспедиций, издает КИГИ РАН. В ближайшее время состоится международная научная экспедиция в местах проживания ойратов Монголии и международная научная конференция, посвященные 130-летию со дня рождения видного ученого-монголоведа А. В. Бурдукова. В них примут участие специалисты по истории и культуре ойратов из разных стран и регионов, в том числе ученые КИГИ РАН.

ИСТОРИЯ

Максимов К. Н. Калмыки в геостратегических планах России XVII века.

В статье рассматривается политика России по отношению к калмыкам в период Смутного времени в начале XVII в. Несмотря на сложное и трудное внутреннее и внешнее положение, Россия проявила интерес и увидела в них надежного союзника, могущего пополнить социум развивающегося Российского государства. Взаимные интересы обеих сторон привели к добровольному вхождению калмыков в состав России, где они активно включились в осуществление ее геостратегических задач.

Ключевые слова: Россия, Смутное время, калмыки, царь, Боярская дума, приказы, добровольное вхождение, война, защита, казаки, южные рубежи.

Бурчинова Л. С., Гиляшаева М. Н. Обязательные отношения в калмыцких кочевьях накануне реформы 1892 г.

В статье осуществляется попытка доказать, что длительное сохранение обязательных отношений у калмыков-кочевников предопределило в основном негативные последствия в эволюции социальных процессов в их кочевьях. Во второй половине XIX в. их сословия и отдельные социальные слои не только деградировали, но и стремительно утрачивали полноценную способность адаптации к российским переменам, происходившим под влиянием буржуазных реформ.

Ключевые слова: история калмыков, XIX в., Калмыцкая степь, калмыцкие кочевья, эволюция социальных отношений, отмена обязательных отношений.

Лиджеева К. Ф. Государственная политика в сфере образования в период советской модернизации 1920-х — 1930-х гг. (на материалах национальных районов Юга России).

В статье рассматривается влияние социально-экономических процессов в сфере образования на этапе перехода к унификации общественной жизни и изменений, произошедших в нем в связи с ускоренной индустриальной модернизацией, на материалах национальных автономий Юга России.

Ключевые слова: образование, Юг России, модернизация, государственная политика.

Кольцов П. М., Кольцова К. П. Караван-сарай Таскешу как источник по изучению средневековых караванных путей на степных пространствах Евразии.

В статье рассматриваются предварительные итоги археологического исследования караван-сарая Таскешу, построенного в XIV в. для обслуживания трансконтинентальных караванных маршрутов, соединявших в средневековье Восток и Запад Евразии. Караван-сарай обеспечивали относительно комфортное путешествие купцам и приносили стабильный доход в казну золотоордынским ханам в виде налогов.

Ключевые слова: караван-сарай, средневековье, торговля, археологические раскопки, монеты, керамика.

HISTORY

Maksimov K. Kalmyks in Geostrategic Plans of Russia of the 17th Century.

In the article the Russia's policy towards the Kalmyks in Time of Troubles at the beginning of the 17 century is considered. Despite difficult internal and external situation, Russia has expressed interest in the Kalmyks, seeing them as the reliable allies, who might reinforce socium of the developing Russian state. Mutual interests of both parties led to the voluntary entering of the Kalmyks in the Russian state where they actively were involved in the implementation of its geostrategic tasks.

Keywords: Russia, Time of Troubles, Kalmyks, tsar, Boyar Duma, orders, voluntary entering, war, protection, Cossacks, southern boundaries.

Burchinova L., Gilyashaeva M. Mandatory Relations on Kalmyk Nomadic Territories on the eve of Reform of 1892.

The article represents an attempt to prove that long-term preservation of mandatory relations among the Kalmyk nomads has predetermined mainly negative consequences in evolution of social processes on their nomadic territories. In the second half of the 19th century their social estates and certain social layers not only were degraded but also quickly lost the full ability to adapt to the Russian changes occurring under the influence of bourgeois reforms.

Keywords: history of the Kalmyks, 19th century, Kalmyk Steppe, Kalmyk nomadic territories, evolution of social relations, abolition of mandatory relations.

Lidzheeva K. State Policy in the Field of Education during the Period of Soviet Modernization of the 1920s — 1930s (on the materials of national regions of Southern Russia).

The paper examines the impact of socio-economic processes to the education sector in transition to the unification of the social life and the changes occurred as a result of the industrial express modernization on the materials on the national autonomies in the South of Russia.

Keywords: education, South of Russia, modernization, the state policy.

Koltsov P., Koltsova K. Taskeshu Caravanserai as a Source for Study of Medieval Caravan Routes of the Steppes of Eurasia.

The article deals with the preliminary results of archaeological research of Taskeshu caravanserai built in the 14th century to service transcontinental caravan routes connecting the East and West Eurasia in the Middle Ages. Caravanserais provided a relatively comfortable journey merchants and brought a stable income as taxes to the treasury of the Golden Horde khans.

Keywords: caravanserai, the Middle Ages, trade, archaeological excavation, sites, coins, pottery

Убушаев Е. Н. Социальная деятельность Советского государства в 20-е гг. XX в. (на примере Калмыкии).

В статье рассмотрено социальное положение Калмыцкой степи Астраханской губернии к 20-м годам XX в., что позволяет провести оценку масштабов проведенных социокультурных преобразований в советский период. Автором выявлены основные направления деятельности в социально-культурной сфере в Калмыкии в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: социальная политика, социальное обеспечение, образование, здравоохранение.

Джагаева О. А. О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова.

Статья посвящена вкладу Н. Н. Пальмова в становление калмыковедения и организацию архивного и музейного дела в Калмыкии. Автор отмечает, что труды ученого заложили основу для последующих поколений исследователей истории калмыцкого народа.

Ключевые слова: Н. Н. Пальмов, история Калмыкии, научная деятельность, педагогическая работа, архив, музей.

ЭТНОЛОГИЯ

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований).

Статья посвящена тувинцам Кобдоского аймака Монголии. На основе полевых материалов авторы рассматривают некоторые вопросы, посвященные родовым группам и подгруппам, картине родового состава и различным аспектам жизнедеятельности и культуры тувинцев одного из аймаков Западной Монголии на современном этапе.

Ключевые слова: тувинцы, родовые группы, родоплеменной состав, термины родства.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Куканова В. В. Лексикографическая интерпретация сложных слов (композигов) в калмыцком языке и их отражение в нормативных словарях.

Статья посвящена одному из спорных вопросов калмыцкого языкознания — проблеме сложных слов, которые, как известно, весьма распространены в тюркских и монгольских языках. Однако их статус до сих пор еще не определен, а сам способ образования новых единиц в калмыцком языке не исследован достаточно глубоко с научной точки зрения. Согласно традициям калмыцкой орфографии, сложные слова в основном пишутся раздельно (через пробел), что усложняет их автоматический поиск в Национальном корпусе калмыцкого языка, который создается в целях сохранения языка как средства познания и коммуникации. Следовательно, получить достоверную статистику по материалам корпуса практически невозможно, поскольку корпусный менеджер не учитывает специфику их написания.

Ключевые слова: композиты, сложные слова, калмыцкий язык, нормативные словари, Национальный корпус калмыцкого языка, электронный словарь со звуковым модулем.

Ubushaev E. Social Activity of the Soviet State in the 20-ies of the 20th Century (on the example of Kalmykia).

The article considers the social status of the Kalmyk steppe of Astrakhan province to the 20-ies of the 20th century that allows to estimate the scale of the social and cultural transformations in the Soviet period. The author reveals the main directions in the social and cultural spheres in Kalmykia in the 20-ies of the 20th century.

Keywords: social policy, social security, education, healthcare.

Dzhagaeva O.A. About Scientific and Pedagogical Activity of Professor N. N. Palmov.

The article is devoted to N. N. Palmov's contribution to the formation and the developments of the Kalmyk studies and to the creation of archives and museums in Kalmykia. The authors notes that the works the scientist laid the basis for future generations of researchers of the history of the Kalmyk people.

Keywords: N. N. Palmov, history of Kalmykia, scientific activity, pedagogical activity, archive, museum.

ETHNOLOGY

Aiyzhy E., Kongu A. Tuvan Tribal Groups of the Khovd Aimak of Mongolia at the Present Stage (on materials of field researches).

The article is devoted to Tuvans of the Khovd aimak of Mongolia. On the basis of field materials the authors consider such questions, as tribal groups and subgroups, tribal structure and various aspects of live activity and culture of Tuvans of one of the aimaks of Western Mongolia at the present stage.

Keywords: Tuvans, tribal groups, tribal structure, terms of kingship.

LINGUISTICS

Kukanova V. Lexicographical Interpretation of Compound Words (Composites) in the Kalmyk and their Reflection in the Normative Dictionaries.

The article is devoted to one of the contentious issues of the Kalmyk linguistics — the problem of composite words, which are known to be quite common in Turkic and Mongolian languages. However, their status is still undefined, and the way to the formation of new units in the Kalmyk language has not been studied in depth from a scientific point of view. According to the traditions of the Kalmyk spelling, compound words are written separately in the main (in space), making it difficult to automatically search the National corpus of the Kalmyk language, which is created in order to preserve the language as a means of cognition and communication. Therefore, obtaining of reliable statistics on the corpora material is almost impossible, because the corpus manager does not take into account the specificity of their writing.

Keywords: composites, compound nouns, normative dictionaries, National corpora of the Kalmyk language, digital dictionary with sound module.

Харчевникова Р. П. Сопоставительная характеристика типов побуждения в повелительном наклонении калмыцкого и русского языков.

В статье показано, что семантические признаки разных типов побуждения в калмыцком и русском языках контекстуально обусловлены и определяются характером отношений между говорящим и собеседником. Проведенный анализ позволил выявить сходные и отличительные признаки категориальных значений повелительного наклонения в калмыцком и русском языках.

Ключевые слова: категория наклонения, модальность, типы побуждения, калмыцкий язык, русский язык.

Мушаев В. Н., Мутаева З. Д. Функционально-семантическое поле модальности в калмыцком языке (директивная модальность).

В статье рассмотрены основные средства выражения модальных значений директивной модальности на материале современного калмыцкого языка. Описаны основные семантические зоны директивных высказываний: приказ, просьба, совет, разрешение и т. д. Исследование позволило выделить доминантные формы функционально-семантического поля директива. Главной формой выражения микрополя директива является повелительное наклонение.

Ключевые слова: синтаксис, функционально-семантическое поле, директивная модальность, семантическая зона.

Балтырева И. А., Есенова И. С. К исследованию буддийских прецедентных имен-теонимов в калмыцкой лингвокультуре (на примере теонимов Дэрк и Окн-Тенгр).

Статья посвящена изучению прецедентных буддийских имен женских божеств Дэрк и Окн-Тенгр, функционирующих в калмыцкой лингвокультуре.

Ключевые слова: прецедентность, буддизм, прецедентное имя, калмыцкая лингвокультура.

Салынова О. В., Есенова Т. С. О калмыцкой национально-прецедентной символике в русскоязычном рекламном дискурсе (на материале афиш).

В статье рассматриваются некоторые национально-прецедентные символы, представленные в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: прецедентный феномен, национально-прецедентный символ, лингвокультура, идентичность.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М. Модификация темы Земли Обетованной в социокультурном ракурсе русской прозы 1920-х гг.

Статья посвящена теме голода в русской прозе начала 1920-х гг. Рассматриваются модификации русских народных легенд об обетованной земле.

Ключевые слова: русская народная легенда, голод, советская эпоха, обетованная земля, антропологическая поэтика.

Kharchevnikova R. Contrastive Characteristics of the Types of Commands in the Imperative Mood in the Kalmyk and Russian Languages.

The article shows that the semantic features of different types of commands in Kalmyk and Russian language are due to the context and determined by the nature of relations between the speaker and his interlocutor. The analysis revealed similar and distinctive features in categorical meanings of the imperative mood in Kalmyk and Russian.

Keywords: category of mood, modality, types of motivation, Kalmyk language, Russian language.

Mushaev V., Mutaeva Z. Functional-Semantic Field of a Modality in the Kalmyk Language (a directive modality).

The article deals with the basic means of expressing of modal values of a directive modality in modern Kalmyk language. The basic semantic zones of directive utterances (an order, a request, an advice, a permission, etc.) are described. The authors come to the conclusion that the main form of expression of the directive microfield is an imperative mood.

Keywords: syntax, functional-semantic field, directive modality, semantic zone.

Baltyreva I., Esenova T. Towards the Research of Buddhist Precedent names-teonims in Kalmyk linguoculture (on the example of teonims Dyark and Okn-Tengr).

The article is devoted to the study of precedent Buddhist names of female deities Dyark and Okn-Tengr functioning in Kalmyk linguoculture.

Keywords: precedence, Buddhism, precedent name, Kalmyk linguoculture.

Salynova O., Esenova T. About the Kalmyk National and Precedent Symbolics in a Russian-language Advertising Discourse (on the material of posters).

The article considers some national- precedent symbols in the advertising discourse.

Keywords: precedent phenomenon, national-precedent symbol, linguoculture, identity.

LITERATURE STUDIES

Khaninova R. M. Modification of the Theme of the Promised Land in the Sociocultural Perspective of Russian prose of 1920s.

The article is devoted to the theme of starvation in Russian prose of the early 1920s. The modifications of Russian folk legends about the Promised Land are considered.

Keywords: Russian folk legend, starvation, the Soviet epoch, the Promised Land, anthropological poetics.

Вяткина Е. А. Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла».

Статья посвящена этнопоэтике повести Елены Ган «Утбалла», а именно калмыцкому компоненту. Автор анализирует поэтику заглавия, поэтику имен, хронотоп, этнографические детали калмыцкой жизни. Определяется характерологическая и сюжетообразующая роль легенд. Описываются особенности изображения «чужого» мира (обычай, традиции, обряды, религия) как одна из существенных типологических черт русской романтической повести начала XIX века.

Ключевые слова: этнопоэтика, инонациональный, этнография, фольклор, романтизм, повесть.

Vyatkina E. A. Ethnopoetics of Elena Gan's Novel «Utballa».

The article is devoted to ethnopoetics of Elena Gan's novel «Utballa», and namely to its Kalmyk component. The author analyzes the poetics of heading and names, chronotope, ethnographic details of Kalmyk life. Characterological and plot forming role of legends is defined. The characteristic peculiarities of the «alien» world (customs, traditions, rites and religion) are described as one of the essential typological feature of Russian romantic novel of the beginning of the 19th century.

Keywords: ethnopoetics, other national, ethnography, folklore, Romanticism, novel.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Басангова Т. Г., Бuryкин А. А. Новые ресурсы в фольклористике: опыт разработки и использования электронной библиотеки сказочных текстов.

Авторы дают краткую характеристику создаваемой электронной библиотеки сказок. Данная библиотека представляет собой собрание электронных текстов сказок народов мира, сгруппированных по регионам. Электронное собрание сказок позволяет вести поиск символов и предметов, определяющих мотивы и сюжеты сказок, что очень удобно для сравнительного и типологического исследования текстов различных нарративных фольклорных жанров.

Ключевые слова: исследование фольклора, фольклор, сказки, типология, сюжет и мотив, электронная библиотека.

Basangova T., Burykin A. New Resources in Folklore Studies: Experience of Creation and Using of Electronic Library of Fairy Tales Texts.

The authors give the brief characteristics of the electronic library of fairy tales. The given product represents a collection of electronic texts of fairy tales of the peoples of the world grouped on regions. The electronic collection of fairy tales allows to conduct search of characters and the subjects determining motives and plots of fairy tales that is very convenient for comparative and typological researches of various narrative genres.

Keywords: folklore research, folklore, fairy tales, typology, plot and motive, electronic library.

Убушиева Д. В. О калмыцких народных песнях, записанных В. Л. Котвичем.

В статье освещаются ранее не исследовавшиеся материалы из архива Польской академии наук, копии которых хранятся в Научном архиве КИГИ РАН. Автор анализирует калмыцкие народные песни, записанные В. Л. Котвичем предположительно в конце XIX — первой половине XX века.

Ключевые слова: архив, фонд, запись, текст, текстология, песня, калмыки.

Ubushieva D. About the Kalmyk National Songs in V. L. Kotvich's record.

In the article earlier not investigated materials from archive of the Polish Academy of Sciences which copies are stored in Scientific Archive of KIH of the Russian Academy of Sciences are shined. The author analyzes the Kalmyk folk songs which have been recorded by V. L. Kotvich in the end of 19th — first half of the 20th century.

Keywords: archive, fund, recording, text, textology, song, Kalmyks.

ПЕДАГОГИКА

Панькин А. Б. Этнокультурная коннотация содержания образования: проект и принципы его реализации.

В статье рассматриваются организационно-педагогические основы реализации программы по этносоциальной безопасности посредством этнокультурной коннотации содержания образования. Автор описывает проект «Этнокультурная коннотация содержания образования».

Ключевые слова: этнокультурная коннотация содержания образования, этносоциальная безопасность, этнопедагогика, сквозная этнокультурная тема, учебные концентры.

PEDAGOGICAL STUDIES

Pankin A. Ethnocultural Connotation of the Content of Education: Project and Principles of its Realization.

The article considers the organizational and pedagogical bases of the realization of the program on ethnosocial security through ethno-cultural connotation of educational content. The author describes the essence of the project «The ethno-cultural connotation of educational content».

Keywords: ethnocultural connotation of educational content, ethnosocial security, ethnopedagogics, cross-cutting cross-cutting theme, training concentres.

Панькин А. Б., Шургучиев Х. Э. Толерантность: проблемы определения критериев и признаков.

Статья посвящена рассмотрению проблемы определения признаков и критериев толерантности как концептуального понятия ряда гуманитарных наук и как свойства личности. Авторами проанализированы различные подходы к пониманию сущности толерантности и ее характерных черт.

Ключевые слова: толерантность, признаки толерантности, критерии толерантности.

Pankin A., Shurguchiev Kh. Tolerance: the Problems of Determining the Criteria and Characteristics.

The article is dedicated to determination of characteristics and criteria of tolerance as the conceptual notion of a number of human sciences and as a property of the person. The authors analyzed different approaches to understanding of identity of tolerance and its features.

Keywords: tolerance, characteristics of tolerance, criteria of tolerance.

Даржинова С. В. Поддержка субъектности в музейно-образовательной деятельности

В статье музейно-образовательная деятельность рассматривается с позиций субъектности, когда человек получает стимулы к размышлению или переживанию, т.е. возможность интерпретации конкретных жизненных ситуаций, актуализирующих различные проблемы. При этом, ситуации должны стать предметом обсуждения всеми участниками музейной деятельности и средством закрепления у них мотива социально-ценностной деятельности.

Ключевые слова: образование, музейная деятельность, субъектность, духовно-нравственное развитие, диалог, образ, ситуации.

Darzhinova S. Support of Subjectivity in the Museum and Educational Activities.

The article deals with museum and educational activity from the position of subjectivity, when person receives a stimulus for reflection and experience, i.e. possibility of interpretation of concrete real-life situations, actualizing various problems. In this case, situations should be point at issue by all members of the museum activity and instrument of fixation their motive of social-value activity.

Keywords: education, museum activity, subjectivity, spiritual and moral development, dialog, image, situations.

Джалсанова С. С. Формирование творческого мышления школьников на основе задачного подхода (на материале задач по генетике).

В статье обосновывается использование задачного подхода для формирования творческого мышления учащихся. Автор рассматривает многообразие функций познавательных задач и этапы мыслительной деятельности школьников в процессе их решения.

Ключевые слова: творческое мышление, задачный подход, познавательная задача.

Dzhalsanova S. Formation of Creative Thinking of Pupils on the Base of Task Approach (on the material of the tasks in genetics).

The article substantiates the use of task approach to the shaping of creative thinking of pupils. The author examines the diversity of functions of cognitive tasks and the stages of thinking activity of pupils in the process of their solution.

Keywords: creative thinking, task approach, a cognitive task.

Эльдерова М. З. Педагогическая поддержка учащихся в ходе занятий ковроткачеством.

В статье рассматривается педагогическая поддержка как технология развития художественно-творческих способностей школьников в студиях художественного ковроткачества системы дополнительного образования Республики Калмыкия.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, декоративно-прикладное творчество, ковроткачество, технология, ситуации, подходы.

Elderova M. Pedagogical Support of Pupils during Lessons in Carpet Weaving.

The article considers the pedagogical support as the technology of development of artistic and creative abilities of pupils in studio of carpet weaving art in system of additional education of the Republic of Kalmykia.

Keywords: pedagogical support, decorative and applied arts, carpet weaving, technology, situations, approaches.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Лиджеева К. В. Правовая охрана географических указаний в Российской Федерации.

Статья посвящена правовой охране географических указаний по действующему российскому законодательству.

Ключевые слова: географическое указание, интеллектуальная собственность, правовая охрана, соглашение.

JURISPRUDENCE

Lidzheeva K. Legal Protection of Geographical Indications in the Russian Federation.

The article is devoted to the legal protection of geographical indications according to the current Russian legislation.

Keywords: geographical indication, intellectual property, legal protection policy.

Рубеко Г. Л. К вопросу об изменении системы хозяйственных обществ в свете реформирования гражданского законодательства о юридических лицах.

В статье рассматриваются отдельные проблемы правового статуса хозяйственных обществ. В частности автором определена природа отдельных видов хозяйственных обществ. Анализируются отличия хозяйственных обществ от других коммерческих организаций. Автором предложены рекомендации по изменению законодательства, регулирующего деятельность хозяйственных обществ.

Ключевые слова: хозяйственные общества, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, общество с дополнительной ответственностью.

Ольдеева Д. А. Уголовно-правовые меры противодействия террористическому акту: теоретический аспект.

Статья посвящена анализу уголовно-правовых мер противодействия террористическому акту. Автор приходит к выводу, что низкие показатели связаны с нежеланием правоприменителя квалифицировать действия по статье, непосредственно предусматривающей ответственность за совершение террористического акта.

Ключевые слова: общественная безопасность, преступление, террористический акт, терроризм, уголовная ответственность, квалификация, противодействие терроризму.

ЭКОНОМИКА

Дорджиева О. Б. Устойчивое развитие сельских территорий как системная проблема

В статье выявляются основные характеристики устойчивого развития сельских территорий как системной проблемы. Учет обозначенных свойств и признаков данной сложной проблемы при выработке и реализации политики государственного регулирования процесса развития позволит не только достичь цели, но и повысить эффективность, что представляет особую актуальность в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: сельское развитие, устойчивость, проблема, характерные признаки, социально-экономическая система, сельская территория.

Казакова Г. Я. Приоритетные направления развития системы ремонтно-технического и торгово-технического агросервиса.

В статье исследовано состояние обслуживающей подсистемы агропромышленной воспроизводственной системы. Дано ее структурное изображение, выявлены причины негативных последствий реформирования АПК и определены приоритетные направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, производственное обслуживание, ремонт, техника, рынок, конкуренция, машинотракторный парк, цена, себестоимость, воспроизводство.

Rubeko G. On the question of Changing of the System of Business Entities in the Light of the Reforming of the Civil Law on Juridical Persons.

The article considers some problems of the legal status of business companies. In particular, the author defined the nature of certain types of such companies. The differences between the business companies and other commercial organizations are analyzed. The author offered recommendations for changes in the legislation regulating the activities of business companies.

Keywords: business companies, stock corporation, a limited liability company, additional liability company.

Oldeeva D. Criminal and Legal Measures of Counteraction to an Act of Terrorism: Theoretical Aspect.

The article is devoted to the analysis of the criminal law measures of counteraction to terrorist act. The author comes to the conclusion that low indicators are linked with reluctance of law enforcement authority to characterize the actions according to the article, directly providing for liability for commission of a terrorist act.

Keywords: public safety, crime, terrorist act, terrorism, criminal liability, qualification, counteraction to terrorism

ECONOMICS

Dordzhieva O. Sustainable Development of Rural Areas as a Systemic Problem

The article reveals the main characteristic features of sustainable rural development as a systemic problem. Accounting of marked properties and attributes in the elaboration and implementation of the policy of state regulation of the development process will not only achieve the goal, but also increase the efficiency that is especially important in conditions of limited resources.

Keywords: rural development, sustainability, problem, typical features, socio-economic system, rural territory.

Kazakova G. Priority Directions of the Development of the System of Repairing, Trading and Technical Agroservice.

The article explores the state of the service subsystem of agroindustrial reproductive system. Its structural image is given, the causes of the negative effects of the reforming agroindustrial complex are revealed, and priority directions of further development are defined.

Keywords: agroindustrial complex, production service, repair, technic, market, competition, machine and tractor park, price, first cost, reproduction.

Мув Б. Б., Эвиева Б. Э., Мув Б. Д. Резервы роста производства в отрасли животноводства (на примере ОАО «Сарпа» Республики Калмыкия).

В статье рассматриваются некоторые неиспользуемые резервы роста производства в отрасли животноводства, которые отмечены во многих хозяйствах Республики Калмыкия. На основании анализа и опыта работы ряда хозяйств в 1980–1990 гг. рекомендуются пути повышения продуктивности животных по комплексу показателей.

Ключевые слова: эффективность, производство, рынок, приватизация, управление, структура, животноводство, платежеспособность, арендная бригада, внутрихозяйственные цены, рентабельность, модернизация.

Muev B., Evieva B., Muev B. Reserves of Growth of Production in the Livestock Industry (on the example of OJSC «Sarpa» of the Republic of Kalmykia).

The article considers some of the unused reserves of growth of production in the livestock industry, which are noted in many farms of the Republic of Kalmykia. Based on the analysis and experience of a number of farms in the 1980s and 1990s the authors recommend the ways of improving the productivity of animals on a range of indicators.

Keywords: efficiency, production, market, privatization, management, structure, animal husbandry, solvency, rent brigade, internal rates, profitability, modernization.

СОЦИОЛОГИЯ

Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации в России.

В статье рассматриваются проблемы модернизации России в региональном и социокультурном аспектах. Анализируется проблематика совмещения модернизационных задач с этнокультурными традициями населения.

Ключевые слова: модернизация, региональный аспект, социокультурная политика, сельское хозяйство.

Namrueva L. Socio-Cultural Dimension of Modernization in Russia.

The article considers the problems of the modernization of Russia in the regional and socio-cultural aspects. The problems of combining of the modernization tasks with ethno-cultural traditions of the population are analysed.

Keywords: modernization, the regional aspect, the socio-cultural policy, agriculture.

Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Демографический и трудовой потенциалы населения Республики Калмыкия.

В статье рассматриваются демографический и трудовой ресурсы республики как важные составляющие социально-экономического потенциала региона. Основные компоненты демографического и трудового потенциалов (рождаемость, смертность, миграция, возрастная структура населения республики и др.) анализируются на региональном уровне.

Ключевые слова: демографический потенциал, трудовой потенциал, возрастная структура, экономически активное население, миграция, численность населения.

Badmaeva N., Idzhaeva B. Demographic and Employment Potentials of the Population of the Republic of Kalmykia.

The article examines the demographic and employment resources of the republic as important components of the region's socio-economic potential. The basic components of demographic and employment potentials (birth and death rate, migration, age structure of the population of republic, etc.) are analyzed at regional level.

Keywords: demographic potential, employment potential, age structure, economically active population, migration, population size.

ФИЛОСОФИЯ

Усалко О. В. О дихотомических свойствах разума (из истории европейской философской мысли).

В статье анализируется отношение веры и разума, дихотомические свойства разума. Автор делает вывод о том, что дихотомии в некоторой степени являются нормами, и изучение этих норм неотъемлемо от сбалансированного понимания мира людей и управления человеческой жизнью.

Ключевые слова: дихотомия, вера, разум, церковь, государство.

Usalko O. About Dichotomic Properties of Reason (from the history of European philosophical thinking).

The article analyzes the relationship between faith and reason, dichotomic properties of the reason. The author concludes that dichotomies to some extent are norms, and the study of these norms is indispensable from balanced understanding of the world of people and management of human life.

Keywords: dichotomy, faith, reason, church, state.

Уланов М. С. Буддийский фактор в транскультурном пространстве Юга России.

В статье рассматривается феномен буддизма в транскультурном пространстве Юга России. Автор отмечает, что процесс возрождения буддизма в транскультурном пространстве Юга России носит в основном конструктивный характер, а сам буддизм обладает значительным потенциалом толерантности.

Ключевые слова: буддизм, транскультурное пространство, Юг России, транскulturация, толерантность.

Ulanov M. The Buddhist Factor in Transcultural Space of the South Russia.

In the article the phenomenon of Buddhism in transcultural space of the South Russia is considered. The author notes that the revival of Buddhism in South Russia's transcultural space is mainly of a constructive nature, and the Buddhism possesses considerable potential of tolerance.

Keywords: Buddhism, transcultural space, South Russia, transculturation, tolerance.

Тюмидова М. Е. Ментальность калмыцкого этноса как объект социально-философского исследования.

Статья посвящена вопросам ментальности калмыцкого этноса. Автор отмечает, что изучение феномена ментальности способствует глубокому рассмотрению культурной и исторической идентичности калмыцкого этноса.

Ключевые слова: калмыцкий этнос, ментальность, буддизм, религиозная культура, культурная идентичность.

Tyumidova M. The Mentality of Kalmyk Ethnos as the Object of Social and Philosophical Research.

The article deals with the problem of mentality of the Kalmyk ethnos. The author notices that the studying of the phenomenon of mentality promotes in deep consideration of the cultural and historical identity of the Kalmyk ethnos.

Keywords: Kalmyk ethnos, mentality, Buddhism, religious culture, cultural identity.

Бадмаев В. Н., Сангаджиева Н. Н. Межконфессиональный диалог: культурное измерение.

Статья посвящена проблеме межконфессионального диалога, его культурного измерения. Автор отмечает, что понимание «культурной погруженности и контекстуальности» религии выводит диалог религий на новый философский уровень.

Ключевые слова: межконфессиональный диалог, религиозная культура, культурная идентичность, транскulturация, глобализация.

Badmaev V., Sanganzhieva N. Interconfessional Dialogue: a Cultural Dimension.

The article is devoted to interconfessional dialogue, its cultural dimension. The author notes that an understanding of the «cultural immersion and contextuality» of religion displays the dialog between religions on a new philosophical level.

Keywords: interconfessional dialogue, religious culture, cultural identity, transculturation, globalization.

ЭКОЛОГИЯ

Кадаева А. Г. К вопросу о качестве оросительных вод в Калмыкии

Статья посвящена проблеме качества обводнительно-оросительных каналов по химическим, гидрологическим показателям.

Ключевые слова: экосистема, мониторинг, гидрология, обводнительно-оросительная система, аридная зона.

Kadayeva A. Towards the Question of a Quality of Irrigation Water in Kalmykia.

The article is devoted to the problem of quality of watering and irrigation channels by chemical and hydrological indicators.

Keywords: ecological system, monitoring, hydrology, watering and irrigation system, arid zone.

Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А. Основные этапы комплексных экспедиций по исследованию Калмыцкой степи.

Статья посвящена анализу целей и задач комплексных экспедиций по исследованию Калмыцкой степи за период с 1860 по 1985 гг. Материалы экспедиций являются основой географической информационной системы – базой для эффективного изучения и использования природных ресурсов.

Ключевые слова: калмыцкая степь, экспедиционные исследования, природные ресурсы, тематические карты.

Tashninova L., Buvaev D. Main Stages of Complex Expeditions of the Researches of Kalmyk Steppe.

The article is devoted to the analysis of the purposes and objectives of complex expeditions on research of Kalmyk steppe for the period from 1860 to 1985. The materials of expeditions are a basis of geographical information system and a base for effective study and use of natural resources.

Keywords: Kalmyk steppe, expedition researches, natural resources, thematic maps.

Габунщина Э. Б. «Биосоциальная плата» населения Калмыкии за адаптацию к экстремальным условиям опустынивания.

В статье приведены результаты аналитической работы по состоянию здоровья населения, проживающего в условиях опустынивания территорий Прикаспийского региона. Показана картина заболеваемости населения Калмыкии в сравнении со средними показателями в целом по России и «биосоциальной плате» населения за адаптацию к экстремальным условиям.

Ключевые слова: Прикаспий, опустынивание, адаптация, экстремальные условия, заболеваемость населения.

Gabunschina E. «Biosocial Fee» of the Kalmyk Population for Adaptation to the Extreme Conditions of Desertification.

The article contains the results of analytical work on health status of the population living in the conditions of desertification of the territories of the Caspian sea region. A pattern of disease of the population of Kalmykia is shown in comparison with the average values in Russia as a whole and «a biosocial fee» of the population for adaptation to extreme conditions.

Keywords: Caspian sea region, desertification, adaptation, extreme conditions, morbidity population.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Айыжы Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии исторического факультета Тувинского государственного университета (Кызыл). E-mail: aiygy@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: badmav07@yandex.ru

Бадмаева Ноган Вячеславовна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Балтырева Инна Александровна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: innabaltyreva@yandex.ru

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: basangova49@yandex.ru

Буваев Дмитрий Алексеевич — научный сотрудник отдела аридной экологии Института аридных зон Южного научного центра РАН (Элиста). E-mail: buvaev_ecolog@mail.ru

Бурькин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: albury@rambler.ru

Бурчинова Людмила Симбильевна — кандидат исторических наук (Элиста). E-mail: ulan3manj@mail.ru

Вяткина Елена Александровна — старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: lit@kalmsu.ru

Габунщина Эмма Борисовна — доктор сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Elena Aiygy — Ph.D. of History, Associate Professor of the General History and Archaeology Chair of the Department of History of Tuva State University (Kyzyl). E-mail: aiygy@mail.ru

Valeriy Badmaev — Ph.D. of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Cultural Studies of Kalmyk State University (Elista). E-mail: badmav07@yandex.ru

Nogan Badmaeva — junior research worker of the Department of Socio-political and Ecological Researches of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Inna Baltyreva — post-graduate student of the Russian Language and General Linguistics Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: innabaltyreva@yandex.ru

Tamara Basangova — Ph.D. of Philology, leading research worker of the Folklore and Dzhangar Studies Department of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: basangova49@yandex.ru

Dmitry Buvaev — research worker of the Arid Ecology Department of Institute of Arid Zones of Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: buvaev_ecolog@mail.ru

Aleksey Burykin — Ph.D. of Philology, Ph.D. of History, leading research worker of Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). E-mail: albury@rambler.ru

Lyudmila Burchinova — Ph.D. of History (Elista). E-mail: ulan3manj@mail.ru

ElenaVyatkina — Senior Lecturer of the Russian and Foreign Literature Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: lit@kalmsu.ru

Emma Gabunchina — Ph.D. of Agricultural Sciences, leading research worker of the Department of Socio-political and Ecological Researches of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Гиляшаева Мария Нимятовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета. (Элиста). E-mail: ulan3manj@mail.ru

Даржинова Светлана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: museum@kalmsu.ru

Джагаева Ольга Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: history@kalmsu.ru

Джалсанова Серафима Сергеевна — учитель биологии МБОУ «Элистинский лицей» (Элиста). E-mail: seraphima11@mail.ru

Дорджиев Михаил Эрэндженович — кандидат экономических наук, доцент Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ksukafedra@mail.ru

Дорджиева Ольга Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой учета, анализа и налогообложения Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: o_dordjieva.gov@mail.ru

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: esenova_ts@mail.ru

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: kawi@yandex.ru

Иджаева Баира Владимировна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Казакова Герензел Яшкуловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: gerenzell@mail.ru

Кольцов Петр Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: koltsov_pm@kalmsu.ru

Maria Gilyashaeva — Ph.D. of History, Associate Professor of the Chair of History of Russia of Kalmyk State University. (Elista). E-mail: ulan3manj@mail.ru

Svetlana Darzhinova — Ph.D. of Pedagogics, Associate Professor of the Chair of Psychology of Kalmyk State University (Elista). E-mail: museum@kalmsu.ru

Olga Dzhagaeva — Ph.D. of History, Professor of the General History Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: history@kalmsu.ru

Serafima Dzhalsanova — teacher of Biology of "Elistinsky lyceum" (Elista). E-mail: seraphima11@mail.ru

Mikhail Dordjiev — Ph.D. of Economics, Associate Professor of Kalmyk State University (Elista). E-mail: ksukafedra@mail.ru

Olga Dordjieva — Ph.D. of Economics, Associate Professor, Head of Account, Analysis and Taxation Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: o_dordjieva.gov@mail.ru

Tamara Esenova — Ph.D. of Philology, Professor, Head of the Russian Language and General Linguistics Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: esenova_ts@mail.ru

Alexander Zorin — Ph.D. of Philology, research worker of Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science (St. Peresburg). E-mail: kawi@yandex.ru

Baira Idzhaeva — junior research worker of the Department of Socio-political and Ecological Researches of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Gerenzel Kazakova — Ph.D. of Economics, Associate Professor of the Chair of Economics and Management of Business of Kalmyk State University (Elista). E-mail: gerenzell@mail.ru

Peter Koltsov — Ph.D. of History, Professor, Head of the General History Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: koltsov_pm@kalmsu.ru

Кольцова Кермен Петровна — магистрант кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: carmenring@mail.ru

Конгу Аржаана Алексеевна — аспирант кафедры этнологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва). E-mail: konguarzhaana@mail.ru

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Лиджеева Клара Федоровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: lkf1957@mail.ru

Лиджеева Кермен Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: lidzheeva_kv@mail.ru

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, заведующий отделом истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Муев Басанг Борисович — кандидат экономических наук, заместитель министра экономики Республики Калмыкия (Элиста). E-mail: basang@yandex.ru

Муев Борис Доляевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: muevbd@mail.ru

Мутаева Заяна Давыдовна — ассистент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: mutaeva_zd@mail.ru

Мушаев Владимир Наранович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Kermen Koltsova — Master of the Chair of History of Russia of Kalmyk State University (Elista). E-mail: carmenring@mail.ru

Arzhaana Kongu — post-graduate student of the Chair of Ethnology of Moscow State University (Moscow). E-mail: konguarzhaana@mail.ru

Viktoria Kukanova — Ph.D. of Philology, research worker of Linguistics Department of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Clara Lidzheeva — Candidate of History, Associate Professor of the Chair of History of Russia of Kalmyk State University (Elista). E-mail: lkf1957@mail.ru

Kermen Lidzheeva — Ph.D. of Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of Kalmyk State University (Elista). E-mail: lidzheeva_kv@mail.ru

Konstantin Maksimov — Ph.D. of History, Head of the Department of History, Archeology and Ethnology of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Basang Muev — Ph.D. of Economics, Deputy Minister of Economy of Republic of Kalmykia (Elista). E-mail: basang@yandex.ru

Boris Muev — Ph.D. of Economics, Associate Professor of the Chair of Economics and Management of Business of Kalmyk State University (Elista). E-mail: muevbd@mail.ru

Zayana Mutaeva — assistant of the Chair of the Kalmyk Language and Mongolistics of Kalmyk State University (Elista). E-mail: mutaeva_zd@mail.ru

Vladimir Mushaev — Ph.D. of Philology, Professor, Head of the Chair of the Kalmyk Language and Mongolistics of Kalmyk State University (Elista). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Ольдеева Деля Антоновна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса факультета управления и права Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: odelya@yandex.ru

Панькин Аркадий Борисович — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: connotation@mail.ru

Рубеко Георгий Леонидович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: civil.pravo@mail.ru

Салынова Ольга Васильевна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: salynova.olga@mail.ru

Сангаджиева Наталья Николаевна — соискатель кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: philosoph@kalmsu.ru

Ташнинова Людмила Николаевна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела аридной экологии Института аридных зон Южного научного центра РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Тюмидова Марина Егоровна — соискатель кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: philosoph@kalmsu.ru

Убушаев Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ubushaev@mail.ru

Убушиева Данара Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: bib.danara@yandex.ru

Ludmila Namrueva — Ph.D. of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Socio-political and Ecological Researches of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Delya Oldeeva — Ph.D. of Jurisprudence, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of Kalmyk State University (Elista). E-mail: odelya@yandex.ru

Arcady Pankin — Ph.D. of Pedagogics, Professor, Head of the Chair of Pedagogics of Kalmyk State University (Elista). E-mail: connotation@mail.ru

Georgiy Rubeko — Ph.D. of Jurisprudence, Associate Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Kalmyk State University (Elista). E-mail: civil.pravo@mail.ru

Olga Salynova — post-graduate student of the Russian Language and General Linguistics Chair of Kalmyk State University (Elista). E-mail: salynova.olga@mail.ru

Nataliya Sangadjieva — Competitor of the Chair of Philosophy and Cultural Science of Kalmyk State University (Elista). E-mail: philosoph@kalmsu.ru

Liudmila Tashninova — Ph.D. of Biology, leading research worker of the Arid Ecology Department of Institute of Arid Zones of Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Marina Tyumidova — Competitor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies of Kalmyk State University (Elista). E-mail: philosoph@kalmsu.ru

Evgeniy Ubushaev — Ph.D. of History, Associate Professor of the Chair of History of Russia of Kalmyk State University (Elista). E-mail: ubushaev@mail.ru

Danara Ubushieva — Ph.D. of Philology, research worker of the Folklore and Dzhangar Studies Department of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: bib.danara@yandex.ru

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ulanov1974@mail.ru

Mergen Ulanov — Ph.D. of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies of Kalmyk State University (Elista). E-mail: ulanov1974@mail.ru

Усалко Олег Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: philosoph@kalmsu.ru

Oleg Usalko — Ph.D. of Political Studies, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies of Kalmyk State University (Elista). E-mail: philosoph@kalmsu.ru (Elista).

Шургучиев Хонгор Эрднеевич — преподаватель Филиала Голицынского пограничного института ФСБ России (Ставрополь). E-mail: fgp25@mail.ru

Hongor Shurguchiev — lecturer of the Branch of Golitsyn's Pgranichny Institute of FSS of Russia (Stavropol). E-mail: fgp25@mail.ru

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rhaninova@mail.ru

Rimma Khaninova — Ph.D. of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Russian and Foreign Literature of Kalmyk State University (Elista). E-mail: rhaninova@mail.ru

Харчевникова Роза Пюрвеновна — доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: uni@kalmsu.ru

Roza Kharchevnikova — Ph.D. of Philology, Professor of the Chair of the Kalmyk Language and Mongolistics of Kalmyk State University (Elista). E-mail: uni@kalmsu.ru

Эвиева Бургуста Эрендженевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: evievaburgsta@yandex.ru

Burgusta Evieva — Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor of the of the Chair of Economics and Management of Business of Kalmyk State University (Elista). E-mail: evievaburgsta@yandex.ru

Эльдерова Мария Загировна — кандидат педагогических наук, ведущий специалист Управления профориентации, нового набора и молодежной политики ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет». E-mail: mariael@mail.ru

Maria Elderova — Ph.D. of Pedagogics, the Leading Expert of Management of the vocational guidance, new set and the youth policy of Kalmyk State University. E-mail: mariael@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 1, 2013

Сдано в набор 30.04.2013. Подписано в печать 08.05.2013. Формат бумаги 60х84¹/₈.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,46. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).